

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

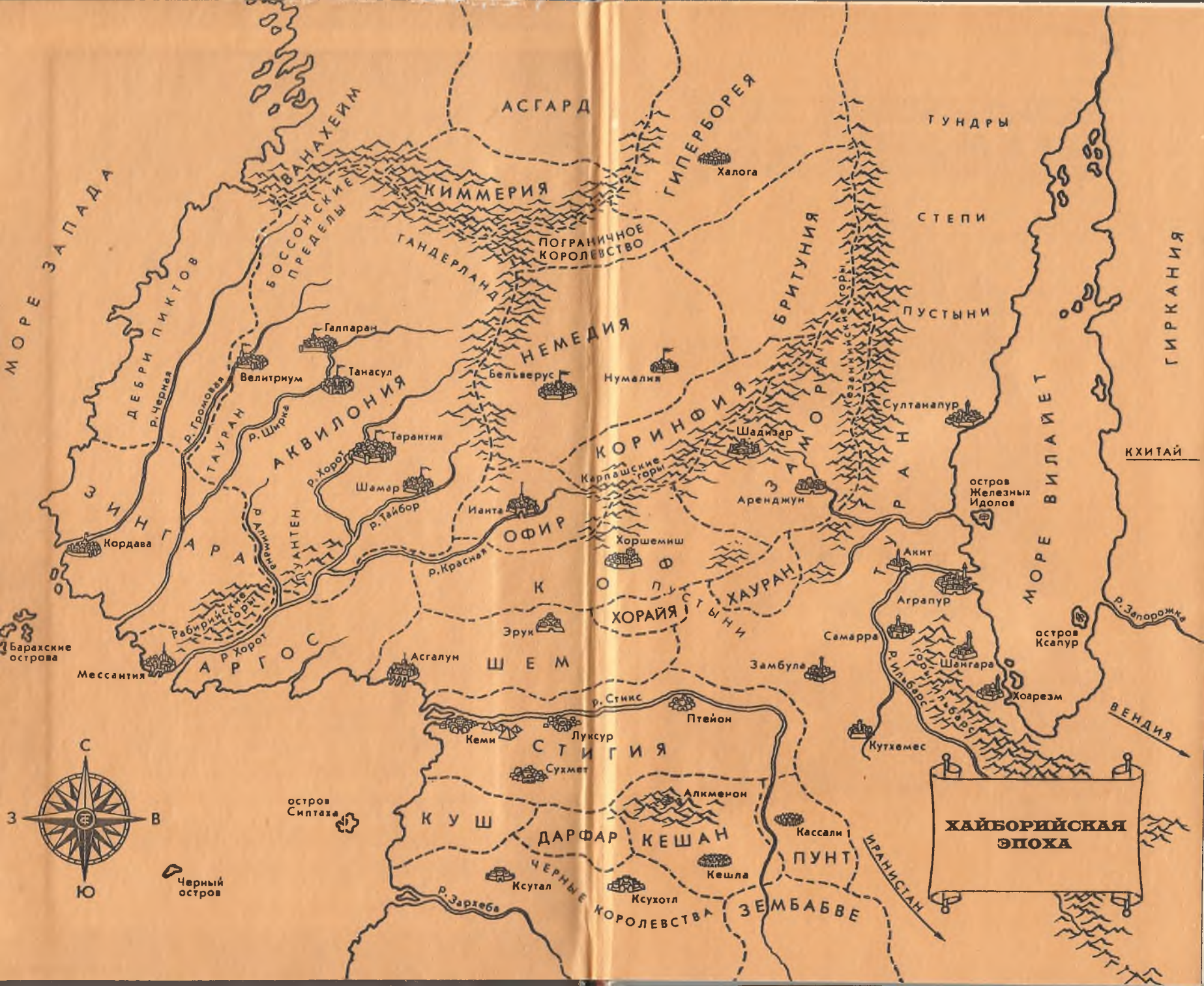
КОНАН

ПУТЬ ВОИНА

Леонард
Карпентер

БУДЬ ГОТОВ К
ПРИКЛЮЧЕНИЯМ!

**ТЫ РОЖДЕН
ДЛЯ ПОБЕДЫ!**

КОНАН

САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ

КОНАН

ПУТЬ
ВОИНА

Леонард Карпентер

Санкт-Петербург
Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
1996

ББК 84.7 США
К26

Leonard Carpenter
«Conan the warlord» © 1988
«Conan the Great» © 1989

На запретном берегу

РОМАН

Карпентер Л.

К26 Путь воина: Романы / Пер. с англ. А. Коломейцева, В. Правосудова. — СПб.: Азбука — Терра, 1996. — 432 с.
ISBN 5-7684-0189-X

В состав тома вошли два новых романа Леонарда Карпентера «На запретном берегу» и «Путь воина». Они повествуют о новых приключениях отважного киммерийца.

ISBN 5-7684-0189-X

© «Азбука» — «Терра», 1996

ПРОЛОГ

Принцессу мучили кошмары.

Она металась и стонала, не в силах вырваться из когтей ночного морока. В комнате было жарко натоплено, но девочку бил озноб. Холодный пот стекал по бледному лбу. Сон был безумен и сумбурен: принцессе грезилось, будто ее уносит бурный речной поток. Но вместо воды речное русло наполняли пепел и горячая зола. Крохотные угольки жгли кожу, словно туча маленьких разъяренных пчел.

Но страшнее удушливого, горячего потока были его обитатели. Вокруг металась тела чудовищ: девочка видела то огромные плавники, то чешуйчатые когтистые лапы, то плоские морды с круглыми рыбьими глазами. Из черной реки выныривали и скалились тысячеzubые пасти, слепо таращились выпученные глаза размером с большую серебряную монету.

Влажные простыни облепили тело, девочка еле шевелилась в этом шелковом коконе, тщетно пытаясь высвободиться; тихие стоны звучали хрипло, словно зола и песок наяву забивали принцессе гортань.

Но как ни тихи были эти звуки, они все же разбудили старшую няньку, и она, как была, в ночной рубашке, побежала в спальню принцессы, где лунный свет превращал в зловещую паутину тени от кружевных занавесок.

Старуха испуганно затрясла девочку за плечо:

— Госпожа Исмаэла! Проснись, проснись же! Что с тобой, дитя мое?

Но Исмаэла слышала только шум реки, чье стремительное течение уносило ее к раскаленным, пышущим жаром горам. Лава огненными ручьями текла по склонам вулканов, камни горели и плавились, нестерпимый жар обжигал ей кожу. Между вулканами, в глубоких расселинах, искрились огромные глыбы льда. Река несла принцессу все дальше и дальше, бедняжку бросало то в жар, то в холод.

— Исмаэла, что за хворь напала на тебя? Очнись, скажи мне хоть слово!

Нянька засветила маленькую лампу, разбудила одну из служанок и послала за королевой. Вскоре в спальню принцессы вбежала взволнованная мать, медноволосая королева Руфия. Из-под спешно наброшенного парчового халата выглядывали ночные одежды. Присев на край кровати, она склонилась над дочкой, сжав ее виски в дрожащих ладонях. Но Черная река не отпустила принцессу.

— Она была совершенно здорова этим вечером, — прочитала нянька. — Такая веселая! И вот — опять этот кошмар! Бедное дитя, я слышала ее стоны за двумя дверьми!

— Она вся в поту, — прошептала королева. — Это лихорадка. Беги, разбуди моего лекаря. Каспиус скажет нам, что делать.

А река уносила принцессу все дальше и дальше в зловонную долину с чахлыми гниющими деревьями. Над долиной высился каменный уступ. На его вершине маячила древняя гробница, полуразрушенный алтарь стоял меж высоких каменных столбов с изображениями змей и скалящихся черепов.

Перед алтарем, простирая руки к принцессе, возник ужасный призрак: ведьма со змеиной чешуйчатой кожей и развевающимися на ветру спутанными волосами цвета воронова крыла. Платье из черной блестящей кожи обтягивало фигуру ведьмы от горла до пят. Растопыренные пальцы источали бледный свет сквозь черное кружево перчаток. Как ни сопротивлялась Исмаэла, она не могла отвести взгляда от этого обольстительно-кошмарного лица. Темная, как сама тьма, ведьма стояла возле огня, горящего на алтаре, и приветствовала девочку улыбкой, от которой кровь стыла в жилах. Она протягивала к ней гибкие руки, кивала и смеялась — и смех этот резал слух, как визг пилы или свист плети.

Каспиус, королевский медик и прорицатель, считался полноправным членом семьи Афратеса, короля Баадур, города-государства на окраине Шема. Поднятый с постели среди ночи, он не стал тратить время на расспросы испуганной няньки, а надел первое, что подвернулось под руку, и поспешил в покои принцессы. Осмотрев девочку, он велел призвать слуг и долго допрашивал их: не тревожилась ли

Исмаэла последние дни, хорошо ли спала, с аппетитом ли ела. Затем он послал в свой кабинет за всем необходимым и, сверяясь с последними записями, начерно набросал гороскоп принцессы.

К удивлению королевы, Каспиус не назначил никакого лекарства и не взялся изгонять вселившегося демона. Велел лишь обложить девочку холодными компрессами, постоянно менять их и по возможности запоминать каждое слово, слетающее с губ принцессы. Потом удалился в свой кабинет и принялся рыться в древних книгах.

К утру принцессе стало заметно легче. Она перестала метаться, дыхание выровнялось. С первыми лучами солнца, проникшими в маленькую спальню, она очнулась и открыла глаза. Узнав об этом, Каспиус оставил книги и поспешил к ее постели.

— Ну, дитя, тебе лучше? — ласково обратился к принцессе лекарь, дотрагиваясь до бледного лба в обрамлении золотистых кудряшек. — Кажется, этой ночью тебе пришился страшный сон?

— Да, ужасный, — пробормотала Исмаэла. — Меня уносил поток... Темная, горячая вода... а может быть, и не вода. Я плыла так долго... мимо гор и деревьев... и снова гор... как будто река кружила на одном месте... Какая-то ведьма хотела схватить меня.

— Ты говоришь... ведьма? Как она выглядела?

— Это была стигийка — бледная, черноволосая, такая прекрасная и... злая. Позади нее горел огонь на каком-то странном алтаре. У ведьмы было кожаное платье и черная паутина на руках. А волосы развевались на ветру, такие спутанные и густые!..

— Ну-ну, девочка, успокойся, это всего лишь сон, — поспешно сказал Каспиус, видя, что принцесса смотрит в пустоту расширившимися от ужаса глазами.

Он проследил за ее взглядом: девочка смотрела на песочные часы на маленьком столике перед кроватью. Черные песчинки насыпали маленькую пирамидку, тоненькая струйка сверкала крошечной живой змейкой. Лекарь переменял позу, чтобы заслонить собою часы, и незаметно сделал знак убрать их из спальни.

— Ты в безопасности, дитя мое, — сказал Каспиус ласково.

— А за алтарем и огнем, — не слушая его, продолжала Исмаэла, — была гробница, и в ней... сидело НЕЧТО...

оно смотрело на меня! Вот я закрываю глаза и вижу это, словно наяву.

— Гробница? — пробормотал Каспиус, нахмурившись. Затем улынулся девочке и взъерошил ее влажные волосы. — Ну-ка, выпей вот это, Исмаэла. Пей, не морщись, будь умницей.

— Хорошо, — сказала принцесса, послушно выпивая микстуру. — Но этот сон... — Она подняла на лекаря большие глаза. — Каспиус, он вернется?

— Сейчас ты будешь спать без снов, — заверил ее лекарь. — Ничего не бойся. А к вечеру я составлю тебе лекарьство, ты выпьешь его, поправишься, и тебе будут сниться только хорошие сны. — Он нагнулся и поцеловал Исмаэлу в горячий лоб, улыбаясь мудро и уверенно, — но королева видела, что в глазах его этой уверенности нет.

Поднявшись, он вывел королеву, так и не сомкнувшую глаз всю ночь, в соседнюю комнату.

— Полагаю, госпожа, следует созвать небольшой совет, — негромко проговорил лекарь. — Если будет угодно вашему величеству, я буду ждать вас и короля через час в дворцовой библиотеке.

Глава 1

ВОССТАНИЕ

Осада замка барона Рэгли началась на рассвете.

С первыми лучами солнца над цепью холмов, окружавших утес, на котором высился замок, появились жители окрестных сел, восставшие против жестокого хозяина. Собрались все от мала до велика: мужчины в домотканых рубахах под заношенными кожаными куртками, дородные женщины, управлявшиеся с вилами и мотыгами не хуже мужей, широкоплечие деревенские парни и румяные девушки с тугими косами до пояса. Вооруженные частично луками, а частично — вилами, топорами и мотыгами, селяне шли на замок, выставив перед собой деревянные щиты, обтянутые бычьими шкурами, волоча лестницы и наскоро сделанные осадные машины.

Над замком зазвучали рога, туча стрел посыпалась из бойниц на нападающих. Первая волна откатилась назад и

встала в отдалении, закрывшись щитами. Тем временем подтянулись остальные, и восставшие выстроились на гребне холмов со сноровкой, неожиданной для нерасторопной деревенщины. Снова взревели рога, за ними последовали новые выстрелы, но повстанцы уже оказались вне досягаемости.

Затем прозвучали слова команды, строй повстанцев распался на отдельные отряды, рассыпавшиеся по холмам. Вскоре замок был окружен. И тогда зазвенел клич:

— Вперед, свободные жители Кофа! Во имя жизни и мести — вперед! Выбейте лучников с башен!

Одним из отрядов командовал черноволосый синеглазый гигант. Его загорелая, но более бледная, чем у остальных, кожа выдавала в нем северянина. На голову выше самого высокого из повстанцев, он к тому же единственный из всех был по-настоящему вооружен. Спутанная копна длинных черных волос выбивалась из-под острокопечного шлема, обвязанного чалмой на туранский манер. Поверх кожаной безрукавки была надета кольчуга из стальных пластин, оставляя обнаженными руки с чудовищными буграми мышц, сплошь покрытые шрамами — следами бесчисленных сражений. На левом бедре у великана висел меч, на правом — кинжал и секира; кожаный мешочек с кхитайскими шурикенами* довершал вооружение.

Но пока что оружие праздно висело на поясе, а в руках северянин сжимал огромный боссонский лук размером со среднего мужчину. Рядом, на ветке чахлого деревца, приютившегося на скале, висел колчан, полный чернооперенных стрел. Гигант доставал стрелы одну за другой и посылал в сторону защитников замка. Лицо его было совершенно спокойно, движения — размеренны и четки, сразу видно — это опытный и бывалый воин. Ни одна из стрел не миновала своей цели.

Тем временем отряд, раззадоренный свирепыми криками северянина, под прикрытием лучников ринулся к стенам замка, где стрелы, дождем сыплющиеся с башен, уже не могли причинить вреда.

— Похоже, они на верном пути, — услышал стрелок рядом с собой чей-то голос. — Славных ты набрал парней!

* Шурикены — метательные «звездочки» восточных воинов.

Я уже не говорю о прекрасных дамах. Сдается мне, это наш день. Но что ж мы стоим, Конан? Я полагал, мы возглавим атаку?

— Здесь от нас будет больше толку, — ответил стрелок, в очередной раз спуская тетиву. Взвизгнула стрела, вспарывая воздух, и с башни упал еще один лучник: древко с черным оперением торчало у воина из горла. От следующего выстрела вскрикнул и упал за бойницей еще один защитник замка. — С холма у меня все башни как на ладони. Присоединяйся, Тедран, славно повеселимся.

Чуть ниже по холму стояли деревенские лучники, подерживая штурмующих непрерывным дождем стрел, но их стрельба была беспорядочна и по большей части не представляла серьезной опасности для противника, тогда как сами стрелки почти все получили ранения — луки и арбалеты защитников замка били гораздо дальше. На глазах повстанцев гибли их братья, жены, дети, родные; слезы застили лучникам глаза, и стрелы предательски дрожали в неверных руках.

— Они уже ставят лестницы! Великолепно! Похоже, мы не уйдем сегодня с пустыми руками, — заметил Конан, выпуская еще одну стрелу. Она вонзилась в грудь всадника, в этот миг въехавшего на башню. Судя по обилию золота на доспехах и оружию, это был начальник гарнизона крепости. С хрипом он выронил из рук боевой топор, которым намеревался снести голову одному из осаждающих, с ловкостью ящерицы карабкавшемуся по лестнице.

Короткая арбалетная стрела ткнулась в камень у ног северянина, выбив сноп искр. Конан тут же развернулся и выстрелил в одну из нижних бойниц. Короткий крик боли известил, что с этой стороны никто больше не потревожит.

В глазах Тедрана вспыхнул огонь азарта.

— Смóтри, киммериец, они уже взбираются на башни — вон там и там! Нам бы следовало быть сейчас среди них, а не на этом холме! — кричал он, стискивая морщинистой рукой рукоять своего старого меча. Его седые вьющиеся волосы развевались по ветру, глаза горели яростным, молодым огнем.

— Побереги силы, Тедран. Твоя жизнь дороже, чем твоя смерть: этим парням еще понадобятся убежденные сединами мудрые старцы, чтобы править вместо сверженного барона... Разрази Кром этих ублюдков! — воскликнул он

вдруг, вглядываясь в сумятицу битвы. — Дети ослов, разве они не видят, что лестница слишком коротка!

Из полудюжины лестниц, приставленных к стене, одна, совсем рядом с опорной башней замка, второях была поставлена под слишком малым углом или, быть может, просто соскользнула по гладкой, без щербин, каменной кладке. Между ее верхней ступенью и нижним краем зубчатой стены оставалось еще не меньше человеческого роста, но восставшие, ослепленные пылом сражения, лезли на нее один за другим, силясь добраться до башни — и оказались превосходными мишенями для стрел, камней и потоков смолы, летящих в них со стен. Снизу напирали новые ряды, перегруженная лестница зашаталась и оползла еще ниже, добавив неразберихи. Этим воспользовались лучники на стенах, удвоив усилия, и беспомощные повстанцы падали у башни один за другим.

— Гей, вперед, вы, собаки! Вперед, во имя Маннана! Лезьте вверх и сбросьте лучников с башни, пока они не перестреляли этих недоумков! — взревел Конан, ни на миг не прекращая стрельбы.

Один из подстреленных им воинов выпустил из рук высоко занесенный камень, и тот разможил голову его товарищу, перегнувшемуся через стену. Киммериец рассмеялся коротким злым смехом.

Тем временем осаждающие, вняв призыву своего командира, принялись карабкаться по другим лестницам. Самый быстрый из парней, зажав в зубах длинный нож, поставил ногу на парапет, идущий вдоль стены под зубцами. К нему тут же ринулся один из воинов замка, в кольчуге и шлеме, с тяжелым мечом в руках. Конан выстрелил, и воин упал с пронзенным горлом, но прежде его меч успел опуститься на ничем не защищенную голову селянина, и тот рухнул на товарищевой, взбравшихся по лестнице вслед за ним.

— Клянусь Владыкой Курганов! — прошипел киммериец сквозь стиснутые зубы. — Способны они хоть на что-нибудь? Пока эти деревенские увальни копаются под стенами, мы потеряем не меньше сотни у проклятой башни! Они ждут, что прихвостни барона сами перестреляют друг друга?

Нестойкое преимущество, которое давала повстанцам внезапность нападения, было утеряно. Выстроившиеся вдоль стен воины в кольчугах и латах пиками стаскивали штурмующих со стен, а те немногие, что успевали

вскарабкаться, могли противопоставить хорошо обученным и вооруженным воинам только ярость отчаявшегося, загнанного зверя. Видя, как бесцельно гибнут его люди, Конан с рычанием отшвырнул лук и ринулся к стенам.

— Ну, Тедран, — крикнул он через плечо старику, — теперь, если тебе и впрямь не терпится подраться, не отставай от меня!

В несколько прыжков киммериец миновал поле битвы, едва не оскальзываясь в лужах крови, не обращая внимания на стоны еще живых и жуткие оскалы мертвых. Тедран, которому прожитые годы не оставили юношеской прыти, пыхтя, трусил вслед за северянином. Несколько стрел просвистели мимо, не причинив великану вреда, хотя одна вонзилась в землю в дюйме от ноги Конана. Из низины под стенами слышался лязг металла, проклятия и стоны. Битва превращалась в бойню, и громада замка, гордо вздымающая неприступные стены, словно усмехалась темной пастью на фоне светлого неба и голубых гор, всеми бойницами и башнями обещаая дерзким безумцам мучительную, бесславную смерть.

— А ну, осади назад! — ревел Конан, пробираясь к стенам. — Смотрите и учитесь хоть теперь, дети мулов!

Грубо растолкав селян, бестолково топчущихся на месте под прикрытием больших щитов, Конан перебрался через гору трупов, истыканных стрелами и забитых огромными валунами, и наконец пробился к большой сдвоенной лестнице. На ступенях гроздьями висели осаждающие, не в силах ни подняться вверх из-за ощерившихся над стеной пик, ни спуститься — из-за своих же товарищей, напирающих снизу.

— Вниз, приятель! — рявкнул Конан, ухватив кого-то за лодыжку. Тот в изумлении уставился на своего командира. — Прыгай, я сказал! Вот так. А теперь иди сюда и помоги мне сдвинуть лестницу. Какой осел установил ее на пять шагов от стены!

Видя, что гигант-киммериец подставил спину и собирается двигать и без того громоздкое и неуклюжее сооружение, наиболее сообразительные тоже спрыгнули, но на верхних ступенях еще оставались пять или шесть дюжих парней. Двое или трое ринулись на подмогу, но Конан, напрягая свои огромные мускулы так, что, казалось, кожа у него на руках вот-вот лопнет, рванул лестницу вверх и на себя, едва не сбросив вцепившихся в верхние ступени. Они тотчас

же оказались над стеной, вне досягаемости пик, и с радостным ревом посыпались на головы защитникам замка.

— Поджечь верхние перекладины! — крикнул Конан, распрямляясь. — Живее, живее!

Пробившиеся с таким трудом наверх повстанцы не поверили своим ушам: им приказывали сжечь путь к отступлению. Но один из них, наиболее смелый, живо заработал огнем, и свежесрубленное смолистое дерево быстро занялось. Это отпугнуло от лестницы воинов с пиками, которые решили, что деревенские дурни совсем лишились рассудка. Побросав пики, бойцы схватились за мечи и ринулись на врага. И тогда снизу прогремела новая команда:

— Теперь наверх, собаки! Вверх, на стены, все до единого, пока огонь не перекинулся ниже!

Не дожидаясь, пока селяне опомнятся, Конан первым полез по ступеням. Наверху уже кипела ожесточенная битва. Рядом с киммерийцем, карабкаясь вверх с ловкостью ящерицы, спешила на выручку своим дородная матрона, вооруженная тяжелым топором, каким обычно валят деревья. Она опередила Конана всего на полшага, и копье, предназначенное северянину, вылетело из бойницы и вонзилось женщине в грудь. Она зарычала, как раненая волчица, схватившись рукой за древко; ладонь окрасилась кровью, еще мгновение женщина висела, замерев, а затем рухнула вниз, на камни утеса. За это время Конан успел миновать еще несколько футов лестницы и спрыгнуть прямо в бойницу, из которой вылетело копье.

Навстречу ему ринулось сразу несколько воинов. Вместо того чтобы броситься на них, Конан отпрыгнул к лестнице, в два взмаха секирой отсек прогоревшие куски и развернулся к защитникам замка, прикрывая собой тех, кто лез вслед за ним. С мечом в правой руке и секирой в левой он смерчем метался по узкой площадке, отражая удары, сыплющиеся на него со всех сторон.

Вскоре за спиной киммерийца послышались пыхтение и выкрики, и на стену один за другим начали вылезать повстанцы. Тогда Конан одним скользящим кошачьим прыжком оказался в самой гуще не ожидавших такого оборота воинов. Прежде чем они опомнились, варвар зарубил мечом одного и тяжелым ударом снизу вверх сбросил в проем между зубцами второго.

Продолжая раздавать удары направо и налево, Конан неуклонно продвигался к круглой опорной башне.

Она соединялась со стеной небольшой крытой галереей, слишком узкой и низкой для могучего киммерийца. Отступающие защитники замка успели захлопнуть дверь перед самым носом Конана, и последний его удар секирой, вместо того чтобы снести голову солдату, юркнувшему под каменную арку, пришлось по толстым дубовым доскам. Вбросив меч в ножны, киммериец взялся за секиру обеими руками и всерьез принялся за дверь. Под досками оказалось железо. Тогда он подхватил брошенную кем-то на бегу толстую пику и, используя ее как рычаг, стал отжимать железные скобы, удерживающие дверь.

— Конан, берегись!

Огромный снаряд, со свистом рассекая воздух, рухнул на стену у двери, как раз на то место, где мгновение назад стоял варвар. Но прежде чем прозвучал окрик, Конан звериным чутьем уловил опасность, отпрыгнул и вжался в каменную кладку, почти слившись с ней. Снаряд подскочил на помосте и откатился. Это был заостренный кусок толстого дубового ствола в человеческий рост длиной; он наверняка убил бы киммерийца наповал, прилетев с высоты верхней площадки башни, откуда донеслись брань и досадные восклицания. Сметнув, что бревно можно пустить в ход, шестеро или семеро селян схватили его и принялись ритмично раскачивать, используя как таран.

Подняв с помоста секиру, Конан вновь принялся рубить толстые доски. По другую сторону тарана к нему присоединился седобородый Тедран. Полосы железа оказались не сплошными, и дело скоро пошло на лад.

— Я вижу, ты не теряешь времени, старик! — выкрикнул Конан между двумя ударами. — Да вознаградит тебя твой бог, ты спас мне жизнь!

— Твоя жизнь дороже, чем твоя смерть, — усмехнулся предводитель повстанцев. — Я слышал крики с той стороны: наши заняли уже все стены, но остаются еще башни и сам замок. Моей девочке недолго осталось томиться в темнице!

Под мощным натиском дверь наконец подалась, и повстанцы, бросив таран, с воплями ринулись на галерею. Первый же из них упал, пронзенный арбалетной стрелой, но его тело тут же затоптали бегущие следом. Конан был в первых рядах.

Выбив последних воинов с башни, селяне бросились внутрь замка, безжалостно расправляясь с каждым, кто попадался у них на пути. Стража у дверей внутренних покоев была разорвана в клочья. Женщины, ворвавшись в замок, в неутоленной ярости громили посуду на кухне и переворачивали столы.

Оставалась последняя маленькая площадка на самой высокой башне, куда вела крутая, залепанная кровью лестница. Там, в последний раз глядя на свои владения — залитые солнечным светом холмы и долины и цепь невысоких пиков Карпашских гор вдалеке, — стоял барон Рэгли, окруженный уцелевшим отрядом стражи.

Перед ним живым щитом и выкупом жизни, а быть может, и свободы, стояла связанная Дагорбрит — дочь вождя клана Тедрана.

— Ну, смутьяны, — обратился властелин к повстанцам с отеческой улыбкой. Слова кофитского языка он выговаривал с сильным коринфийским акцентом. — Вы захватили мой замок и, несомненно, собираетесь убить меня или заковать в цепи. — Сняв шлем с алым султаном, он передал его одному из стоящих рядом бойцов, обнажив голову с коротко стриженными седыми волосами, так что стал виден длинный шрам, пересекающий лоб. — А уверены ли вы, что король, сидящий на троне в Хоршемише, одобрит свержение одного из своих вассалов, державшего его пограничную крепость? Полагаю, он не замедлит прислать сюда достаточно войска, чтобы вернуть себе замок.

— Барон, который не в силах удержать собственный замок, вряд ли найдет сочувствие и поддержку при дворе, — с мрачной улыбкой отвечал Конан. — И менее всего — у короля, обнаружившего, что он ошибся в своем вассале!

— Да уж, пожалуй! — поддакнул Тедран, выступая вперед из-за широченной спины Конана. — Я полагаю, это научит нашего короля не ставить над своими подданными жестокого, не признающего наших законов чужестранца, горца из Коринфии!

Слова его были встречены криками одобрения на башне и на лестнице внизу. Это заставило людей барона выхватить оружие и теснее сгрудиться вокруг своего господина. Повстанцы были готовы броситься на своих обидчиков; те, в свою очередь, собирались дорого продать свои жизни. Между тем Конан отошел в сторонку и подобрал лежащий

у одной из бойниц короткий кофитский лук и колчан, полный стрел.

— И все же я предпочел бы королевский суд, а не ваш! — злобно прошипел барон. Золотая коса Дагорбрита была намотана ему на руку, и он быстрым движением кисти теснее прижал девушку к себе. — Одно несомненно: первой здесь умрет эта прелестная девица. Она, случайно, не приходится тебе дочерью, Тедран?

Сделав шаг назад, барон оказался вместе с девушкой у проема между зубцами башни. Пленница молчала, хотя глаза ее стали совершенно круглыми от страха.

— Пока ты не поклянешься, что выпустишь меня и моих людей из замка живыми, при оружии и лошадях, я буду держать ее вот так, над пропастью. И скоро моя рука онемееет и разожмется. Выбирай, что тебе больше нравится!

— Если король все узнает от него, а не от нас, — прозвучал чей-то тихий голос позади Тедрана, — не пройдет и четырех дней, как солдаты сожгут наши деревни и осадят замок.

— Этот пес не должен остаться в живых, — подхватил еще один голос. — Другого случая у нас не будет!

Рэгли улыбнулся, растянув бледные губы и оскалив редкие желтые зубы:

— Ну, так каково же будет ваше решение?

Тедран молчал, сведя над переносицей седые брови. Лицо его побледнело.

— Убить их, убить! — послышались новые возгласы. — Если дело наше праведно, Митра не даст твоей дочери умереть!

— Перебить их, как собак!

— Сбросить со стен!

— Послушай их, отец. Пусть я умру! — закричала Дагорбрита, перегибаясь через парапет и увлекая за собой барона. — Моя жизнь — не слишком большая цена за свободу всего нашего клана!

— Слушай, слушай свою дочь, Тедран! — крикнул Рэгли с волчьей усмешкой. — Ты же достойный предводитель своего народа, так будь мужчиной!

Но Тедран по-прежнему молчал. На одной чаше весов была жизнь дочери, на другой — свобода и процветание его народа.

— Решай скорее, — шептал ему в ухо ближайший к нему селянин. — Не можем же мы стоять тут вечно!

Конан, все это время выжидавший за спинами повстанцев с натянутым луком и наложенной стрелой, наконец уловил мгновение, когда один из стражников, закрывавший барона, переступил с ноги на ногу, подавшись вбок. Первая стрела вонзилась в камни у ног Рэгли, и тот в недоумении и замешательстве глянул вниз, отвлекшись от девушки. И тогда вторая стрела, прежде чем стража успела заслонить своего господина, затрепетала у барона в горле, прямо над воротом кольчуги.

Сила удара отбросила Рэгли назад, и он упал бы с башни, если бы не коса рванувшейся девушки. Но третья стрела срезала волосы Дагорбрита под самый корень, и освободившаяся девушка бросилась прочь, а барон, не издав ни звука, перевалился через парапет и мешком рухнул на камни.

Последовала короткая потасовка, в результате которой не успевшие сдаться телохранители барона были попросту перерезаны, и тела их полетели вслед за телом господина.

— Благодарю, Конан! — сказал Тедран, едва переведя дух. Правой рукой, сжимавшей окровавленный меч, он обнимал рыдающую дочь. — С самого начала ты был великолепен, но последним ударом поистине превзошел самого себя! Мы у тебя в неоплатном долгу.

— К счастью, неоплатных долгов не бывает, — рассмеялся Конан. — Если ты помнишь, мне была обещана доля от захваченной добычи.

Говоря это, он не сводил глаз с Дагорбрита. Та уже успокоилась и, бросив на северянина единственный быстрый взгляд, шепнула что-то отцу и ушла с двумя подопевшими из деревни женщинами.

Мужчины тоже начали неспешно спускаться вниз.

— Как насчет победного пира? — спускаясь по ступеням, поинтересовался Конан и пихнул Тедрана локтем в бок. — У каждого замка есть подвал, а в каждом подвале имеется винный погреб. Должен тебе сказать, о доблестный предводитель клана — или теперь я должен называть тебя бароном? — после взятия Парасана мы пили три дня и три ночи!

— Не сомневайся, мы устроим в твою честь славное пиршество, — торжественно кивнул Тедран. — Но боюсь, это будет не только пир, но и тризна, ибо сегодня мы утратили слишком многих.

Конан пожал плечами с полнейшим равнодушием:

— Твой народ и впрямь утратил многих, но врагов не осталось вовсе. Так что повод для радости все же есть — вы победили!

— Эта победа не будет полной, пока мы не отошлем богатые дары нашему королю в знак того, что мы остаемся его верными подданными!

— На мой взгляд, восстановить разрушенное Рэгли и будет самым лучшим даром вашему королю, — заметил Конан.

— Нужно найти и освободить оставшихся пленников, — сказал Тедран, не слушая киммерийца. — Благодарение Митре, этот негодяй не успел отнять еще и их жизни.

— А ты говоришь, что у тебя мало поводов для праздника, — рассмеялся Конан.

Повсюду в замке слышались победные крики. Битва закончилась, и начался столь вождь для всех грабеж. В коридорах и жилых покоях, в кладовых и погребах сновали туда-сюда деловитые селяне, стаскивая все добро в огромную кучу в центре самой большой залы. Сюда же было снесено все оружие, какое нашли в замке или сняли с убитых воинов, чьи обобранные тела были сброшены со стен. Позже их положили на огромный костер, разожженный перед воротами замка; своих же убитых и раненых отнесли в ближайшую деревню.

В покоях барона был исследован каждый камень в поисках тайного клада; попутно оттуда вынесли все, что представляло собой хоть какую-нибудь ценность.

— Уверен ли ты в честности своих людей? — спросил Конан, обеспокоенно наблюдая за тем, как постепенно оттопыриваются куртки и карманы погромщиков.

— Это первый порыв жадности, и он скоро пройдет, — улыбнулся старик. — Ребятам ни к чему подобные безделушки, они не знают, что с ними делать. Все будет продано, и каждый получит свою долю.

— С вином они, по-твоему, тоже не знают, что делать? — сказал Конан, шагнув к массивному мраморному столу, с которого еще не сбросили остатки неоконченного завтрака.

Ухватив тяжелый кувшин с вином, он наполнил два высоких кубка и один протянул новоиспеченному барону. — Славное вино! Утро выдалось жарким. Нашли вы сокровищницу старого лиса? Может, эти красотки знают

что-нибудь? — Конан обернулся к двум связанным женщинам, разодетым в шелк и бархат. Пленницы в безмолвном ужасе таращились на огромного киммерийца. Их схватили и связали молодые селянки, первыми ворвавшиеся в баронские покои, и с тех пор эти две так и сидели в углу на узкой софе, боясь пискнуть или шевельнуться.

— Бароновы шлюшки, — сплюнул Тедран. — Я слышал, что он их держит. Вероятно, купил на невольничьем рынке в Шеме или за морем. Хорошо, что их нашли наши девочки, а не их матери: от этой парочки только клочки полетели бы!

Конан критически оглядел двух несчастных женщин. Убедившись, что убийца их повелителя не питает к ним злобы, они принялись одаривать варвара томными взглядами.

— Осторожнее с ними, — проворчал киммериец. — У таких кисок в обычае мстить за своего убитого господина.

Повидав на своем веку немало подобных женщин, он не питал на их счет никаких иллюзий.

— Если ты не против, — сказал он Тедрану, — я сам потолкую с ними с глазу на глаз. Ну-ка, прекрасные дамы, расскажите мне, каким извергом и деспотом был ваш прежний хозяин...

Видно, он и в самом деле знал, как обращаться с женщинами, потому что в скором времени киммерийцу были известны все тайники замка, в том числе и потайная комната, где были найдены пленники барона — по счастью, еще живые. Их спасение было встречено новыми воплями восторга.

Разграбление замка продолжалось до вечера, а с наступлением темноты женщины принялись хлопотать на огромной замковой кухне. Груда собранного добра высилась в центре пиршественной залы, из которой вынесли всю тяжелую, непривычную для селян мебель. Уже слышалась музыка, вокруг кучи трофеев весело плясала молодежь.

Конан наконец разыскал вождь погреб с бесчисленными рядами темных бутылей и огромными бочками. Набрав себе команду из шести человек, он с гиканьем и хохотом вытащил выпивку в залу. Оставив себе несколько дюжин самых старых бутылей, предоставил селянам праздновать победу наверху, сам он заперся в погребе с Лилит

и Тэлией — теми самыми девицами барона, о коварстве которых предостерегал Тедрана.

Рядом с погребом нашлась кладовая, куда, видимо, стаскивали старую мебель. Среди рухляди и ни на что не годных обломков Конан разыскал огромный волосяной матрац. На него троюга и завалилась...

Некоторое время спустя Лилит задала вопрос, давно вертевшийся у нее на языке:

— Скажи, Конан, почему ты позволил Тедрану забрать власть, а не сделался новым бароном? Ведь победа на самом деле принадлежит тебе? Ты мог бы сам править этими землями.

Варвар лениво покачал головой:

— Нет, детка. Это не совсем подходящее для меня место. Ты же видишь — здесь не любят иноземцев, и участь старого барона тому подтверждение. Рано или поздно против меня поднялось бы точно такое же восстание. Кроме того, я предпочитаю драку, а не сытую и скучную жизнь землевладельца.

— Но Тедран стар, — возразила Тэлия. — Он может внезапно умереть, и кто тогда его заменит?

— Все в руках вашего Митры, — пожал плечами Конан и вдруг расхохотался: — И разве Дагорбрит — не достойная наследница?

Ночная тишина, обильная еда и не менее обильные возлияния утомили разгоряченную кровь, а мягкое ложе располагало ко сну. Но даже пьяный и утомленный любовными играми, Конан ощущал беспокойство. Были ли тому причиной призраки, бродящие в стенах замка, или пьяные выкрики в зале наверху, или жаркие тела двух женщин, лежащих рядом, но киммериец беспокойно ворочался с боку на бок, проклиная бессонницу, пока незаметно для себя самого не провалился в сон.

Ему снилась битва прошедшего дня: звон железа и быстрый топот ног по запутанным коридорам и переходам, пляшущий свет факелов в подземелье, искаженное ужасом прекрасное девичье лицо. Ему снились родные горы с огромными снежными шапками и зелеными долинами, выжженные поля сражений и южные города с высокими минаретами. Снились друзья и враги — полузабытые лица давно минувших дней.

В конце концов из всех лиц осталось только одно: гордое, в обрамлении пламенно-рыжих пышных волос, с чер-

тами, отмеченными монаршим благородством и мудростью, — лицо королевы Руфии, повелительницы и рабыни королей и военачальников Шема. Этой ночью она явилась в сны Конана не в королевской парадной мантии, а такой, какой варвар увидел ее впервые, — обнаженной, испуганной, с выражением муки в огромных глазах. В сновидении она бежала, прижимая к груди какой-то комок грязных тряпок, а у нее за спиной, перелетая из тени на свет и снова в тень, неслась высокая женщина в одеянии из черной блестящей кожи. Сталь сверкала в ее воздетых к луне чешуйчатых руках. Было что-то знакомое в этом демоне, словно когда-то давно Конан знал эту женщину — или похожую на нее...

Потом замелькали другие видения, сменяя и тесня друг друга, как бывает только во сне. Женщина перед большим каменным алтарем со взором, устремленным в пустоту. Девушка, совсем ребенок, худенькая и светловолосая, бредущая навстречу ей, словно зачарованная.

Стебель, разрывающий тьму, клубящуюся у ног ведьмы, лезущий вверх, на глазах наливающийся ядом. Диковинный бутон, набухающий на этом странном покачивающемся стебле... Вот женщина-змея простерла над ним руки. Вспышка молнии перечертила небо, блеснув на кинжале в ее руке и озарив бледное лицо. «Зерити!» — чуть не закричал во сне Конан, наконец узнав ее. Зерити — стигийка, ведьма, некогда королева Асгалуна в Шеме и вечный враг Руфии, преследующий ее наяву и в ночных кошмарах.

«Зерити», — повторил Конан.

Сучка, которая давно была бы мертва, если б ее черное колдовство не оказалось сильнее двух футов доброй стали, которыми киммериец собственноручно проткнул ведьму.

Затем варвар увидел Руфию, мечущуюся на своей шелковой постели, — королеву тоже мучил злобный призрак колдуньи. Ее стелющаяся душа стояла в это время перед маслянисто-блестящим алтарем; она протягивала ведьме посиневшее тельце ребенка, завернутое в тряпки, — свою новорожденную дочь, принцессу Исмаэлу. Зерити с торжествующей улыбкой шагнула к ним, замахнувшись сияющим кинжалом.

А в гробнице позади алтаря ворочался некто, кто был темнее и бесконечнее самой тьмы. Он беззвучно смеялся,

его черные пустые глаза смотрели на трех женщин, стоящих перед огнем...

Проснулся Конан от того, что чьи-то не слишком нежные руки трясли его за плечи. Открыв глаза, он обнаружил, что лежит поперек матраса, свесив голову, а обе девушки тормозят его изо всех сил. Спросонок Конан недоуменно воззрился на них: своего сна он уже не помнил.

— Можешь ты спать спокойно, киммерийский бык? Ты крутишься и бьешься так, словно сцепился с самим Нергалом! Остынь! Ты чуть не задушил бедную Лилит!

Конан наконец проснулся.

— Тэлия, прекрати меня трясать! Я и так еле соображаю. Лилит, я и в самом деле прижал тебя?

Лилит, охая, держалась за горло, но, осмотрев ее, Конан не нашел ни синяков, ни ссадин.

— Ну, — заключил он, — кажется, я ничего тебе не сломал.

— Не хватало еще, чтобы ты мне что-нибудь сломал! — возмутилась Лилит. Голос ее звучал плаксиво и кокетливо. Она отвернулась, притворяясь рассерженной, но не торопилась запахивать на себе ночную сорочку.

— Вы должны меня простить, — сокрушенно произнес Конан. — Бывает, что воинов преследуют в снах призраки убитых.

— Может, ты и вымолишь себе прощение, — лукаво сказала Тэлия, — если догадаешься как.

— Вот так? — спросил Конан, набрасываясь на нее и целуя в грудь.

— Вояка, — нежно сказала Лилит, наваливаясь сверху. — Только и умеешь, что драться! Может, ты все же останешься здесь ненадолго? Новый хозяин сделал бы тебя военачальником...

— Над мотыгами и лопатами?! — расхохотался Конан. — Здешним воинам больше пристало пахать землю и копать в огороде, а не штурмовать замки. Я тут буду не ко двору. Все, что мог, я уже сделал и заслуживаю награды, — с этими словами он с наслаждением вытянулся на мягком ложе. — К тому же Тедран, как человек умный, с радостью поделится со мной добычей, но не захочет делить власть!

— Ты здесь как сосна посреди кустов, — вздохнула Лилит, — а мы как розы среди травы. Нам тоже несладко придется, если мы останемся.

— Ну так уезжайте со мной, — рассмеялся Конан, обнимая их обеих. — Скажите правду, девочки, неужели вам никогда не хотелось повидать юг? Например, города Шема?

Наутро, едва проснувшись, Тедран велел разыскать Конана. Как киммериец и полагал, новый хозяин собирався предложить ему взять из добычи все, что придется по нраву, и как можно скорее убираться восвояси. Тедран даже был готов пожертвовать значительной частью ценностей, если это поможет могучему северянину уехать в тот же день.

Но, обшарив весь замок от подвалов до башни, киммерийца нигде не нашли. Наконец один мальчишка, отиравшийся с утра у кухни, сказал, что Конан встал еще до света, поел с какими-то двумя богато наряженными дамами и уехал вместе с ними.

В первый миг Тедран растерялся. Но, обнаружив, что из всей добычи были взяты только шесть лошадей, небольшой запас еды и оговоренная часть сокровищ, новый барон вздохнул с облегчением и махнул рукой.

Глава 2 ЗЕРИТИ

Ведьма закончила творить колдовство и устало опустилась на пол рядом с алтарем. Над черным, иссеченным молниями камнем еще курились тоненькие струйки дыма. Ядовитые испарения клубились черным облаком, оно неподвижно висело под потолком, скрывая резные навершия колонн. Уголья на алтаре затянуло седой золой, тонкая пудра магического порошка сыпалась на плиты пола.

Все это были красноречивые свидетельства колдовских усилий — на этот раз неудачных. Но Зерити не отчаивалась, чувствуя, что даже неудачи приближают ее к заветной цели. Скоро, очень скоро невидимые преграды, подточенные, словно водой, искусными чарами, рассыплются в прах. Древние оковы будут разбиты, потайные двери — искрошены в щепы! И тогда настанет время исполнить великий, поражающий воображение замысел!

Отдохнув, ведьма спустилась по ступеням возвышения, на которых стоял алтарь. Возвышение изображало Звезду Магов, но от старости многие камни провалились, и магические линии были прерваны. Зерити, придя к ларцу у стола с чадающей масляной лампой, принялась доставать и разворачивать пожелтевшие от времени пергаментные свитки, такие же желтые, как пальцы, теребящие их. Зерити невольно вздохнула. Ее когда-то бронзовая кожа побледнела и выцвела в этой душной темнице. Много лет прошло с тех пор, как ведьма в последний раз ощущала прикосновение солнечных лучей. Но Зерити не испытывала тоски по внешнему миру — одну только бесконечную усталость, рожденную бесчисленными часами ворожбы и магического транса. Глаза ее покраснели и слезились от удушливого, едкого дыма курений. Требовалось немедленно восстановить утраченные силы, пока ее еще не сморил сон.

Ибо труды ее в этот день были воистину велики. Подобно простому пахарю родной Стигии, что возделывает свои поля, бредя по колено в тяжелом вязком иле после разлива черного Стикса, весь день Зерити пробиралась бесконечными лестницами и переходами в темных чертогах, лежащих по ту сторону Света, в бесплодных пустошах Серых Равнин.

Поэтому этой ночью — хоть ведьма и не замечала в своей темнице смены ночи и дня, — этой ночью она заснет быстро и будет спать крепко, как спит пахарь после тяжелых дневных трудов. Как спят старые, иссохшие, словно мумии, стигийские жрецы в холодной тьме своих будущих гробниц. Как спят иные, еще более страшные древние создания, спят ночи, дни и года напролет, пока не разбудит их чье-то искусство или неосторожный призыв.

Но ни пахарю, ни жрецам, ни порождениям тьмы не снятся сны. Зерити же упивалась собственными снами — яркими, подробными, запоминающимися. Сны Зерити вырывали ее из душного мрака подземного храма, и она неслась наперегонки с ветром то хищной рысью, то испуганной оленухой. В снах ведьма возвращалась в царство живых: в города, наполненные сутолокой улиц и рынков, в села, где солнечный свет сменяет лунный над цветущими садами и зеленеющими пашнями. Но чаще всего сны приносили ее в один конкретный город, где жила одна конкретная женщина — последняя из своего славного рода. Во всяком случае, Зерити собиралась именно на ней пре-

кратить существование этого рода. На ней и ее вечно хнычущей дочери.

Но сегодня нужно набраться новых сил, и потому медноволосая дрянь и ее отродье будут спать спокойно. Черной искрящейся тенью скользя по каменным плитам, с лампой в руке ведьма прошла в самый дальний и темный угол своего чертога, где над хрустальной глыбой, вплавленной в потолок, проносились воды Черной реки. Здесь селились летучие мыши, единственные, кто делил с ведьмой одиночество заточения. Их острые мордочки высунулись из коконов жестких крыл, когда Зерити прошла рядом с мерцающим огоньком в руках.

— Слепые мои соглядатаи, глухие мои шпионы... — шептала она.

Протянув руку, Зерити сняла с потолка одного из зверьков. Он тут же уселся ей на запястье, как ловчий сокол, радостно и возбужденно попискивая. Пару минут ведьма, склонив голову, задумчиво слушала этот писк, чувствуя, как маленькие коготки царапают кожу.

В порыве нежности Зерити взяла теплое тельце обеими руками и поднесла к самому лицу. Быстрым движением ногтей ведьма сорвала шкурку с маленькой головки и впиалась зубами в хрупкий череп, высасывая мозг. Зверек забился, отчаянно крича. Но Зерити не чувствовала его агонии, не слышала криков: перед ее мысленным взором проносились картины ночной жизни там, наверху, — все то, что успела увидеть летучая мышь в своих странствиях. Каждую ночь посылала она своих гонцов во внешний мир и время от времени собирала с них подобную дань. К тому же это была ее единственная еда.

Насытившись, ведьма выронила измятое тельце на камни. Теплая кровь стекала по подбородку. Бывало, что, подчиняясь колдовству, мыши приносили Зерити добычу покрупнее, выкупая этим свои жизни: неосторожную утку, заснувшую слишком крепко, или молодого глупого зайца. Тогда ведьма устраивала себе пир. Помимо того, что это избавляло от убийства слуг, картины, содержащиеся в мозгу зверей и птиц, были гораздо полнее. Ведьма предпочитала как можно реже убивать своих шпионов: они были одной с ней крови и принадлежали к одному царству — Царству Тьмы.

Иногда Зерити даже удавалось слиться с ними, и тогда маленькие черные звериные глазки становились ее

глазами, а маленькие лапки с тонкими когтями — ее бледными пальцами.

Чувствуя приятную сытость и сонливость, ведьма прошла низкой галереей, поднялась на несколько ступенек и вошла в маленькую комнату, где на затянutom бесценным стигийским льном возвышении стоял небольшой каменный саркофаг. Иероглифы и росписи на нем, некогда позолоченные, заметно поблекли и стерлись, рисунки утратили красочность. Но Зерити все равно любила его — единственную память о далекой родине. Женщина вздохнула, поднялась на возвышение и улеглась в саркофаге, вытянувшись и сложив руки на груди. Затем закрыла глаза и погрузилась в сон.

Глава 3

НОЧНЫЕ КОШМАРЫ

Баалур, или, как его гордо именовали жители, Баалур Тысячестенный, лежал меж зеленых холмов, как драгоценный восьмигранный амулет меж грудей женщины в платце зеленого бархата. Южное солнце и множество маленьких речушек, берущих свое начало от горных снегов, позволяли трижды в год снимать урожай с пышных садов и плодородных полей. А караванный путь, идущий через перевал, приносил в этот город все сокровища Севера, Юга и Востока, делая Баалур сверкающим бриллиантом в ожерелье городов-государств Шема. Бесконечные цепочки верблюдов и мулов, тянущиеся через пустыню подобно нитям жемчуга, умножали богатство и славу местных купцов, ибо все сокровища окрестных земель стекались в город.

Конан не раз бывал в Баалуре, и потому в этот приезд город показался ему куском шитого бархата, не утратившего блеска и богатства вышивки, но изрядно побитого молю. Мрачный сумрак окутал высокие башни и храмы, тень отчужденности и настороженности лежала на лицах жителей города.

Неприятное ощущение сбывающегося дурного сна охватило киммерийца еще у Северных ворот, которые были заперты, хотя путники подъехали к ним среди бела дня.

Угрюмые и подозрительные стражи долго допрашивали пришельцев через зарешеченное окно, прежде чем наконец пустили их — с большой неохотой. На улицах глуше звучали голоса и почти не слышно было смеха. Конан только хмурился, замечая все новые и новые признаки какого-то несчастья, нависшего над некогда самым шумным и оживленным городом Шема.

Однако вряд ли это было для киммерийца неожиданностью. Весь его путь на юг был полон дурных предзнаменований, видимых и понятных ему одному. И каждую ночь возвращался кошмарный сон, который впервые посетил его в замке барона Рэгли. Помимо прежних видений, Конан смутно помнил разоренные дома и залитые кровью улицы — те самые улицы, по которым вез он теперь своих прекрасных спутниц. Все говорило о том, что город либо проклят, либо охвачен чьим-то злым колдовством.

Ни расплывчатые видения, ни сны никогда не производили на киммерийца большого впечатления. Он надеялся только на собственный меч и силу мышц; ему не было дела до туманных пророчеств. А что касается колдовства, то одного только запаха чар было довольно, чтобы варвар развернулся и поехал в противоположном направлении. Но теперь случай был особый. Нечто похожее на крик о помощи или зов прежней, давно прошедшей любви привело его сюда. Конан вернулся в город, как возвращается скульптор к давно заброшенной неоконченной статуе. И он не удивился и не повернул коня, когда увидел стаи черных стервятников, кружащих над крышами королевского дворца.

Его спутницы, напротив, не чувствовали ни обреченности, ни страха, довлеющих над прекрасным городом. Они были здесь впервые, и Баалур показался им самым пышным и великолепным городом, какой они когда-либо видели в жизни. Вообще, Лилит и Тэлия становились все оживленнее и разговорчивее по мере того, как Коф все дальше и дальше оставался за спиной. Вспоминая об этой стране, они в один голос твердили: «Бр-р! Холодно!», — имея в виду и жителей, и климат. Баалур поражал их неискушенное воображение высокими белыми башнями с золочеными крышами, домами, тонувшими в зелени благоухающих садов, мощенными яшмой улицами и цветными витражами окон. Их восхищенным ахам и охам не было конца.

Поторопили они Конана, только проезжая невольничий рынок, — видно, он вызывал у них неприятные воспоминания. Но, миновав его, красотки принялись нить, требуя у своего провожатого остановок у каждой лавки с драгоценностями, или благовониями, или шелками — словом, всем, что так любезно сердцу каждой женщины. Заметив это, торговцы и зазывалы, уличные жонглеры и разносчики сладостей завертелись вокруг иноземной тройцы жужжащим, надоедливym роем. В конце концов Конан ссадил спутниц у какого-то достойного их вожделений постоялого двора, оставил небольшой мешочек золота и четверых лошадей в качестве приданого, пообещал к вечеру вернуться, препоручил своих скакунов заботам хозяина и поспешно растворился в уличной толпе.

Подыскав себе постоянный двор побольше, но поскромнее, киммериец разговорился с хозяином, осанистым детской, явно любящим посидеть и поболтать за кружкой вина в жаркий послеполуденный час, когда в таверне царит недолгое затишье. От него нетрудно было узнать все события последних дней. Вполголоса, с оглядкой он поведал иноземцу, что на город обрушилась какая-то странная зараза: ночные кошмары. Все началось с того, что заболела принцесса Исмаэла, всеобщая любимица и пока единственная наследница престола.

С болезнью принцессы с самого начала было что-то неладно: как только объявили, что Исмаэла больна, по городу поползли слухи о яде и колдовстве. Затем болезнь перекинулась и на других: сначала на тех, кто постоянно общался с принцессой, потом на советников короля, а под конец и на слуг — пока весь дворец не оказался охвачен кошмарами, словно чумой. Больные жаловались на ужасные, невыносимые сны. Днем напасть вроде бы отступала, но люди чувствовали упадок сил, легко впадали в ярость и раздражение. С последним полнолунием дела резко ухудшились — к безумным морокам в ночные часы прибавились видения среди бела дня. Бедняги нигде не могли найти себе покоя, сделались бледными и тощими, как стигийские мумии. Стоило им заснуть, как специально нанятые слуги будили их.

Но теперь, шептал хозяин, перегнувшись к Конану через стол, эта зараза гуляет не только среди придворных — ее подхватила вся армия от военачальника до последнего солдата. Говорят, что больны даже королева

Руфия и король Афратес, с некоторых пор совсем не появляющийся в городе. Власти запретили обсуждать эту тему, но с таким же успехом они могли запретить молоку убегать на огне. Последние дни кошмары стали сниться даже простому люду — мастеровым, купцам, землепашцам. Нельзя сказать, чтоб видения были так уж ужасны, но по описаниям походили на те, о которых рассказывала дворцовая челядь. И это не единственное, что предвещало грядущую великую беду. Повсюду кисло свежайшее молоко; огонь в очагах то и дело вспыхивал зелеными и синими отблесками; в небе днем и ночью кружили зловеющие черные птицы.

— Говорят, принцесса теперь совсем не приходит в себя, бедняжка, — сокрушенно качая головой, шептал трактирщик. — Сутки напролет она мечется в бреду. Отцы города давно забросили свои обязанности, нам грозят безвластие и разбой.

— Так что же это все-таки за сны? — поинтересовался Конан.

— Ну-у... — протянул трактирщик. — У каждого они разные, — тут он отмахнулся большим пальцем, отгоняя нечистого. — Благодарение Мардуру, сны редко посещают меня, и наутро я их вовсе не помню. — Он снова понизил голос до свистящего шепота: — Но вот что повторяют все: в снах приходит колдунья. Кожа у нее бледная и чешуйчатая, как у змеи. Она ворожит над черным алтарем и смеется злым смехом. — Он покачал головой, всем своим видом изображая сокрушенное недоумение. — Лично я в это не верю, но находятся болтуны, которые врут на каждом углу, будто это возмездие свыше. Мол, королева Руфия принесла с собой в наш город проклятие за какие-то свои старые тайные грехи. — Он с преувеличенной осторожностью оглядел пустой зал, а затем сделал Конану знак наклониться поближе. — Да будет тебе известно, чужезедец, никто в городе толком не знает, откуда родом наша добрая королева и кем она была прежде — прежде чем Афратес взял ее в свой гарем и возвысил до любимой жены.

— Гм, — только и сказал на это Конан, изумившись, как трактирщик легко обсуждает своих правителей с первым встречным. Это означало, что подобные слова можно было теперь услышать на каждом углу Баалура, и это не понравилось киммерийцу. Подавив желание разбить свою

кружку о голову толстого сплетника, он отставил недопитое вино, бросил на стол серебряную монету и, распрощавшись с хозяином, вышел.

Очень скоро он обнаружил, что ноги сами несут его к главной площади, на которой высилась белостенная громада королевского дворца. Ведущие к площади улицы выглядели богато и сонно, словно греющиеся на солнышке старцы в парчовых одеждах. Редкие прохожие лениво брели по теневой стороне, спасаясь от полуденной жары. Глядя на эту мирную картину и ясное, синее небо над головой, с трудом верилось, что городу и в самом деле грозит какая-то опасность.

Однако во дворец, чьи узорчатые, в виде свившегося в кольца дракона, чугунные ворота всегда стояли распахнутыми настежь, попасть теперь было не так-то легко. Поднявшись на несколько ступеней перед решеткой, Конан взялся за большой дверной молоток и трижды стукнул по гулкому металлу. Вскоре за решеткой появился стражник с опухшим лицом и синими кругами под глазами.

Но прежде чем Конан успел открыть рот, стражник бросился открывать ворота.

— Ты тот, кого называют Конаном из Киммерии? — полувопросительно сказал он.

— Если знаешь — зачем спрашиваешь? — проворчал Конан, входя. Ему не понравилось, как смотрели на него трое других стражников, и еще меньше понравилось, как хищно лязгнул засов за его спиной. — Что-то я не припомню, чтобы мы встречались, парень!

— Следуй за мной, варвар. — Коротко кивнув, стражник повернулся и пошел вперед. — Я доложу ее величеству о твоем прибытии, — бросил он, не оборачиваясь.

Пройдя мощенной цветным камнем дорожкой сада, окружавшего дворец, киммериец вступил под своды прохладных залов, где каждый шаг отдавался гулким эхом под высокими расписными куполами. В самом сердце дворца его встретил пышной зеленью и журчанием фонтанов еще один сад, поменьше. Здесь росли диковинные для этой страны деревья с далекого юга, привезенные из Зембабве и Черных Королевств. Стражник оставил Конана у одного из фонтанов и ушел.

Киммериец недолго оставался в одиночестве. Вскоре навстречу ему выбежали две очаровательные девушки, чьи прозрачные шелковые одежды скорее обнажали, чем скры-

вали их прелести. Заставив Конана раздеться и войти в душистую воду бассейна (к удовольствию красоток, гость не слишком-то сопротивлялся), они тщательнейшим образом вымыли киммерийца и обтерли согретыми полотенцами. Оставив его отдыхать на низкой скамье с множеством подушек, девушки упорхнули и тут же вернулись с подносами, полными еды и вина. Они щебетали и смеялись, всячески развлекая гостя, пока он утолял голод. Служанки были обучены забавлять и доставлять удовольствие — и прекрасно это делали, но Конан чувствовал за их смехом тревогу и озабоченность, уже вошедшие в привычку, как чувствовалось нечто подобное и за суровым спокойствием стражи у ворот.

Изопрысаясь, девушки принялись кормить бронзовокожего гиганта с рук, а потом и из губ в губы. Только их игра начала принимать серьезный оборот, как голос, негромкий и немного печальный, заставил озорниц притихнуть и вско-чить с места:

— Довольно, девушки. Вы славно развлекли нашего гостя, благодарю вас. Теперь ступайте.

Голос принадлежал королеве Руфии, неслышно вошедшей в сад и какое-то время наблюдавшей за веселой возней. Конан обернулся. Три прелестницы, взметнув шелка, послушно выбежали вон.

Что бы ни говорил толстый глупый трактирщик, всякий, глядя на королеву, понял бы, что она — потомок знатного рода. И Конан, один из немногих, знал, какого именно — одного из обнищавших княжеских родов Офира. Даже усталая и печальная, она все равно была прекрасна.

— Добро пожаловать, Конан. Много лет прошло с тех пор, как мы с тобой виделись последний раз.

За эти годы Руфия сделалась королевой, отметил про себя восхищенный Конан, настоящей властительницей. Простое шелковое платье словно обтекало ее статную фигуру, легкими складками ниспадая с гордых плеч, огненные волосы струились вдоль спины, перехваченные посередине золотым шнуром, мягкие ремни сандалий плотно оплетали маленькие ноги. Она была в самом расцвете своей красоты и власти, весь ее облик был исполнен истинно королевского величия. Она протянула старому другу обе руки, киммериец порывисто взял их в свои и поцеловал кончики белых пальцев. Женщина не высвободилась, а просто опустилась на подушки рядом с северянином.

— Твои странствия ничуть не изменили тебя, — проговорила королева. Она осторожно коснулась его щеки. — Разве что прибавилось шрамов.

— Ты как будто знала о моем приезде, — заметил Конан. — Во всяком случае, стража у ворот сразу впустила меня, хотя я видел этих молодцев впервые в жизни.

— Тебя опознать нетрудно, — ответила Руфия с улыбкой. — Я описала им тебя, велев пропустить в любое время дня и ночи, а два дня назад не выдержала и послала в Хорайю отряд на поиски Конана-киммерийца. Я слышала о твоей победе у перевала Шамлы и решила, что ты, должно быть, теперь военачальник короля Кумарры.

Конан изумленно вздернул брови и рассмеялся:

— Долго же доходят новости в ваши края! Это случилось несколько лет назад! Я уж и забыл об этой службе. Но какое-то время я и в самом деле был главой хорайской армии.

Руфия кивнула и погрозила ему пальцем:

— Я все знаю про твои похождения! Мне рассказывали, что королева Жасмела очень благоволила иноземному военачальнику. Из этого я заключила, что она была попросту без ума от тебя.

Конан улыбнулся:

— Да, но ее благоволение было недолгим. Очень скоро я уехал в Туран, затем в Гирканию, а оттуда в Вендию. Потом побывал в пустынях Стигии и в Черных Королевствах...

Теперь настал черед Руфии изумиться. Она недоверчиво покачала головой:

— Ты стал работником? Так это правда? Городская стража доложила мне, что ты приехал с двумя красавицами. Но я не поверила. Чтобы ты...

— Лилит и Тэлия! — расхохотался Конан. — Они всего лишь сопровождают меня, вернее, я сопровождал их. Они из Кофа, но, по-моему, он не является их родиной. Похоже, им понравился твой город. Ручаюсь, не пройдет и месяца, как они окрутят какого-нибудь купца, а то и двух со всеми их верблюдами, лавками и сундуками. — Руфия осуждающе поджала губы, но киммериец и глазом не моргнул. — Все, как в старые добрые времена, не правда ли?

— Ты и в самом деле ничуть не изменился, — махнула рукой королева. — Легко подбираешь женщин и легко их бросаешь.

Конан почел за лучшее сменить тему:

— А что слышно о нашем друге Маздоке? Он все-таки стал королем в Асгалуне, где мы оставили его разбираться с солдатами?

— Да, он правит там и сейчас. И состоит с нами в торговом и военном союзе. Я слышала, что Маздок отстроил порт и возобновил морскую торговлю... — Королева вздохнула: — Но я так ни разу и не видела его с тех пор. — Помолчав, она спросила: — Так ты забрел в наши края лишь волей случая?

— Случай и вещей снов, — ответил Конан, испытующе глядя на нее. — Кошмары снятся не только жителям Баалура Тысячестенного.

Руфия закрыла глаза.

— Значит, это не просто совпадение, а промысел самого Митры, — торжественно проговорила она. — Ты тоже снился мне не раз в последнее время. — Стиснув его руку, женщина с силой выдохнула: — Если бы ты знал, как я молила о том, чтобы ты пришел ко мне в этот черный час! Я даже принесла жертву в храме.

— Надеюсь, это был храм Митры, а не шемитского рыбьелицего бога, — со всею серьезностью сказал Конан. — Не припомню я, чтоб ты была когда-нибудь чересчур набожна. Неужели твоя нужда во мне была и впрямь так велика?

Прямо на глазах Руфия из гордой властительницы превратилась вдруг в просто страдавшую женщину.

— Речь идет о жизни моей дочери, Конан! Жизни нашего единственного ребенка! — Она запнулась, всхлипнула и повторила: — Единственного. У Афратеса больше нет детей. Я боюсь, что дочка умирает. И с нею умирает весь дворец, Конан, весь город!

— Да, я уже слышал. В городе только и говорят, что о заразных дурных снах. Видно, я тоже подхватил эту дрянь. Первый дурной сон посетил меня далеко отсюда, на северной границе Кофа. Я мало что запомнил, понял только — ты в беде...

— Я-то как раз нет! — горько рассмеялась королева. — Представь, ни меня, ни короля хворь не затронула. Наше дитя медленно умирает, а мы сидим попеременно у ее ложа, и ее сны не посещают нас! И лишь по ее стонам и рассказам других можем представить тот кошмар, что мучает Исмаэлу. А последние ночи я вовсе не сплю — просто не могу,

как не смогла бы любая мать, окажись она на моем месте. Что за черное проклятие обрушилось на наш дом!

По ее сухой щеке медленно скатилась слеза — единственная, словно последняя капля влаги в пересыхающем колодце. Конан положил руку на поникшие, вздрагивающие плечи королевы.

— Может, я расскажу тебе то, что не скажут другие, хотя и видели тот же сон. Темная ведьма — это каким-то чудом выжившая Зерити. Я уверен, все напасти — ее рук дело.

— Я должна была догадаться, — глухо сказала Руфия. — Она все такая же, как прежде?

— Как обычно, темная повелительница демонов Шеола... или где там она сейчас. Сидит в своей подземной стране, плетет паутину. По-моему, на ней даже шрама не осталось от давешнего удара. Вся в черной блестящей коже, как Верховный палач из Луксура.

Руфия сокрушенно покачала головой, волна темно-рыжих волос шевельнулась у нее на плечах.

— Кто мог подумать, что ведьма окажется так живуча? — вздохнула она.

— Я думаю, она вернулась на свою реку и снова взялась за старое, — сказал Конан. — Тебе говорили о Черной реке? Я видел ее в своем сне.

— Да, возможно, — согласилась королева. — Если только она все еще пребывает в теле смертной женщины. Она из стигийцев, а ты знаешь, сколь искусен этот народ в темном чародействе. Говорят, они остаются живыми и после смерти, утрачивая тело, но не магическую силу. Если жрецы Сэта допустили ее в свой Черный Круг, она должна быть способна и на большее. Я мало знаю об их делах, но слышала, что над ними не властна даже смерть...

Конан нахмурился — он не любил разговоров о подобных мерзостях.

— В таком случае зачем тебе надобен я? Найди какого-нибудь святого старца из жрецов Митры — их Сэт боится больше всего. Или могущественного мага, если, конечно, считаешь, что можно довериться магу — хоть черному, хоть белому, хоть серому... Я-то ведь не владею колдовством...

— Да, Конан, я знаю. Но ты можешь помочь иным образом. — Прекрасные глаза королевы смотрели на воина с мольбой и надеждой. — Если ты только согласишься...

Каспиус, королевский лекарь, изучил за это время множество книг и, кажется, нашел выход. Он расскажет тебе об этом лучше, чем я. — Руфия поднялась с подушек, по-прежнему удерживая руку Конана в своих маленьких ладонях. — Теперь пойдем, я должна сменить Афратеса. У постели принцессы всегда дежурит кто-нибудь из нас троих — либо я, либо король, либо наш лекарь.

Из висячего сада она вывела Конана в большой зал с двойным рядом высоких колонн из розового мрамора. В нише у дальней стены вела наверх витая лестница, поднимаясь сквозь этажи к пестрому мозаичному куполу. Обойдя его по внутренней узкой галерее, Конан и Руфия миновали высокую арку и оказались на огороженном мраморной балюстрадой карнизе, окаймляющем вдоль крыши весь дворец. Стоявшие здесь стражи вытянулись перед королевой, отсалютовав обнаженными саблями.

— Как можно помыслить о каком-либо черном колдовстве, глядя на это ясное небо? — вздохнула Руфия, поднимая взгляд. — Но посмотри туда, Конан! — Она протянула руку, указывая на птиц, вычерчивающих круги над городом. — Это не просто птицы. Они никогда не снижаются, ни днем, ни ночью не прекращая своего зловещего полета. Никто так и не видел их вблизи.

— Может, они и не птицы? — пробормотал Конан. Шагнув к одному из стражников, он требовательным жестом протянул руку к его луку и колчану со стрелами.

— Ваше величество?.. — Удивленный стражник вопросительно посмотрел на королеву. Та кивнула, и воин снял с плеча длинный тисовый лук.

Вынув из-за пояса перчатку и надев ее на правую руку, Конан снял тетиву с верхнего конца лука, пристроил нижний конец в небольшую щель меж каменных плит пола и укоротил тетиву. Затем одним стремительным движением согнул тугой лук и быстро надел стальной колпачок с тетивой на верхний конец. Проверив, достаточно ли туго натянулась тетива, он вынул стрелу из колчана стражника, с интересом наблюдавшего за всеми этими приготовлениями.

— Будь осторожен, твой выстрел может случайно ранить кого-нибудь внизу, если ты промахнешься, — заметил воин, глядя, как Конан оттягивает тетиву к самому уху. — Я, к примеру, не попал ни разу.

— Это неудивительно, ведь я слышал, что вы не можете выспаться уже почти месяц, — дипломатично заметил

Конан и выстрелил вертикально вверх. Стрела исчезла, растворившись в потоке солнечного света.

Все уже успели перевести дыхание, устав ждать, когда где-то в вышине раздался хриплый карк и одна из черных птиц стремительно полетела вниз. Она ударилась о черепицу крыши совсем рядом с карнизом и, прокатившись, застряла в водосточном желобе. С того места, где они стояли, был хорошо виден изуродованный стрелой труп: черные грязные перья, лысые голова и шея, огромный, хищно загнутый клюв. А с порывом ветра донесся и запах: отвратительная вонь разлагающейся плоти. В несколько мгновений из-под встопорщенных перьев выползли белые гнусные черви и обглодали гниющий труп до самых костей — смерть, порожденная смертью.

— Какая гадость! — сморщилась королева и отвернулась. Закрыв лицо рукавом, она поспешно направилась вперед по карнизу к дальней двери в одной из дворцовых башен. — Хотела бы я знать, убил его твой выстрел или застал уже таким вот, гниющим и неживым? Это хуже, чем стервятники, кружащие над трупом! Что же будет, когда они все попадают на нас? Как бесчеловечно жестока эта ведьма!

— Не уверен, что Зерити вообще свойственно что-то человеческое, — пробормотал Конан себе под нос. Вернув лук восхищенному стражнику, он быстро зашагал вслед за королевой. Они миновали несколько галерей, спустились двумя этажами ниже, прошли новой галереей с высокими стрельчатыми окнами, из нее попали в затемненный коридор и вошли в дверь, ведущую в спальню принцессы.

Прямо посреди комнаты, напротив большого раскрытого окна, выходящего во внутренний двор, стояла широкая и низкая кровать под массивным позолоченным балдахином. Королева торопливо подошла со словами:

— Ну что, ей не лучше?

— Нет, все по-прежнему, — ответил ей шепотом сидевший у изголовья седобородый человек с темными и умными глазами, похожими на глаза выдры. Его смуглая кожа казалась еще темнее из-за белых одежд и седины. Руфия подошла ближе, заглянула за кисейную занавеску. — Но сейчас она спит спокойно, лишь изредка просыпается ненадолго. Один раз мне показалось, что она даже узнала свою спальню и меня. Я попробовал с ней заговорить, но она снова заснула.

— Митра всемогущий, ну почему я не оказалась здесь в этот миг! — тихо воскликнула королева. — Но все равно, благодарю тебя, Каспиус. — Она отошла от постели и села в большое кресло, изящно поджав ноги. — Каспиус, это Конан из Киммерии, — представила она своего спутника, вошедшего и остановившегося у дверей. — Он оказал мне в прошлом неоценимую услугу. Быть может, его приезд и есть долгожданный ответ на все наши молитвы. Ему тоже снились эти сны, хотя он был в десяти днях пути от Баалура.

Лекарь, внимательно разглядывавший Конана, сделал ему знак подойти ближе. Когда варвар приблизился, Каспиус взял его руку и повернул вверх ладонью сильным, уверенным движением кисти.

— О, это могучая и умелая рука, — сказал он с улыбкой. Конан отметил про себя, что цепкие пальцы врача, хоть и ослабевшего от напряжения и бессонницы последних дней, обладают силой едва ли не меньшей, чем его собственная. — К тому же гибкая и ловкая, — продолжал лекарь. — Вы, несомненно, человек большой силы, искушенный в воинском ремесле. Мы рады приветствовать вас в нашем многострадальном городе.

— Муж мой и повелитель, к нам прибыл Конан из Киммерии, — сказала вдруг королева, вставая и низко склоняя голову, так что завеса волос совсем скрыла лицо.

В маленькую спальню вошел высокий темноволосый человек с окладистой, вьющейся бородой и сонным лицом. Едва кивнув всем присутствующим, он устало опустился в кресло, только что оставленное королевой. Его богатая, зеленого бархата, шитая золотом одежда выглядела такой же помятой, как и он сам. На голове у него был золотой обруч, подобный обручу королевы, только шире и с большим, оgranенным в виде пирамиды изумрудом.

— Северянин, — сразу определил король, изучающе разглядывая смуглого и синеглазого гиганта. — Причем в великолепной форме — не то что мои несчастные воины. Руфия часто говорила мне, что ты один из немногих, кому можно полностью доверять. Если Каспиус даст добро, а ты исполнишь возложенную на тебя миссию, тебя ждет щедрая награда.

Не дожидаясь ответа, Афратес поднялся, снова едва кивнул всем троице и вышел.

— Он всегда был суровым правителем, а сейчас, в эти черные дни, бремя власти особенно тяжело, — сказала

Руфия, словно извиняясь, когда за королем закрылась дверь. — Подойди сюда, Конан. Взгляни на нашу дочь.

Киммериец приблизился к постели и, отведя в сторону невесомую занавеску, увидел на подушках хорошенькую, но очень худую и бледную девочку. Среди белого шелка простынь она выглядела как призрак, уже наполовину не принадлежащий этому миру. Ее припухлые, нежного рисунка губы беззвучно шевелились, а зрачки беспокойно двигались под тонкими, выпуклыми веками — она блуждала среди нездешних равнин. Тонкие детские пальцы теребили пушистый мех одеяла. Королева, повинувшись какому-то безотчетному порыву, опустилась на бархатную подушку перед кроватью и взяла влажную ладошку девочки в свои, пытаясь дыханием согреть холодные пальцы. Принцесса шевельнулась, повернула лицо к онемевшей матери и вдруг открыла глаза. На какое-то мгновение в них промелькнула искорка понимания. Исмаэла перевела взгляд на Конана, словно намереваясь спросить, кто этот огромный незнакомый человек. Но искра, вспыхнув, тотчас же погасла, расширенные в ужасе глаза закатились за веки: какое-то чудовище из сновидений вновь утащило принцессу в темные воды небытия.

Вздох, больше похожий на стон, вырвался из груди королевы.

— Ты видишь, она умирает! — Конан невольно отвел глаза, избегая смотреть на бледное лицо девочки и почти такое же бледное — ее матери. — Помоги нам! Право, это будет подвиг, достойный твоей славы, не менее достойный, чем битва у горного перевала! Я пошла бы сама, но что я могу, слабая, несчастная женщина? И я не могу отойти от дочери ни на час... — По-прежнему коленопреклоненная, она уронила голову на скрещенные руки. — Если ты согласен поговорить с Каспиусом, ступайте в его или мой кабинет. Исмаэла и так спит беспокойно, и я боюсь, что громкий разговор потревожит ее еще больше.

— В самом деле, пойдемте, — кивнул Конану лекарь.

Они вышли, и галерея показалась им особенно солнечной и светлой после душного полумрака спальни. Каспиус вышагивал сгорбившись, словно старый нахохлившийся белый ворон.

— Для нас это большое горе — видеть маленькую принцессу в таких мучениях. Для меня она, помимо наследницы престола, еще и просто друг, ведь я знаю ее с пеленок.

Чудесный ребенок, живой и сообразительный — по крайней мере, она была такой совсем недавно. — Он помотал головой, словно отгоняя наплывающую дремоту — вид у него был усталый и сонный. — И к тому же обещает вырасти редкой красавицей. — Он взглянул на Конана с неожиданным лукавством: — У нее к прекрасным волосам, унаследованным от матери, ярко-синие глаза, что редко встречается у шемитов. Особенно если учесть, что у ее отца глаза карие, а у матери — скорее зеленые, чем синие.

Они вышли из галереи и пошли через анфиладу больших парадных залов.

— Не удивительно, что ребенок красив, ведь ее мать — женщина редкой красоты, — заметил Конан, шагая рядом с лекарем.

— О да, — энергично кивнул Каспиус. — Вы ведь, кажется, уже знали Руфию, когда она впервые приехала в Баалур? Мне говорили, что Афратес влюбился в нее без памяти, как только увидел. Взял в свой гарем, а меньше чем через год она родила ему долгожданную наследницу престола. До тех пор у короля не было детей ни от одной из жен. — Он снова взглянул на Конана с едва заметным лукавством.

Но киммериец не заметил этого, слишком погруженный в свои мысли.

— Да, я помню, ей очень понравился ваш город, — сказал он. — Я же нашел его слишком сытым, даже, пожалуй, самодовольным — и быстро уехал, оставив Руфию здесь.

— Насколько я знаю, вы тогда оба бежали из Асгалуна, где бушевало восстание, верно? — Дойдя еще до одной витой лестницы, Каспиус начал спускаться вниз.

— Да, там было жарковато, — усмехнулся Конан. — Взбесившиеся подмастерья перерезали глотки половине асгалунской знати и почти всем купцам. Деваться было некуда от пожаров и погромов, горел весь город.

Еще не зная, как вести себя с дворцовым лекарем, Конан умолчал о своей роли в этом восстании. Не стал он упоминать и о том, что кровопролитие произошло и по более весомой причине, — киммериец опасался, как бы власти не опознали в нем Амру, грозного пирата южных морей.

— Как бы там ни было, ваш друг Маздок, севший в результате этой заварушки на трон Асгалуна, оказался неплохим королем, — заметил Каспиус, и Конан понял, что

лекарь знает большую часть того, о чем киммериец предпочел умолчать. — Наш король с тех пор состоит с ним в военном и торговом союзе.

«Ну да, — подумал Конан, — и конечно же, по-прежнему возжелает прекрасную супругу союзника. Интересно, знает ли этот лекарь, что однажды Маздок переспал-таки с будущей королевой Баалура?» Вслух же он проговорил:

— Я увез оттуда Руфию ради ее же собственной безопасности.

— И колдунья по имени Зерити больше не могла преследовать ее, — поддакнул Каспиус, — поскольку ревнивая ведьма умерла. Или не совсем умерла? — Дойдя до конца лестницы, лекарь свернул в новый коридор, открыл низкую дверь и жестом пригласил киммерийца войти. Конану пришлось нагнуть голову, чтобы не стукнуться о притолку.

— Послушай, приятель, — раздраженно сказал он, — еще с юных лет я раз и навсегда положил себе зарок: по возможности не иметь дело с колдунами, духами и призраками. Я никогда не видел эту ведьму прежде! Мы единственный раз встретились с ней в час ее смерти — или не-смерти, раз уж ты так хорошо осведомлен о делах своей королевы. Я терпеть не могу всяких магов и колдунов, и если ты один из них...

Оглядевшись вокруг, варвар понял, что старик наверняка занимается чародейством. Каспиус привел его в холодную, полутемную, с низким потолком и лишенную окон комнату, сильно смахивающую на погреб. Здесь громоздились один на другой сундуки со свитками — старыми, пожелтевшими от времени, и совсем новыми, почти белыми. Несколько десятков книг лежало по углам, низкий дубовый стол был погребен под рукописями. В целом комната весьма походила на логово колдуна. Киммериец пожал плечами.

— Во всяком случае, если Зерити сжигают ее темные страсти и после смерти, то ревнует она не меня, — сказал он. — Ее сумасшедший муж, Ахиром, бывший король Асгалуна, всегда ее нежно любивший, обратился вдруг свой королевский взор на бедную Руфию, вовсе того не желавшую. Для него это безумство оказалось последним. Ну а если ведьма сумела как-то сохранить способность видеть этот мир и после смерти, она, конечно же, должна грызть свой саркофаг от злости, глядя, как ее соперница, став королевой, купается в роскоши, тогда как сама Зерити превратилась в прах.

— Да, выслушав рассказ королевы, я пришел к такому же выводу, — согласился Каспиус. — И, боюсь, рождение наследницы — прекрасной принцессы, любимой всеми от мала до велика, — вызвало у ведьмы зависть еще большую, чем беспечальная жизнь соперницы. Именно поэтому избрала она невинное дитя первой жертвой. Ревность — темное чувство. Страшно подумать, на что оно может толкнуть злую колдунью.

С тяжким вздохом безмерно уставшего человека лекарь сел на большой узкий ларь с наваленной на него кипой одеял.

— Сядьте куда-нибудь, Конан, прошу вас. Мне трудно задирать голову, вы слишком высоки для моей старой шеи. — Конан уселся на какой-то пыльный сундук, оставив кресло у стола хозяину. Каспиус благодарно кивнул. — Извините меня за вопиющий беспорядок, но я обо всем позабыл за эти дни, даже сплю здесь, чтобы не ходить туда-сюда через весь дворец. Все старые свитки хранятся в этом погребе, поскольку здесь прохладно и сухо, а это необходимо для старых пергаментов.

— Что ценного можно сыскать среди такого хлама? — удивился северянин, оглядывая горы рукописей. — Сколько лет надо потратить, чтобы прочесть все это?

— О, меньше, чем вам кажется, — ответил лекарь. Подавшись вперед, он выхватил из кипы свитков лист таким жестом, каким воин выхватывает из ножен меч. — В наших архивах встречаются очень занятные документы. Пытаясь найти противоядие этой колдовской чуме, я прочел описание множества непонятных и трудноизлечимых случаев...

Конан поворошил носком сапога хрустко шуршащую кипу исписанного пергамента на полу.

— Мне приходилось встречаться с магией такого сорта — ее называют белой, — заметил он. — Но цена за нее, как правило, не менее высока, чем за черные чары. Так что будь осторожнее со всем этим, старик.

— Я вижу, вы все же имели немало дел с магией, и потому мне будет ценно любое ваше замечание, — пробормотал Каспиус, уткнувшись в свой лист. — Я вообще очень нуждаюсь в ваших советах, чтобы суметь подготовить все как должно...

Конан вскочил на ноги, глаза его горели уже настоящей яростью.

— Я же сказал тебе, что не желаю иметь никакого отношения к колдовским штучкам! Если ты задумал побить ведьму при помощи всего этого, поищи кого-нибудь другого! Я воин, дерусь мечом и секирой, а не пожелтевшими от собственного яда свитками!

— Нет, нет, Конан, вы неправильно меня поняли, — замахал на него руками старик. — Я совершенно не ожидаю, что вы превзойдете Зерити в колдовстве! Нам нужна совсем иная помощь. Только физической мощью можно добыть лекарство от этих кошмаров, которые снятся теперь почти всему городу... — Он зевнул. — И мне в том числе... Пожалуйста, ущипните меня, если я начну задремывать. Я очень устал...

— Как, даже тебе? — спросил Конан, смягчаясь. — Даже королевскому лекарю?

— Мне еще худшие, чем другим, уверяю вас, — кивнул седой головой Каспиус. — Я думаю, вы и представить себе ничего подобного не можете... Во всяком случае, надеюсь, что не можете.

— Но ты сказал, есть какое-то средство? Почему же ты не испробуешь его на себе — да и на всех желающих?

— Да, я нашел средство против чар. — Каспиус порылся в изголовье своей импровизированной постели и вытащил особенно старый и затрепанный свиток. — Нет ничего в этом мире, что бы не повторилось в прошлом или грядущем. Этому свитку уже не одна сотня лет. Здесь описаны чары ночных кошмаров.

Придерживая рукой нижний край, он осторожно развернул свиток на коленях. Чернила рукописи выцвели и местами стерлись, но в целом запись была в неплохом состоянии.

— Здесь говорится, — пояснил лекарь, — что сон вызывает любое сильное чувство. Кошмары же вызываются только злыми чувствами. Колдун может наслать очень жуткий морок, но лишь действительно могущественный волшебник способен заставить, скажем, население целого города видеть один и тот же, с небольшими вариациями, страшный сон. Колдуны часто пользуются этим оружием — обычно, желая отомстить кому-нибудь. — Он пробежал глазами несколько строчек, беззвучно шевеля губами. — Вот! «Известно только одно верное средство против чумы ночных кошмаров. Оно исчезло из нашего мира уже столетие назад — сонное снадобье из лепестков серебряного лотоса».

— Лепестки лотоса! — расхохотался Конан. — Дайте мне хороший корабль, и я привезу вам столько лотоса, что хватит засыпать все улицы города! В Вендии его продают в любой лавке!

Каспиус печально улыбнулся и покачал головой:

— Вы напрасно думаете, что мы не пытались его найти. Прежде чем королева в отчаянье послала за вами, мы обшарили все базары Вендии и Иранистана и везде потерпели неудачу. Но посмотрите сюда.

И он развернул перед Конаном свиток до конца. В нижней части манускрипта были начертаны разноцветные линии, отчетливее всего виднелась голубая, ведущая почти строго с юга на запад. Очевидно, это была карта какой-то местности.

— Согласно древним травникам, — пояснил Каспиус, — не белый, а именно серебряный лотос слишком нежен и прихотлив, чтобы выращивать его на продажу. Никто из нынешних торговцев даже не слышал о том, чтобы его специально разводили или вывозили откуда-нибудь. Он растет на диких озерах в землях, лежащих еще дальше к югу за Черными Королевствами, где живут одноглазые пигмей-людоеды.

Лекарь постучал тонким пальцем по голубой линии на карте.

— В наши дни, Конан, — тихо и отдельно произнес он, — этот цветок растет поблизости только в одном месте. В дельте реки Стикс.

Глава 4

ВОЕННЫЙ СОВЕТ

Впервые с тех пор, как он прибыл в зачумленный Балур, Конан расхохотался: закинув голову, разметав по плечам гриву черных волос, киммериец смеялся во весь голос, от души, так, что какое-то из нагромождений книг в глубине подвала обрушилось на пол, подняв тучу пыли.

— Верховья реки Стикс, клянусь Кромом! Старик, ты хоть знаешь, о чем говоришь? Отправиться в земли, которых нет ни на одной карте, за какими-то мифическими цветочками!

Но лекарь продолжал смотреть на северянина без тени улыбки на морщинистом лице.

— Ох, Каспиус, — выдохнул Конан, отсмеявшись. — Ни одному человеку — ни одной армии, если на то пошло, — не под силу добраться до этих краев и вернуться живым. На такой путь может уйти не одна жизнь! Если в твоих древних свитках говорится, что единственное средство от кошмарных снов растет в верховьях Черной реки, так там должно быть и написано, что добыть его — задача, непосильная для простого смертного! Верная гибель, конечно, хорошее средство от ночных кошмаров, но зачем же за ним так далеко ходить?

Каспиус терпеливо ждал, пока у гостя не иссякнет неожиданный поток красноречия.

— Конечно же, вы правы, — сказал он, когда Конан наконец замолчал. — Но у нас нет иного выхода. Вы — последняя наша надежда, ибо только вам осмелился бы я предложить подобное путешествие. К тому же я слышал, что в своих странствиях на юге вы побывали дальше, чем любой из ныне живущих. Разве вам прежде не доводилось подниматься к верховьям Стикса?

Нахмурясь, Конан шевельнул черной бровью.

— Да, я побывал там однажды, — с неохотой признал он. — И зашел достаточно далеко, чтобы подтвердить твои слова: верховья Стикса лежат в самых далеких и диких от нашего мира землях. Я видел, как он несет воды через Пунт, Кешан и Черные Королевства, чьи границы каждый год меняются из-за постоянных войн. Когда Стикс разливается, даже в верховьях его русло широко и глубоко, а течение столь сильно, что человек не в силах удержаться на поверхности, попав в стремнину. Но оттуда, где я был, до истоков Черной реки — если только у нее есть истоки — оставалось не менее сотни лиг еще дальше к югу. А может, к западу или востоку — не знаю... Послушай, старик, а если ее истоки кроются под землей и надо быть водяной крысой, чтобы добраться до них?..

Опустив глаза, киммериец коротко выдохнул и дернул углом рта.

— Когда я был там, я видел множество белых лотосов, Каспиус, — негромко сказал северянин. — Просто целые заросли. Но ни разу не встречал серебристых, ни одного цветка.

Каспиус оживился.

— Да, да, здесь говорится, что он растет вместе с обычным лотосом, только немного выше по течению! — с жаром воскликнул он. — Вы были совсем близко! А что до трудностей пути... мне кажется, Конан, вы преувеличиваете. Как бы ни был он черен, через какие бы страны ни нес свои воды, Стикс всего лишь река. И если она так широка и глубока, как вы говорите, разве это не означает, что по ней пройдет хорошо оснащенное судно? И разве не плавают уже сотни лет в его низовьях торговые корабли? Дело всего лишь в расстоянии...

— В расстоянии, ха! — оборвал его Конан. — Что ты знаешь о расстояниях, старик, никогда не покидавший своего тысячестенного города? Никогда не видевший бури на море или песчаного смерча в пустыне, которые проглатывают, как маслины, эти самые торговые корабли и караваны! — Киммериец презрительно фыркнул. — Пф! Да такой домосед, как ты, не пройдет в глуши расстояния отсюда до противоположной стены! А ведь помимо пустошей и непроходимых зарослей, на юге есть вещи и похуже: ядовитые болота, пропасти, ни с того ни с сего возникающие у тебя прямо под ногами, гиблые топи, издали похожие на солнечные зеленые лужайки. Я уже не говорю о хищниках и воинственных дикарях, обитающих там!

Перечисляя все эти напасти, Конан один за другим загибал пальцы на своей широкой руке. Потом помахал перед лекарем сжатым кулаком.

— Столько довольно? Нет, это безумие, говорю тебе, самое безумное безумие из всех безумий, хуже, чем ваши кошмары! Ты предпочел бы любые страшные сны той долгой и мучительной смерти, которой умрет всякий, сунувшийся в те края! Если ты знаешь какой-нибудь волшебный способ перенести меня туда, где растет лотос, а потом так же вернуть обратно, я готов и целиком в твоём распоряжении. Но если нет — забудь об этом!

— Вы сказали «долгая и мучительная смерть»? — молвил Каспиус задумчиво. — Но ведь именно долгой и мучительной смертью умирает наша принцесса. А вместе с нею и половина города. Да мы шутя наберем сотню добровольцев, которые пойдут хоть в обитель Нергала, только бы избавиться от черных снов Зерити. Был бы от меня в таком путешествии малейший прок, я пошел бы первым... — Старик вздохнул и устало прикрыл глаза. — А что касается вас, Конан, — продолжал он, — вы — тот

смертный, который уже единожды бывал в тех местах и вернулся живым. Королева рассказывала мне о ваших бесчисленных подвигах. Если хотя бы половина из ее рассказов — правда, вы сумеете провести невредимым отряд туда, где еще не ступала нога детей Митры. И привезете единственное спасение для всех жителей нашего несчастного города. Мне кажется, сам ваш приход сюда не случаен. Это знак судьбы.

Конан, сидевший молча и опустив голову, кинул на седого лекаря насмешливый взгляд из-под спутанных черных волос.

— Скажи-ка мне, Каспиус, а с чего ты так уверен во мне? С чего так уверена в моей помощи королева? Ведь, получив в свое распоряжение большой отряд вооруженных людей и множество требуемого для столь долгого и трудного пути добра, я могу просто улизнуть. Сколотить шайку разбойников, а то и захватить какой-нибудь город, сесть в нем правителем и забыть о вашем существовании. Вы так доверяетесь мне — почему вам не приходит в голову, что можете больше никогда меня не увидеть?

Каспиус встретил его взгляд со снисходительностью родителя, наблюдающего шалости ребенка.

— Вы когда-то принесли Руфии клятву верности, если можно так назвать данное вами обещание помочь ей в любой беде, — сказал он, улыбнувшись. — Видите, я знаю и об этом. А из того, что я слышал о вас от других людей, я заключил, что такие клятвы — не пустой звук для Конана-киммерийца. А помня, как страдает королева и ее бедное дитя, которое, если выживет, унаследует корону и все богатства Баалура, вы, мне кажется, не повернете назад. Узы крови подчас оказываются крепче стальных цепей...

Конан хмыкнул и мотнул головой.

— Я должен был догадаться, что с тобою бесполезно играть в кошки-мышки, — сказал он. — Что ж, будем честны друг с другом. — Он огляделся вокруг и понизил голос до шепота. — Даже не имей этот ребенок ко мне никакого отношения, я не смог бы смотреть спокойно, как мучается малышка. Но с другой стороны, стоит ли спокойный сон моего ребенка сотни, а быть может, и тысячи жизней ни в чем не повинных людей? И затраченных городом средств на постройку или покупку флота? Ибо, если ты еще не подумал об этом, придется действительно строить корабль,

а быть может, и не один. Пойдет ли на это город? И король?

— Король Афратес считает эту девочку своей, — так же тихо ответил Каспиус. — И потому потратит последний грош если не ради спасения города, то ради спасения единственной наследницы. Если понадобится, он пошлет за лотосом всю свою армию до последнего человека.

Лекарь снова развернул на коленях древний свиток.

— Но помимо сострадания, какое могут вызвать больная дочь и ее рыдающая мать, вступая в эту битву, помните, Конан, что это не просто поход за лотосом, а поход против ведьмы Зерити. Она мстит нам, обрушив первый удар на невинное дитя, но, боюсь, не остановится, пока не убьет здесь всех до последнего человека — медленно и мучительно. Кто знает, как далеко простираются ее планы. Но уверен, что и вы, и королева занимаете в них не последнее место.

Конан кивнул, соглашаясь:

— Ты прав, старик. Быть может, нам удастся придумать ее планы еще в зародыше и спасти город, а то и всю страну от худших бед. Стигийские колдуны обычно жаждут обладать не меньше, чем всем миром... Лишь бы твой лотос действительно помог снять чары... — Он вдруг рассмеялся: — А ты умеешь находить убедительные доводы, Каспиус!

— Самый убедительный довод из всех — это вы, Конан, — рассмеялся в ответ лекарь. — Едва ли найдется человек, более достойный возглавить столь опасное предприятие.

Он поднялся с сундука, зябко кутаясь в свою белую мантию.

— А теперь, если мы все обсудили, нас ждет аудиенция у короля Афратеса, — сказал Каспиус, направляясь к выходу. — Там убеждать будете уже вы.

— Сообщил ли тебе, варвар, наш дворцовый лекарь, что путь к растению, необходимому для снятия чар, может быть долг и труден?

Говоря это, Шалманзар, верховный военачальник армии Баалура, сохранял на длинном ухоженном лице надменное выражение. Борода его, тщательно расчесанная, благоухала розовым маслом, а черные маслины глаз с презрительным

недоверием разглядывали киммерийца. Стоя у самого подножия высокого трона в зале королевского совета, он словно подчеркивал этим свою близость к власти и королю. Помимо него, Конана и Афратеса, в пышно убранном зале находились также Каспиус и несколько верховных сановников королевства.

— Сообщил, — ответил Конан, не обращая внимания на надменный тон Шалманзара. — А я ему на это сообщил, что, по-моему, затея провалится.

Военачальник поднял и без того высокие брови:

— Да? Но как бы там ни было, мы должны попытаться. Король намерен отправить большой отряд на юг, чтобы там либо найти серебряный лотос диким, либо купить его у местных племен. Этому отряду нужен проводник. А ты, как я понял, уже бывал в тех землях.

Конан не стал еще раз объяснять, почему он считает этот поход безумием. Он просто спросил:

— Как велик отряд, который ты собираешься выслать?

Шалманзар поморщился: он не ожидал, что варвар вмешается, как только возникнет пауза.

— Я полагаю, что хватит двадцати или тридцати человек — разумеется, верховых и с вьючными лошадьми. Начать подниматься по течению можно будет из одного из южных речных портов, а может, по караванному пути...

— Если этот отряд поведу я, — заявил Конан, — то в нем должно быть не менее пяти сотен человек. — Все глаза в зале в изумлении уставились на него, и, пользуясь этим, он продолжал: — Еще лучше, если их будет тысяча. Причем это должны быть обученные и выносливые воины, потому что нам придется пройти через пустыни и джунгли, не говоря уже о плавании вверх по реке. Помимо оружия, нам также понадобятся всякие меновые безделушки, чтобы суметь договориться с туземцами, если придется с ними столкнуться. Вожди дикарей очень любят все яркое и блестящее...

— О чем он толкует, этот варвар? — вскричал Шалманзар, обретя наконец утраченный дар речи. — Я сказал, что отряду потребуется проводник, а не военачальник! В нашей армии достанет сотников, которые могут возглавить такой поход и без описанных тобою излишеств.

С этими словами он повернулся к молодому воину, стоявшему у него за спиной. Юноша был высок и хорошо сложен, и золотые шнуры на его кожаной куртке, такие

же, как у Шалманзара, говорили о высоком посту в баалурском воинстве.

— Отряд поведут капитан Турио и десятники, — продолжал Шалманзар. — И вовсе не обязательно посылать тысячу воинов туда, где справится несколько дюжин.

— Либо отряд возглавлю я, — снова вмешался Конан, — либо он отправится без меня. Ваши десятники могут идти со мной, но будут при этом подчиняться мне и только мне. В конце концов, не караван же в Вендию мы тут собираемся снаряжать!

— Тебе? Тебе, чужестранцу и бродяге? — взревел, растеряв всю свою надменную невозмутимость, Шалманзар. — Ты хочешь, чтобы король доверил лучшие отряды своих войск какому-то проходимцу? Ваше величество! — обернулся он к Афратесу, молча слушавшему их перебранку.

Конан презрительно хмыкнул:

— Мне уже приходилось командовать армиями королевств куда больших, чем один ваш город, — заявил он. — А даже если и нет — разве у вас есть выбор? Быть может, среди ваших караванщиков сыщется кто-нибудь, кто поведет ваше войско к верховьям Стикса?

— Уж лучше мы найдем караванщика, — отрезал Шалманзар. — Среди тех, кто ежегодно возит товары в южные страны, наверняка...

— Не отыщется никого, кто не упал бы в припадке, услышав слово «Стикс», — смеясь, продолжил Конан. — Поэтому придется это делать мне. И так, как решу я, а не кто-либо другой.

— Тогда делай.

Слова эти прозвучали негромко, едва слышно. Но готовый уже спорить, Шалманзар застыл, открыв рот и не издав ни звука, потому что произнес два этих слова король.

Но мгновение спустя военачальник перевел дыхание и, придав голосу негодующую дрожь, возопил:

— Государь, одумайтесь! Посмотрите на этого оборванца — разве можно ему доверять? Он унесет из города все, до чего сможет дотянуться, — и исчезнет, как роса поутру! Неужели же можно помыслить, чтобы вся наша армия была отослана с каким-то бродягой на юг во имя неизвестно чего? — С каждым восклицанием он поднимался к трону на ступеньку выше и к концу речи смотрел на Конана уже сверху вниз. — Он заведет нас в глухие дебри, где большая

часть воинов погибнет, а остальных он обратит в пиратов или разбойников!

— Замолчи! — резко проговорил король. — Все будет так, как сказал киммериец. Каспиус нашел, что он справится с этой задачей, ведь это так, друг мой? — Афратес обернулся к лекарю, и тот молча кивнул. — Слава Конана из Киммерии — лучшее ручательство, — продолжал король. — Он справится с любой армией не хуже, чем я тут справляюсь с вами. Поэтому довольно споров. Говори, Конан, что тебе нужно для этого похода.

Шалманзар с поклоном отступил, но лицо его выражало лишь упрямство и злобу. Конан усмехнулся и обратился прямо к королю.

— Предупреждаю вас, ваше величество, что путешествие может занять от нескольких месяцев до года, — сказал он. — Даже если мы найдем этот серебряный лотос, мы можем опоздать.

— За такое время может случиться все, что угодно, — поспешно вмешался Шалманзар, — поэтому я настоятельно рекомендовал бы вашему величеству послать с отрядом Турио и других сотников, чтобы они могли принять командование, если с Конаном что-нибудь случится в пути.

— Это разумно, — кивнул Афратес и вновь обернулся к Конану: — Ты получишь все, что сочтешь необходимым для этого путешествия, но помни, что ты должен спешить. Ибо, помимо того, что при смерти принцесса и иные весьма достойные люди, нас начинают обходить стороной караваны, а это верная смерть для всего города.

— Либо мы вернемся в начале зимы, либо не вернемся никогда, — спокойно ответил Конан. — Потому что после зимнего разлива по Стиксу уже не пройдет ни один корабль. Разумнее всего было бы отплыть из Асгалуна, войдя в Стикс со стороны моря. Маздок, нынешний правитель города и мой старый друг, как я слышал, отстроил порт...

Завладев вниманием слушателей, Конан обсуждал подробности снаряжения и возможные препоны на долгом пути до самого вечера. Король, к удовольствию и облегчению киммерийца, не пропускал ничего, что можно было обговорить заранее. Остальные тоже старались вникнуть в суть дела, но на их лицах было написано не желание все предусмотреть, а что-то вроде: «Ну-ну, чужестранец, ты как-то сумел одурачить короля один раз, но мы не позволим тебе повторить этот фокус».

После запоздалого ужина молчаливый слуга отвел киммерийца в приготовленные ему покои. В спальне, выходящей окном в тот же зеленый внутренний двор, что и окна принцессы, Конан увидел Руфию, дожидавшуюся его появления.

— Исмаэла спит на удивление спокойно, — сообщила королева, садясь рядом с Конаном на огромную кровать, поскольку другой мебели в спальне не было. — Говори, не томи меня, — ты согласился? Это наша единственная надежда!

Конан глянул на плотно закрытую дверь, но не пошел проверять, не подслушивает ли под ней тот самый слуга, который привел его к гостевым комнатам. Между тем королева устало склонила голову ему на плечо. Конан ласково погладил ее волосы.

— Я не знаток волшебных снадобий, но я постараюсь привезти вам то, что нужно Каспиусу, хоть это и верная гибель.

Королева вскочила с места, бросилась перед ним на колени и принялась осыпать поцелуями его смуглые руки.

— Боги да благословят тебя, Конан! И Митра, и Мардур, и твой суровый Кром! Благословят и помогут справиться со злобной ведьмой!

Конан поспешно поднял ее с колен.

— Я сказал лишь, что попытаюсь, Руфия. А что до помощи богов, то не знаю, как иные небожители, а Кром не помогает дуракам, идущим на верную гибель ради прекрасных женских глаз!

— Нет, нет, я знаю, ты победишь! Ты никогда не избегал опасностей, это они избегают тебя! Я знаю, ты победишь. Ради меня и Афратеса и ради... — Она запнулась, затем крепко поцеловала северянина в губы и тихо закончила: — Ради нашей дочери.

Глава 5

ОТЪЕЗД

Миновало четыре ночи, и наутро пятого дня пребывания Конана в Баалуре на площади перед королевским дворцом начали выстраиваться верховые отряды и вычуженные лошади.

Помимо всадников, числом ровно две сотни, в поход отправлялись и пешие отряды, в каждый из которых входило сорок человек. Для них на площадь были пригнаны повозки с впряженными в них чернобоками быками — три дюжины повозок, по одной на отряд. Эти приготовления восторженно созерцала толпа горожан, теснясь на плоских крышах домов и выглядывая из окон.

И у отъезжающих, и у остающихся было приподнятое, радостное настроение. То ли так совпало, то ли и впрямь Конану было суждено с самого начала прослыть спасителем города, но с его приездом многим страшные сны стали сниться реже, а у некоторых исчезли совсем. А поскольку за последние десять дней зараза распространилась буквально на всех, от городской знати до уличных метельщиков, в городе не осталось ни одного человека, равнодушного к сборам киммерийца.

На призыв короля помочь отбывающим всем, чем возможно, откликнулись и богачи, и бедняки. И тех, и других мучили одни и те же кошмары — хотя у простого люда они были не столь ужасны, как у сановников и именитых купцов. Но и малого страха было вполне довольно, чтобы несчастные вскакивали с криком, в слезах и поту на своих постелях, не в силах после этого сомкнуть глаз весь остаток ночи. Потому так и старались горожане, принося ко дворцу кто что может: еду, вино, деньги или одежду.

Со своей стороны Конан ежечасно поторапливал сборы. Он не просто хотел оставить позади проклятый город, хотя чары, незримо клубящиеся здесь, действовали и на него. Киммериец надеялся, что, выйдя из города, солдаты, толком не спавшие уже несколько недель, наконец начнут приходить в себя. Конечно, было небезопасно оставлять Баалур без защиты, но приходилось идти на риск. Тем более что с каждым днем защитники становились все более беззащитны сами.

В конце концов сборы завершились. Афратес почти половиной опустил свою сокровищницу, чтобы оплатить работу кузнецов, оружейников, ткачей и прочих мастеров, трудившихся день и ночь.

Почти одновременно с окончанием работ явился гонец из Асгалуна с известием, что король Маздок готов предоставить путешественникам достаточное количество галер и запасов для сколь угодно долгого плавания. За эту услугу сосед запросил смехотворную цену, ссылаясь на дружбу и

военный союз с Баалуром. (Замаливает грех перед Руфией, усмехнулся про себя Конан, когда узнал об этом.) По словам Маздока, по прибытии в Асгалун отряд киммерийца будет ожидать уже готовая небольшая флотилия. Погрузившись на суда, они пройдут побережьем на юг и начнут подъем из дельты Стикса.

Говоря на совете, что Маздок — его старый друг, Конан немного покривил душой. В чем он мог поручиться, так это в том, что нынешний король Асгалуна в недалеком прошлом был умным и расчетливым полководцем. Собственная выгода всегда интересовала его больше любых дружеских отношений. Конан не мог с абсолютной уверенностью заявить, что на этот раз Маздок помогает им без всякой задней мысли. Быть может, он имеет свои планы и на Баалур, остающийся без гарнизона, и на королеву Руфию. Но выбора у киммерийца не было, и потому приходилось верить старому пройдохе на слово — до поры до времени.

Наблюдая за тем, как готовится к выступлению его будущая армия, Конан все больше утверждался в мысли, что его способ стяжания славы и богатства ничуть не хуже способа Маздока. С годами варвар начинал ценить не славу, но путь к ней, не обретение сокровищ, но их поиски. Жажда приключений все еще была в нем больше смутного желания оседлой жизни. Он пока предпочитал заниматься на службу к какому-нибудь королю, чем становиться королем самому. Обычно поручения, выпадавшие ему, оказывались сопряженными с большим, почти смертельным риском — что ж, он шел на него. Самой главной — и трудноисполнимой — задачей при этом становилось соблюдение первого правила любого наемника: никогда не принимать близко к сердцу беды того, кто платит тебе за риск, чтобы в момент действительно смертельного риска выбирать между деньгами и жизнью, не более того.

Правда, в этот раз Конан справедливо опасался, что данное правило не будет соблюдено вовсе.

Но окончательное решение — во что бы то ни стало найти загадочный цветок — Конан принял не после бесконечных слез и уговоров Руфии, они как раз едва не отвратили его от этого похода. Услыхав впервые от Каспиуса о серебряном лотосе, Конан, ни разу не встречавший его в своих странствиях, сильно сомневался, не выдумал ли его безымянный автор древней рукописи.

Его сомнения были очень скоро развеяны.

И ночные кошмары, и обычные сновидения мало беспокоили варвара, он редко их помнил и никогда не придавал большого значения. Но, живя в городе, где все были одержимы одним и тем же сном, и он подхватил ту же заразу. Все пять или шесть ночей, проведенных в Баалуре, он тоже видел повторяющуюся картину, но так и не смог определить, кто наслал ее — ведьма Зерити или противостоящие ей светлые силы.

Он видел колдунью, прекрасную и нагую, кружившуюся в дикой пляске у своего каменного алтаря, и то темное нечто, выползающее из гробницы, к которому был устремлен её горящий взор. Но вокруг черной сожженной земли, островком тьмы возвышавшейся над серебряным светом, дрожало и колыхалось целое море цветов. Они были огромны, их упругие лепестки, мерцающие в лунном свете, казались искусно выкованными из металла.

Увидев этот сон в первую ночь, Конан удивился, но, когда то же повторилось и на вторую, и на третью ночи, он наконец согласился с Каспиусом, утверждавшим, что сама судьба привела киммерийца в их город. Серебряный лотос существовал на самом деле, и Зерити охраняла его.

Конан вышел на широкие ступени внешнего подъезда ко дворцу. Здесь уже стоял король. Внизу приветственно гудела толпа. Король Афратес поднял руку, призывая к молчанию.

— Сегодня, — начал он, — храбрейшие из нас выступают в поход, из которого, быть может, не вернуться. Но они уносят с собою наши чаяния, нашу надежду на спасение. В их колчанах стрелы, которые вы ковали день и ночь, на их плечах кольчуги, которые вы плели, они будут спать в шатрах, которые наши женщины соткали и сшили за три дня. И если будет на то воля наших богов, они вернуться с победой и наша возлюбленная принцесса будет здорова, а с нею и весь город. Поэтому воспрянем духом и будем уповать на лучшее! Восславим героев, моля богов даровать им победу, и да отыдет от нас зло!

Последние слова короля потонули в восторженных криках многотысячной толпы.

Проводить выступающий отряд вышли все члены королевского совета. Здесь были и верховный жрец Митры, и Каспиус, и мрачный военачальник Шалманзар, и Турио, его тень при Конане. Рядом с мужем, опираясь на его руку, стояла Руфия, с лицом бледным и озабоченным. Пестрая

толпа придворных в златотканых, сияющих на солнце одеждах, в искрах драгоценных камней являла собой весьма красивое и одновременно весьма угнетающее зрелище. Почти у всех был заспанный и нездоровый вид, усталость и обреченность читалась во всех глазах.

— Что ж, значит, в путь! — выкрикнул Конан, торопясь уйти, пока не утихло воодушевление. Он не любил мрачных проводов и еще более не любил произносить длинные речи. — В Асгалуне нас уже ждут корабли, мы и так потратили на сборы много дней.

— В путь! — откликнулся эхом Афратес. — Мы ждем вас к началу зимы, живыми и невредимыми. За вас будет молиться весь город.

— Да пребудут с вами благословение богов и наши молитвы, — тихо сказала Руфия. Конан кивнул и сбежал по ступеням вниз, вспоминая те полные мольбы, тоски и муки слова, которыми напутствовала она его нынче ночью, пробравшись в его спальню.

Он быстрым шагом пошел вдоль строя к голове колонны. Отовсюду слышались приветственные выкрики, толпа встречала его оглушительным воем. Глянув вбок, Конан с удивлением обнаружил, что Каспиус сбежал по ступеням вслед за ним и идет рядом, не отставая ни на шаг.

— Ты все еще не оставил своей безумной затеи? — сердито крикнул ему Конан, зная, что за гулом и выкриками его никто, кроме лекаря, не услышит. — Что за дикая мысль — ехать с нами? — Он склонился ближе к уху старика и тихо сказал: — Остановись, еще не поздно!

Каспиус, с теми же кругами под глазами и бледным лицом, что и у остальных царедворцев, упрямо помотал головой:

— Нет, мой доблестный военачальник, я не останусь в стороне. Мои вещи уже погружены, я еду с вами.

— Зачем? — хмурясь, пожал плечами Конан. — За верной смертью? А как же твой долг, твои обязанности королевского лекаря? Ты бросишь короля, Руфию и бедную Исмаэлу? Неужели же тебе здесь мало забот, что ты хочешь непременно новых?

Но Каспиус даже не замедлил шага, хотя угнаться за Конаном ему было непросто.

— Я уже говорил вам, что оставляю во дворце всех своих учеников. Они сведущи в искусстве врачевания не хуже, чем я. Я достаточно успел изучить состояние принцессы и

составил необходимые препараты, чтобы поддерживать в ней искру жизни так долго, как это только возможно. Большого я сделать не могу, и мое присутствие во дворце ничего не изменит. Исцелит ее только серебряный лотос.

— Ну ладно, а ты сам? Судя по твоему виду, ты не блещешь здоровьем, да и не молод уже, — заявил Конан нарочито грубо, еще надеясь отговорить лекаря. — Ты и в самом деле думаешь, что долго выдержишь такое изнурительное путешествие, как наше?

Усталая улыбка лекаря сказала Конану, что Каспиус понял его нехитрую игру. Киммериец с досадой отвернулся, пробормотав что-то бранное.

— Сейчас вопрос скорее в том, как долго я еще выживу в этом городе, — серьезно сказал старик, качая седой головой. — Я, конечно, ни разу не бывал в Стигии и южных королевствах, но когда-то немало попутешествовал по свету. А мое ремесло и знания помогут сохранить нам не только мою жизнь, Конан. Я неплохо ориентируюсь по звездам и кое-что смыслю в погоде; это тоже может вам пригодиться. Ну и, в конечном итоге, только я смогу определить, подойдут для моего лекарства найденные нами цветы или нет. И только под моим руководством мы сможем заготовить и привезти сырье. Король и королева одобрили мое решение и позволили оставить на время пост придворного лекаря. Поэтому примите меня в отряд и постарайтесь извлечь всю возможную пользу из моего присутствия, господин главнокомандующий.

Он церемонно поклонился Конану. Тот фыркнул.

— К тому же, если я правильно понимаю природу этой болезни, по мере удаления от города всем нам должно становиться легче и легче, — весело добавил Каспиус. — Глядишь, к концу путешествия я буду выглядеть здоровым юношей.

Киммериец сдался. Каспиус был прав: лекарь и астроном незаменим в любом походе. Но теперь Конану предстояло еще и охранять старика, чтобы тот вернулся из этого похода и приготовил свое чудодейственное лекарство.

— Второй раз говорю тебе: умеешь ты находить убедительные доводы, — проворчал он. — Но я думал, что ты разумнее распорядишься оставшимися тебе годами. Езжай с нами, раз так хочешь.

Во главе колонны бил копытом по брусчатке мостовой огромный черный жеребец, его еле удерживал под уздцы

уже сидящий верхом оруженосец. Каспиус проворно забрался по спицам колеса в головную повозку.

— По отрядам, один за другим! — крикнул Конан, вскакивая в седло. — Вперед!

Тысяча копыт ударила в мостовую, колонна дрогнула и тронулась, набирая ход. От дворца над площадью разнесся чистый звук серебряных фанфар. Закокали дробно копыта лошадей, им вторил мерный, шаркающий стук копыт быков. Заскрипела кожа, застучали по камню колеса повозок. Над толпой стаями птиц взлетали шапки, отовсюду слышались выкрики и добрые напутствия. Кто-то догадался выпустить почтовых голубей из дворцовой голубятни, и их пестрая стая, хлопая крыльями, закружила над толпой. Мужчины кричали, женщины плакали, мальчишки оглушительно свистели с крыш. Колонна вышагивала торжественно, словно на параде. На ступенях перед дворцом король и сановники подняли руки в прощальном жесте. Оглянувшись, Конан не увидел среди золоченой толпы Руфии — простившись с ним, она незаметно ушла, боясь и на полчаса оставить свою умирающую дочь.

Конан двинул жеребца в боковую улицу, ведущую к Южным воротам. Толпа отхлынула к домам, расступаясь перед колонной. Киммериец прищипорил коня, и процессия двинулась вслед за ним — вон из города, в сторону моря.

Колонна медленно ползла через город. Толпа на улицах расступалась перед ней и смыкалась позади. Эхо от стука тысяч копыт лошадей и быков металось от дома к дому, разнося весть о приближении воинства. У больших городских ворот Конан остановился.

Вдоль стен тянулся широкий глубокий ров, через который были перекинуты огромные подъемные мосты, достаточно прочные, чтобы выдержать караван верблюдов. Но армия, проходя по Южному мосту четким строем, разбила бы его в щепы. Конан велел всем выйти из повозок, пересечь мост небольшими отрядами и затем вновь выстроиться на дороге. Стоя у самых цепей древнего подъемного механизма и наблюдая за переправой, Конан мельком глянул на город — и, сощутив глаза, взгляделся внимательнее. Черные стервятники, до той поры кружившие прямо над дворцом, теперь переместились ближе к городским стенам.

Казалось, что они двигаются вслед за медленно ползущей по узким улицам колонной.

Последний раз взревели трубы, последняя шутиха разорвалась над городом в туче огненных брызг, последние букеты полетели под копыта лошадей и колеса повозок. Колонна выехала из города, и оставшиеся у ворот стражники закрыли створки и подняли мост. Перед Конаном и его армией лежала дорога на юг.

Время было за полдень, и солнце, уже достигшее зенита, пекло немилосердно. Стояли первые жаркие дни начала лета — поры, не самой лучшей для дальних путешествий. Большой караванный путь исстари прозвали Вонючим Трактом, ибо он проходил по опасным и заболоченным местам. Там, где по весне и осени болота превращались в настоящие топи, сохранились старые гати, настеленные еще в незапамятные времена. По ним легко проходили караваны верблюдов, но до сих пор никто не пытался испытывать их прочность целой армией.

После того как на переправу через первую гать ушло почти полдня, Конан из головы колонны переместился ближе к середине и ехал сбоку от дороги. Его могучий жеребец утопал в зловонной жиже по самые бабки, но зато так Конан мог видеть весь строй и подгонять отстающих.

Узнав об их выступлении, несколько купеческих караванов, также отправлявшихся на юг, задержали свой выезд из Баалура, соблазнившись возможностью путешествовать под защитой огромной армии. И потому на переправах, и без того нелегких, к ржанию и мычанию еле бредущих в жидкой грязи животных, брани и крикам солдат, вытягивающих увязшие в иле повозки, прибавлялись женский визг, надсадный рев детей и разноязыкие проклятия караванщиков. На ночных стоянках лагерь растягивался на два полета стрелы. Караванщики, желая умиловить начальников отрядов, зазывали их в свои шатры, откуда те выходили далеко за полночь. Простые солдаты завистливо роптали, дисциплина падала, и Конан проклинал тот час, когда он согласился на это безумное предприятие. Оставалось надеяться только на то, что в порту он наконец отделается от этого беспокойного приданого.

По мере того как они спускались с предгорий в степи, дорога становилась суше и нахоженнее. Здесь начинались обширные и плодородные земли городов — данников Баалура, небольших укрепленных поселений, окруженных

пашнями, фруктовыми садами и пастбищами. Помимо спешного заказа мастеровым и неурочного набора рекрутов, столичные события мало затрагивали местных жителей. Чары Зерити еще не успели распространиться на все земли Баалура, и жители провинций пока что спали спокойно.

Король снабдил Конана достаточным количеством верительных грамот и писем к наместникам с повелением оказывать всевозможную помощь проходящей армии. Конан вел свое воинство из города в город, и в каждом его ожидал радушный прием, ибо Афратеса, правителя грозного, но справедливого и мудрого, в стране уважали и любили. Наместникам нетрудно было оделить войско излишками богатых урожаев, не разоряя землепашцев, и солдаты ежевечерне устраивали в лагере настоящий пир. Это тоже влияло на царящее в армии настроение если не лени, то некоторой беспечности, но Конан хорошо знал, что долго это не продлится. Армия продвигалась все дальше к югу, а южные земли Шема издавна были известны как прибежище разбойников и работорговцев. Путешественник, отважившийся пересечь Шем с севера на юг, подвергал себя большой опасности, ибо с каждой лигой, приближавшей его к проклятому Стиксу, все реже произносилось имя Митры Жизнеподателя, все страшнее становились лики богов в темных, уродливых храмах и все чаще встречались на дорогах странные, подозрительные люди.

Увидев невдалеке от дороги чистое озерцо с впадающим в него прозрачным источником, Конан велел устроить привал. Каждый день в часы самой страшной жары приходилось делать стоянку, ибо ни люди, ни животные не выдерживали передвижения в пыли под безжалостными, почти отвесными лучами солнца. В этот раз Конан остановил войско даже раньше обычного — вода в выжженной степи встречалась редко, и такой случай упускать было нельзя.

Едва отдышавшись в тени маленькой рощицы, солдаты с криками полезли в воду, брызгаясь и хохоча, как малые дети. Те же, кто не хотел купаться, улеглись навзничь в траву, предавшись ленивой истоме. Подобное поведение еще можно было простить купцам-караванщикам, но для армии оно было совершенно недопустимо. Однако Конан смотрел на это сквозь пальцы — до поры до времени. Для измученных долгой бессонницей людей этот поход был блаженным отдыхом, ибо по выходе из города кошмары

все реже тревожили их сон. И командиры, и простые солдаты постепенно приходили в себя. Во всяком случае, выглядели они гораздо лучше, чем в тот день, когда собрались на большой площади Баалура для отъезда. И Конан терпел беспорядок, полагая, что поджидающие их впереди неприятности и без его окриков быстро отрезвят беспечное войско. А в том, что неприятности начнутся очень скоро, он не сомневался: куда бы они ни шли, где бы ни вставали лагерем, высоко в небе днем и ночью кружили черные колдовские птицы, следовавшие за отрядом от самого Баалура.

Когда тени немного удлинились, Конан поднял отряды и вел их, нигде более не задерживаясь, до самого заката. Едва раскаленный шар солнца коснулся горизонта, Конан послал нескольких верховых найти подходящее для ночлега место. Еще один отряд был отправлен в близлежащую деревню за едой и вином. В столице их снабдили большим запасом вина и долго хранящихся продуктов, но их Конан велел не трогать, поскольку местные жители и так безвозмездно снабжали армию всем необходимым. Каждый раз, отправляя всадников за едой, Конан повторял командирам, чтобы они не брали ничего сверх необходимого, но не был уверен, что они не забывали его слов, едва только лагерь скрывался из виду.

Ужин был закончен, все разбрелись по шатрам, а костры остались только у постов часовых. Конан решил, что пора собрать небольшой военный совет.

В его большом шатре собрались старшие командиры и Каспиус; рассевшись за столом, они принялись потягивать слабое деревенское вино и обсуждать дальнейшие действия.

Все были согласны, что армия уже в куда лучшей форме и что пора призвать разболтавшихся солдат к порядку.

— Люди были истощены бессонницей, сейчас ко всем возвращаются силы — я чувствую это по себе, — сказал Каспиус. — Мне кажется, с завтрашнего дня можно ускорить наше продвижение, а также будет полезным провести несколько учений, как вы думаете?

При этих словах лекаря Турио, предводитель конницы и правая рука Конана, сделал резкий отрицательный жест, и киммериец повернул к нему лицо.

— Я не считаю нужным тратить день, а то и несколько на никчемные тренировки, — заявил он. Этот доблестный военачальник был молод и красив, его мягко выющиеся

волосы и воинственно подкрученные усы были всегда расчесаны волосок к волоску. — Мы отбирали не юнцов, а опытных воинов, прошедших не одну битву!

Конан вздернул бровь и отставил в сторону кружку с вином.

— В этом я не сомневаюсь. Но им следует привыкнуть к новому командиру; научиться подчиняться моему окрику, узнавая меня по голосу, а не выискивая в толпе. Причем подчиняться быстро и слаженно, не раздумывая.

Турио кивнул с едва заметной насмешливой улыбкой.

— Они и так достаточно хорошо знают голос того, кого поставил над ними король. И пока ты будешь с ними честен, они честно исполнят все твои приказы, видя в них волю своего короля.

Конан, уже не в первый раз выслушивающий подобные дерзости от молодого капитана, еле сдержался, чтобы не прибить на месте самонадеянного юношу. И никто из присутствующих не сомневался, что, захоти он преподать Турио урок воинской субординации, они не смогли бы помешать ему, даже все вместе взятые. Но вместо ожидаемой вспышки Конан спокойно сказал:

— Не стоит каждый день напоминать мне, что ты здесь — глаза и уши Шалманзара. И не сомневаюсь, что ты предашь меня при первом удобном случае. Я прекрасно знаю о почтовых голубях, улетающих в Баалур чуть ли не каждое утро. — Он ткнул пальцем в сторону большой клетки с птицами. — Но никакие голуби не принесут его сюда в минуту опасности, чтобы спасти ваши шкуры!

Турио в ответ лишь пожал плечами:

— Поверь мне, я не одинок в своей верности нашим правителям. Почему я должен безоговорочно доверять тебе, ведь мы не выиграли еще вместе ни одной битвы. И если со мною что-нибудь случится, другой заступит на мое место, чтобы повернуть армию в минуту опасности. Но единственной моей целью было и останется скорейшее и удачное завершение нашей миссии.

— Может, и так. — Теперь Конан смотрел не на одного Турио, а на всех начальников отрядов. — Но предупреждаю, что там, куда мы направляемся, особо размышлять некогда. Там, на берегах Стикса, ваши жизни будут зависеть от того, как быстро вы исполните мой приказ! Раздумывающий над тем, насколько он верен королю, подчиняясь мне, подохнет быстрее других!

Турио склонил голову.

— Вероятно, ты прав, — кротко сказал он. И добавил, причем на этот раз кротости в его голосе было не больше, чем в раненом тигре: — Если только под твоим началом мы когда-нибудь доберемся туда. А сейчас, с твоего позволения, я хотел бы пойти проверить караулы.

Отсалютовав, он вышел из шатра.

В лагере было тихо. Лишь изредка тень летучей мыши перечеркивала восходящую луну, ярко-красную с одного бока. Солдаты спали. Кошмары еще не окончательно исчезли из их снов, и время от времени раздавался чей-нибудь стон или вскрик, но в остальном царил полнейшая тишина. Конану же в эту ночь не приснилось ровным счетом ничего.

Глава 6 ГАДАНИЕ

Принцессе Исмаэле снилось, что она пробирается сквозь непроходимую чащу. На все голоса свистали птицы; их яркое оперение сверкало в гуще листвы как россыпь самоцветных камней, и мириады бабочек выпархивали прямо ей в лицо из зарослей кустов. В больших, как ладони, листьях копилась влага, проливаясь на нее холодным дождем, когда она случайно задевала их, проходя мимо, так что ее волосы и ночная рубашка были уже совершенно мокрыми. Невиданные цветы величиной с человеческую голову протягивали к ней золотые чашечки с тысячами тычинок. Лианы и плющи обвивали неохватные стволы деревьев; в их густой зелени вертелись юркие змейки, ярко-изумрудные, как озерная ряска.

Раздвинув завесу из сплетения воздушных корней и благоухающих цветов, Исмаэла вышла на прогалину. Здесь на крошечной вырубке приютилась хижина, сделанная из огромных пожелтевших листьев, связанных длинными стеблями травы. Перед хижинкой росло молодое деревце, согнутое и скрученное. Его лишленные листьев и коры узловатые ветви были увешаны странными предметами: старой змеиной кожей, пустой скорлупой, лоскутами шерсти, обглоданными костями и высохшими черепами птиц и мелких зверюшек. Над дырой в крыше хижины

поднимался беловатый дымок, а из темного проема раскрытой двери доносился невнятный то ли хрип, то ли храп.

Эта тьма за порогом притягивала Исмаэлу, как магнит, хотя принцесса и понимала, что лучше бы ей обойти хижину стороной. Опустившись на четвереньки, принцесса подползла к таинственной хижине и заглянула внутрь.

В центре ее на земляном полу был сложен очаг, а в нем горел костер, пищей которому служили кости и перья. Пламя вспыхивало то голубым, то зеленым. У огня дремала ведьма. Время от времени она подбрасывала в огонь щепотки цветной пыли. Она была совсем нагая, страшная и грязная, спутанные черные волосы закрывали всю ее спину и плечи. Она сидела, скрестив ноги, на шкуре какого-то странного зверя, у которого мех рос сквозь чешую. Шея ее была увита ожерельями из звериных когтей и клыков.

Это была Зерити. Заметив принцессу, она кивнула ей торжественно, как равная.

— Ты снова пришла навестить меня, дитя мое. Очень любезно с твоей стороны. Ваше королевское высочество всегда найдет здесь радушный прием. — Она оскалила желтые клыки в отвратительной улыбке. — У меня найдется, что показать тебе, найдется, чему научить, — даже в этом убогом жилище, — она повела по воздуху иссохшей рукой с длинными ногтями, подчеркивая тесноту и неприглядность хижины.

Жилище и вправду выглядело жутковато: удушливый дым недвижимым облаком стоял под потолком, в углах горели мертвенным светом гнилушки, а по темным от дыма стенам во множестве висели пучки трав и высохшие тушки мелких животных.

— Я... я вовсе не хотела приходить, — пролепетала Исмаэла, пытаясь избежать проницательного взгляда ведьмы. Она изо всех сил старалась не смотреть на колдунью, но все же не могла не заметить огромный бледный шрам на груди Зерити. — Я просто заблудилась в лесу и пыталась найти дорогу домой.

— Ах, дитя, это случилось оттого, что ты еще только начала блуждать в Королевстве Снов! — Ведьма вытянула грязный, когтистый палец и потрясла им перед лицом девочки. — Но ты наконец здесь, и уж я научу тебя, как не теряться в здешних зарослях. Тогда и ты станешь царицей этих мест, подобно тому, как некогда ею стала я.

— Но я вовсе не хочу быть здесь царицей! Я хочу домой, к маме!

Исмаэла как зачарованная по-прежнему смотрела на уродливый старый шрам. Должно быть, это след от какой-то страшной раны, думала она. И как же эта женщина выжила после нее?

— Глупости! — отрезала колдунья. — В твоем скучном реальном мире нельзя научиться ровным счетом ничему, даже самой простейшей магии! Вот, например, умение предсказывать будущее — самое немудреное колдовство из всех, какие я знаю. — Говоря это, она достала из кожаного мешочка еще щепотку магического порошка и бросила ее в костер. Пламя вспыхнуло, взлетело к потолку разноцветными пляшущими язычками.

Судя по всему, порошок каким-то образом обострял все чувства. Дым от него, едкий и пахучий, не поднялся к потолку, а окутал Исмаэлу душным облаком. Она едва различала сквозь эту завесу лицо сидящей напротив ведьмы. Вскоре и оно исчезло, а перед принцессой в белой мгле начали проплывать видения.

— Ну, ты видишь, как это легко? — донесся до нее голос Зерити. — Что бы ты хотела узнать? Ну конечно, первый вопрос каждой девочки: «А что за принц возьмет меня в жены?» Смотри внимательно и увидишь ответ так же ясно, как вижу его я в этом дыму, хоть и есть некоторые обстоятельства, неблагоприятные для тебя. Я вижу, что это будет некто очень очень могущественный! Да-да, более могущественный, чем все короли земли! Некто высокий, очень высокий... и уже вполне мужчина, хоть и юн! Даже младше, чем ты, потому что он еще не родился... Или, сказать вернее, не перевоплотился. Но он будет настоящим мужчиной, поверь мне, потому что он юн и стар одновременно. На самом деле он старше, чем деревья, чем горы, чем весь наш мир... Ну, принцесса, разве это плохая загадка? Попробуй-ка разгадать ее!

Ведьма говорила напевно, чуть раскачиваясь из стороны в сторону, и волшебный дым колыбался и раскачивался вместе с нею, уплотняясь в неясный еще образ. Перед глазами принцессы вставало видение: темная расселина, словно вход в штольню или гробницу. В глубине расселины виднелась дверь. Вот она начала раскрываться, и из нее поползло нечто черное и страшное, чернее и страшнее самой тьмы. Это нечто неумолимо надвигалось на оцепеневшую принцессу.

— Он приближается! Он приближается! — триумфально пела ведьма. — Он всегда найдет дорогу к тебе, как всегда находил ее к невинным девам, что были обещаны ему! Юная принцесса, нетронутая и девственная, — вот дар, достойный его величия! Ну посмотри, неужели же он не прекрасен?! Не страдай, не мучайся, дитя мое, он не заставит тебя ждать! Не пройдет и года, как он заключит тебя в свои объятия.

Уставясь невидящими глазами в огонь, Исмаэла видела, как неясное нечто подходит к ней все ближе и ближе. Вот оно уже почти обрело форму; еще мгновение и она увидела бы его лицо... Но внезапно наплывающий мрак сгинул бесследно, а вместо него появилось лицо ее матери, сидящей над ней на краю постели.

И тогда принцесса закричала — тонко и пронзительно.

Глава 7 В ПОХОДЕ

Конан воспользовался советом Каспиуса и увеличил темп, рассудив, что уставший человек меньше думает и лучше спит. Какая бы ни стояла погода, он поднимал войско еще до света. Они ехали и в дождь, и в жару одинаково мерным и скорым шагом, делая лишь редкие и короткие остановки для приготовления пищи. Полуденный отдых Конан считал ненужным излишеством.

Памятуя о том, что их ждут домой не позже середины зимы, солдаты не слишком роптали на эти нововведения. Гораздо больше и охотнее обсуждались неисчислимые неведомые опасности, что поджидали их впереди. Но и это не заставляло их пожалеть о том, что они не остались в Баалуре, охваченном чумой ночных кошмаров. Теперь в лагере спали спокойно все до единого, исключая лишь часовых. Как сказал Конану, посмеиваясь, Каспиус: «Лучшее снотворное — дневные труды».

Дорога оставалась вполне сносной — Вонючий Тракт, как ни был он труднопроходим в предгорьях, все же был основным торговым путем северо-запада Шема. В степях его не слишком благозвучное название объяснялось изобилием верблюжьих и бычьих лепешек, что наслаивались

здесь веками, пропитав насквозь едкую пыль. Дышать на нем и в самом деле было трудно, особенно в жаркий полдень. Но через несколько дней пути носы и людей, и животных привыкли к постоянному зловонию и перестали его чувствовать.

То же говорили и другие, путешествующие в этих землях. Ибо Тракт не был пустынен, несмотря на жару и летний застой в торговле. Войску Конана встречалось по два-три каравана ежедневно, а небольшим компаниям и даже одиночным путникам и вовсе не было числа.

Все они старались отойти в сторонку и переждать, пока по дороге пройдет громыхающая железом колонна, и даже большие караваны верблюдов, степенно вздымающих пыль своими шаркающими ногами, жались к обочине, заведя огромную армию на марше.

Большая часть «прихвостней», следовавшая за ними из Баалура, и иные, пытавшиеся присоединиться к ним на ночлегах и стоянках, постепенно отстали, не выдерживая той скорости, с какой передвигалась армия Конана. Но те немногие верховые, которые могли тягаться с могучими быками и тонконогими лошадьми кавалерии Конана, держались поблизости. Одинокий путник по ночам становился легкой добычей для разбойников, промышляющих на дорогах Шема.

Распаханные поля и ухоженные сады и луга Баалура остались далеко позади, а дорога извивалась в глуши, где порой на несколько сот лиг не встречалось никаких признаков человеческого жилья. Тракт обступали непроходимые леса, иногда ветви так низко и тесно сплетались над ним, что приходилось пускать в ход топоры, чтобы могли проехать крытые повозки с пешими солдатами. Колонна продвигалась медленно, растянувшись на пол-лиги, и вестовые то и дело сновали от головы ее к хвосту, передавая приказания. Конан ехал по-прежнему сбоку, почти посередине, там, где самые сильные быки волокли повозки с оружием и золотом. В случае нападения лесных любителей легкой добычи Конан не хотел оказаться в стороне от событий.

Но нападений не было, если не считать шального медведя, выскочившего из леса и задравшего одну из лошадей. После этого случая на стоянках всех животных загоняли в самый центр лагеря, окружая кольцом из повозок и шатров. Дармовая еда кончилась, в ход пошли взятые с собой

из Баалура припасы, и быки с каждым днем ехали все веселее.

Примерно через пять дней пути лес начал редеть. Каспиус как раз сетовал вновь на отсутствие городов и даже мелких поселений в центральной части Шема, когда вдруг затряс задумавшегося Конана за рукав с криком:

— Замок! Замок, клянусь Митрой! И какой огромный! Смотрите, каким благородством дышат его гордые башни! Кажется, Пресветлый решил наказать меня за излишние жалобы!

Конан, привыкший никогда не судить о вещах по внешнему виду, насмешливо улыбнулся:

— Да, замок славный. Прелестное воровское гнездышко!

Велев колонне остановиться и ждать, он подъехал к столбу у дороги на краю леса.

— Это пограничный замок земель Недрезара, — сказал он, сверяясь с указателем на столбе и картой, которую всегда держал при себе. — Значит, через три или четыре лиги к востоку будет река, где караваны платят дорожную пошлину при пересечении границы. Я слышал, там нет моста, а только брод, так что для нас эта переправа может оказаться не из легких.

Но мост на реке был. Подъехав ближе, они увидели замок, стоящий на подмытом рекой каменном утесе, дорогу, огибающую этот утес прямо под замком, и мост, тремя каменными арками вросший в реку. При желании, мост мог полностью простреливаться со стен и башен замка, и это не понравилось Конану.

— Ну, особенных трудностей я не предвижу, — сказал Каспиус, щурясь на замок против заходящего солнца. — Баалур не воевал с Недрезаром уже столетие или около того, и пошлина должна быть не слишком высока, раз уж тут ходят караваны. У нас достанет золота выстроить новый замок, а не только оплатить переправу.

— В этом-то и дело, — мрачно сказал Конан. — Трудностей не будет, если они не хотят выстроить новый замок — на чьи-нибудь деньги. Я наслушался разговоров караванщиков о сребролюбии здешних людей. — Он знаком подозвал капитана Турио. — Собрать кавалерию теснее вокруг повозок. Повозки с ценностями и оружием — в самую середину строя. И будьте все время начеку.

— Так ли уж это необходимо, господин мой? — спросил Турио, тоже рассматривающий замок. — Они увидят наши приготовления и, быть может, сочтут это за вызов. Это приведет к нападению, которое они и не планировали.

— К нападению приводит беспечность, — отрезал Конан. — Делайте, как я сказал.

Не дожидаясь, пока Турио уедет исполнять сказанное, он двинул своего коня вперед по дороге. У него за спиной раздалась команда, пешие воины выстроились развернутым строем в голове колонны, всадники с копьями наперевес встали позади них. Издали все это должно было выглядеть весьма внушительно.

Ответом на это было хорошо видимое с дороги передвижение солдат на стенах и башнях, особенно у бойниц донжона, выступавшего далеко вперед. Ворота замка Конану пока не были видны — их закрывал высокий берег реки. На дальнем конце моста, у небольшого домика, видимо служившего сборщикам пошлины укрытием в непогоду, тоже началось шевеление.

Каспиус, не отстававший от Конана ни на шаг, заметил, слушая, как скользят по неровным и разбитым камням брусчатки копыта его лошади:

— Для дороги, за которую взимают плату с путников, эта не слишком хорошо содержится.

— Да, дорога паршивая, — согласился Конан. — И в смысле содержания, и в смысле ненужных приключений. — Он ткнул пальцем в лежащую у моста разбитую повозку, которую, видимо, бросили, отчаявшись починить, настолько неудачно она упала, зацепившись колесом за торчащий, криво уложенный камень. И, не оборачиваясь, крикнул через плечо: — Всем стоять! Не спускайте с них глаз, но не двигайтесь с места, пока я не скажу.

Брусчатка на мосту была в еще худшем состоянии, чем на дороге перед ним. Жеребец Конана несколько раз едва не упал на передние ноги, споткнувшись о камни, словно нарочно вывернутые из мостовой. На середине центральной арки навстречу Конану выехал отряд из восьми всадников.

— Стойте, пришельцы, кто бы вы ни были, именем правителя города Недрезара!

Предводитель отряда произносил слова шемитского языка с каким-то неуловимым гортанным акцентом. Он был, несомненно, важной персоной — совсем еще мальчик, но, судя по осанке, командир гарнизона замка. Одет он

был вполне обычно для всадника — кожаные штаны и куртка, высокие сапоги, но его одежда отличалась добротностью и обилием золотой вышивки. На его шлеме развешался пышный плюмаж из белого конского волоса, кольчужный ворот, закрывавший шею и грудь, так и сиял начищенной сталью. В правой руке он сжимал большую булаву с навершием в виде львиной головы — более символом власти, чем оружием. Всадники его были одеты попроще и вооружены серьезнее — обтянутыми кожей щитами и длинными шемитскими саблями.

— Я — Ирskar, сайшелл Северного Предела. Уводи своих солдат, незнакомец, кто бы ты ни был!

— Если ты и есть здешний сборщик пошлин, — миролюбиво сказал Конан, — то бери столько, сколько положено, и позволь нам пройти.

Из походного мешка, всегда висевшего на седле его пегой кобылы, Каспиус достал свернутый пергамент, скрепленный красной восковой печатью, и протянул его сайшеллу.

— Я — Конан из Киммерии, нынешний предводитель воинства Баалдура, — продолжал Конан. — Мой отряд продвигается на запад к морю, мы выполняем поручение короля Афратеса, вашего соседа и союзника. Король заверил меня, что предупредил все дружественные государства на пути моего следования, и вы должны быть извещены о нашем прибытии.

Ирskar сделал знак своим всадникам, и они сгрудились ближе, обступив его с обоих боков и полностью перегородив мост.

— Я не потребую с вас никакой платы, — заявил он, брезгливым движением булавы отталкивая протянутый ему свиток. — Потому что вы здесь не пройдете. Поворачивайте и уходите отсюда и никогда больше не пытайтесь пересечь границы Недрезара.

Конан нахмурился и уже хотел выдохнуть что-то бранное, но Каспиус удержал его, положив крепкую ладонь на запястье варвара. В руке у лекаря сияла чистым золотым светом большая монета с профилем Афратеса.

— Так-таки и никакой платы? — спросил он, прищурясь. — Ссоры на мосту стоят дешево, а золото — всегда золото. Все, что нам нужно, — это добраться до моря. Мы никоим образом не желаем причинять вам беспокойства...

Ирskar резко и отрицательно покачал головой:

— Здесь вы не пройдете. Ни здесь, ни в каком-либо ином месте. — Он указал своим жезлом на пеший строй на дальнем краю моста. — Вы в самом деле считаете меня таким глупцом? Неужели же я польщусь на золото и впущу в наши земли армию, которая может разорить половину страны, прежде чем мы вас остановим? Этот мост был выстроен для торговли, а не для вторжений.

Конан, уже успевший остыть, заговорил с редким для него спокойствием:

— Наша армия хорошо вымуштрована, Ирskar, и наша цель — самая мирная, какая может быть у армии. Я обещаю, что ни одно яблоко из садов ваших крестьян не будет сорвано без справедливой оплаты за него. Мы направляемся в Асгалун, и король Маздок уже дожидается нас.

— Я хорошо знаю, какие мирные цели вы преследуете! — ответил на это сайшелл, кивая на черных стервятников, парящих над воинством Конана. — Не отпирайся, вы ведь здесь таким войском из-за колдовской болезни, которая недавно поселилась в Баалуре и которой все бегут, как чумы?

— Совершенно верно, но мы не бежим, а едем на поиски лекарства... — вмешался Каспиус.

— И эта чума сейчас идет сюда вместе с вами, не так ли? — оборвал его Ирskar. — Мне не нравится вид ваших людей даже отсюда. И вы предлагаете мне пропустить вас, зараженных неведомой болезнью, в нашу страну? Убирайтесь прочь вместе со своими стервятниками! — Он взмахнул своей булавой, явно подавая сигнал. — Убирайтесь, говорю вам, — повторил он, натягивая повод и заставляя этим свою лошадь пятиться назад. — Иначе смотрите, что вас ждет!

Откуда-то издали послышался лающий звук выкрикиваемой команды.

Раздался пронзительный свист — и что-то тяжелое плюхнулось сверху в воду совсем рядом с мостом, выметнув столб воды, так что брызги полетели во все стороны, в том числе и на Конана и его солдат, терпеливо стоящих на берегу.

Камень был, несомненно, выпущен из катапульты на башне. Промажнулись ли стрелявшие, метя в людей, или попали в воду нарочно, оставалось только догадываться.

— Ты видел, что с вами будет, — самодовольно заявил сайшелл. — И не пытайтесь пройти здесь. Помимо ката-

пульт, я могу залить весь мост маслом из специального резервуара и поджечь. Хотите зажариться — милости просим. С этими словами он развернул коня и поскакал прочь — почти в тот же миг, когда Конан, убедившись, что договориться невозможно, начал разворачивать своего жеребца.

Разворачиваясь вслед за ним, Каспиус озабоченно проговорил:

— Похоже, он и в самом деле не намерен пропустить нас, а не просто набивает цену.

— Похоже, — кивнул Конан. — Быть может, он боится заразы, потому что не знает ее природы. До него дошли слухи, и он испугался. А может, он опасается, что мы соединимся с силами Маздока и двинем наши войска на их земли или сразу пойдем с грабежом и разбоем. Мы собирались в спешке, их правитель мог не успеть оповестить все посты. И Ирskar, как всякий хороший военачальник, начал с демонстрации силы.

— И как же нам убедить его? Или просто подняться вверх по течению и поискать брод?

— Нет, не надо, во всяком случае, пока не надо. — Жеребец Конана снова едва не подвернул ногу на камнях, и киммериец помянул Нергала. — Мы предоставим ему увидеть, как сбываются все его дурные предчувствия.

Когда с башни выстрелила катапульта, колонна, быстро перестроившись, отошла от моста на несколько десятков шагов. Конан подъехал и велел командирам отвести отряды и расположить их в лесу так, чтобы не было видно из замка. Если защитники моста увидят что-то подозрительное среди деревьев, они немедленно примчатся сюда и, обнаружив затаившуюся армию, поднимут тревогу.

По его приказу в лес отъехали и повозки, и возле них тотчас закипела работа. Застучали топоры и молоты, погонщики распрягли быков и с их помощью притащили огромные камни.

— Превосходно, — одобрил Конан, видя, как осадная машина растет и обретает форму прямо на глазах. — Снимите несколько колес, чтобы ее было легче катить вниз по дороге.

Не прошло и нескольких часов, как машина была закончена, дюжина быков сдвинула ее с места, а к мосту она поехала уже почти сама, так как дорога здесь сбегала под

гору плавным изгибом. За ней четыре быка волокли повозку, доверху груженную камнями, позади ехали всадники. Конан, взобравшись на колесницу, приготовленную ему как военачальнику и которой он до сих пор ни разу не воспользовался, возглавил шествие. В колесницу, невзирая на протесты киммерийца, забрался и Каспиус, непременно желавший быть в самой гуще событий.

— Всадников высылать небольшими отрядами, чтоб держали расстояние не меньше дюжины шагов, — распоряжался на ходу Конан. — Они будут стрелять, но не смогут попасть, если вы будете двигаться очень быстро. Главная наша цель — башня с проклятой катапультой. И не забывайте стрелять по бойницам.

Пешие солдаты с гиканьем выкатили из лесу огромную машину. Конан нашел довольно-таки ровное место, с которого хорошо просматривался замок.

— Устанавливайте! — крикнул он. — Свежесрубленное дерево очень плохо щепится! Укрепите колеса клиньями, чтоб машина не поехала на вас от особенно сильного удара!

Едва громоздкое сооружение было укреплено, со стен замка посыпались камни. Многие не долетели, многие попали в щит катапульты Конана, один небольшой камень угодил прямо в повозку с боеприпасами. Тучи брызг и пыли на миг заслонили замок. Тем временем верховые двинулись через мост.

— Они перезаряжают, скорее! — крикнул им Конан и обернулся к Каспиусу: — Если все будет хорошо, никто не пострадает. Сюда они пока что не достреливают. Но я уверен, у них есть катапульта и помощнее.

— Смотрите! — крикнул Каспиус, указывая вниз. — Они обстреливают наших всадников на мосту!

Глянув на мост, Конан понял, почему брусчатка была в таком плохом состоянии. Видимо, мост обстреливали не впервые. Мелкое крошево камней взлетало вверх жалищими брызгами, пыль над немощенной дорогой завесой поднялась над первым прорывающимся отрядом. Всадники, быстро проехав, взялись за арбалеты. В мгновение ока тетивы были оттянуты большими рычагами и спущены. Шемитские арбалеты заряжались не обычными короткими стрелами, а тяжелыми металлическими стержнями с квадратной головкой. Такой стержень мог на излете пробить полный стальной доспех. Крики на стенах подтвердили, что стрелки не

промахнулись. Они перезарядили арбалеты и быстро переменили место.

— Хорошо! — крикнул Конан. — Только не стойте, все время двигайтесь! Ну, наша катапульта готова. Стреляйте!

Дерево затрещало так, словно рычаг машины вот-вот переломится. Снаряд взвился в воздух и по широкой дуге улетел к замку. Конан проследил за ним взглядом: он перелетел через стену, не причинив ни малейшего вреда.

— Опустите прицел! — велел киммериец. — И на этот раз возьмите камень потяжелее!

Второй выстрел выбил несколько камней из стены, обдав защитников замка тучей осколков. Вреда от него и на этот раз было не много, но войны на стенах явно растерялись. Конан, сощурясь, наблюдал за их суетливым и беспорядочным передвижением.

— Сдвиньте ее чуть вправо, — распорядился он, и солдаты навалились на огромное неуклюжее сооружение.

Тем временем катапульта замка обстреливала мост. Один из снарядов упал сразу за стрелками, мгновенно перебравшимися на новое место, другой ударился в землю прямо под ногами быков, отчего они испуганно замычали и шарахнулись в сторону.

— У них очень хорошая катапульта, — заметил Конан Каспиусу. — Пристрелянная. Но большего они от нее вряд ли добьются, иначе ее невозможно было бы перезарядить так скоро.

Он не успел договорить, как катапульта баалурцев выстрелила снова. Снаряд пробил стену у самой башни, обрушив на защитников целый зубец. Солдаты Конана встретили этот выстрел восторженными воплями.

— Довольно вопить, за работу! — рявкнул на них киммериец. — Не стойте, берите вон тот большой камень и стреляйте снова!

Новый выстрел из замка, видимо слишком поспешный, не достиг цели, попав в реку. Другой снаряд вспахал песок на берегу.

— Ну, вот он, их предел, — подытожил Конан. — Они в состоянии превратить в кашу мост, но достать нас здесь их катапульты уже не могут!

Ответный выстрел баалурцев, угодивший прямо на стену, вызвал новые крики боли и брань со стороны замка.

— Прекрасно сделано, друзья мои! — закричал Каспиус в совершенном восторге. — Кажется, мы разрушили их катапульту?

Выпрямившись в колеснице, Конан нахлестнул лошадей.

— Есть только один способ это проверить! — крикнул он. — Продолжайте стрелять все время, пока мы не перейдем мост!

Выехав на дорогу, Конан взревел так, что было слышно, наверное, даже в Асгалуне:

— Выдвигайте всадников, за ними едут повозки! Если я не поверну от самого моста, следуйте за мной через большие и неравные промежутки!

Колеса, обитые железом, загремели по мостовой, подпрыгивая на рывках, оставленных выстрелами. Опомнившись, защитники замка оставили катапульту — если только она еще могла стрелять — и взялись за луки. Несколько стрел упали на дорогу, одна или две вонзились в большие кожаные попоны, закрывавшие спины лошадей. Но луки не могли тягаться с арбалетами, и дружный залп уже проехавших всадников пресек робкую и беспорядочную стрельбу со стен.

— Ну, на этот раз мы переедем мост, клянусь Кромом! — выкрикнул Конан и рассмеялся коротким злым смехом. — Только вот что мы будем делать, оказавшись на той стороне? — Он взглянул на лекаря, который стоял белый, как простыня, неживыми руками вцепившись в борт колесницы. — Эй, эй, старик! Если ты так боишься пения стрел, сиди в повозке и не просись ко мне больше!

Турио не замедлил двинуть своих всадников вслед за мчащейся через мост колесницей. Еще с середины моста Конан услышал дробный стук копыт у себя за спиной. Они промчались как вихрь, слишком быстрые для стрел, которые все еще продолжали сыпаться со стен. Один или два всадника склонились к холкам коней, раненные в руку или ногу, но не прервали спасительного галопа. За ними, пользуясь завесой поднятой пыли как прикрытием, проскакал новый отряд лучников. Один за другим продвигались отряды к мосту, и все это время катапульты с берега не переставала обстреливать замок.

Домик у дальнего края моста послужил прекрасным прикрытием для колесницы. Оставив в ней Каспиуса, Конан вскочил в седло, натянул лук и присоединился к

отряду Турио, обстреливающему замок сквозь дыры, проделанные катапульты.

После нескольких залпов Конан поднял руку, призывая к вниманию:

— Довольно! Поберегите стрелы. Посмотрим, что они скажут теперь.

Над стеной появился высокий шлем, увенчанный султаном из белого конского волоса, и киммериец услышал голос Ирскара:

— Вы можете продолжать вашу атаку вечно, дети шакалов! Мы все еще простреливаем мост и дорогу! Вы провели конницу, но эти, — он указал на готовящуюся к переправе пехоту, — не перейдут живыми! Мы утыкаем стрелами всех ваших быков до единого!

— Попробуй это сделать — и ты потеряешь лучников больше, чем я — быков! — крикнул ему в ответ Конан. — Но у меня есть дела поважнее, чем осаждать твой несчастный замок, Ирскар! Все, что мне нужно, это следовать дальше по Вонючему Тракту к морю. Оставь упрямство и дай нам спокойно пройти! Через два дня нас уже не будет в землях Недреззара. Скажи своим правителям, что у меня были верительные грамоты короля Афратеса. Они признают разумными все твои действия, если ты объяснишь, как было дело!

— Предупреждаю тебя, Конан из Киммерии, что если за этим кроется какой-то злой умысел... — Ирскар оборвал фразу на полуслове и исчез из виду, явно с кем-то совещаясь.

Через несколько минут он появился снова.

— Хорошо, — сказал он уже почти спокойно. — Забирай своих молодчиков и убирайся отсюда, будь ты проклят! — Он взмахнул булавой, указывая на запад. — Ступай, пока мы не передумали и не начали стрелять!

— Отлично, — отозвался Конан и демонстративно спустил тетиву со своего лука. — Но вслед за нами идут несколько караванов. Они тоже под нашей защитой. Никаких пошлин и грабежа, ты понял меня?

Если Ирскар и ответил что-нибудь, внизу этого не услышали. Он лишь кивнул в знак согласия и спрыгнул с парашюта.

Конан велел всадникам привязать лошадей где-нибудь поодаль и встать у моста с луками наготове. Тем временем пешие солдаты двинулись через мост сплошным потоком,

люди и повозки вместе. Когда проехал последний верблюд караванов, Конан снял лучников с моста.

Воинство прошествовало ровным строем под самыми стенами, распевая какую-то шемитскую победную песню, что было, конечно, очень обидно защитникам замка. Серьезных потерь они не понесли, если не считать нескольких смехотворных ранений. Но Конан все же хмурился: на осаду и переговоры ушло полдня, которые они могли бы провести в пути. Киммериец не удержался, чтобы не высказать своего одобрения капитану Турио как опытному и сообразительному командиру. Всадник на это только буркнул что-то неразборчивое. Учения, которым он так противился, все-таки состоялись, и теперь все воинство видело в Конане военачальника.

Два дня спустя, как и обещал Конан, они пересекли южную границу Недрезара. Здесь их встретили еще один мост и еще одно укрепление — большая круглая башня в узкой лощине. Но никто не вышел им навстречу с требованием пошлины, никто не высунулся из окон поглазеть на проезжающих. Если бы не тонкий дымок, курящийся над трубой на крыше маленькой пристройки, можно было бы счесть этот пост необитаемым.

Глава 8

АСГАЛУН

Наконец Либнанское нагорье было позади, и перед воинством Конана открылось великое Море Запада.казалось, оно простирается до самого края света, огромное и живое, словно самый древний зверь на земле. Очень немногие из баалурцев бывали так далеко от дома, а море видели уж вовсе единицы. Притихшие, смотрели они на этот бескрайний простор, словно только сейчас узнали, как велик мир.

Но красоты природы менее всего интересовали их неутомимого командира. Разъезжая вдоль колонны на своем огромном жеребце, Конан то подгонял плетущиеся повозки, то скакал впереди, высматривая, не покажутся ли вдали белые башни маяков Асгалуна. Давний приятель Маздок мог устроить ему любую неожиданную встречу, и Конан

хмурился, размышляя, не напрасно ли он оставил у замка тяжелую катапульту. Но с другой стороны, она бы сильно замедлила их продвижение...

Но искренность гостеприимства Маздока не подлежала сомнению. Миновав грязные, пахнущие протухшей рыбой трущобы, окружавшие город плотным кольцом, они вышли к воротам, где их уже поджидал эскорт из полусотни всадников королевской гвардии. Конан узнал капитана, возглавлявшего высланный отряд: это был один из самых талантливых разбойников шайки Маздока. Теперь, став начальником городской и дворцовой стражи, он выглядел гораздо внушительнее, отметил про себя киммериец. Колонна торжественно прошествовала в распахнутые настежь ворота, где специальные отряды воинов сдерживали напор толпы, глазающей на прибывших гостей. Отовсюду слышались разноязыкие приветственные выкрики: Асгалун был самым большим и богатым портом на всем побережье Шема.

Во всяком случае, Конан надеялся, что это приветственные выкрики, а не проклятия чужеземцам, принесшим в город неизвестную заразу. Но проверять это ему не хотелось. Он знал, что жители Асгалуна — самые беспокойные и неуправляемые граждане во всем Шеме и восстания вспыхивают в этом городе не менее чем раз в десятилетие. Если асгалунцы испугаются, что заразятся непонятной болезнью от баалурцев, весть о несчастье которых уже распространилась во все города и земли Шема, это может привести к кровопролитию... а может, и наоборот. Может быть, их поселят в достаточно изолированном доме и постараются как можно быстрее избавиться от опасных чужеземцев, отправив их в плавание.

Но пока все шло благополучно.

Конан, немного успокоившись, начал с любопытством оглядываться по сторонам. Он помнил этот город горящим, разграбленным и разоренным, с проломами в стенах и крепостных башнях, с обветшавшими дворцами и немощеными улицами. Несколько лет разумного правления, однако, хватило на то, чтобы отстроить разрушенные здания и даже начать новое строительство: на одной из площадей, мимо которых проезжал Конан, поднимался фундамент и первые колонны будущего огромного храма. Большой канал, ранее засоренный и заросший тиной, был вычищен и заново облицован камнем. Теперь это была главная улица города,

та артерия, по которой со всех морей стекалось в Асгалун богатство.

Сам король Маздок встретил их на большой площади Адониса. Огромный гирканиец мало изменился с тех пор, как был всего лишь воеводой, лишь доспех сиял золотой отделкой да рукоять меча была осыпана драгоценными камнями — не чета тому скромному оружию, которым завоевал он себе королевство. Но ястребиный нос по-прежнему воинственно торчал из-под золотого шлема, и улыбка, которой он приветствовал Конана, была исполнена прежнего ехидства.

Король восседал на черном, как ночь, жеребце, и его небрежно наброшенный на плечи белый шелковый плащ ниспадал по лошадиному крупу почти до земли. Маздок выглядел столь величественно, что ни у кого бы язык не повернулся напомнить, в результате чего он пришел к власти. Какая разница, как именно он ее получил, — он крепко держал ее в руках, правя как истинный король волею Митры.

Но первые же его слова были совсем не те, что пристали королю, приветствующему войско союзника. Он легко соскочил с седла и размашистым шагом подошел к жеребцу киммерийца, рядом с которым ехал на своей кобыле неизменный Каспиус.

— Конан, старый лис! Какие бесчинства ты затеваешь на этот раз?

— Еду собирать цветочки, о чем тебе уже, несомненно, известно, — ответил Конан, смеясь. — Знаешь, такие белые и огромные, как тарелка, которых если наешься, забываешь все на свете.

— Ну да, лотос, — хохотнул Маздок. Привычным жестом он протянул руку к подносу, полному мелких серебряных монет, который за ним повсюду носил шелково-бархатный паж, ухватил горсть и швырнул в толпу. — Я его ни разу не пробовал, насмотревшись на тех, кто его поедает вместо завтрака, обеда и ужина. Но, зная тебя, я готов поверить, что ты отправишься и на край света, если тебя там ждут неведомые сокровища. Помнишь то время, что мы бродили вместе? Веселые были деньки!

Конан наконец спешился.

— Да, деньки были ничего. — Он взял с подноса монетку и принялся вертеть ее в руках, рассматривая ту и другую стороны. — Но теперь это все ушло в прошлое,

можно сказать, превратилось в легенды, с тех пор как твой пресветлый лик красуется на монетах.

— Мой и Руфии, — рассмеялся Маздок, переворачивая монету и демонстрируя Конану изящный женский профиль, выбитый на ней. — Я слышал, это она тебя упросила поехать? Расскажи, как она. Она действительно сделалась королевой? И все так же хороша, как прежде? Я с тех пор не перестаю клясть себя за глупость — надо же было упустить такую жену! Она бы прекрасно смотрелась рядом со мной на троне Асгалуна!

— Угу, и помыкала бы тобою, как хотела, — кивнул Конан, искоса взглядывая на Каспиуса, стоявшего рядом и не пропускавшего ни слова.

— Все равно, за всю свою жизнь я не сделал большей глупости, когда отпустил ее с тобой, — махнул рукой Маздок. — Но все же передай ей мой привет, когда увидишь ее снова. Если, конечно, увидишь — ведь, как я понял, путь тебе предстоит не из легких.

Так, беседуя, они взошли на колесницу, и возница тронул коней неспешным шагом вслед за конным отрядом, сопровождавшим короля. Копыта прогремели по большому мосту через канал, и процессия въехала в Высокий город. Здесь, на вершине холма, вздымалась еще одна стена с белыми башнями. Ворота распахнулись, за ними взревели трубы и послышались приветственные крики встречавшей их знати. Конан бывал и здесь и хорошо помнил, как эти гордые храмы и величественные дворцы, освещенные заревом пожаров, были залиты кровью, а с ветвей могучих древних деревьев свисали, точно спелые плоды, тела повешенных.

— Вот награда проходимцу за то, что он пришел и взял то, что плохо лежало, — не удержался от улыбки Конан, слушая, как надрывается пестрая толпа, в которой каждый старался крикнуть погромче, чтобы король отметил именно его голос в общем хоре. — Теперь этого проходимца встречают восторженными криками. Послушай, а у тебя не возникло трудностей с тем, что ты чужой им по крови?

Маздок расхохотался, не стесняясь чужих ушей.

— Будь я одним из их многочисленных прямых потомков царского рода, было бы много труднее! А так я неподкупен и равно сочувствую всем, кто здесь обитает. Был, конечно, прямой наследник — племянник бывшего

короля, — но он очень быстро помер от неумеренных возлияний и перед смертью уступил мне трон вполне добровольно. А вообще, — тут гирканиец пожал могучими плечами, — быть королем не так уж трудно, если ты хороший игрок и соблюдаешь правила. — Он кинул на Конана лукавый взгляд. — Ты непременно должен когда-нибудь попробовать эту игру, киммериец.

Никак не отреагировав на это заявление, Конан указал на высокую белую башню, показавшуюся между дворцами.

— Это та самая, в которой умер сумасшедший король Ахиром?

— Она и есть, — кивнул Маздок. — Полетел в небо ловить луну с самой вершины. Зерити опоила его чем-то, всякий бы после этого подвинулся мозгами. Я оставил это сооружение в целости — в назидание добрым жителям Асгалуна, чтобы они не забывали, какие безумцы предшествовали мне на троне. Но на самом деле я бы предпочел, чтобы в один прекрасный день оно рухнуло вниз, как его король-самоубийца.

Войско остановилось у большого дворца, от которого открывался великолепный вид на гавань. Город выглядел отстроенным и ухоженным, но менее пышным, чем Конан ожидал увидеть. Бойницам и стенам уделялось большее внимание, чем украшению домов, а сторожевые посты встречались чаще, чем тенистые сады с фонтанами и прудами. Но это, скорее, обрадовало Конана: во всем виделась рука расчетливого, заботливого хозяина.

Сойдя с колесницы, Конан подошел к краю террасы и оглядел гавань с покачивающимися у причалов кораблями.

— А, так ты привел меня сюда, чтобы показать залив сверху! — сказал он, изображая удивление. — Ну, и какие же из них наши?

— Нет, я привел тебя в свой дом, погостить дня два или три, — возразил Маздок с неудовольствием. — Неужели твои дела не подождут немного? Я собирался похвастаться перед тобой своим гаремом...

— Как ни жаль, но время сейчас — наш худший враг, — покачал головой Конан. — Если ты не против, я хотел бы отплыть уже сегодня или завтра утром. Но это, конечно, зависит от того, готовы ли у тебя корабли для нас.

— Не беспокойся, я уже давно все приготовил. Но, может, мы сначала хотя бы пообедаем? Когда дозорные

донесли мне, что вы приближаетесь, я велел накрыть столы в одном из внутренних дворов. — Взяв Конана под руку, Маздок почти потащил его ко двору. — И в любом случае тебе надо потолковать с Гулизаром, моим кормчим, а ныне — советником по делам морской торговли. Он может рассказать тебе немало полезного касательно дельты Стикса и обычаев стигийских сборщиков пошлин.

— Приветствую вас, ваше величество, а также вас, ваша милость, — думаю, не ошибусь, если назову вас Конан, верно? Я весь к вашим услугам.

Со ступеней дворца сбежал, кланяясь на ходу, маленький человечек, проворный и изящный. Первое, что бросалось в нем в глаза, большие, торчащие вверх усы. Одет он был в светлый шелк, как и большинство придворных. Несомненно, это упомянутый Гулизар собственной персоной.

— Осмелюсь утверждать, что знаю течения и фарватеры Стикса не хуже, чем собственные вены, — он поднял тонкую руку с ухоженными ногтями. — Я смогу провести вас по всему руслу до тех пределов, где уже не сможет пройти судно.

Видя, что ночевки в Асгалуне ему не миновать, Конан сдался и пустился в долгое и пространное обсуждение всех сюрпризов, поджидающих путника на проклятой реке. Маздок велел своим слугам как следует принять гостей, и большая часть солдат и командиров вступила во дворец. Конан распорядился остаться только небольшому отряду — распрячь и определить на ночь животных. Остальным предложили вдоволь некрепкого вина и большой дворцовый бассейн, в который не замедлила окунуться вся тысяча пропыленных воинов. После купания и обеда Маздок и Гулизар предложили Конану совершить небольшую прогулку в гавань. На канале их поджидал восьмивесельный баркас.

— Я приготовил вам четыре большие галеры, — говорил Маздок, стоя на корме, как на капитанском мостике, — которые пройдут и по реке, и по морю при сносной погоде. Помимо них, у вас будет еще несколько судов поменьше — для маневрирования, составления лодий и разведки.

— Выдержат ли те галеры еще и лошадей? — спросил Конан. — Для них потребуется лишняя палуба в трюме. — Он придирчиво рассматривал проплывающие мимо мощные суда с двумя гребными палубами и большой жилой

каютой на корме. Помимо весел, на галерах были установлены по две высокие мачты с косыми парусами. Команды кораблей, состоявшие сплошь из бронзовокожих белозубых молодцев, махали руками и тюрбанами вслед проплывающему баркасу.

— Да, мы все продумали, — отозвался Гулизар. — Каждый корабль вынесет до трехсот человек и до трети всех припасов. На кораблях предусмотрены стойла для животных... Вы ведь оставите быков здесь, не так ли? Верблюды были бы предпочтительнее в жарких южных землях.

— Хорошо сказано, — кивнул Конан, разглядывая корабли.

На его взгляд, как бы крепки они ни были, помещать по триста человек с лошадьми на каждом было бы неразумно. Но четырех, распределенных между тысячей солдат и двумя сотнями лошадей, должно было хватить.

— Ты можешь оставить себе наши повозки и наших быков, Маздок, как дополнительную плату за корабли. А как насчет хотя бы одного боевого корабля? Я бы хотел иметь в придачу ко всему этому хорошую боевую галеру весел на восемьдесят.

Маздок важно кивнул.

— Тебе должен понравиться тот корабль, который я припас лично для тебя, — сказал он, посмеиваясь. Баркас быстро скользил по воде, огибая причал с галерами. Король Асгалуна вытянул руку и указал на пятый корабль с низкой посадкой, тяжело покачивающийся на воде.

Это был аргосийский военный корабль с чуть удлиненным корпусом и изящными обводами. От воды до перил верхней палубы по борту было не более человеческого роста. Ростра на носу изображала оскалившегося дракона, бьющего себя по боку изогнутым хвостом. Прямо над его головой торчал высоко задранный бушприт, обитый бронзой и заостренный, — при случае им можно было пользоваться как тараном.

— Это бараханская боевая галера, — пояснил Маздок. — Скамей и весел у нее на всю сотню, но она прекрасно идет и на шестидесяти, в то время как остальные могут стрелять с гребных палуб.

— Превосходно! — отозвался Конан. — Выглядит она весьма внушительно, стигийцы и близко не сунутся. Где ты ее только достал? Такой галеры для нашего похода

хватило бы и одной! На ней можно уйти и от пиратов, и от морских чудовищ!

— Ну, если пираты вознамерятся нападать на тебя, более всего их прельстит именно этот корабль! — рассмеялся Маздок. — Но я не думаю, что он им достанется.

Конан провел рукой по свежеевыкрашенному и просмоленному боку.

— Да уж, в особенности если у меня будет по полсотни лучников с каждого борта... — почти мечтательно проговорил он.

Погрузка на суда заняла весь остаток дня и закончилась уже в сумерках, при свете факелов. А топоры плотников, доделывающих последние мелочи, стучали всю ночь напролет. Животные были распределены по верхним палубам трюмов, оружие и запасы еды и питья погружены вниз. Солдаты разыграли в кости койки и гамаки, и каждый устроился на новом месте так, как хотел.

Сам Конан старался маячить на виду как можно меньше, предоставив командирам отрядов распоряжаться погрузкой. Имя Амры, не так давно наводившего ужас на все западное побережье Шема, еще было у всех на устах, и Конан всерьез опасался быть узанным кем-нибудь из пострадавших от его пиратских набегов. Это могло причинить неприятности Маздоку и надолго задержать их отплытие.

— Ты в самом деле собираешься отбить чуть свет? — спросил Маздок, стоя рядом с ним на террасе перед дворцом. — Ладно, я не обижаюсь. — Король шутливо ткнул приятеля в бок. — Я понимаю, что дела твои не терпят отлагательств.

— Да, — кивнул Конан. — Как ни жаль мне платить такой черной неблагодарностью за всю твою помощь, я уплыву на рассвете. Если я хочу вернуться до зимы, мне нельзя задерживаться и дня. Кто знает, сколько мы проторчим на проклятой реке.

— Ну, по мне, — фыркнул Маздок, — там и дня нечего делать! Не понимаю, на что ты рассчитываешь. Никакая армия, будь в ней хоть десять тысяч обученных воинов, не пройдет Стикс от устья до самых истоков. Но если ты все же найдешь, что ищешь, и вернешься в Баалур, вот тебе мой совет: становись верховным военачальником Афратеса, склони его к военному союзу со мной, в чем тебя, несомненно, поддержит Руфия, и мы вдвоем завоюем весь Шем.

Начнем с Недреззара, а потом пойдем вдоль берега до самых пустынь.

Конан рассмеялся:

— План вполне достойный тебя, Маздок. Но пока меня ждет всего лишь река.

Король, уже завоевавший себе одно королевство, степенно кивнул:

— Будь по-твоему, старый друг. Но обещаю тебе, что, если будешь возвращаться морем, непременно заглянешь ко мне. И мы непременно выпьем за твое минувшее путешествие и все, которые тебе еще предстоят.

Глава 9

ВВЕРХ ПО ТЕЧЕНИЮ

— Мы приближаемся к дельте Стикса, — доложил кормчий Гулизар. Он стоял рядом с Конаном на баке боевой галеры, указывая на черные струи, растворяющиеся в зелени морских волн. — Вот отсюда уже видно, где он впадает в Западный Океан. Пусть гребцы приналягут — сейчас придется разворачиваться против течения.

По его команде все гребцы левого борта опустили весла в воду и уперлись в них грудью, в то время как гребцы правого дружными взмахами принялись разворачивать галеру носом к протоку. За этими маневрами с интересом следили воины армии Конана, бездельничающие на палубе. Несколько человек полезли вверх по снастям — разворачивать парус.

Их совместными усилиями галера понемногу продвигалась туда, где маячили зеленые холмы далеко разнесенных берегов.

Один из солдат перегнулся через фальшборт и спустил в воду кувшин на веревке. Вытянув его полным темной воды, он отхлебнул глоток и во всеуслышанье объявил:

— Пресная! С каким-то гнилым привкусом, но пресная!

— Отлично! — отозвался Гулизар. — Теперь нам следует править к северному берегу и по возможности идти вдоль него. Так делают все купцы, плавающие в этих водах. Там течение тише, и выгребать против него легче, да и попутный ветер выдается чаще.

Он уже обернулся, чтобы отдать соответствующие распоряжения, но Конан остановил его:

— Пока еще рано, Гулизар. Вдоль того берега, я знаю, от самой дельты тянутся коварнейшие мели. К тому же северный берег всегда был прибежищем работорговцев и пиратов, промысляющих в здешних местах. Мы пойдем по самой середине, чтобы хорошо видеть, что творится впереди и позади нас.

— Но, мой господин, как можно вести речь о пиратах с тысячным войском на борту? — Гулизар, как это часто водится у опытных кормчих, полагал, что никто не может знать о водах Стикса больше, чем он сам. — Во всяком случае, — сказал он тоном ниже, видя сведенные брови Конана, — я знаю северный берег как свои пять пальцев и успею предупредить об опасности, если в том возникнет необходимость.

Маленький кормчий так надулся от самодовольства, что Конан не сдержал улыбки:

— Уж конечно, ты увидишь опасность первым! А вот видишь ли ты отсюда наш пятый корабль, идущий в самом хвосте? Если он вдруг наткнется на мель или получит пробоину на подводных камнях, в изобилии рассыпанных вдоль северного берега, мы и глазом моргнуть не успеем, как потеряем его из виду!

Гулизар с сомнением оглянулся на вереницу галер, плывущих за ними медленно и величаво, словно большие белые птицы, и пожал плечами.

Конан не стал упоминать о том, что Турио, да и остальные командиры отрядов, воспользовавшись своей труднодоступностью для Конана, могут поднять мятеж среди солдат. Но даже если подобная мысль и не приходила в голову молодому военачальнику шемитов, его солдаты, никогда прежде не выходившие в море, вполне могли, не расслышав или неправильно истолковав непривычную команду, посадить судно на мель или, перепутав паруса, направиться в другую сторону.

Из пятидесяти матросов команды Гулизара — по виду настоящих морских волков — Конан оставил на своем корабле десятерых, а остальных распределил по четырём другим галерам. Это давало некоторую надежду, что баалурцы, глядя на них, быстро научатся управляться с тяжело нагруженными судами. Помимо этого, Конан оставил Каспиуса на корабле Турио, с тем чтобы лекарь приглядывал за своенравным юношей.

Гулизар скорчил недовольную гримасу, но подчинился.

— Как тебе будет угодно, господин мой, — проворчал он, всем своим видом показывая, какой это позор для старого морского волка — подчиняться распоряжениям какой-то сухопутной крысы. — Но помани мои слова: стигийские корабли в десять раз страшнее всех пиратов, вместе взятых. Их дромоны под полосатыми парусами день и ночь сплывают вдоль дальнего берега. Их торговые пошлыны высоки, и зачастую неразумные купцы расплачивались целыми кораблями, вздумав плыть вдоль южного побережья!

Но Конан настоял на своем, и флотилия взяла курс к дальнему берегу, пересекая дельту с севера на юго-восток. Зеленые берега. Шема уже были едва различимы, а перед ними, темный на фоне заходящего солнца, вставал стигийский берег. Низкий и заболоченный у реки, он переходил в пустыню, и только невысокие дальние холмы нарушали его однообразие. Над стоячими водами царило безветрие, зловонные испарения поднимались к небу. В их сероватой дымке, разрастаясь по мере их приближения, словно волей неведомого колдуна, вставали черные стены города.

Это был Кеми, древнейший город Стигии, прибежище жрецов Эта, Змея Вечной Ночи, верховного бога стигийцев. Здесь, в лабиринте гробниц и склепов, раскинувшегося под городом, покоились останки бесчисленных поколений правителей Стигии, здесь творили черное колдовство жрецы в кровавых мантиях. Говорили, что большие бронзовые ворота Кеми стоят распахнутыми всю ночь, потому что по улицам ползают выпущенные из храмов змеи, и чужеземец, отважившийся нарушить ночной покой древнего города, ступив за ворота, не жил и часа.

— Если Стикс, как говорят стигийцы, и вправду воплощение змеинобога, — пробормотал Гулизар, — то мы лезем прямо на его клыки! А черный Кеми, — он ткнул пальцем в отблескивающие красным в лучах заката стены города, — зеница его недремлющего ока!

Конан ожидал увидеть в гавани множество кораблей — больших и малых, но не насчитал и десятка. Большей частью это были веселые баркасы с одной мачтой или вовсе без мачт. Они мирно покачивались у причалов или неторопливо плыли вдоль берега.

Но один из кораблей вдруг поднял паруса и устремился навстречу пришельцам; на его высоких мачтах развевался

флаг с изображением глаза, а вдоль бортов поблескивали наконечники копий. Конан прищурился, глядя на него против заходящего солнца, а затем повернулся и принялся распоряжаться:

— Все на весла! Барабанщики, задайте самый быстрый темп! Гулизар, сигнал остальным, чтобы немедленно поднимались вслед за нами вверх по течению!

Шкипер бросился к сигнальщику, а затем, вернувшись на бак, встал рядом с Конаном и счел нужным заметить:

— Я не вижу необходимости в такой спешке, господин мой! Конечно, этот корабль движется быстро, но это мирное судно, а не военная галера. Вряд ли они собираются причинить нам какой-либо вред, скорее, просто хотят посмотреть поближе, чтобы потом доложить о нас своим жрецам.

Возвышая голос, чтобы кормчий расслышал его за плеском весел и грохотом барабана, Конан ответил:

— Не так уж и безвреден этот корабль, Гулизар! Мне не хотелось бы прерывать поход в самом начале и лишаться большей части своих людей, обрекая их на пожизненное рабство в Стигии! — Он поднял руку, призывая всех к вниманию, и прокричал: — Гребцы, приготовиться к повороту! По моей команде начинайте разворачивать судно к гавани!

На пути из Асгалуна северянин заставил гребцов несколько раз отработать этот маневр, и потому сейчас он был выполнен быстро и слаженно, несмотря на сильное течение.

— Ну, а теперь гребите изо всех сил! И бросьте разговоры, эй, вы, там, по правому борту, поберегите дыхание!

Выкрикивая приказания, Конан в то же время следил за тем, как выполняют маневр четыре других корабля. Наконец все галеры встали поперек течения, и Конан удовлетворенно кивнул. Стигийский корабль шел прямо на них, и при той скорости, что развили его гребцы, Конан мог запросто протаранить его.

— Эй, что там творится, во имя Иштар? — вскричал Гулизар, шурясь на стигийскую галеру. — С чего это они взяли карабкаться по снастям?

— Не сбивайте темп, — кричал Конан, — слушайте барабанщиков! — Про себя он благодарил всех великих и малых богов, что гребцы сидят лицом к корме. Две галеры мчались друг на друга, грозя вот-вот столкнуться, как аквилонские рыцари на ристалище, и теперь все зависело от

того, кто первым не выдержит и свернет в сторону. Вглядевшись, Конан тоже увидел какое-то странное шевеление на снастях летящего на всех веслах корабля, но из-за полоскавшего на нестойком ветру паруса — красного с черно-золотым глазом — невозможно было как следует разглядеть, что там творится.

Но по мере того как корабль приближался, Конан все яснее видел, что на снастях его, кривляясь и бесстыдно извиваясь, висят нагие женщины. Они призывно махали руками, они принимали самые развратные позы, какие только можно было представить, они облизывали розовыми языками полные губы. В волосах у каждой красовался огромный красный цветок; их призывные крики раздавались все громче, и гребцы начали ерзать на скамьях, пытаясь оглянуться через плечо.

— Сбавить темп вполтину! — распорядился Конан. — Просигналить остальным, чтобы поднимали паруса и уходили вверх по течению!

Гулизар, стоявший рядом с ним, жадно сглотнул, не отрывая глаз от бесчинствующих красоток.

— Они, верно, наелись красного лотоса, того самого, что у них в волосах! Его запах слышен даже здесь! Если женщина наестся этого цветка или просто нанюхается его, она не успокоится, пока не получит мужчину. Мне уже рассказывали о таком, да я не верил. Эти девицы — из храма Идрис-гадюки, младшей дочери Сэта.

— Могу себе представить, что будет с тем мужчиной, который сейчас попадется к ним в руки, — пробормотал Конан. — Полагаю, очнется он уже в цепях — на рудниках или галерах!

Расстояние между кораблями по-прежнему сокращалось, хотя уже не столь стремительно.

— Лучше оставить их в покое, пусть убираются подобру-поздорову, — пробормотал Гулизар. — Если мы их подцепим на свой бушприт, потом хлопот не оберемся.

Конан смотрел не на девиц, а на гавань, в которой откуда ни возьмись оказалось уже добрых три десятка кораблей, явно выжидая, когда иноземцы клюнут на приманку.

— Да, если этих женщин увидят наши молодчики, они передерутся и не успокоятся, пока не поделят их меж собой! — сказал он. — Но напрасно думают жрецы Сэта, что мы так легко попадемся на их крючок. — Обернувшись

к нижней палубе, он крикнул: — Эй там, готовьте катапульту!

Гулизар одобрительно кивнул:

— Прекрасная мысль, господин мой, нельзя подпускать их слишком близко. — Тут он неожиданно рассмеялся: — А то вот ведь какой стыд-то будет — великий поход, снаряженный двумя королями, бесславно окончится. Воины повстречались с лодкой, набитой голыми бабами!

Крики и пение женщин приближались. Теперь их могли слышать все гребцы на обеих палубах. Ритм сбился, люди начали выворачивать шеи, сисясь разглядеть поющих.

— А ну за дело! — рявкнул Конан. — На весла, Нергал вас всех побери! Если у кого увижу еще глаза на затылке — врежу так, что они там останутся навсегда!

На остальных галерах, державшихся поодаль, призывные вопли любительниц лотоса слышны не были, но этого и не требовалось. Оглянувшись, Конан увидел, что команды в полном составе навалились на правые борта, тараща глаза и прищелкивая языками. Казалось, еще чуть-чуть, и они перевернут суда.

Но что бы ни вытворяли женщины на снастях стигийского корабля, правила им рука твердая и уверенная: дромон, чуть развернувшись, шел теперь наперерез всем пяти судам Конана. Киммериец еще раз провел маневр, прибавил скорости — и окованный медью бушприт пробил огромную дыру в раскрашенном борту. Стигийская галера вздрогнула и остановилась, как осаженная на полном скаку лошадь. Несколько женщин попадали в воду — или, скорее, были сброшены, подумал киммериец. Конан подал свою галеру назад, высвобождая стигийца, и тот начал заваливаться на пробитый бок. Парус его бессильно повис, трюм наполнялся водой.

И тут серые бревна, до тех пор неподвижно плававшие на поверхности реки, зашевелились и устремились к упавшим в воду. Раздались женский визг и крики, совсем непохожие на те, что доносились со стигийской галеры совсем недавно. На палубе показались прятавшиеся до сих пор мужчины, они бестолково метались туда-сюда, не зная, за что хвататься — вычерпывать воду из трюма или вытаскивать женщин. Только один смельчак прыгнул в воду им на помощь, но тут же был утащен на дно крокодилом.

Гулизар, взявшийся было за лук, увидев, что один из стигийцев прыгнул в воду, опустил его.

— М-да, — хмыкнул Конан, — если у стигийцев есть свой путь на Серые Равнины, этот малый уже на нем! По счастью, мало кто из наших умеет плавать, не то наверняка бы попрыгали за этими девчонками. А откушенную ногу обратно не приставишь!

Четыре меньших галеры шли теперь впереди, а корабль Конана замыкал строй. Корабли подгонял попутный ветер с моря, они почти не пользовались веслами, неспешно поднимаясь вверх по течению. Черные стены Кеми остались позади, за ними вставали четырехгранники пирамид, окрашенные с одного боку розовым — солнце садилось. Здесь дельта разделялась на несколько рукавов, и трудно было сказать, по которому из них смогут пройти галеры, а в котором увязнут в жидком иле.

— И все же я еще раз советую подойти к северному берегу и плыть вдоль него, — снова принялся за свое Гулизар. — Там идет судоходный проток, и первое правило корабельщика в этих местах: если в чем-то сомневаешься — сворачивай налево.

— Мы определим главный проток по самой холодной воде, — ответил на это Конан, — и будем следовать по нему, куда возможно.

Гулизар оценивающе оглядел Конана с головы до ног и наконец кивнул, соглашаясь:

— После всего того, что я услышал от тебя нынче, господин мой, — заявил он, — трудно поверить, что ты никогда не плавал в этих водах прежде!

— После всего того, что я нынче выслушал от тебя, — насмешливо парировал Конан, — трудно поверить, что ты здесь когда-либо был! Я исходил все южные моря и пил во всех портах Юго-Запада начиная с Аргоса и Барахских островов и кончая Кушем и Черными Королевствами!

— Хорошо, хорошо, — проворчал уязвленный кормчий, — но сейчас нам в самом деле надо выйти в боковой канал и найти приличное место для стоянки.

— Вот тут ты прав, — милостиво кивнул ему Конан. — Действуй, шкипер!

Воды Стикса, светлые в горсти, но темные даже на небольшой глубине, становились очень опасными ночью, поскольку даже близкая к поверхности мель делалась невидимой с заходом солнца. Ночью в его водах отваживались

плавать только стигийцы, знавшие наизусть все ловушки родной реки; а потому Конан запретил своим людям даже купаться и заставил Каспиуса дважды проверить, пригодна ли эта вода для питья.

Солнце тонуло в водах Моря Запада, окрасив их в цвет крови. Блестящая лента реки плавно изгибалась к югу. Из-за пирамид на путешественников наваливалась ночь.

Четвертый день поднимались они по реке, четвертую ночь вставали на якорь у южного берега, и до сих пор никто не потревожил спокойствия их неторопливого, однообразного плавания. Корабль Конана шел впереди, за ним плотной цепью следовали остальные. На ночевках северянин оставался на своем корабле, на первой из четырех галер ночевал Турю, а на третьей спал Гулизар, имея возможность быстро перейти на вторую или четвертую в случае, если бы вдруг пришлось срочно сниматься с якоря среди ночи. Солдаты откровенно скучали, ибо дни тянулись бесконечно, похожие один на другой, как близнецы-братья.

Но вскоре сильные ветра с суши, заросли зеленых водорослей и сильное, холодное течение сделали продвижение вверх по реке почти невозможным. Какое-то время Конан пытался плыть вечерами, когда в спину начинал дуть ветер с моря, но это было слишком опасно, поскольку шли первые дни новолуния и ночи стояли темные.

Ночевки на берегах тоже превратились в сущее мучение. По мере того как путешественники продвигались в глубь страны, пустыня все ближе подходила к берегам Стикса, и по ночам их лагерь атаковали целые полчища змей, скорпионов и прочей пакости, которую так любили обожествлять стигийцы.

И если ночами донимали их ядовитые твари, то днем они мучились от зловонных испарений стоячей, несвежей воды под почти отвесными палящими лучами солнца. Корабли двигались медленно, с трудом пробивая себе дорогу среди водорослей и тины. И напрасно пытались моряки поймать ветер в праздно повисшие паруса галер — лишь изредка удавалось им пройти лигу-другую без помощи весел, бесшумно скользя по зеркальной поверхности воды, в которой отражались огромными белокрылыми птицами все пять кораблей.

Заросли белого лотоса начали попадаться им уже здесь, но Каспиус утверждал, что этот цветок не подходит и нужно искать непременно серебряный. Изредка однообразие пустынных берегов нарушалось какими-нибудь древними руинами пышной гробницы или заброшенного храма, вся паства которого теперь состояла лишь из змей да ящериц.

За зарослями белого лотоса последовали заболоченные низины, заросшие ивами, где русло реки подчас становилось таким узким и мелким, что галеры едва могли пройти. Каспиус высказывал предположение, что вода, видимо, выходит какими-то подземными протоками, а солдаты шептались, что отсюда берет начало тот Стикс, который течет через Серые Равнины.

Главный проток петлял от одного берега к другому, отклоняясь то к северу, то к югу, и Гулизар только разводил руками, повторяя, что он не может отвечать за реку, фарватер которой меняется после каждого разлива. Юркие баркасы высылались вперед каждые несколько часов, но и тогда не обходилось без ошибок: казалось бы, широкий и глубокий проток приводил их в настолько заросшую лагуну, что по ней не прошла бы и лодка. Иногда застрявшую в водорослях галеру приходилось брать на буксир остальным и вытягивать усилиями всех гребцов.

Движение очень замедляли постоянные промеры глубин и исследования боковых ответвлений, но без них было не обойтись. Каждый раз, выходя на открытое пространство, где русло было глубоким, а течение — сильным, Конан старался наверстать упущенное, но такие отрезки пути встречались все реже. Порой солдаты могли пройти по берегу пешком столько же, сколько проходили за день корабли. Глянув на эту ленивую, скучающую толпу, которой нечем было себя занять, кроме купания лошадей и рыбной ловли, мало кто опознал бы в ней одну из самых дисциплинированных армий Шема.

Но Конан каждый час помнил о том, зачем они отправились, ибо черные птицы по-прежнему кружили у них над головами день и ночь. Первые дни Конан еще пытался подстрелить какую-нибудь из них, но вскоре оставил напрасные попытки: стервятники парили слишком высоко.

Но что бы ни означали черные птицы, кошмары, похоже, оставили сны баалурцев навсегда. Жирея от ничегонеделанья, они лишь ели и спали, и по ночам их тревожили только надоедливые москиты.

Даже часовые, сначала не спавшие ночами, теперь дремали на своих постах, оставляя бодрствующим кого-нибудь одного, кто мог бы быстро поднять их при внезапном появлении Конана. Лагерь на стоянках не охранял никто, а вся охрана кораблей состояла из трех зевающих воинов на каждый, и никому такие посты не казались беспечными или недостаточными.

Маалюс, по прозвищу Рыжий, призванный в войнство Конана из отряда городской стражи, дремал на корме, уютно устроившись под тонкой москитной сеткой. Он полагал, что достаточно натруился за день, чтобы отдохнуть ночь, и был весьма недоволен тем, что его определили в караул.

У себя в городе он неоднократно слышал жуткие рассказы про Стикс, который на поверку оказался самой мирной речушкой из всех, какие он когда-либо видел. Болтали, будто бы над ней ходят по ночам мертвые, которые не совсем мертвые, громяют костями призраки, летают колдуны верхом на болотных ибисах, и прочую ерунду в том же духе. Подумать только, когда-то он слушал эти байки с раскрытым ртом и верил каждому слову!

Теперь все это ему казалось байками, не стоящими внимания настоящего мужчины. Мертвые не летали над рекой, а спокойно спали в своих четырехугольных гробницах; ни один колдун до сих пор не пролетал над его головой; и даже крокодила он видел один-единственный раз, и то было похоже, что отвратительный ящер испугался этой встречи больше, чем он сам. Не-ет, теперь он знал цену этим рассказам: пусть ими пугают маленьких детей и дураков — а он не дурак.

За все тридцать с небольшим лет своей жизни действительно страшные вещи видел Маалюс лишь во сне в своем родном доме, в Баалуре. Ничто не пугало его так, как эти кошмары. Но теперь они были позади, а скоро будут позади и для всех остальных, когда они с помощью пресветлого Митры доберутся наконец до зарослей серебряного лотоса.

Встав, чтобы пройтись и размяться, он увидел Травика, сидящего с лампой на корме и глазающего на черные, пустые воды, словно он надеялся высмотреть там что-нибудь ценное. Но, подойдя поближе, он увидел, что голова у

Травика запрокинулась, а челюсть отвисла. Спит, подумал Маалюс. Ну и всыплет же ему военачальник Конан, если увидит на посту спящим!

— Эй, Травик! Сладко ли спится в дозоре? — весело окликнул он приятеля. — Мышка тут не пробежала? Лягушка не проплыла незамеченной?

Но приятель не шевельнулся. Подойдя ближе, Маалюс потряс его за плечо — голова часового откинулась назад, и стало видно, что горло у него взрезано от уха до уха. Кровь заливала его кольчугу и палубу под ним.

Какой-то неясный шум, тихий, как плеск воды, послышался у Маалюса за спиной. Он вздрогнул, сорвал колпак с лампы — и прямо перед собой увидел страшную рожу — бледную, с копной мокрых волос, облепленную водорослями и тиной. Рожа ухмыльнулась, и над фальшбортом показали плечи и огромные руки.

Маалюс раскрыл рот, чтобы крикнуть.

Чья-то рука с размаху зажала ему рот. Маалюс дернулся и почувствовал холодную сталь кинжала у самого уха.

Глава 10 НАПАДЕНИЕ

Конану снился сон. Он был глубоко в центре земли, посреди какой-то волшебной пещеры, вырубленной в глыбе розового мрамора. Бело-желтые колонны сталактитов свешивались с куполообразного потолка, почти встречаясь внизу со своими братьями-близнецами, растущими из пола.

В глубине пещеры была ниша. Над ней, отбрасывая по стенам пляшущие тени, горел факел. В нише, раскинувшись на огромном овальном ложе, застеленном простынями розового шелка, лежала ведьма Зерити.

Она мало изменилась с тех пор, как Конан в последний раз видел ее, разве что кожа, всегда мягкая и золотистая, стала теперь бледной, словно у северянки, редко видевшей солнце. Но это ее ничуть не портило, скорее, наоборот: на бледном лице ярче горели темные глаза и более чувственными казались губы. Пряди длинных черных волос разметались по плечам и высокой груди, почти закрывая

страшный шрам, происхождение которого Конану было известно слишком хорошо. Собственно, его меч проткнул ведьму насквозь в тот самый миг, когда вызванный ею демон бросился на Имболию, огромного кушита. Лишь то, что чернокожий воин отвлек на себя это темное порождение чар стигийки, спасло тогда Конану жизнь. Разглядывая сейчас бесстыдно раскинувшуюся перед ним нагую ведьму, Конан думал, остался ли шрам у нее на спине между лопаток?

— Зерити, неумирающая ведьма! — приветствовал он ее с насмешливым почтением. — Всего мгновение назад я был в своей постели — мало же тебе понадобилось времени, чтобы доставить меня в твою!

Здрав голову, он оглядел пещеру, где под потолком искрились в свете факелов капли влаги.

— Уютненькая спальня! Так чем я обязан такому вниманию с твоей стороны?

Зерити рассмеялась коротким грудным смехом, чуть приоткрыв полные яркие губы, обнажив полоску жемчужно-белых зубов:

— Да-а, это, несомненно, Конан — искатель счастья с далеких, холодных скал Киммерии! Только он, став главнокомандующим огромной армии, мог не усвоить при этом хороших манер! Помнится, и Маздок, и Озбаал в свое время быстро этому научились, поднявшись из такой же грязи, как и ты. — Не отрывая от него пристального взгляда мерцающих глаз, она сменила свою и без того нескромную позу на еще более вызывающую. — За те короткие мгновения, что мы с тобой виделись, я мало успела тебя узнать, но, как вижу, не ошиблась, представляя тебя эдаким косматым, грубым дикарем, — она откровенно разглядывала его почти обнаженную фигуру. — И, — добавила она, — ты мне очень нравишься именно таким.

— Ну, ты тоже должна будить желание во многих, — насмешливо протянул Конан, — коль скоро сотни мужчин каждую ночь теперь видят тебя во сне!

Она снова рассмеялась, но вскоре оборвала смех и придала своему лицу озабоченное выражение.

— Ну, а если серьезно, Конан, я и в самом деле думаю, что такой силач и умелый воин, как ты, сможет сослужить мне неплохую службу. — Тут она снова изогнулась как кошка и сказала уже совсем другим тоном: — Неужели ты не сможешь удовлетворить мои скромные чаяния?

Ведьма, конечно, смеялась над ним, но ведь не просто так она то ли вызвала его к себе, то ли сама явилась к нему во сне. Он скрестил руки на груди и решил посмотреть, чем все это кончится. Если он спит, то это не более чем сон, а присниться может всякое.

— Сожалею, Зерити, но нынче я немного занят и не смогу уделить тебе времени ближайшие несколько месяцев. Не говоря уже о том, что нынешние мои заботы прямо противоположны твоим.

— Хватит, — вдруг резко оборвала его Зерити, садясь на постели и обнимая себя за плечи, словно ей внезапно стало холодно. — Я и без твоих насмешек прекрасно знаю, с каким поручением послала тебя Руфия. Но знай, киммериец, рано или поздно ты будешь моим! Ты будешь принадлежать мне телом и душой, хочешь ты этого или нет! — Тут она засмеялась, но на этот раз смех ее звучал как-то неестественно. — Так что лучше тебе этого захотеть. Ибо скоро, очень скоро все то, что будет мне неинтересно, просто перестанет существовать! Если я захочу, я сотру с лица земли тебя и твою Киммерию... — Говоря это, она скорчила отвратительную гримасу, отчего ее лицо потеряло всю привлекательность.

Встав с постели, Зерити протянула руку к факелу и резким движением вырвала его из гнезда в стене.

— Никогда не заботили меня ни глупые страхи, ни страдания плоти — этому подвержены вы, простые смертные. И мне нет дела до вашей любви или ненависти, ибо у меня есть любовь бога, — она с яростью глянула на Конана, — бога, а не грязного варвара! Хочешь знать его имя? Я скажу тебе, — она вдруг развернулась и ткнула пылающим факелом прямо в шелковые простыни, выкрикивая: — Джакала! Его зовут Джакала!

Постель вспыхнула, словно облитая маслом. Пламя, завиваясь столбом, поднялось до самого потолка пещеры, и та, словно была не из мрамора, а из воска, начала вдруг плавиться, оплывать и терять форму. Ведьма пропала, и языки пламени рванулись к Конану.

Дивясь на все эти чудеса, Конан вдруг понял, где находится. Пещера была не пещерой, а сталактиты были не сталактитами. Варвар стоял посреди пасти какого-то немыслимого древнего хищника, у самой его глотки, и хищник этот начал просыпаться. Пламя обжигало ему небо, а розовая постель, на которой нежилась Зерити, была не чем

иным, как его языком. Северянин затравленно оглянулся в поисках выхода, но гигантские челюсти клацнули, смыкаясь, горящий язык шевельнулся, потянувшись к нему раздвоенным концом...

Конан проснулся весь в поту. Открыв глаза, он обнаружил, что, ворочаясь во сне, едва не разбил себе голову о торчащую из палубы металлическую скобу. Конан выругался и сел, откинув одеяло.

Киммериец нащупал на затылке изрядную шишку и выругался еще раз. Ему и прежде снились дурацкие сны, но, видно, надо было крепко стукнуться головой, чтобы привиделась такая чушь. Да и вчерашнее вино оказалось несколько прокисшим...

Ночь стояла тихая и безлунная. Где-то поблизости послышался тихий вскрик, и Конан поморщился: он надеялся, что кошмары давно перестали сниться его воинам.

Но ведь кошмар приснился сегодня даже ему... А что, если они достигли границ темного царства Зерити и теперь эта чума снова охватит всех до единого? Но что это за надежды, которые возлагает на него ведьма? Надо будет попробовать расспросить людей, о чем говорит с ними Зерити во сне. Наверняка и остальным снится что-то похожее.

Конан встал и прошелся по палубе. С бака его окликнул часовой, ему тут же отозвался часовой снизу. Вокруг было по-прежнему тихо, но Конана грызло какое-то беспокойство. Огни четырех галер мирно мерцали, отражаясь в черной воде.

И тут снова послышался тихий вскрик.

— Часовые, будите команду! — рявкнул Конан и сам кинулся вниз поднимать спящих солдат и гребцов. — Поднять якорь! Всем на весла! Но только тихо, и не зажигайте огней — сначала нужно узнать, что происходит.

Снова поднявшись на корму, он окликнул часового на соседнем корабле и велел ему разбудить Турио. Тем временем, бормоча и спотыкаясь со сна, команда расселась по веслам. Гребцы терли глаза и зевали во весь рот.

Вскоре перед Конаном предстал Турио — такой же заспанный, как и все остальные.

— Я обойду лагуну и вернусь, если не увижу ничего подозрительного, — сказал ему Конан. — Ты остаешься здесь за меня.

— А что случилось? — Турно, не вполне проснувшийся, соображал еще туговато. — Я ничего не слышал...

— А я слышал! — оборвал его Конан. — Но еще не понял что.

Якорь был поднят, люди расставлены по местам. Ким-мериец велел начинать грести и как можно тише разворачивать галеру по течению.

Корабль почти бесшумно скользил по зеркальной глади воды. Лишь изредка всплескивали весла. Три галеры спали беспробудным сном; фонари часовых едва горели, а сами сторожа далеко не сразу отзывались на тихий окрик Конана. Ниже по течению, чуть поодаль от остальных, мерцали огни четвертой галеры, но, подплывая поближе, Конан разразился отчаянной руганью: на мелкой волне спокойно покачивалась пустая лодка с фонарем посреди скамьи, кормовой и бушпритный фонари были подвешены на склонившиеся над водой ветви деревьев.

А галеры не было и в помине.

— Всем на весла! — крикнул Конан. — Рулевой, разворачивай корабль и подведи вплотную к третьей галере! Ты и ты, возьмите по пять человек, разыщите свои мечи и следуйте за мной.

Когда нос корабля Конана почти ткнулся в корму последнего судна, он спрыгнул на его палубу и кинулся разыскивать часовых; и вскоре он их отыскал. Первый свалился с койки прямо ему под ноги, когда Конан плашмя вытянул его мечом по тощему заду. Второй, увидев военачальника в таком дурном расположении духа, кинулся к борту, явно вознамерившись спастись бегством. Конан отвесил ему доброго пинка и помчался на нос, где третий часовой, помаргивая сонными глазами, трясся как осиновый лист, раз за разом повторяя, что он не сделал ничего дурного.

— Ничего?! — ревел Конан. — Ничего?! Пираты уведут нашу галеру у вас из-под самого носа, а вы и ухом не шевелите! Говори, сын греха, видел ты хоть что-нибудь, или вы проспали все на свете? Где Гулизар, задержи его бешеный волк?!

С нижней палубы поднялся заспанный кормчий, бормоча на ходу:

— Не утруждайте себя напрасным гневом, мой господин, я сейчас сам все выясню!

— Нет уж, иди сюда, ты можешь мне понадобиться! Капитан, буди команду и готовь к бою! Я иду искать галеру.

— Если это пираты, — вмешался Гулизар, — стоит немного подождать и отправиться двумя кораблями!

— У нас нет на это времени, — отрезал Конан. — Оставайтесь здесь и постарайтесь хотя бы не потерять то, что осталось, раз уж вы умудрились проспять галеру со всем экипажем! Если я не вернусь до рассвета, можете спуститься по течению и попробовать меня поискать.

Вернувшись вместе с Гулизаром на свой корабль, Конан велел зажечь все огни и принести на нос как можно больше факелов. Барабанщики задали ритм и смолкли. Корабль летел по воде почти бесшумно, и Конан напряженно вслушивался в ночные шорохи.

— Ну, кормчий, что скажешь? — спросил он наконец. — Куда они могли утащить ее?

Кормчий на это только беспомощно развел руками:

— Кто ж их знает? Но вероятнее всего, вниз по течению. Они постараются увести ее как можно дальше и спрятать, а для этого здесь есть добрая дюжина подходящих мест...

— Барабанщики, полный ритм! — взревел вдруг Конан, не слушая его. — Рулевой, правь к северному берегу и держись его, как только мы выйдем из течения!

Команда налегла на весла, и барабаны снова смолкли. Галера быстро плыла наперерез потоку, от света факелов, ярко горевших на носу, шарахались сонные крокодилы, да изредка птица вылетала из зарослей тростника, потревоженная плеском весел.

— Пока мы будем так ходить вкривь и вкось от берега к берегу, пираты просто уведут его, — негромко сказал Гулизар. — Они наверняка плывут себе сейчас вдоль стигийского берега и смеются, глядя, как удаляются огни нашей галеры...

— Тс-с! — шикнул Конан, зажимая ему рот железной ладонью. — Тише! Слышишь?

Откуда-то издали донесся тихий плеск весел, эхом вторящий ударам их гребцов. Конан подал команду свистящим шепотом:

— Гребите изо всех сил! Гелм, правь вон к тому потоку, только осторожно, не врежься в берег!

Факелы погасили, и темный корабль призраком заскользил под самыми ветвями деревьев. Плеск дальних

есел становился все громче, к нему прибавился звон металла и ржанье лошадей. Перед ними внезапно открылась большая лагуна, сплошь заросшая камышом, по которому хорошо было видно, что здесь недавно прошло несколько кораблей.

— Ну, теперь приналягте, ребята! Барабанщики, ритм! — уже не таясь, в полный голос взревел Конан. — Вон они!

Вдали, там, где лагуна разливалась в небольшое озеро, в свете факелов и фонарей виднелась галера, со всех сторон окруженная пиратскими баркасами. Они вились вокруг большого судна, как пчелы у улья, тесня его все ближе к берегу. Всего несколько десятков гребцов беспомощно плескали веслами по воде, пытаясь вырваться из окружения. С корабля Конана было видно, что одна из мачт галеры уже срублена, а у второй сломана рея. Судя по яростным воплям и звону мечей, на палубе кипела битва. Они подошли как раз вовремя.

— Всем готовиться к бою! — гремел Конан. — На веслах остаются шестьдесят человек, остальные — ко мне! Рулевой, правь прямо на тот баркас, мы попробуем его протаранить!

Медный стержень бушприта на полном ходу вонзился в бок пиратской посуды. В ней тотчас же открылась течь, оставшиеся еще на борту пираты разразились проклятиями и бросились на вновь прибывших.

— Стреляйте по ним, не стойте! — крикнул Конан. — Вот так! Ага, собаки, теперь вы почувяли запах жареного!

Не прошло и нескольких минут, как пираты баркаса были перебиты один за другим, не успев даже схватиться за борт большого корабля. Часть гребцов снялась с весел и, достав из-под скамей длинные луки, присоединилась к баалурцам, расстреливавшим пиратов с левого борта.

Видя, что на подмогу уже почти беспомощной галере откуда ни возьмись вынырнул новый корабль, полный вооруженных людей, пираты поспешили удариться в бегство, ибо силы были явно неравны. Появление Конана было встречено на похищенной галере радостными выкриками, и отчаявшиеся было воины с новыми силами взялись за мечи, рубя наседающих пиратов и скидывая их за борт, а лучники на боевом корабле уже довершали остальное. Многие из атакующих сами прыгали в воду, надеясь тем спасти

свои жизни, но и там настигали их короткие арбалетные стрелы баалурцев.

Конан, уже перебравшийся на растерзанную галеру по пробитому баркасу, раздавал удары направо и налево, весело выкрикивая:

— Эй, эй, оставьте мне хотя бы троих, а то мой меч что-то зависелся в ножнах!

Вскоре битва была кончена. Ни один из пиратов не добрался до берега, их баркасы яркими факелами пылали в ночи, подожженные стрелами лучников. Конан отер лицо тыльной стороной ладони и огляделся.

В центре палубы, у срубленной мачты, был собран пиратский улов: около сорока человек с перерезанными глотками, те, кого похитители успели застать спящими. Прокравшись на галеру, пираты могли бы перебить во сне всех до единого, но, видимо побоявшись, что возня будет услышана на соседнем судне, они подняли якорь и увели корабль вниз по течению. И только после того, как крики с баркасов, встретивших похищенное судно у входа в лагуну, разбудили тех, кто спал на нижней палубе, началась настоящая битва. Она унесла жизни еще нескольких дюжин баалурцев.

— Если бы они не торопились увести галеру от стигийского берега, они могли перебить здесь всех, как овец, — зло сказал Конан, глядя на гору мертвых тел — нагих и безоружных. — А потом тихо красться за нами вдоль берега и ночью увести следующую галеру, а затем и следующую!.. Клянусь Кромом, никогда еще не доводилось мне попадаться в такую простую ловушку!

— Да нет, такое невозможно! — возразил Гулизар. — Это было просто безумие: надеяться, что мы не хватимся корабля до самого рассвета!

— А вы бы и не хватились! — зло отозвался Конан, мгновенно впадая в ярость. — Если бы я не услышал тот слабый крик, их план бы сработал!

— Да, правда, я забыл, что сам слышал какие-то невнятные крики, но решил, что кому-то просто приснился страшный сон, у ваших это все же еще часто бывает... — принялся оправдываться Гулизар, но Конан перебил его:

— Это и был крик во сне, просто он прозвучал слишком далеко! Мне и в голову не пришло, что здесь идет резня, но я подумал, что судно могло сняться с якоря и двигаться

по течению. Этому малому и его кошмару мы обязаны кораблем, а те, кто остался в живых, — своими жизнями. Может, именно его вопль и разбудил всех, пока галеру уводили.

Гулизар несильно пнул носком сапога трех связанных пленников, выловленных из реки.

— А с этими что делать? Вздернуть на рее или пустить на корм крокодилам? — Он выдернул из борта торчащий в дереве окровавленный нож и с размаху метнул его вниз, так что тот вонзился в палубу у самых глаз лежащего ничком пирата.

— Не торопись, мой кровожадный шкипер, — усмехнулся Конан, и в голосе его появились мурлыкающие нотки. — Мы понесли большие потери, надо же их будет как-то восполнить. Тем более что предстоит еще одна невосполнимая утрата. Одного очень важного, но очень любящего поспать человека.

— К-кого же ты имеешь в виду, господин мой, — пролепетал кормчий, на всякий случай делая шаг назад.

— Кого же, как не тебя! — загремел Конан, наступая на него. — Ведь это ты должен был следить за остальными тремя кораблями! Или ты нарочно взял в гребцы парочку глухих и слепых и только и ждал удобного случая, чтобы выставить их в караул? А перед тем сообщил пиратам, что можно приходить и забирать корабль, а?

— Да что ты такое говоришь, господин мой! — чуть не плакал маленький кормчий, не зная, куда деваться от разбушевавшегося военачальника. — Разве я сумасшедший, чтобы отважиться на такое?

— В самом деле?..

Конан вдруг сгреб могучей рукой за шиворот одного из пленников и вздернул в воздух.

— А ну, света сюда! А скажи-ка мне, Гулизар, где те матросы, которых ты привел на борт этой галеры, когда обнаружилась нехватка команды, — помнишь, перед самым отплытием? Я не вижу их среди мертвых. Я не вижу их среди оставшихся в живых. Но разве вот этот — не один ли из них? Хотя он так вымазан кровью и опутан водорослями, что узнать его и впрямь трудно!

Видя, что кормчий отходит все ближе к борту, двое солдат из баалурского войска шагнули к нему ближе.

— Ну, ты молчишь, мой опытный шкипер? Не ты ли с самого начала уговаривал меня держаться ближе к бе-

регам Шема? А вчера вечером не ты ли достал из погреба новый бочонок вина, помеченный черным крестом? Я хорошо знаю вкус асгалунского двухлетнего вина, а это отдавало маком! Ты сталкивался с пиратами заранее, еще до того, как мы вошли в дельту! Да, на этой галере не было слепых и глухих, зато были проворные шемиты с длинными ножами!

— Господин мой, — скулил Гулизар, — подумай сам, какие ты говоришь ужасные вещи! И кто только рассказал тебе все это, что ты поверил ему с первого слова? Вспомни, ведь сам король представил тебе меня как надежного и опытного кормчего!..

— Это я хорошо помню! — отозвался Конан. — И не сомневаюсь, что Маздок верил тебе — как и я до нынешней ночи. Желал бы я доставить тебя к нему, уж мы бы придумали, какого наказания заслуживает предатель! Но вместо этого тебя будут судить вот эти молодцы. — Он пнул одного из пиратов и встряхнул того, которого все еще держал за ворот кожаной куртки. — Ну, что скажете? Какой участи заслуживает ваш господин, который, чтобы замести следы, продал бы вас в рабство с той же легкостью, что и всех нас?

И с этими словами он подпихнул почти бесчувственного кормчего поближе к пленникам.

Солдаты, предвидя потеху, развязали пиратов и отошли в сторонку, окружив их плотным кольцом, чтобы не смогли сбежать. Кормчий, отданный на расправу своим же людям, затравленно озираясь, переводя умоляющий взгляд с Конана на свирепые рожи пиратов. Двое набросились на него с кулаками, а у третьего блеснул в руке вынутый из сапога нож, и Конан прервал забаву в самом начале:

— Эй, оружие долой! — Сильным движением руки он вывернул пленнику кисть, и нож, описав сияющую дугу, исчез в черной воде. — Мало того, что вы украли у меня корабль и расправились с людьми на нем, вы еще и хотите испортить мне месть!

И, не дожидаясь, пока кормчего приговорят растерявшиеся пираты, он вынул саблю и одним ударом снес предателю голову. Мертвое тело мешком рухнуло на палубу, заливая ее кровью.

— Ну, можно сказать, что такой конец себе он избрал сам! — Эти слова были единственной надгробной речью Конана. Он вытер клинок о штаны уже мертвого Гулизара

и спокойно вложил саблю в ножны. — А этих троих закопать в железо и посадить у весел, пусть отрабатывают!

Когда они вернулись на стоянку, волоча за собой на буксире потрепанную галеру с мертвыми товарищами, было уже почти утро. На вопрос Турио, что случилось с Гулизаром, Конан коротко ответил: «Он заплатил за попытку пойти против меня». Капитан несколько побледнел, но не промолвил ни слова, и северянин, хмыкнув, ушел досыпать, предоставив остальным расписывать друзьям свои подвиги.

Наутро, несколько успокоившись, они принялись подсчитывать потери. Тысяча, выведенная Конаном из Баалура, уменьшилась больше чем на сотню, помимо солдат, погибло и много гребцов. Сколько было убито пиратов, не знал никто, но лучники клялись, что ни один из прыгнувших с баркасов в реку до берега не добрался.

Мертвых завернули в одеяла и уложили на палубе захваченного пиратского баркаса, дыру в котором забили досками и просмолили. Все облили маслом, отпустили концы и подожгли, бросив факел с галеры. Течение быстро подхватило неуправляемое суденышко и потащило вниз, но долго еще виднелся над рекой столб черного густого дыма. Конан заметил, что в то утро черных стервятников стало как будто больше — они кружили над следами побоища с хриплыми криками, напомнившими ему смех Зерити. Но, видно, жажда крови ведьмы этим не утолилась, потому что, едва они снялись с якоря, часть птиц, паря все так же высоко, как и прежде, двинулась вслед за ними.

Отойдя подальше от того места, где произошло несчастье, баалурцы пристали к берегу и взялись за починку пострадавшей галеры. Но окончательно отмыть ее палубу от крови так и не удалось: она словно вьелась в свежее дерево.

От тех матросов, что привел на корабли Гулизар, на галерах осталась еще добрая дюжина, и Конан, собрав их, заявил во всеуслышанье:

— Поскольку ваш кормчий оказался предателем, вы теперь все под подозрением. Но поскольку все вы мирно проспали эту ночь, я верю, что ни один из вас не знал о предстоящем нападении. Но если вы знали и теперь боитесь сознаться в этом, то лучше сразу прыгайте за борт, потому что за любую провинность я вздерну вас на реях — по

трое на каждой галере, в назидание остальным. Те же из вас, кто с честью выдержит это путешествие и вернется домой с победой, будут щедро вознаграждены королем Маздоком. Но не забывайте, что за предательство у меня есть только одна награда — смерть.

Глава 11 ПУСТЫНЯ

Галеры по-прежнему поднимались вверх по течению. Берега Стикса становились все выше, а водоросли и тина сменились зарослями тростника и мелкого кустарника. Здесь течение было не так сильно, как у дельты, и по воде вдоль обоих берегов сновали маленькие лодочки рыбаков и охотников. Вереница галер величественно скользила по самой середине реки, и путешественники разглядывали то гигантские пирамиды, выстроившиеся вдоль южного берега, то белостенные города Шема, окруженные садами и пашнями, террасами спускавшиеся к самой воде, — вдоль северного. В тростниках в изобилии водились утки, ибисы и другие птицы, в воде то и дело мелькали тени проплывающих рыбьих стай.

Оба берега реки, несущей плодородный ил, были густо заселены, ибо пустыня оттесняла к воде как шемитов, так и стигийцев. Между берегами шла бойкая торговля и обмен различными товарами, и путешественникам в изобилии встречались и галеры, и парусные суда, причем шемитских кораблей с гербами городов на парусах было ничуть не меньше, чем стигийских — с изображением глаза или змея.

Заметив это, Конан велел поднять на мачте своей галеры флаг Баалура, а на корме выстроить отряд солдат в форме дворцовой гвардии. Таким образом он надеялся замаскировать свой флот под большой торговый караван, идущий под защитой солдат города-государства. Он посылал время от времени отряды в небольшие поселения на шемитском берегу за хлебом и вином, но избегал заходить в крупные города, стараясь миновать их на рассвете или в сумерках. Их маленький флот легко могли принять за военное вторжение и попытаться атаковать прежде, чем они успели бы объяснить, зачем едут.

Избегал он также поднимать на борт местных рыбаков с просьбой провести корабли в незнакомых водах и делал это только в случае крайней необходимости. По счастью, все наречия Шема были очень схожи между собой, и им не составляло труда договориться с такими проводниками.

Какой бы черной магией ни занимались жрецы Стигии, обычаи простого народа этой страшной страны были очень схожи с обычаями любых землепашцев: с утра до ночи они работали в поле, дети барахтались на мелководье или пасли буйволов, в часы жары забиравшихся в прохладный ил по самые уши, женщины ловили рыбу или ставили силки на мелкую птицу. Глядя на них, люди Конана тоже постепенно свыклись с рекой, о которой слышали, что воды ее отравлены и безжизненны и всякий, кто попадет в них хоть раз, умрет скорой и мучительной смертью.

Когда один из встреченных ими на реке шемитских купцов сообщил им, что они миновали канал, отходящий к гавани столицы Стигии Луксуру, Конан решил, что это подходящий повод, чтобы дать уставшим от долгого плавания людям немного расслабиться. В тот же вечер на палубах были накрыты огромные столы для всей команды, заваленные купленными на побережье свежим хлебом, фруктами, вином и жареной дичью. На галеру к Конану пришел Каспиус, плывший на второй галере. Киммериец отметил, что лекарь выглядит здоровым и помолодевшим, словно тяготы пути только прибавляли ему сил.

— Ты пишешь о нашем путешествии, Каспиус? — спросил Турио, заглядывая через плечо лекаря в маленький пергамент, над которым тот корпел, пользуясь тем, что пир еще не начался. — И что же именно?

— Что мы как раз миновали Луксур, а значит, прошли почти половину пути до Сгиба, где Стикс сворачивает и течет прямо на юг, — пробормотал лекарь. Закончив писать, он свернул пергамент и закрутил склянку с чернилами. — И что перед тем подверглись нападению пиратов, но одержали над ними победу.

Раз в несколько дней Каспиус составлял письма и отсылал их с голубиной почтой в Баалур.

— Не упоминай о том, что мы потеряли больше сотни, — сказал Конан, обернувшись от руля. — Не то многие жены, матери и невесты потеряют и те остатки сна, какие еще отпустила им Зерити.

— Ну да, не то мы не напасемся голубей, если ты возьмешься перечислять всех погибших, — невесело усмехаясь, добавил Турио.

Последние события убедили молодого военачальника в том, что приказы Конана следует исполнять быстро и точно, и киммериец был наконец избавлен от его дотошных расспросов, почему он велит делать то или другое и не лучше ли было сделать иначе.

Каспиус сложил три клочка пергамента в три маленьких короба, запечатал их своим именем и привязал один из них к лапке сильного, белого в черную крапинку голубя. Птица с шумом взвилась над мачтами.

— Жаль, что мы больше не увидим его, — сказал Турио, провожая голубя взглядом. — Если бы он смог разыскать нас снова и принести весточку из дома! Мне было бы гораздо легче, если бы я знал, как чувствует себя наша бедная принцесса.

Каспиус выпустил одного за другим еще двух голубей, и они полетели вслед первому. Странное это было зрелище: летящие над черной водой и зарослями папируса белые северные птицы.

Стервятники, выписывавшие круги над галерами, тотчас заметили посланников Каспиуса и кинулись вдогонку белым птицам. Двоих голубей настигли хищные когти, но третьему удалось спастись, нырнув под полог дальней роши. Бестолково покружив над ней недолгое время, черные птицы улетели догонять уходящие корабли.

— Ну вот, — сказал Каспиус, — по крайней мере один вестник долетит. Власть зла не бесконечна, хоть отчаявшемуся и может казаться обратное.

— Да, иначе бы наш поход прекратился в самом начале, — кивнул Конан. — Зерити не всесильна. Все, что она может, это неусыпно следить за нами с помощью своих мерзких птиц. Но, конечно, чем ближе мы будем к цели, тем сильнее она будет нам препятствовать. Во всяком случае, она сказала, что я... Кстати, Каспиус, — оборвал он сам себя. — Знаешь ли ты что-нибудь о боге или демоне по имени Джакала?

— Нет, ничего, хотя тоже слышал во сне от нее это имя, — покачал головой лекарь. — Но у ведьмы наверняка в запасе множество трюков, о которых не знаем не только мы, но и более просвещенные смертные.

— Может быть, она до сих пор не верит, что мы действительно едем за лотосом, и ждет, когда же мы начнем

действовать, чтобы обрушить на нас все свои силы, — задумчиво высказался Турио. — И в самом деле трудно поверить, что такая армия движется к ее королевству единственно за тем, чтобы набрать цветов в заводах!

— Нет, Зерити, как всякая могущественная ведьма, верит в силу волшебных снадобий и трав, — покачал головой Конан. — Я боюсь другого. Я боюсь, как бы она не подговорила всех магов Стигии обрушиться на наш поход, когда придет время. — Его синие глаза всматривались в пирамиды, рядами встающие на горизонте. — Это земли проклятого Сэта, а ему все равно, за цветами мы плывем или нет, он с радостью погубил бы нас, даже если бы мы просто отправились половить здесь рыбы.

— Надеюсь, что ты ошибаешься, Конан, — ответил Каспиус, проследив за его взглядом. — Ну что она такое, эта колдунья? За нее не поднимется Черный Крут, не станет просыпаться Сэт. Кем бы она ни была в своей стране снов, здесь она — простая ведьма.

Конан пожал плечами.

— Ты забываешь, что правители Стигии — алчны до золота и рабов, — сказал он. — Эта простая колдунья собирается стереть с лица земли древний и полный сокровищ город. Ради богатств Баалура и сотен людей, которых можно превратить в рабов, стигийцы пойдут на многое.

Он не стал добавлять, что Тот-Амон, глава Черного Круга, пойдет почти на все, что угодно, лишь бы уничтожить их корабли, если узнает, что на одном из них плывет Конан-киммериец.

Но, глядя на далекие стены Луксура, едва маячащие в голубоватой дымке, Конан сказал:

— В одном вы правы оба: стоит знать, что они затевают. С завтрашнего дня мы выйдем лодку, чтобы она шла впереди флота вдоль берега, а за ней, на некотором расстоянии, пусть идет баркас с вооруженными людьми. Если появится что-то подозрительное, мы будем предупреждены об этом.

По мере того как флот продвигался к востоку, плыть становилось все легче. С берега часто дул попутный ветер, и гребцам больше не приходилось изо всех сил налегать на весла. Луна прибывала, ночи становились все светлее, и, если ветер держался, корабли плыли порой до самой темноты, стараясь наверстать время, упущенное в дельте.

Даже плеск весел не выдавал теперь их продвижения, и Конан пользовался этим, покуда возможно.

Пора разлива прошла, и Стикс постепенно возвращался в свое русло, узкое и глубокое. Все выше поднимались берега, все уже становился поток. Теперь он напоминал не полноводное озеро, раскинувшееся на многие лиги, а широкую и торную дорогу, плавно выходящую меж холмов и низин. Им стали все чаще попадаться искусственные каналы, наполняющиеся водой только по весне и зиме, а теперь постепенно высыхающие или уже вовсе высохшие.

Полоска зелени и плодородной почвы вдоль реки тоже сужалась: они приближались к самым безжизненным и заброшенным землям Шема и Стигии. Торговые суда уже не сновали из города в город, и лишь изредка попадалась им навстречу плоская баржа с грузом ровных, одинаковых серо-желтых каменных глыб. У Сгиба, где Стикс сворачивал к югу, начинались горы, в их каменоломнях день и ночь трудились рабы, добывая камень, служивший для построек пирамид и гробниц.

Единственным признаком жизни в этих пустынных землях оставались караваны, неспешно бредущие через пески лиги и лиги. Здесь, через пустыни Шема, Турана и Стигии, проходил один из самых оживленных торговых путей Востока. По нему в Стигию стекались сокровища из Вендии, тончайшие шелка Кхитая и оружие Иранистана. Здесь кочевали с места на место воинственные племена зуарилов, наживаясь на погибших в пути караванах. По нему шли бесконечные цепи рабов из Кешана и Пунта. И немалая часть этих рабов оседала в Стигии, равно как и ценнейшая слоновая кость и рога носорогов.

С каждым днем ветры приносили все больше песка, а темная полоса впереди, приближаясь, превращалась в горную гряду. В одну из ночей Конан велел плыть не останавливаясь, и под утро они благополучно миновали Иркалам — Обитель Сэта, — широко раскинувшийся в устье Хилу, небольшого притока Стикса. О городе этом шла дурная слава, и Конан возблагодарил Крома, когда они проскочили его вдоль дальнего берега, никем не замеченные.

Горы все плотнее обступали реку, течение ее убыстрялось с каждой лигой. И вот здесь-то Конан наконец увидел Озеро Тысячи Легенд, Эллоболу, у которого, если верить рассказам караванщиков, не было дна. Оно раскинулось широкой чашей, открытой небу, словно жерло гигантского вулкана.

Быть может, когда-то на его месте и в самом деле был вулкан, чьи корни уходили к самому центру земли.

Здесь, у Эллоболу, впервые за весь путь на них напали стигийцы. Едва галеры вышли из-за утесов на открытое пространство древнего озера, к ним с двух сторон устремились четыре дромона, преграждая им путь. На парусах боевых кораблей был выткан зеленый, свернувшийся в кольца змей. Прямо на вереницу галер выходил самый большой дромон, на палубе которого матросы заряжали катапульту. Золотые нагрудники военачальников, сиявшие в лучах полуденного солнца, ясно говорили, что это не просто разбойничий набег.

— Весла на воду, паруса долой! — распорядился Конан. — Готовьтесь к бою! Сигнальте остальным, чтобы подходили ближе и готовили отряды к abordажу!

Аргосийский корабль Конана с одинаковой легкостью маневрировал и под парусом, и на веслах, тогда как тяжелые галеры шемитов без парусов были почти беспомощны и представляли собой слишком легкую мишень. Поэтому Конан бросил вперед свою галеру, оставив Турио командовать на остальных. Он надеялся протаранить один из стигийских кораблей прежде, чем они пустят в ход катапульту, а затем начать быстро передвигаться вдоль своих галер, не давая врагу подойти слишком близко и обстреливая его со всех пяти судов.

Каспиус, оставшийся на его корабле с того вечера у Луксура, вышел на корму, где Конан отдавал распоряжения рулевым.

— Вы думаете, мы сможем пробиться? — спросил он с кислой миной. — Их катапульты очень быстро проделают в наших галерах достаточно дыр, чтобы пустить нас на дно.

— Легенды гласят, что у этого озера нет дна, старик! — весело отозвался Конан в предвкушении битвы. — Пусть только попробуют, и у нас будет на четыре корабля больше! На стигийских галерах нет воинов, одни только рабы и разряженные полководцы. Единственное, что меня беспокоит, это вон тот дымок над их самым большим дромоном. Они могут закидать нас огненным камнем, а ближайший город, где можно было бы заделать дыры и сменить остстку, остался далеко позади.

Сходящийся флот выглядел теперь как две развернутые линии по четыре корабля в каждой — с галерой Конана

точно посередине. Турио велел немного замедлить ход и держать паруса, пока можно.

Конан зорко следил за действиями стигийцев: похоже, они собирались напустить три корабля поменьше на его верткую галеру, в то время как катапульты большого дромона расправилась бы с остальными. Это означало, что стигийцы знают приблизительный расклад сил его флота, и это очень не понравилось киммерийцу.

Еще больше ему не понравилось то, что творилось на палубе большого корабля. Дымок, который он принял за курящиеся огненные камни, взвивался над небольшим алтарем. Возле него, молитвенно воздев руки и преклонив колени, толпились люди в высоких золотых уборах и черных одеждах. Это были жрецы Сэта. Огонь на алтаре вспыхнул ярче, дым поднялся выше. Один из жрецов поднялся с колен и принялся проделывать какие-то пассы, отчего пламя на алтаре сделалось ярко-зеленым. После чего жрецы обернулись к начальнику с золотым нагрудником.

— Смотри, старик, — сказал киммериец Каспиусу, — против нас воюют сами заклинатели змей! Ну, может, Сэт проснется и подскажет им что-нибудь дельное!

Жрецы и начальник о чем-то совещались. Наконец начальник взмахнул рукой — и тогда зарокотали барабаны и с плеском упали в воду тяжелые весла.

К изумлению Конана и остальных, корабли выстроились в линию и двинулись, но не на них, а мимо. Все четыре дромона прошли вниз по течению и исчезли вдаль без единого сигнала или выстрела.

— Кажется, в последний момент они раздумали нападать на нас? — вымолвил Каспиус, провожая их взглядом.

— Похоже на то, — ответил Конан. — Что их спугнуло? Не наши же черные стервятники!

Лекарь взглянул на него с неожиданно плутовской улыбкой.

— Если, как вы говорите, стигийским жрецам ведомы все тайные пути магии и они постоянно спрашивают своего Сэта, делать им что-то или не делать, то, по-моему, ответ Сэта достаточно ясен. Ему не нравится то, что делает Зерити. Он велел своим людям позволить нам продолжать наш путь, ибо мы идем на битву с отрекшейся от него ведьмой. Быть может, он хочет отомстить ей таким образом.

Конан пожал плечами с видом крайнего недоумения.

— Все может быть, — только и сказал он.

За озером начинались более обитаемые и возделанные земли. На холмах и предгорьях в пору разлива оседал благостный ил, а горы немного защищали берега от жаркого ветра пустыни. Но его еще было довольно, чтобы вновь поднять паруса и продолжить путь.

Об этих городах и обычаях их обитателей во внешнем мире почти никто ничего не знал. Отрезанные от всех с одной стороны рекой, а с другой — горами, аборигены вели свою жизнь, не похожую на жизнь остальных стигийцев, хотя и поклонялись тому же Сэту. Ночной порой часовые слышали далекий грохот барабанов, видели мерцание тысячи огней вдоль берега, а среди дня мимо них иногда проплывал настоящий остров — с пальмами, фруктовыми садами и возделанными огородами. Острова эти были невелики, не более полета стрелы в ширину, но они не стояли на месте, они плавали, как плоты, изредка приставая к берегу. На них можно было увидеть целые поселки, жители которых возделывали остров и одновременно плавали на нем вверх и вниз по течению.

Наконец корабли вышли к Сгибу. Здесь Стикс, уподобляясь бешеной лошади, несясь через пороги и перекаты, грохоча и поднимая тысячи брызг, так что над рекой целыми днями стояла яркая радуга. Поток круто сворачивал к югу, подмывая нависающий над водой скалистый восточный берег и широко разливаясь у пологого западного. На его распаханных холмах стояли небольшие каменные дома под сенью пальмовых рощиц.

Встав у первого каменистого переката, Конан послал людей вдоль берега узнать, как долго тянутся пороги. Лодки, скребя днищами по песку, уплыли на юг и к вечеру вернулись с вестью, что перекатам и небольшим водопадам не видно конца и корабли там пройти никак не могут.

Глава 12

ДЖАКАЛА

Зерити простерлась ниц перед темно-желтым ониксовым алтарем.

На ней было одеяние, подобное тем, которые носят жрицы Иштар, ожерелье из птичьих черепов и костей триж-

ды обвивало ее шею, спускаясь ниже колен. Длинные черные волосы были собраны в высокий узел, заколотый изумрудными шпильками, оставляя открытой белоснежную тонкую шею. Зеленая волна шелка волочилась за ней по полу, подхваченная под грудью поясом из змеиной кожи — или то были живые змеи, любовно обвившие свою госпожу? Топленый жир летучих мышей горел в высоких светильниках, изливая на Зерити мягкий мерцающий свет. Глянув на себя в осколок зеркала рядом с алтарем, она нашла, что выглядит достаточно привлекательно. Негоже было бы предстать перед божественным Джакалой неумытой расстрой.

На алтаре стояла широкогорлая чаша, полная густой темно-красной жидкости. Но Зерити хотелось лить еще и еще, и ведьма, сунув руку в кожаный шевелящийся мешок, лежащий перед ней, выудила из него летучую мышь. Перепуганная тварь била крыльями и цеплялась за пальцы Зерити тонкими, как иглы, коготками. Зерити поднесла ее к самым губам и острыми клыками надкусила бьющуюся жилку на шее. Протянув истекающую кровью мышь к чаше, ведьма сжала ладонь, словно в ней было не живое существо, а сочный ароматный плод. Кровь потекла по ее пальцам, закапала в восьмигранную чашу, переполняя ее.

Выжав из мыши всю кровь до последней капли, Зерити отбросила трупик в сторону и снова сунула руку в мешок. На этот раз она вытащила из него щепотку порошка, которым посолила содержимое чаши. Взяв в руки горящую свечу черного воска, она принялась водить ею над алтарем. Кровь в чаше вспыхнула ярким зелено-синим пламенем. Тонкий дымок взвился вверх, закручиваясь в причудливые колечки.

Пламя в чаше осветило гладкую плиту то ли темного металла, то ли слюды, стоявшую позади алтаря. Блики побежали по ней, как по поверхности серебряного зеркала, но ни огонь, ни алтарь, ни ведьма не отразились в ней. Вместо этого в темной плите появилось нечто подобное звездному небу в середине лета, когда тысячи ярких глаз сияют в черной высоте.

Тогда Зерити заговорила:

— Великий Джакала, заклинаю тебя твоим именем! Из тьмы столетий, из бездны исчезнувших веков вызываю тебя! Твоей силы прошу, твоего беспредельного могущества! О ты, чье мужское начало не знает усталости, ты, вечно юный

властелин мира, приди ко мне! Я, Зерити, призываю тебя из оков твоего бесконечного сна! О Джакала, приди ко мне и утоли тот огонь, что горит в моих жилах!

Повторив это трижды, ведьма вновь простерлась ниц перед алтарем. Она лежала, тяжело дыша, замирая от ужаса и восторга, боясь поднять голову и в то же время стастно желая хотя бы искоса заглянуть в свое магическое зеркало.

В конце концов она подняла глаза — как раз в тот миг, когда в темной глубине плиты что-то всколыхнулось. Бесформенное нечто заклубилось над алтарем, уплотнилось и начало обретать очертания высокой фигуры.

— Мой повелитель Джакала! — восторженно выкрикнула Зерити, простирая к нему окровавленные руки. — Ты владел моей душой еще тогда, когда наш мир был полон тварей, могущих только плавать или ползать! Приветствую тебя, о мой могучий повелитель! Много сил потратила я на то, чтобы связать наш мир и твой темный сон неразрывным мостом, — и вот наконец ты пришел ко мне! Я поклялась тебе исполнить мои обеты — и сдержала обещание!

Но тень над алтарем лишь тихонько покачивалась, не произнося ни звука. Поверхность зеркала просвечивала сквозь нее. Лишь эхо и неясные бормотания в чреве земли неясным гулом доносились до слуха Зерити.

Но это как будто не смущало ведьму. По-прежнему коленапреклоненная, с умоляюще протянутыми руками, продолжала она говорить, словно отвечая на невысказанные вопросы:

— Да, господин мой, я все давно приготовила, как ты мне велел. Готова также и та, что своею кровью скрепит мой мост между мирами, чтобы никакая сила уже не могла разрушить его! Она молода и невинна, эта маленькая принцесса, цветок ее еще не сорван. Я долго выбирала ее среди юных дев и в конце концов сочла достойной твоего величия. Ее маленький череп будет сиять драгоценным камнем в твоей короне повелителя мира!

Снова повисла тишина, снова Зерити напряженно вслушивалась и снова закивала головой:

— Да, да, конечно! И тебе понадобится не только эта невеста, но и другие. Меня это ничуть не беспокоит, как не может обеспокоить любимую наложницу короля его союз с какой-нибудь иноземной принцессой ради богатств и

славы ее королевства. Пусть это будет данью, пусть это будет жертвой, которую принесут тебе все владыки земные, отдав своих дочерей. А я пребуду у твоих ног, у подножия твоего трона, вечно любимая и вечно любящая, верховная твоя жрица! И я все сделаю, господин мой, чтобы твоя тень накрыла все города и земли Верхнего мира! Ты снова будешь править, как правил когда-то, верховный владыка людей, животных, птиц и гадов!..

Она внезапно замолчала, опустив глаза, как будто резкий окрик или вопрос оборвал ее излияния.

— Ты спрашиваешь — когда? Скоро, очень скоро! Уже сейчас я могу назвать тебе город, с которого мы начнем: цветущий Баалур, жемчужина Шема. Как ни мал он по сравнению с целым миром, он все же достоин быть первым из твоих королевств. Жители его живут нынче в полусне-полубреду; они хорошо знают меня — скоро они узнают и тебя! Ты явишься им во всем блеске своей славы, о великий Джакала! Они падут перед тобою в пыль, как и пристало простому смертному перед лицом живого бога!

Она шептала, прижимая руки к груди, прикрыв глаза и тихонько раскачиваясь в упоении, словно уже видела наяву все то, о чем так страстно говорила. Внезапно она открыла глаза, улыбнулась и сказала громко и отчетливо, скорее для себя, чем для своего повелителя:

— И еще один дар есть у меня для тебя, великий Джакала! Он приближается, он скоро будет здесь, этот могучий варвар. Его человеческое тело — пока еще смертное — превратится в нерушимый алмаз, когда ты войдешь в него. Он будет здесь очень скоро, он мчится сюда под всеми парусами — столь велико его нетерпение служить тебе!..

Поднявшись с колен, Зерити приблизилась к алтарю почти вплотную. Протянув белую руку, она повела ладонью над пламенем в чаше, не чувствуя жара.

— Сюда придет он, к этому алтарю, и вступит в Круг, и надобно, чтобы ты тоже был здесь в этот миг, господин мой...

Поверхность зеркала внезапно прояснилась, в ней возникла залитая солнцем лагуна илистой, заросшей тростником реки. Вдоль берега плыли корабли — многовесельные галеры. На головном корабле с ярко раскрашенными парусами видна была небольшая группа мужчин. Они о чем-то говорили, но слов было не слышно. Зерити приблизила глаза, словно повелевая птице, черными зрачками

которой смотрела она на плывущие корабли, спуститься ниже, и тогда в толпе отчетливо стал виден темноволосяй синеглазый гигант. На одежде его не было никаких знаков различий, но было ясно, что командует и распоряжается здесь он.

— Видишь, господин мой, — прошептала Зерити, — днем и ночью спешит он к тебе, выискивая самый короткий путь. По суше и по воде, верхом и на кораблях торопится он сюда, единственный в мире обладатель достойного тебя тела. И я буду подгонять его, и вести его, и направлять его, пока не приведу его к тебе. Он еще не знает о той высокой цели, которая ему предначертана, но ты известишь его об этом сам, когда он предстанет перед тобой. — Она отняла руку, и изображение погасло. — И он не будет слишком противиться, это я обещаю... Почему я говорю это так уверенно, господин мой? — Зерити тихо рассмеялась и ласково коснулась алтаря тонкими пальцами. — Нет, возлюбленный господин мой, он не муж мне и не любовник. В моей земной жизни я ни разу не дотронулась до него. — Она склонила лицо к желтому камню и прошептала, почти касаясь его губами: — Нет, мой прекрасный Джакала, мечты мои только о тебе, возлюбленный мой муж и повелитель! Но я буду рада, если ты воплотишься в его тело, а не в чье-либо другое. И тогда я наконец смогу предложить себя тебе, ибо это и только это желание владеет мною уже много лет... О, как бы я хотела уже сейчас испытать на себе твое беспредельное могущество!..

Алтарь содрогнулся под ее руками, словно живой, гул наполнил гробницу, и никто, кроме Зерити, не услышал бы в этом гуле тихого, едва различимого, как отдаленный гром:

— Да будет так!..

И тогда Зерити обняла алтарь, прильнув к нему грудью. Губами припала к восьмигранной чаше и принялась жадно пить еще теплую кровь. Дымное, бесформенное облако накрыло ведьму, окутав с ног до головы, словно вобрало в себя. Дрожь сотрясла ее тело, она теснее прижалась к алтарю.

Темное облако уплотнилось, ни алтаря, ни ведьмы уже не было видно за ним. В гробнице повисла мертвая тишина, не нарушаемая даже писком летучих мышей в дальнем углу. А после раздался крик — крик ярости и наслаждения. Это, простертая на алтаре, кричала Зерити, сотрясаясь всем телом.

Глава 13

ГНЕВ ЭРЛИКА

Пристав к берегу в каком-то маленьком речном порту, Конан снова выслал лодки — пройти по течению еще дальше и все же выяснить, где кончаются пороги.

Разведчиков возглавил сам капитан Турио и через два дня вернулся берегом, чудом сохранив людей. Доклад его был краток: дальше по реке не может пройти ни корабль, ни даже лодка.

Городок на берегу жил именно за счет таких же, как Конан, путешественников: здесь кончалась судоходная часть реки и начинался большой караванный путь. Те, кто шел по реке, оставляли здесь корабли и закупали верблюдов, а те, кто шел из страны, оставляли верблюдов и закупали корабли.

Караванный путь, начинавшийся от порогов, был отвлечением Великого Торгового Пути, соединявшего Восток и Запад. По нему в хайборийские королевства шли бесконечные вереницы верблюдов — из Кхита и Вендии через Туран и Иранистан. От реки верблюжья тропа вела через пустыню, мимо развалин зловещего Птейона, в самое сердце Стигии. Но прямо на запад по ней, не доезжая Птейона, сразу за горным перевалом, лежало озеро. Взяв несколько дюжин всадников, Конан отправился взглянуть на него.

Взбираясь все выше по неровной горной тропе, верховые напали на недавний след и вскоре нагнали караван стигийского купца, гнавшего в столицу тяжело нагруженных мулов и несколько цепей рабов. Увидев вооруженных всадников, старый коршун едва не выпал из своих раззолоченных носилок, но, убедившись, что это не разбойники, охотно вступил в переговоры.

На вопрос Конана, куда он едет, стигиец ответил, что шел через горы к Стиксу, что лежит где-то рядом за перевалом, но, видно, заплутал в горах.

Конан вывел старика на дорогу, а тот в благодарность точно указал, в какой стороне следует искать горное озеро.

— Его питают горячие подземные источники, и выглядит оно как вход в Обитель Сэта, — сказал стигиец. — Но воды его целительны, особенно для страдающих от болей в суставах и пояснице.

Озеро и в самом деле выглядело странновато. Дымок клубился над его молочно-белыми водами, в воздухе стоял отчетливый запах серы. На дальнем берегу у скалы приютился над ним небольшой храм, посвященный все тому же Сэту, но не как воплощению Великой Тьмы, а скорее, Змею-Целителю. Жрецы этого храма оказались мирными и радушными хозяевами, что удивило и обрадовало Конана, не говоря уж обо всех остальных. Путников приняли, как следует вымочили в озере и благословили как могли. Пока его солдаты нежились в горячих, щекочущих кожу тысячами маленьких пузырьков ключах, Конан объехал по кругу все озеро. Не все оно кипело и бурлило, и берег, удаленный от ключей, кишел рыбой и дичью, гнездящейся в зарослях тростников. Киммериец, надеявшийся, что на таком горячем и целебном озере должен непременно расти и серебряный лотос, потратил на его поиски весь день, но потерпел неудачу.

И тем не менее он, оставив солдат, съездил в лагерь и привез на озеро Каспиуса, желая в точности знать, не может ли означенный лотос цвести здесь в другое время года — весной или осенью. Каспиус сказал, что исследует здесь все растения и даст ответ, а Конану тем временем пришла в голову неплохая мысль — перенести лагерь сюда, на берег озера.

Несмотря на протесты жрецов, не желавших вторжения в их мирную уединенную жизнь целой армии, Конан пригнал на берег несколько сотен из своего войска и заставил их строить на озере подобие причала.

Продав местным купцам одну из галер — ту самую, палуба которой была залита кровью, — Конан нанял рабочих и отправил их вместе с остальными солдатами расширять и выравнивать горную тропу. Командирам он объявил, что желает снять с оставшихся галер все, что только возможно, вплоть до весел и мачт, и перетащить их в горы, поставив на озере.

— Конан, ты сошел с ума.

Это было первое, что киммериец услышал от Турио, когда тот ознакомился с блестящей идеей своего главнокомандующего.

— Перенести галеры через горы! Да с такой работой не справятся и десять тысяч человек! Мы же не волшебники и не черные маги. Корабли летают только в сказках!

Турио покачал головой и, видя выражение упрямства на лице командира, продолжал:

— А самое главное — для чего? Что мы будем делать на этой луже посреди холмов в самом сердце Стигии? Неужели же и тебя начали одолевать ночные кошмары и ты теряешь рассудок? Разве ты забыл, зачем мы здесь и...

— Эта, как ты сказал, лужа, — перебил его Конан, — имеет сток. Озеро питают подземные ключи, а излишек воды вытекает небольшой речкой, которая сбегает с гор почти точно на юг. Встреченный мною стигиец потому и проплутал столько в горах, что принял эту реку за Стикс, притоком которого она, несомненно, является. И она достаточно широка, чтобы пройти по ней на наших галерах. После нападения пиратов нам достаточно будет и трех грузовых галер, поэтому одну я продал.

— Но это невозможно! — вмешался один из начальников отрядов. — Почему не послать верховых вверх по течению, вместо того чтобы карабкаться в горы с галерами на плечах? Дайте моему отряду несколько верблюдов — и я привезу вам лотос, если только он действительно растет на этой реке. Но, поднимая галеры в горы, мы провозимся столько, что не успеем вернуться в Баалур к назначенному сроку!

— Провозимся? — переспросил Конан. — А вы полагали, что мы совершаем приятную прогулку? Да, до сих пор было так или почти так — но теперь пришло время немного поработать! Говорю вам, я знаю, что делаю.

На этом обсуждение было прекращено, ибо никаких возражений Конан и слушать не хотел.

А работа предстояла и в самом деле не из легких. Нужно было разгрузить все галеры, снять с них все, что можно было бы тащить на спине, перенести это в горы, перенести галеры, а затем вновь оснастить их. По счастью, асгалунские моряки умели чинить корабли, а значит, могли и снять, и восстановить оснастку. Им были также знакомы некоторые приемы, при помощи которых стигийские рабочие возводят своим правителям и жрецам огромные гробницы, что оказалось очень кстати. В городе были закуплены веревки и цельные необработанные бревна, а также наняты еще рабочие, лошади и мулы. Галеры, «раздетые» чуть ли не до гребных палуб, были поставлены на бревна, и начались дни бесконечных трудов.

Люди и животные работали, сменяя друг друга, четверо суток напролет, то под палящими лучами солнца, то в неверном, скудном свете сотен факелов. Работа замирала

лишь на три-четыре часа в день, когда полуденная жара загоняла в благостную тень и тех, и других.

Горная тропа была днем и ночью перекрыта сверху и снизу отрядами в полсотни всадников — на случай нападения разбойников или прохода стигийских войск. Но в этих дозорах скорее отдыхали, чем трудились. Надобности в них не оказалось никакой, потому что ни одного разбойника или солдата так и не появилось в горах. Похоже было, что Каспиус не ошибся, утверждая, что Сэту и стигийцам угодна миссия Конана. После несостоявшегося нападения дромонов у бездонного озера войско Конана не тревожил никто. Стигийцы даже не стали подниматься вверх по реке, чтобы узнать, куда направляется шемитский флот.

Переход через горы не обошелся без жертв. Несколько раз веревки не выдерживали, и галеры, сорвавшись, оползали вниз, подминая под себя тех, кто возился с перекладыванием бревен. Сломанных ребер и отдавленных рук и ног было более чем достаточно. Но заботу о раненых взяли на себя жрецы озерного храма, и Конан в благодарность оставил им увесистый мешочек золота и драгоценных камней. Они долго отказывались, но в конце концов приняли дар — после чего уже не роптали на суету вокруг. А когда Конан заверил их, что вскоре и люди, и корабли оставят озеро, жрецы успокоились окончательно и даже стали высылать иногда младших служек на помощь шемитам.

Корабли пострадали от этого перехода значительно меньше. Поставив их у причалов с холодной стороны озера, матросы взялись за оснастку и отделку галер, так что по окончании работ они стали выглядеть едва ли не лучше, чем прежде.

Река, разведанная Конаном, имела русло глубокое, но узкое, так что конные отряды могли двигаться не на галерах, а рядом и при необходимости тащить галеры вдоль берега на бечевах.

И это очень пригодилось в самом начале, потому что речку от озера отделял небольшой водопад. По распоряжению Конана на берегу ниже водопада были сделаны помосты из камней и тех самых бревен, на которых волокли в горы корабли. После чего был сделан гигантский шлюз, ворот которого вращали лошади. На то, чтобы спустить таким образом все четыре судна, ушло еще четыре дня трудов.

Лошади понадобились еще раз, когда ниже по течению путешественникам встретились пороги и они едва не пропороли днища своим кораблям, пока перетаскивали их через каменные россыпи.

Но так или иначе, а путешествовать вниз по течению оказалось значительно веселее.

По мере того как река, набирая силу, спускалась с гор, плыть по ней становилось все легче. На третий день пути галеры вышли в широкий и глубокий каньон, где река, уже не стиснутая скалами, текла спокойно и неторопливо. По этому каньону они плыли еще несколько дней.

За все это время им не встретилось ни малейших признаков человеческого жилья.

К Стиксу они вернулись уже в предгорьях, где его холодные, темные воды тесно обступали столетние ивы, растущие вдоль низких, обрывистых берегов. Опасный отрезок реки остался позади, а перед собирателями лотоса лежало еще несколько сотен лиг путешествия на юг.

Кораблей, подобных асгалунским, в этих водах еще не видали. Ни одна галера не поднималась по Стиксу выше порогов, и потому местные рыбаки, чьи тростниковые суденышки часто выныривали прямо на галеры из густых прибрежных зарослей, изумленно таращились на диковину. Самыми большими из здешних судов были баркасы под полосатыми парусами, похожие на те пиратские посудины, которые баалурцы сожгли в ночь нападения.

Если бы в эти воды явился достаточно предприимчивый полководец, располагающий флотом, подобным флоту Конана, он мог бы с легкостью подчинить себе все земли вокруг, сделавшись единовластным правителем. Но это было бы не самое спокойное правление из всех возможных.

Здесь, в отдалении от столицы и цивилизации, стигийцы жили так, как, верно, жили их далекие предки — наполовину земледелием и охотой, наполовину разбоем. Маленькие деревни враждовали между собой непрестанно, ибо здесь царил обычай кровной мести, из-за которого могли вырезать целые большие поселения. Каждая деревня говорила на своем наречии, и нередко люди, живущие друг от друга на расстоянии не более нескольких лиг, не могли понять один другого.

Помимо невозможности объединить местные кланы, существовало еще одно препятствие спокойному правлению.

Когда-то давным-давно в этих землях жил иной народ, отличный от стигийцев во всем, кроме одного: это тоже был народ черных магов, поклоняющихся Тьме или порождению ее.

Повсюду вдоль берегов внимательный взгляд мог заметить руины городов и гробниц, еще более пышных и ужасающих, чем стигийские пирамиды. Иногда деревни стояли прямо на развалинах, и в грубой и неровной кладке низких домов попадался вдруг большой кусок древней стены, сложенной из плотно пригнанных плит с высеченным на них изображением какого-нибудь жуткого невиданного зверя.

Третьим поводом для беспокойства стали бы кочевники-зуагиры. Их набеги часто тревожили и без того разоренные вечной враждой стигийские поселения. Кочевники смерчем врываются в деревни и не столько убивали, сколько уводили всех жителей — до последнего старика и ребенка. Закупая хлеб в прибрежных деревнях, баалурцы вдоволь наслушались жутких историй про банду под предводительством некоего Матху Пророка, который положил себе зарок обратить за свою жизнь в истинную веру десять тысяч стигийцев. Истинной верой зуагиры считали веру в бога пустыни и песчаных смерчей, чернобородого Эрлика. К счастью, зуагиры признавали только лошадей и верблюдов и как огня боялись воды. Они приходили всегда с одних и тех же бродов, что несколько облегчало местным жителям защиту от их нападений.

Выше по реке дела обстояли еще хуже. Рыбаки рассказывали, что исток Стикса находится в узком каменном ущелье, что лежит еще за сто с лишним лиг к югу. Но задолго до того ущелья река превращается в жадную пасть, глотающую всякого, кто осмелится пойти вверх по течению, стигиец он или иноземец. А по берегам там бродят дикие зуагиры и разбойники, изгнанные из Кешана, которые убивают без разбору всякую живую тварь, будь то взрослый человек или ребенок.

Но несмотря на все те ужасы, что рассказывали местные жители, до сих пор никто не пытался встать на пути четырех галер. Дул попутный ветер, и маленький флот на всех парусах поднимался вверх по реке. Правда, кончались запасы еды, но в прибрежных зарослях было достаточно дичи, чтобы прокормить армию в два раза большую, чем та, что поднималась сейчас к верховьям Стикса. Они уже

научились остерегаться крокодилов и водяных змей, ловить сплетенными из травы бреднями рыбу, сонно стоящую на мелководье, и отличать ядовитые ягоды от съедобных. Они знали, что нельзя выгонять в ночное лошадей, потому что придут дикие степные кони, загрызут жеребцов и уведут кобыл. Они знали, что нельзя подходить близко к свешивающейся с ветвей ивы лиане, потому что она может оказаться древесным питоном. Каждый такой урок стоил им чьей-нибудь жизни, зато впоследствии спасал многих и многих.

Там, где река становилась быстрой и мелкой, а ветер умирал в ветвях высоких деревьев, путешественники пускались на различные хитрости. Чаще всего на берег выводились лошади и верблюды — они тащили галеры почти волоком, в то время как несколько десятков людей на корме и вдоль бортов отталкивались от дна длинными шестами. Когда на берегу показывалась деревня или небольшой город, на галерах немедленно готовились к бою, потому что даже самая маленькая деревушка могла вдруг ощериться рогатинами и вилами, а на просьбу продать хлеба и мяса — ответить градом камней из-за частокола. Здесь все жили в вечном страхе нападения, и тому было немало причин — то здесь, то там путешественники видели следы кровавых побоищ: сожженную деревню с разложенными вдоль частокола обезглавленными телами, головы которых торчали рядом на высоких шестах, разбитые баркасы, вытасканные на берег и брошенные под лучами палящего солнца, а то и просто несчастных, повешенных на деревьях вдоль дальнего берега в назидание остальным непокорным.

В один из дней, выслав отряд на охоту, Конан отправился вдоль берега в одиночку — и вернулся на галеру вместе с юным стигийцем, грязным, голодным и оборванным. Наткнувшись на него, трясущегося, в зарослях тростника, Конан попытался расспросить юношу о верховьях реки, но не смог добиться ни одного внятного слова. Тогда он просто взвалил стигийца на плечо и приволок к Каспиусу.

Судя по всему, юноша каким-то чудом спасся во время одного из набегов и довольно долго просидел в реке, затаившись, как дикий зверь. Лицо его и руки были обожжены, и ожоги были свежие. Поставленный Конаном на палубу перед собравшимися поглазеть на это чудо матро-

сами, мальчик тут же упал — то ли от страха, то ли от голода.

Он едва стоял на ногах, но, узнав, что путешественники движутся еще выше по течению, расширил глаза, вскочил и, не сказав ни единого слова, прыгнул за борт.

Это многое сказало Конану о том, что их ждет впереди. На следующий день они нашли плавающую на мелководье тростниковую лодку. От нее мало что осталось, ибо она была сожжена почти дотла, но каким-то очень странным способом: в ней зияла огромная обугленная дыра, словно ее пронзила струя пламени. Неподалеку плавали обугленные же трупы трех рыбаков.

Несколькими днями позже они наткнулись на настоящую битву. Вдоль берега безумным галопом мчалось не менее двух десятков верблюдов. Их преследовали, расстреливая караванщиков из длинных луков, всадники в белых плащах. Конан видел, как, нагнав караван, они быстро и умело перебили всех, кто еще остался в живых. Лишь нескольким счастливым удалось добраться до реки и, переплыв на другой берег, оказаться в безопасности.

Несколько лет назад Конан сам был таким же всадником в белом плаще, и его отряд бронзовокожих дикарей долгое время наводил ужас на приграничные земли Иранистана. Поэтому он до некоторой степени был осведомлен об обычаях и нравах этих кочевых жителей пустыни. Жрецы их бога, которых они называли пророками, сотни лет назад объявили священную войну иноверцам. Поэтому сейчас Конану было небезопасно появляться среди них. Даже если бы его узнали и с триумфом привели к местному Пророку Матху, тот вряд ли бы одобрил его плавание с шемитами. Не говоря уже о том, что, вероятнее всего, его убили бы гораздо раньше — просто потому, что теперь их язык звучал бы у него с резким шемитским акцентом.

Увидев, что всадники расправились с караваном и теперь с любопытством смотрят на его галеру, на мачте которой развевается баалурский флаг, Конан не стал проверять, все так же ли боятся их степные лошади воды, как десять лет назад.

— Лучников к бортам! — скомандовал киммериец. — Гребцов на весла! Рулевым править к правому берегу!

Река взорвалась барабанным грохотом и плеском весел, и лошади испуганно шарахнулись прочь. Но всадники бы-

стро совладали со своими скакунами и погнали их вдоль берега вслед за новой добычей.

— Потроха Нергала! — выругался Конан. Впереди, за небольшим поворотом реку перегораживал паром. На нем галеры поджидали еще две сотни всадников. Завидев приближающиеся корабли, они выхватили из ножен кривые сабли и разразились воинственными криками.

Конан понял, что боя не избежать.

— К оружию! — взревел он. — Готовьте сходни! Три золотых тому, кто приведет мне зуагирского жеребца!

С бортов галер на огромные бревна паромы посыпались пешие воины; по широкому сходням застучали копыта лошадей. Гребцы бросили весла и взялись за луки. Со стигийского берега вдруг послышались яростные вопли. Конан обернулся — ему на подмогу бежали пятеро уцелевших караванщиков. Халаты и чалмы их были мокры, но это не мешало им нестись к парому, размахивая над головами обнаженными саблями. Судя по одежде и горбатым, как клювы коршунов, носам, это были туранцы. К Конану подбежал один из них, седобородый старец с воинственно сверкающими глазами:

— Не знаю, кто ты и откуда взялся, господин мой, но я хорошо заплачу тебе, если ты поможешь мне спасти то, что еще осталось от моего каравана!

Зуагиры, сначала несколько растерявшиеся от внезапно высадившейся на берег огромной армии, быстро оправились и, прищипорив коней, развернулись по берегу широким полукругом. Турио же, напротив, не стал выводить свои отряды дальше паромы, оставаясь под прикрытием арбалетов с корабля. Зуагиры рассчитывали, ускакав в степь, заманить шемитских всадников за собою и там одного за другим расстрелять в высокой траве. Но, увидев, что преследовать их не собираются, они развернулись и взялись за луки.

И тогда с четырех гребных палуб вылетела туча стрел, выпущенных из арбалетов и длинных луков. Не меньше сотни зуагиров было убито на месте; остальные, в первую секунду двинувшись на конницу Турио, поняли, что их расстреляют прежде, чем они доберутся до всадников. Развернув коней, они попятились, отступили назад, их предводитель тонко и гневно выкрикнул какое-то бранное слово и в сердцах сплюнул в реку. Он повернул коня, махнул своим, и через мгновение вся орда растворилась в желто-сером море колышущейся травы.

Турio выкрикнул: «Вперед!» и пришпорил своего жеребца. Но тяжелые кони шемитов не могли тягаться с дикими степными жеребцами. Видя, что последний белый плащ мелькнул среди травы и скрылся из виду, баалурцы повернули коней и неспешным шагом вернулись к парому, выиграв битву без единого удара.

Караванщики кинулись к уцелевшим верблюдам, и караван-баши пустился в пространные объяснения Конану о том, каких трудов им стоило провести верблюдов через пустыни Иранистана и Пунта, ибо шли они от самого моря Вилайет.

— Но если вы направлялись на север, почему не пересекли Стикс еще раньше, выше по течению? — недоуменно спросил Конан. — Ведь зуагиры не ездят далеко за реку, и через день пути вы были бы уже в полной безопасности. Так бы вы попали прямо в Кешан, а тамошние разбойники, как я слышал, и малочисленны, и менее свирепы.

Почтенный Зурфар — так звали караван-баши — снял с головы совершенно мокрую парчовую чалму и неспешно отжал ее.

— Да, это можно было бы сделать, — с неохотой сказал он. — Но выше по реке нет паромов, а поток ярится подобно дикой степной кобыле. Мы погоняли верблюдов, как могли, в поисках хоть какой-нибудь переправы и мчались так не один день, пока наконец эти нечестивые псы не настигли нас. Что за дикие нравы у здешних племен? Когда мы шли через пустыню, мы тоже встречали кочевников — они странствуют по пескам от оазиса к оазису и не допускают к воде никого, кто не заплатит им золотом либо драгоценными камнями. И я готов был заплатить и этим неверным, но они набросились на меня с яростью бешеных шакалов. И напрасно я предлагал им выкупить наши жизни! А все это с тех пор, как здесь воцарился этот безумец, которого они зовут пророком!

— А почему же вы сами не выстроили какую-нибудь переправу? У вас бы ушло на это времени меньше, чем на скачку вдоль берега.

Зурфар недобро сощурился, но не смог не признать правоты киммерийца.

— И все же это было очень тяжело, — покачив головой, сказал он. — Хотя, наверное, и возможно. Еще южнее Стикс течет по узкому каменистому ущелью, и подчас простой поход за водой может стоить неловкому человеку жизни. А

еще южнее этого ущелья река течет по открытой равнине, а Кассали и иные великие города Пунта лежат далеко от воды и не нуждаются в постоянных переправах. Идя с юга, мы вынуждены были обогнуть ущелье и надеялись, что не встретим зуагиров. Да, все, кто выжил, запомнят этот день и будут рассказывать о нем внукам и правнукам.

— Хм! — сказал Конан, оглядываясь на своих командиров, стоявших поодаль, но тем не менее жадно вслушивающихся в разговор. При последних словах старика, молодые воины гордо выпрямились.

— А что, этот пророк — кажется, его зовут Матху, — спросил Конан, — вовсе запретил иноземцам водить караваны через земли зуагиров?

— Он безумен, безумен, уверяю тебя, господин мой! — замахал старик на Конана руками. — Безумен, как все жрецы этого демона, Эрлика! Говорят, у него были какие-то видения, в которых Эрлик объявил ему, что какой-то страшный демон, древний его враг, пробудился от сна и вновь хочет господствовать над миром. И потому все неверные, не почитающие Эрлика, должны быть умерщвлены на месте, без допроса и покаяния. Я же сказал тебе, господин мой, — он безумец! И как это всеблагой Митра допускает, чтоб такой злодей ходил по земле!

Тем временем оставшиеся в живых караванщики перераспределяли поклажу по уцелевшим верблюдам. Благополучно переправившись на другой берег, они остановились в ожидании, пока их караван-баши изволят закончить беседу с шемитским военачальником. Видя это, Зурфар стал прощаться.

— Завидев вас, я решил, что вы пираты, и счастлив, что ошибся, — сказал он Конану. — Надеюсь, с тем, что осталось, я сумею поправить свои дела. Благодарю тебя, чужестранец, что ты не попытался воспользоваться моей бедой и не захватил себе весь товар, как это несомненно сделал бы всякий другой на твоём месте.

— В самом деле? — расхохотался Конан. — А ты не боишься, что сейчас я потребую ту самую награду, которую ты посулил мне? Я думаю, всего твоего товара как раз хватит, чтобы вознаградить хоть немного каждого из моих солдат!

Караван-баши побледнел и кисло улыбнулся:

— Легко тебе смеяться надо мной, господин мой, с четырьмя кораблями и тысячным войском! Будь у меня

твои корабли, я бы просто-напросто спустился вниз по реке, и никакие зуагиры не страшили бы меня до самых порогов... А не удовлетворишь ли ты мое любопытство и не скажешь ли, куда вы движетесь с такой армией? Неужели вы все-таки пираты?

— Нет, мы не пираты, — ответил Конан. — А путешествуем, как и ты, с определенной целью.

Караван-баши удивленно поднял брови:

— Вверх по Стиксу?! А знаешь ли ты стигийскую поговорку: «Не ходи за счастьем к верховьям Стикса»? Стикс — жадная река, — он вытянул руку к югу, указывая на сияющую ленту потока. — Блестит как чешуя Великого Змея! И те смельчаки, что прельстились ее блеском, не возвращаются назад! А если возвращаются, то больше не жаждут ни богатства, ни славы — ибо на Серые Равнины не унесешь ни того, ни другого. — Он ткнул в трупы зуагиров, плывущие вниз по реке. — Но если уж ты так хочешь подняться к верховьям, то вот тебе мой совет: оставь корабли, пересядь на лошадей или верблюдов и уж лучше встретиться в степи с зуагирами, чем со Стиксом у его истока!

Глава 14

НОЧНЫЕ УЖАСЫ

Баалур лежал погруженный во тьму.

Люди, как могли, боролись с нею, и желтые огни факелов тысячами горели на улицах и площадях, так что белые стены домов прокоптились до черноты. словно умышленные или призраки, бродили горожане с фонарями в руках, натывая друг на друга. Жуткое это было зрелище: словно слепые шествовали вереницами, не видя друг друга и пытаясь слабыми огоньками разогнать тьму, окружавшую их. Глаза у всех были пусты, лица бледны. Вот уже третий месяц боролись они со сном.

Днем картина менялась: яркое солнце освещало беспробудно спящий город. С первыми его лучами засыпали все — кто, и где, и как придется, ибо только днем кошмары отступали.

Но эта ночь длилась уже третьи сутки и все никак не кончалась, и жители Баалура были близки к безумию.

Вот почему Нарсиус, торговец фруктами, бродил по улицам в столь поздний — а быть может, в столь ранний — час. Ему доставляло некоторое утешение не сидеть дома без дела, а ходить по улицам с корзиной, полной фруктов, раздавая людям сочные, свежие плоды. Когда он предлагал кому-нибудь грушу или персик, лицо несчастного на миг светлело, он принимал дар с такой радостью, как будто ему в руки с неба падала звезда. В эти черные дни он предлагал фрукты даром, но, как правило, ему все-таки платили — кто сколько мог; и под утро он возвращался в дом своих родителей с карманами, полными мелких денег. Когда солнце высоко вставало над горизонтом, он снова выходил на улицы, но уже не торговать, а поспать вместе со всеми.

И при этом он почему-то не чувствовал усталости. Ему хватало четырех или пяти часов сна. Обычно он просыпался оттого, что кто-нибудь начинал громко стонать рядом с ним, и тогда он тряс спящего за плечи, или хлопал по щекам, или выливал на него кувшин холодной воды — словом, делал все, чтобы тот очнулся. После этого, даже если ему все еще хотелось спать, заснуть Нарсиус уже не мог, и тогда он бродил по улицам до наступления темноты, а потом снова брался за корзину с фруктами.

Он знал, что в городе еще остались люди, которые до сих пор могли спать спокойно. Для некоторых жизнь почти не изменилась по сравнению с той, какую они вели до проклятия. Иные же каким-то образом умудрялись чувствовать себя неплохо и при кошмарных снах — как правило, это были богачи, у которых было достаточно денег, чтобы нанять слуг, обязанных будить их, как только они начинают метаться и стонать. Были и те, кто пытался бороться с проклятием иным образом: например, убежать из города; но, по слухам, это мало помогало. Соседние города-государства выставили посты вдоль границ и не пускали к себе подданных короля Афратеса — ибо теперь зараза распространилась на всех без исключения, а не только на жителей столицы, и каждый день приходила в Баалур весть о том, что еще один город охвачен колдовской заразой.

От кошмаров не было лекарства и не было избавления. От них не спасала даже смерть — жрецы Дагона утверждали, что теперь все умершие станут рабами Зерити в ее темном царстве по ту сторону смерти. Вся надежда оставалась только на то, что отправившиеся за лотосом

смельчаки все-таки найдут его и вернутся. Но с каждым днем эта надежда становилась все меньше и меньше.

Бродя по улицам, Нарсиус везде слышал горестные стоны и вздохи, везде видел безрадостные лица: засыпая, люди погружались в кошмары сна, просыпаясь — оказывались в кошмаре яви. Многие кончали с собой: даже угроза вечного рабства у Зерити не могла остановить отчаявшихся обрести покой людей. Не обходилось и без несчастных случаев: буквально накануне кто-то, засыпая на ходу, споткнулся о бочку с маслом и уронил в разлившееся масло горящий факел — в результате от целого квартала остались одни угли.

Но эта ночь все длилась и длилась и никак не могла кончиться, так что даже он, совсем молодой юноша, начинал чувствовать себя совсем усталым и несчастным. Он заметил, что на улицах стало меньше огней: люди, изнеможенные от бессонницы, стремились окружить себя не светом, а тьмой, ибо именно тьма приносит покой и отдых. И стоило юноше об этом подумать, как тут же ему захотелось забраться в какой-нибудь темный угол, подальше от всех, свернуться в клубочек и закрыть слипающиеся глаза...

Он изо всех сил уцепился за себя и потряс головой. За эту ночь он проделывал нечто подобное уже в десятый, а может быть, в двадцатый раз. Он заглянул в темный переулок, в конце которого горел один-единственный фонарь, и решительно повернул к рыночной площади. Там свет, там огни, там люди.

Но тут из переулка прямо ему наперерез вывалилась шумная компания, размахивая двумя большими фонарями. Они распевали пьяными голосами, немилосердно фальшивя: последнее время многие в Баалуре пытались спастись от чумы и таким образом. Они шли нетвердой походкой от стены к стене, и фонари раскачивались у них в руках вместе с ними.

— Почем у тебя сладкие груши, мальчик? Могу я взять штуку на пробу? — с трудом выговорил один из гуляк.

В круге света от фонаря появилось женское лицо с опущенными глазами. Женщина проворковала:

— Выбери мне самую желтую, красавчик! Надо же чем-то заесть это паршивое кислое вино, которым вы, мерзавцы, меня напоили!

— Да, пожалуйста! — ответил Нарсиус, протягивая им корзину. — Лучшие груши во всем Шеме!

К корзине потянулось сразу несколько рук; кто-то сунул Нарсиусу серебряную монетку.

— Берегись, — услышал он у себя над ухом хихикающий голос. — Твои груши действительно хороши! Берегись Мило, он ходит тут вокруг и тоже очень любит груши! И если ему что-то не понравится, он потопчет все твои фрукты!

Нарсиус отшатнулся. Ему вдруг показалось, что вместо человеческих лиц он увидел в свете фонаря отвратительные жабы морды.

— Чур меня! Сгинь! — крикнул он и бросился бежать, но тут же запнулся обо что-то и ударился лбом так, что из глаз посыпались искры.

— В чем дело, мальчик? — пропел над ним медовый голос. — Что с тобой, разве мы тебе не заплатили?

— Не прикасайтесь ко мне! — откатившись в сторону, он выхватил из-за пояса нож, которым вырезал сердцевинки яблок для особенно придирчивых покупателей. Сталь блеснула в свете фонаря, лягушачьи и паучьи лапы отдернулись назад.

— Эй, парень, ты что, свихнулся? — испуганно крикнул один из демонов. — Смотрите, он же ее ранил! Будите, будите его, он спит!

Но нет, Нарсиус хорошо знал, что не спит. Он вдруг со всей очевидностью понял, что произошло с городом: день стал ночью, ночь стала днем, кошмары стали явью. Размахивая кинжалом во все стороны, он пятился по темному переулку, пока наконец не выскочил на освещенную улицу, и тогда помчался по ней со всех ног, а за ним по пятам гнались демоны, протягивая к нему свои уродливые когтистые лапы и лязгая зубастыми пастями.

— Берегитесь, он сошел с ума! — кричали у него за спиной. — Он ранил мою подружку! Держите его, попытайтесь его связать!

Чудовища окружили его со всех сторон. В совершенном отчаянии он бросился прямо на них, размахивая ножом. Где-то недалеко отсюда должен быть его дом, только там сможет он спастись от этих уродов! Скорее туда!

Нож его полоснул по чьей-то отвратительной роже, темная жидкость потекла по нему. Кто-то ткнул ему факелом прямо в лицо, и он увидел то, чего боялся больше всего: на ноже была не кровь, а какая-то вязкая зеленая мерзость. Он застыл, вытаращив глаза, и только секунду

спустя осознал, что рука, державшая факел, была обычной человеческой рукой.

Но голос, что прогремел над ним, мог принадлежать только демону: хриплый, ужасающий рев.

— Стражу! Позовите стражу! Его нужно остановить!

И тогда Нарсиус побежал изо всех сил, побежал так быстро, как не бегал никогда в жизни, и завывающая, улюлюкающая толпа осталась где-то позади. Добежав до своего дома, он принялся отчаянно барабанить в дверь и молотил по ней кулаками, пока ему не открыли.

Как безумный, ворвался он в дом, ничего не видя перед собой, понимая только, что наконец-то спасен.

— Это Нарсиус, что-то он сегодня рано, — услышал он словно издалека. И другой голос, еще более тихий, позвал его откуда-то из темноты:

— Скорее, дитя мое, скорее входи! Что-то происходит на улице, там, наверное, небезопасно.

По-прежнему ничего не видя в полутьме, он сделал несколько неуверенных шагов по коридору — и вздрогнул, услышав, как лязгнул засов у него за спиной. Он оглянулся через плечо и увидел перед собой не старого слугу, а какой-то смутный, расплывчатый призрак с красными горящими угольями вместо глаз.

Женщина, которую он принял за свою мать, поднялась ему навстречу, протягивая испачканные в крови руки, и тогда он узнал ее: Зерити, демон сна и бреда, ужасная колдунья.

— Нарсиус, мальчик мой, зачем же ты меня боишься? — почти пела она, и руки ее бесконечно удлинились, приближаясь к его шее, хотя сама ведьма не делала ни шагу. — Иди сюда, иди к своей мамочке! Что это у тебя в руках, сынок, кинжал? Ну-ка, дай его мне!

Дрожь прошла по всему его телу от прикосновения холодной как лед руки; он вслепую взмахнул своим ножом, отшатнулся, кинулся вверх по лестнице.

— Пресветлый Митра, да что ж ты делаешь! Должно быть, он сошел с ума! Стой, погоди!

— Чудовище! Посмотри, он ранил меня! Меня, свою мать!

Карабкаясь по ступенькам все выше, Нарсиус как мог отбивался от наседающих демонов. Те ужасные твари, что преследовали его на улице, были безобидными зверушками по сравнению с этими: словно гигантские клубки ядовитых

шевелиющихся змей или щупалец. У чудовищ были тысячи, десятки тысяч этих безобразных рук, и все они тянулись к нему, пытаясь схватить юношу. Он размахивал ножом с отчаянием загнанного зверя, но там, где он отрубал одно щупальце, немедленно вырастало два. Зеленая мерзость капала с них, стекала по ступеням.

Лестница кончилась. Он похолодел, почувствовав спиной закрытую дверь. Пнув лезущее на него чудовище, он рванул дверь на себя — и, к его счастью, она оказалась незаперта. Он плотно захлопнул ее за собой и в изнеможении сполз на пол. И снова прошиб его холодный пот, потому что сидел он не на полу, а на влажном, шевелящемся языке какого-то невообразимого монстра. Бело-желтые клыки час-токолом смыкались у него за спиной, а язык подтягивал бедного Нарсиуса все ближе и ближе к жаркой бездонной глотке.

И опять он услышал тот же голос из немыслимой дали:

— Нарсиус! Бедное мое дитя! Эти кошмары добрались и до тебя...

Он провалился в звенящую тьму и не видел лица матери, склонившейся над ним. Она держала во рту порезанный им палец, а здоровой рукой тихо гладила светлую голову сына, шепча что-то бессвязное.

Он спал.

Глава 15 ИЗ ГЛУБИН

Галеры плыли все дальше, а земли вокруг становились все глуше. Деревни появлялись все реже, пока наконец не исчезли вовсе; пустынные степи переходили в заросли кустов и небольшие рощи. Вскоре рощи сменились лесами, а леса, в свою очередь, превратились в непроходимую чащу, сплошной зеленой стеной встававшую по обоим берегам. И пока еще оставались признаки человеческого жилья, путешественников постоянно преследовали зуагиры. Они появлялись из степи или с холмов небольшими отрядами и пытались на полном скаку расстрелять галеры из длинных луков, но стрелы их обычно не достигали цели.

По мере того как степи сменялись холмами, берега и река становились все более безлюдными. Сначала им встречалось не более трех рыбацких лодок за день, затем не более одной, затем они перестали попадаться вовсе.

Вода в реке тоже изменилась. Она стала угольно-черной; даже зачерпнутая в горсть, она больше не казалась прозрачной, оседая на коже мельчайшими частицами ила. Никакие лоты уже не могли достигнуть дна реки, она становилась в глубину гораздо больше, чем в ширину.

— Не следовало нам вмешиваться в дела зуагиров, — посетовал как-то вечером Турио, стоя на баке рядом с Конаном и с тоской оглядывая поросшие лесами холмы. — Я-то думал, что это просто дикари, а они, оказывается, держат в своих руках все земли к востоку от Стикса! Если нам придется оставить корабли и передвигаться далее верхом, мы можем горько пожалеть о той глупой стычке.

— Я хорошо знаю этих кочевников, — отозвался киммериец. — С ними невозможно поддерживать дружеские отношения, ибо нет у них мира даже между собой. Если бы мы могли хотя бы немного доверять им, я давно бы бросил корабли и отправился по суше. Но по счастью, я этого не сделал.

И все же какие-то следы пребывания людей в этих джунглях сохранились. Правда, они скорее пугали, чем обнадеживали. Поднимаясь все выше по реке, путешественники находили разбитые лодки или заброшенные, уже заплетенные травой и лианами маленькие хижины посреди леса. Возле таких хижин обычно можно было найти обломки ножей, осколки глиняной и стеклянной посуды, а также два или три черепа, побелевших от времени. Первое время, завидев на берегу такую хижину, солдаты требовали непременно высадиться и осмотреть все вокруг, но, убедившись несколько раз, что жилье давно опустело и заброшено, а его бывшие хозяева уже никогда не вернутся домой, прекратили подобные вылазки.

А русло реки все сужалось, и течение становилось все сильнее. Однажды утром они услышали шум, очень похожий на шум водопада. Впереди берега превращались в огромные утесы с отвесными склонами, и сворачивать надо было либо теперь, либо никогда.

— Клянусь Дагоном! — галера Турио шла почти вплотную за кораблем Конана, поэтому киммериец отчетливо слышал каждое слово молодого капитана, стоявшего на

носу судна. — Похоже, нас ждут новые пороги. Мы не сможем вскарабкаться на эти утесы, и придется сворачивать назад. Так что может быть...

Последние его слова потонули в испуганном крике гребцов. Дико заржали лошади. Где-то позади раздался ужасающий рев, но, оглянувшись, Конан ничего не увидел: река только что сделала небольшой поворот, и последние две галеры еще не появились из-за скалы.

— Назад! — крикнул Конан. — Выгребайте назад! Турио, сдвинь свою посудину, мы должны видеть, что там происходит!

Но галеру Турио вдруг подбросило и развернуло поперек потока. За ее парусами невозможно было разглядеть ничего, и Конан, сыпля проклятиями, уже приготовился перепрыгнуть с кормы на борт и как следует взгреть рулевого Турио, как вдруг случилось нечто ужасное: река ожила. Из-за поворота показалась третья галера, река вздыбилась вокруг нее огромной петлей темной воды. Петля захлестнула галеру как раз между двумя мачтами и потянула на дно. Люди в ужасе метались по палубе, хватая что меч, кто копьё, а петля все затягивалась, под ее натиском трещала обшивка и рвались снасти.

— Что вы пялитесь, собаки! Нашли чем любоваться! — взревел Конан и парой оплеух привел в чувство остолбеневших рулевых. — Гребцы, на весла! Лучники, стреляйте по ней! Готовьте катапульту на нижней палубе! — Пинками, тычками и подзатыльниками он заставил всех занять свои места, развернуть галеру и повести ее по течению к захваченному рекой кораблю.

Вторая петля взвилась над рекой и захлестнула вставшую поперек протока галеру Турио. Опомнившаяся команда на третьей галере принялась стрелять в реку из луков и швырять в нее все, что подворачивалось под руку. Хватка реки ослабла, она выпустила корабль, но мгновение спустя вздыбилась вновь — и вторая петля обвила галеру Турио.

От воды начал подниматься пар, снасти галеры вдруг вспыхнули гигантским факелом. Прямо на глазах у Конана какой-то обезумевший от боли и ужаса солдат, слепо тычась во все стороны, полез прямо по затягивающейся петле, обхватив ее руками, как огромный ствол. Его рыжие борода и волосы занялись синим пламенем, он с криком расцепил руки и упал в воду, изжарившись заживо.

— Река! Река ожила и загорелась! — услышал Конан бормотание своей команды. — Она сжигает заживо всех, кто отваживается плыть по ней, и давит в щепы корабли!

— Хватит причитать! Воины вы или бабы?! — рявкнул Конан, раздавая затрешины направо и налево. — Заряжайте катапульту якорем и стреляйте по ней!

Несколько человек кинулись к якорю, проворно сняли его с цепи и зарядили в катапульту вместо снаряда, привязав к нему длинную, прочную веревку. Конан, стоя на корме, сложил руки рупором и велел сделать то же самое команде третьего корабля. Затем обернулся к своим людям: те стояли навтыжку у катапульты, ожидая приказа.

— Стреляйте! Чего вы ждете, Нергал вас побери!

Катапульта выстрелила. Импровизированный гарпун вонзился в петлю, сдавившую корабль. С третьей галеры вылетел другой снаряд, зацепив вторую петлю.

— Отлично! А теперь всем живо на весла — растаскивайте их, пока эта проклятая тварь не раздавила нам корабль! Живее, живее! Гребите изо всех сил!

Обе команды наконец поняли, чего от них добивался Конан. Гребцы бросились на весла. Снова раздался чудовищный рев, на палубу галеры Турио потекла из-под якоря темная жидкость.

— Тяните, тяните изо всех сил! — кричал Конан. — Турио, не стой столбом, делай что-нибудь! Пусть четвертый корабль подходит и помогает тому! Выше голову, ребята! Мы еще увидим, какого цвета кишки у этого водяного червя!

— Конан ранил Черную реку! — кричали на обеих палубах. — Да здравствует Шем! Да здравствует Баалур!

— Тяните, ротозей, орать будете после!

Турио, опомнившись, проделал тот же самый трюк со своим якорем и перекинул конец веревки на галеру Конана. Черные петли понемногу расходились в разные стороны, круша все на своем пути: и людей, и снасти, и мачты.

Внезапно прямо из-под горячей галеры вынырнула гигантская тупорылая голова с черными мерцающими глазами и тысячезубой пастью. Она слепо таранилась на корабли и людей, словно не понимала, как могло случиться, что ее ранили эти муравьи. Огонь охватил уже всю верхнюю палубу; горели покореженные мачты, горело само чудовище. Тучи стрел с трех кораблей летели в него. Оно затрясло головой и снова взревело.

— Да это же просто рыба! — закричали матросы, немного приободрившись. Чудовище, как ни было оно огромно и сильно, внушало людям меньший страх, чем ополчившаяся на них река. — Эй, уродина! Мы разрежем тебя на куски и зажарим на ужин!

— Смотрите, сами не станьте ее ужином! — рявкнул Конан.

Чудовище выло все громче, якоря раздирали его тело, оно сжимало кольца в предсмертной агонии, и Конан с ужасом видел, как ломаются борта галеры, крошатся в щепки весла и давятся беспомощные гребцы на нижней палубе. Черная река стала еще чернее от пролитой крови — людской и подводной твари.

Тем временем к галере Турио приблизился четвертый корабль и тоже выстрелил якорем в гигантского змея. Усилиями двух кораблей одна из петель была стянута, и якорь галеры Турио, соскользнув, исчез под водой.

— Вытягивайте его и стреляйте снова! — заорал Конан во весь голос.

Его услышали. Трое или четверо матросов кинулись вытаскивать якорь, катапульта была заряжена вновь и вновь выстрелила. Стальной трехлапый гарпун вонзился прямо в шею чудовища, сразу за огромными, как жернова, глазами.

Оглушенная и ослепленная, раздираемая в трех направлениях разом, тварь извивалась в последних конвульсиях. Вода кипела за бортами галер. Чешуйчатое тело билось, пытаясь высвободиться.

Черная кровь, смешавшаяся с водой, привлекла множество крокодилов. Со всех сторон устремились они на пиршество, разрывая на части тела утонувших людей и добывая и без того едва живого червя. Солдаты спустили на воду шлюпки и, уже не опасаясь, принялись спихивать копиями огромное тело, навалившееся на нос истерзанной галеры. Наконец с громким плеском тварь была скинута в воду — и камнем пошла на дно, утачив за собой все четыре якоря.

Клич восторга, едва ли не более громкий, чем предсмертный вой чудовища, разнесся над рекой. Праматерь всех рыб была побеждена. Галеру Турио взяли на буксир и потащили вверх по течению. Утром следующего дня они вплотную приблизились к ущелью.

Здесь Конан велел бросить якорь и высадиться на берег.

Скалы вздымались отвесно только над водой, словно темный поток когда-то очень давно пробил себе путь через вершину огромной горы, поделив ее надвое. По обоим берегам гора полого спускалась вниз, склоны ее, густо поросшие лесом, плавно переходили в холмы. Река неслась через ущелье бешеной кобылицей. Выше по течению не могли уже подняться ни галера, ни лодка, ни тем более пловец.

Именно здесь, у склона высокого холма, Конан решил разбить постоянный лагерь. Он велел вырубить деревья на площадке шириной в пять полетов стрелы и начать постройку деревянной крепости. Из огромных стволов, заостренных на концах, был сделан частокол. Внутри него были возведены большой общий дом и несколько конюшен. Со стороны реки крепость надежно защищала сама река, и здесь была выстроена пристань, у которой разместились четыре галеры.

Конан расположил крепость на восточном берегу еще и потому, что возле Ущелья Стикса зуагиры уже вряд ли потревожили бы баалурцев — они редко заходили так далеко к югу; а на западном берегу приближительно от этих мест начинались земли Кешана, о жителях которого ходила слава людоедов.

Пока строилась крепость, верховые отряды исследовали местность вокруг и обнаружили несколько троп, ведущих на юг. Когда строительство было полностью закончено, а корабли прочно встали на якорь у новой пристани, Конан собрал начальников отрядов на военный совет.

— Я полагаю, что теперь мы находимся где-то на полпути от нашей цели, а потому будет нелишне разделить наши силы, — заявил он. — Укрепившись на этом берегу, мы будем иметь надежное убежище для нашего войска и кораблей. Галеры нуждаются в серьезном ремонте. Я надеюсь, все понимают, что, если нам не на чем будет вернуться домой, Баалур не спасут никакие заросли серебряного лотоса. Поэтому я решил оставить половину нашей конницы и пешего войска здесь, в этой крепости. Пусть они подготовят все для нашего скорейшего возвращения домой. А это значит: починка кораблей и запас еды и питья на обратный путь. Если с теми, кто уйдет вперед, что-нибудь случится, они смогут отступить на подготовленные позиции или вызвать подкрепление.

Первые же слова протеста принадлежали, конечно, Турьо.

— Зачем нам оставлять половину воинства здесь, в этом забытом богами месте? Мало того, что это опасно, поскольку мы так и не выяснили, бывают ли здесь зуагиры, — это может привести к настоящему мятежу. Ибо каждый из нас знает, как опасны солдаты, обезумевшие от безделья. Если ты так настаиваешь, мы можем задержаться здесь на неделю или две, чтобы дать людям отдых, — и тогда всей армией двинуться на юг.

Конан терпеливо ждал, пока поток возражений молодого командира иссякнет.

— Если бы я считал, что наши люди просто-напросто устали, я погнал бы их вперед с удвоенной скоростью, — заявил он. — Но нам нужен лагерь! После порогов нам не встретился ни один корабль, сравнимый с нашими. Здесь нас не достанет ни флот Стигии, ни войско. Зуагиры сюда наезжают редко и небольшими отрядами, и поэтому их можно почти не опасаться. А что касается обезумевших от безделья солдат, то заставьте их работать, не оставляя ни одного часа без дела, — и на бунт у них не останется ни времени, ни сил. Помимо заготовки еды на обратную дорогу, оставшимся в крепости придется сопровождать караваны через степи зуагиров — за хорошее вознаграждение, разумеется, — потому что от денег короля Афратеса у нас почти ничего не осталось. А на обратную дорогу нам понадобится золота не меньше, чем на дорогу сюда. Вы будете приводить их в крепость, сажать на корабли и отвозить вниз по течению до самых порогов — пусть только платят.

— Но, во имя Митры! — не выдержал красный от гнева Турьо. — Разве не об этом говорил я вам всю дорогу?! Разве не об этом предупреждал нас Шалманзар?! По-моему, Конан, ты собираешься силами войска Баалура выстроить здесь себе небольшое королевство! Мы будем собирать тебе золото с проходящих караванов, а ты — бродить по окрестностям, стрелять оленей и объяснять нам, что никакого лотоса в этих землях нет и в помине!

Речь его была прервана в самом разгаре — ударом киммерийского кулака. Юноша отлетел в угол, из носа у него потекла кровь.

Установилась тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием оскорбленного капитана. Он встал и взялся за рукоять меча.

— Я не сомневаюсь, что этот глупец печется о благе своего города, — сквозь зубы процедил Конан. — До сих пор я делал то же самое. Вы смело шли за мной через все опасности — я полагал, что вы пойдете за мной так же смело и дальше. И вы в самом деле считаете, что те, кто останется здесь, предадутся безделью и накоплению богатств, забыв о цели нашего путешествия?.. Я считаю иначе, но, зная твою неумность, Турио, я собирался оставить в лагере военачальником именно тебя — и никого другого. Мне хорошо известно твоё рвение, и я уверен, что ни один солдат, отданный тебе под начало, не разжиреет от безделья.

Турио молчал, с ненавистью глядя на Конана. Киммериец ждал. Расчет его был точен: с одной стороны, молодой капитан был польщен тем, что его заслуги командира наконец признаны главнокомандующим, с другой — оставаясь в лагере, он получал в полное свое распоряжение половину всей армии.

Глядя на то, как на лице юноши отражаются самые противоречивые чувства, Конан еще подлил масла в огонь:

— То, что я сделал, я собирался сделать с самого начала, и этот план был принят королем и Каспиусом. Поэтому, прощаясь с Зурфаром — небезызвестным вам караван-баши, — я сделал ему одно предложение. Караван туранских купцов, знакомцев нашего караван-баши, будет ожидать вас чуть ниже по течению. Они обещали заплатить одной двадцатой от суммы всего товара. Уже сейчас мы можем готовить верблюдов для путешествия, и я уеду уверенный, что вы тут не пропадете. На сборы должно уйти дня два или три.

Турио снова покачал головой, но уже по другому поводу.

— Ты в самом деле собираешься оседлать верблюдов и отправиться на юг, прямо в лапы к зуагирам? Мне одной встречи с ними хватило, чтобы понять, насколько легко они догонят любой караван. Тебе придется с ними драться трижды в день...

— Именно за этим я оставляю в крепости тебя, мой бесстрашный капитан! — улыбаясь, сказал Конан. — Ты схватишь здесь зуагиров за горло и не отпустишь, пока я не уйду достаточно далеко! Уж это ты, надеюсь, сумеешь сделать?

ВДОЛЬ БЕЛЫХ КОСТЕЙ

Бесчисленные банды зуагиров, подобно стаям голодных степных волков, скитались по пустыне белыми смерчами. Ярости их не было предела.

Шемиты должны были заплатить сполна за свою слишком легкую победу у Стикса. Как раз на днях из выстроенной ими на побережье крепости вышел караван тяжело нагруженных верблюдов в сопровождении большого отряда всадников. Проводив караван до края нагорья, всадники вернулись в лагерь, а шемиты остались в пустыне лицом к лицу с врагами более страшными, чем банда кочевников: беспощадным солнцем, выжженной землей и нехваткой воды.

Такова была расстановка сил, когда несколько дней спустя караван шел краем Большого Уделья Стикса. Тропа была помечена так ясно, что невозможно было сбиться даже в темноте: ее устилали белые кости всех тех, кто не смог выстоять в схватке с пустыней. словно огромная общая могила людей, верблюдов, мулов и лошадей, тянулась она через пески.

Конан вел своего жеребца в поводу, не отягчая своим телом и без того навьюченное животное. Рядом с ним на понурой, вздыхающей под солнцем кобыле ехал Каспиус. Седобородый, с вечно прищуренными глазами, в своих неизменных белых одеждах и с влажным платком на голове, он был вылитый зуагир.

— Ну, старик, — обернулся к нему Конан, — ты по-прежнему не жалеешь, что присоединился ко мне? Должен тебя предупредить, что мы сейчас очень близки к весьма небогатому выбору: либо возвращаться к реке за водой, либо препоручить себя милости Митры и искать источник в пустыне.

Он ткнул подбородком вбок, где, как они оба хорошо знали, за темными утесами и пустыней с помеченной костью тропой, летел сквозь ущелье черной змеей неутомимый Стикс.

Старый лекарь разлепил сухие губы и улыбнулся, покачивая головой:

— Нет, бесстрашный мой военачальник, я не сожалею, что пошел с вами, — ни тогда в Баалуре, ни теперь. Здесь,

конечно, жарковато, но очень интересно. — Он кивнул на птицу, только что поймавшую зеленую ящерицу и теперь пристроившуюся пообедать на иззубренном лезвии меча, торчащего из песка. Чуть дальше видны были кости скелета, в руке которого когда-то был этот меч. — Как вы правильно заметили, Конан, не все можно узнать из книг. И я, можно сказать, сейчас наверстываю упущенное.

Конан кивнул:

— Да, здесь есть чему поучиться. Кто мог, например, предсказать, что, следуя вверх по полноводной реке, мы в конце концов будем изнывать от жажды? — Он взболтнул флягой: она была почти пуста. — Проклятье! Я уже трижды высылал всадников, но воды они так и не нашли.

Караван верблюдов и наиболее выносливых лошадей длинной цепью растянулся по белому следу, огибая серые, занесенные песком утесы Большого Ущелья. Вокруг, сколько хватало глаз, простирались пески или камни, сухие колючки какого-то кустарника лишь увеличивали жажду. Каменные склоны полого поднимались, и, как ни мал был этот подъем, он очень утомлял и людей, и терпеливых животных. Этим утром они вышли на широкое плато, гигантским карнизом нависавшее над рекой, и теперь двигались вдоль него.

— Меня вот уже который день мучает одна мысль, — проговорил Каспиус. — Мне кажется, что мы все дальше уходим в прошлое. Вспомните, Конан, сначала мы поехали в Асгалун, город недавнего прошлого для вас и королев, затем вышли в Стикс и поплыли мимо гробниц, которым, быть может, уже тысячи лет... А теперь мы идем вдоль огромной могилы по камням, которые здесь стояли до городов и пирамид, а быть может, и до того, как человек написал первое свое слово на обрывке пергамента... Стикс — древнейшая река, говорят, она течет и в царстве мертвых. А что, если ее истоки кроются в начале всех начал? И мы идем к ним, самонадеянные безумцы, полагая, что нам хватит на это жизни...

Конан на это мог бы возразить, что за свою не столь долгую жизнь он уже второй раз идет к истокам Стикса, но лекарь явно имел в виду что-то другое, и киммериец промолчал.

Внизу черной змейкой извивалась река, и у Конана не было никаких сомнений в том, что истоки ее — не более чем какой-нибудь небольшой ледник в горах. Подумав о

леднике, киммериец неслышно выругался. Он много бы дал за то, чтобы оказаться сейчас среди родных снегов. Эта проклятая речушка дразнила его и его солдат близким присутствием воды, пригодной для питья. Она всегда была на виду, но никакие веревки не могли дотянуться до дна этого гигантского ущелья. Вода была — но ее не было. От этого еще больше хотелось пить и еще суше казался ветер, что дул им в лица, оседая песком на губах.

Слуха Конана коснулся тихий крик. Он обернулся и увидел тонкую фигурку, балансирующую на краю карниза. Не удержав равновесия, человек упал, и новый крик раздался снизу, но такой тихий и неясный, что Конан в первый миг помотал головой, полагая, что это был морок, навешенный черной чародейской рекой. Люди стояли над обрывом, также недоуменно помаргивая, не понимая, привиделось им или нет. Но эхо еще летело над скалами, и киммериец на всякий случай распорядился:

— Всем отойти от края! Будете зевать — и речные призраки утянут вас на дно одного за другим! Если еще раз я увижу кого-нибудь ближе, чем в десяти шагах от края, сброшу вниз без всяких духов, собственными руками!

— Господин! — прервал его чей-то крик, уже реальный. — Господин, у меня дурные вести!

Из-за поворота тропы появился всадник — один из тех, что были посланы на поиски воды. Он во весь опор торопился к Конану.

— Ну да, — проворчал киммериец. — Как же обойдешься без дурных вестей... Что там такое?

— Господин, зуагирь! Большой отряд всадников, и скачут они под красным знаком Пророка Матху.

Конан задумчиво кивнул, не убыстряя своего неторопливого шага рядом с конем.

— Так он все-таки объединил их... Что ж, если они гнались за нами через всю пустыню, они вряд ли теперь чувствуют себя лучше, чем мы. Но мы все-таки постараемся увеличить скорость. Скажи тем, кто в хвосте, чтобы подтягивались и поторопились. И пусть конница отойдет назад и прикрывает нас с тыла. — Всадник умчался, а Конан с невеселой улыбкой обернулся к Каспиусу: — Вот и решение вопроса с водой. Путь назад нам уже явно заказан.

К наступлению сумерек они увидели преследователей. Огромный отряд мчался через пустыню, поднимая тучи песка и пыли, и она была хорошо видна баалурцам, словно

грозовое облако над горизонтом. Оно двигалось не слишком быстро, поскольку зуагиры ехали не только на лошадях, но и на верблюдах, но все же гораздо быстрее, чем отряд Конана. Киммериец велел всем не праздновать труса заранее и держаться как можно ближе друг к другу. Но всадников в белых плащах было гораздо больше.

Подгоняя людей, Конан лихорадочно выискивал место, подходящее для долгой обороны. Наконец перед путниками открылось небольшое ущелье, где каменные склоны сходились, как клешни гигантского скорпиона. Конан направил караван туда, распоряжаясь:

— Живее к тем скалам и за работу! Насыпать вал, выкопать ямы перед ним, расположить стрелков и животных! Мы еще сможем продержаться!

— Да, но как долго? — вздохнул Каспиус у него под боком. — Два дня, три? Эти жители пустыни могут знать здесь какие-нибудь источники воды, о которых не знаем мы, и просто окружить нас и дожидаться нашей естественной смерти.

Конан нахмурился.

— Боюсь, что ты прав, старик! — сказал он. — А также мне известно, что жажда только ослепляет их, превращая в берсерков, а не лишает сил... Эй, Лонхо! Возьми людей и веревки и постарайся спустить кого-нибудь к воде! Да возьми побольше факелов, чтобы вас было видно издалека!.. Я знаю, что не достанете, я хочу, чтобы зуагиры думали, что у нас есть вода! Может, тогда они не станут нас сторожить, как кот у норы, а нападут сразу.

За прошедший день русло реки немного поднялось, а берега, спускавшиеся к воде отвесными скалами, стали пониже. Ловкий человек вполне мог, обвязавшись веревкой для большей безопасности, спуститься вниз и вскарабкаться наверх. Это было бы очень хорошей новостью, если бы не приближавшаяся туча пыли, уже заслонившая полнеба, кроваво-красная в лучах заходящего солнца.

Едва стемнело, ущелье наполнилось эхом стука тысячи копыт, и жуткие вопли, похожие на волчий вой, взлетели к позолоченной луне. Порывы ветра доносили запах конского пота и верблужьих лепешек. Первые всадники приблизились к ущелью — и были расстреляны из луков и арбалетов от невидимой насыпи. Уяснив, что караван не взять с налета, зуагиры, отойдя в сторону, решили вести переговоры, о чем было тотчас сообщено Конану.

Зная, что всадники пустыни имеют пусть и странный, но все же нерушимый закон чести, Конан решил ответить на приглашение, рассудив, что новоявленный Пророк должен поддерживать хотя бы видимость справедливости. Поэтому киммериец взял с собой лишь нескольких телохранителей, полагавшихся ему по чину военачальника, и Каспиуса, чья седая борода и благородный облик должны были придать весу его посольству в глазах зуагиров, исстари чтивших седину.

Конан ожидал встречи с древним старцем — седобородым, с сетью бесчисленных морщин на хитром горбоносом лице. Но, войдя в ярко освещенный шатер, раскинутый в кругу шатров поменьше, он с изумлением увидел восседающего на пестрых одеялах мальчика, узкоплечего и узкобедрого, слишком маленького и шуплого для своих просторных белых одежд с обилием золота и богатой меховой отделкой.

Зная обычаи жителей пустыни, Конан, как ни забавно ему это было, низко склонил голову, приветствуя Пророка. Разложив перед ним принесенные дары, он снова поклонился. То же сделали и его спутники.

— Приветствую тебя, Матху, и прошу позволения как можно скорее уйти из твоих земель, не вступая с твоими воинами в битву, — торжественно произнес Конан. — Ибо, если не зря зуагиры чтят тебя как Пророка, ты должен знать, что цели нашего похода — вне твоих пределов, и речь идет о жизни целой страны. Посему позволь нам следовать дальше нашим путем и не препятствуй. Если же ты согласишься помочь нам — благодарности нашей не будет предела.

— Вне моих пределов? — прервал его Матху, и Конан снова едва не улыбнулся — так тонок был мальчишеский гневный голос. — А ваша крепость, что стоит ниже по реке и забирает у моих воинов законную добычу, отбивая караваны, — она тоже вне моих пределов?

Конан понимающе улыбнулся:

— Если бы мы знали, что туранские либо иранистанские караваны — ваша законная добыча, мы не стали бы вмешиваться. Беда в том, что сами они так не считают. Если бы ты сам сопровождал караваны через пустыню, как это было принято у зуагиров прежде, все барыши были бы твои и нам нечего было бы делать.

— Учтивые и льстивые речи, — отозвался Матху. — Странно слышать их от того, за кем день и ночь следуют

черные стервятники! Твои дела черны, как их перья, о ты, северный обманщик!

— Я могу вам поклясться своей старостью, — вмешался Каспиус, — что наша цель — единственно сбор трав, а именно серебряного лотоса, который растет только в верховьях Стикса. Наш город...

— Серебряный лотос, — сурово оборвал его Пророк, — священное растение, принадлежащее Эрлику. Он растет в стране Заслуживших Вечный Покой. И ваше счастье, что не найти его в этом мире, иначе бы мы не выпустили вас из этой пустыни, ибо не должен этот цветок попасть в руки неверных.

— Ну так дайте нам попытать счастья в других местах, — отозвался Конан, — и я, если хотите, напишу моим людям на реке, чтобы они оставили караваны вам. Если вы возьметесь доставить им мое послание.

— Нам не нужны твои милости, чужестранец, ибо ты приверженец Тхуталы. Мы можем предложить вам лишь одно: сложите оружие, откажитесь от своего дьявола и поклонитесь Истинному Владыке. Всякий, кто признает над собою власть великого Эрлика, будет удостоен чести стать его рабом.

— А кто не признает? — Конан по-прежнему улыбался, но глаза его зажглись недобрый огнем. Зачем же этот мальчишка звал на переговоры — только запугать? Но Конан решил пока не хвататься за меч и посмотреть, что будет дальше. — И почему ты обвиняешь нас в служении какому-то странному богу — как ты его назвал? Кажется, Тхутала? Я первый раз слышу это имя, а мои люди поклоняются только древним богам Шема. Мы не желаем зла никому из вас, ни тем более вашему повелителю.

— Служишь ты Тхутале или нет — не имеет никакого значения, — ответил мальчик. — Ты можешь и не знать об этом, но все же быть его слугой; он умеет заставить людей подчиняться ему, не ведая того. — Мальчик смотрел не на Конана, а на языки пламени, пляшущие в очаге. Казалось, он и в самом деле общается с какой-то высшей силой. — Тот, кто ведет отряд убийц и грабителей в сердце тьмы этого мира, не может не нести в себе зла. Хватайте его, во имя великого Эрлика!

Телохранители Пророка, до тех пор недвижимыми статуями окружавшие его, при этих словах рванулись вперед, но Конан был начеку. С тихим свистом меч его вылетел

из ножен и поразил в плечо ближайшего нападающего. Солдаты киммерийца сгрудились вокруг, защищая его и Каспиуса, сталь зазвенела о сталь. Конан, растолкав дерущихся, подскочил к мальчику и схватил его за шиворот.

— Стойте! Иначе я сейчас перережу горло вашему Пророку! И тогда посмотрим, так ли силен ваш Эрлик, как вы о нем рассказываете! Руки прочь от моих людей, и дайте нам пройти!

Пророк извивался у него в руках, пинался и кусался, как самый обычный мальчишка. Вся напыщенность и важность мигом слетели с него. Похоже было, что его ничуть не заботит меч Конана у самого горла. На глазах у разъяренных, но беспомощных зуагиров Конан, выставив перед собой мальчишку, отступил со своими людьми к лошадям.

— Святотатец! — кричали киммерийцу из толпы. — Да отсохнут твои руки за то, что ты посмел прикоснуться к священной плоти ясновидца!

— Плоть его пока осталась неприкосновенна! — фыркнул Конан. — Разве что я немного порвал ему рубашку. А теперь вы, как чтящие законы Эрлика, дадите нам спокойно уехать отсюда.

Он дал знак своим не спеша рассаживаться по седлам и, бесцеремонно пнув Пророка, пришпорил своего жеребца. Мальчишка кубарем полетел в толпу зуагиров, а отряд Конана пустился в галоп.

Следом полетели стрелы, и двое баалурцев упали с коней. Конан клял себя всеми пришедшими на ум бранными словами: нужно было сообразить, что никакого торга с этими кочевниками не будет. А теперь, если они в скором времени не найдут воду, возвращаться в крепость придется с боем.

Вернувшись в лагерь, Конан увидел скопище факелов у карниза и, не слезая с коня, помчался туда.

— Ну, что у вас там? — крикнул он еще издали. — Достали вы воду?

— Даже лучше! — ответил баалурец, распоряжавшийся работами. — Взгляни вон туда, господин мой!

Под карнизом, приблизительно на полпути до дна ущелья, была еще одна небольшая терраса, нависавшая над водой. Через нее, сбегая вниз к реке, протекал ручеек чистой прозрачной воды. Возле ручья, глядя снизу вверх на Конана и улыбаясь во весь рот, стоял всадник с факелом в руке.

— Как вы спустили туда лошадь?! — изумился Конан.

— Мы просто нашли проход! Он ведет дальше вверх по реке, и, если мы оставим в лагере зажженные факелы, а сами уйдем по нему, зуагиры так и просидят до рассвета, думая, что караулят нас.

— Отлично, — ответил Конан. Он распорядился сворачивать лагерь и спускать к источнику лошадей и верблюдов. Пришлось пожертвовать несколькими палатками и большим количеством факелов. Оставив их за насыпью так, что издали это было похоже на спящий лагерь, весь караван, стараясь производить как можно меньше шума, снялся и ушел еще до рассвета. Высланные вперед всадники нашли козью тропу, вполне пригодную для того, чтобы по ней прошли верблюды. Поднявшись на гребень утеса, Конан увидел вдали белесые дымки над кострами зуагиров и рассмеялся. Узкий карниз, по которому они теперь шли, становился все уже и уже; время от времени приходилось расчищать его от упавших сверху камней. Они двигались неспешно и осторожно, каждый миг боясь услышать топот копыт за спиной, но так и не услышали.

Ближе к вечеру шум реки под ними стал как будто явственнее и ближе. Тропа вдруг резко вильнула — и вывела путешественников в узкую долину, сжатую с двух сторон отвесными стенами утесов. Земля здесь была влажной от близкого присутствия реки, сквозь камни пробивалась ярко-зеленая трава, на которую тут же с жадностью набросились лошади. Решено было устроить здесь лагерь и дать отдых людям и животным. Солдаты принялись выбивать змей из травы и ставить палатки, небольшой отряд отправился наполнять мехи — и вернулся с дичью, набитой в прибрежных камышах.

Только был установлен лагерь и готова еда, как часовые, выставленные у входа в долину, примчались к Конану, крича еще издалека:

— Зуагиры нашли спуск на карниз! Скоро они будут здесь!

Пришлось спешно поднимать людей и снова седлать лошадей и верблюдов. Торопясь уйти с открытого места, Конан погнал караван в лес, темной стеной встававший на дальнем краю долины.

Но в лесу их ожидали новые напасти: из-за деревьев навстречу всадникам выскочили чернокожие воины в на-

бедренных повязках из леопардовых шкур, вооруженные длинными копьями и раскрашенными щитами из кожи носорога.

Выглядели они как сущие дикари — с кольцами в носках, с ожерельями из когтей и клыков больших кошек, — но действовали не хуже любого обученного войска. Перегородив тропу, они выставили копыя и закрылись щитами, словно дожидаясь команды к атаке. Люди Конана заметались, сбившись в кучу, — они неожиданно оказались меж двух огней. Впереди их ждали выставленные копыя, а позади уже слышались крики зуагиров, мчащихся по пятам еле отстреливающейся конницы.

Раздался леденящий кровь боевой вопль чернокожих воинов — и, не нарушая ровного строя, они бросились в атаку. Баалурцы выхватили мечи, решив подороже продать свои жизни, но черное воинство промчалось мимо и обрушилось на всадников в белых плащах. Закрывшись щитами от стрел, рослые дикари копьями спихивали всадников с лошадей и добивали уже на земле. В первый миг шемиты не поняли, что произошло. Но в следующую секунду прозвучал боевой клич Баалура, и на степных кочевников ринулись с двух сторон два войска разом.

Глава 17

ЛЕС ОТРУБЛЕННЫХ ГОЛОВ

Насколько сумел понять Конан, черные воины были отрядом племени, живущим в лесу у берега реки в нескольких больших деревнях. Они давно враждовали с зуагирами, «почти три разлива», как пояснил киммерийцу военный вождь. Кочевники, не довольствуясь той кровавой данью, которую взимали с караванов, начали нападать на поселения кешанцев, уводя в рабство детей и женщин.

Увидев обилие верблюдов и поклажи, кешанцы приняли караван Конана за торговый, и он не стал их в этом разубеждать. Они принесли баалурцам вдоволь фруктов, съедобных корней и мяса гиппонотамов, за что Конан щедро одарил их предусмотрительно захваченными с собой

яркими безделушками. Баалурцы были приняты с тем радушием, какое свойственно только наивным и простодушным дикарям. Кружащих над караваном стервятников они как будто бы не заметили.

По словам чернокожих, в самой чаще леса, недалеко от реки, было большое озеро. Именно из него берет начало великий Стикс, заявили Конану вожди. На вопрос, растет ли там лотос, они ответили, что да, и во множестве, но не серебряный, а простой белый.

Выйдя к озеру, Конан увидел, что это скорее не озеро, а болото, илистое и вязкое, сплошь заросшее тростником, с небольшими лужами темной воды, соединенными между собой узкими протоками. Конан выслал отряды на разведку, и те вернулись с вестью, что обойти болото невозможно, а идти вброд слишком опасно.

Тогда Конан велел строить лодки. Плывая вверх по течению, баалурцы часто встречали тростниковые пироги стигийских рыбаков и полагали, что без труда смогут сделать их сами, благо тростника было вокруг более чем достаточно.

Но без помощи дикарей им никогда не удалось бы их построить. Тростник, неумело связанный волосяными веревками, немедленно намокал и разваливался, а то и просто тонул, отяжеленный водой. Кешанцы показали им, как правильно связывать снопы, как крепить их, чтобы они не расслаивались и постоянно подсыхали. Через несколько дней общих усилий были готовы две большие пироги и несколько маленьких, на которые и погрузился караван.

Поначалу они продвигались довольно быстро. Но вскоре лужицы воды начали мельчать, а заросли тростника становились все плотнее. Время от времени приходилось прорубаться не только сквозь тростник, но и сквозь заросли лиан и корней деревьев-паразитов, плотно оплетающих ветви, нависающие над водой. На расчистку мелких протоков, соединявших озерца чистой воды, уходило до нескольких часов упорного труда, а продвигались после этого пироги на жалкие сотни шагов.

Это утомительное, по-черепашьи медленное продвижение сводило людей с ума. Солнце палило немилосердно, яркими бликами отражаясь от поверхности воды, слепя глаза и напекая согнутые спины. Болото вечно что-то бормotalo, его душные, ядовитые испарения доводили людей

до безумной головной боли, худшей, чем боль после кошмарных снов Зерити. Стаи комара и гнуса не оставляли их в покое ни днем, ни ночью, так что несколько суток спустя все были уже готовы прыгать головой в болото, лишь бы прекратились это ужасное зудение и постоянные ноющие укусы.

Еще одной бедой, и немалой, были крокодилы. После того как несколько неосторожных гребцов были утащены на дно прямо с лодок, Конан распорядился выставить вдоль бортов охрану с длинными копьями, чтобы отгонять жадных хищников.

Конан трудился за четверых. Для него, не привыкшего к безделью, постоянная занятость рук была скорее спасением, чем каторгой. Но и его начинали донимать тучи комарья и бесконечные заросли. Едва пироги проходили сквозь узкую просеку, заросли тростника снова смыкались за ними той же сплошной стеной.

— Здесь хватило бы папируса на то, чтобы заполнить десяток библиотек, — горестно сказал как-то Конану Каспиус. — Но кому они тут нужны, кроме живущей в них мошкары? И если мы сгинем здесь, никто не сможет найти и следа от нашего пути.

— Я предупреждал тебя еще в Баалуре, — коротко выдохнул Конан, — что это безумная затея. Даже если мы когда-нибудь найдем серебряный лотос, я скажу, что он обошелся нам слишком дорого.

Но серебряного лотоса пока по-прежнему не было, а поиски его и в самом деле обходились слишком дорого. На четвертую ночь почти половина людей слегла от какой-то непонятной болотной болезни. Хуже того, вернулись кошмары. То ли Зерити решила, что пора наконец обратить внимание на приближающихся искателей целебных растений, то ли тому причиной были ядовитые испарения, но люди снова начали стонать и метаться во сне. Плохо приходилось и лошадям и верблюдам. Последней каплей была какая-то мистическая несводимая ржавчина, пожирающая оружие.

Но всему рано или поздно приходит конец. Постепенно болото снова перешло в русло реки, правда, все такое же заросшее и зловонное. Вдоль берегов этого темного, отдающего торфяным запахом канала теснились настоящие джунгли. В ветвях день и ночь скакали и кричали яркие птицы, стаи обезьян с визгом проносились над головами

путешественников, швыряя в них объедки и грязные палки. Вокруг цвели тысячи самых разнообразных цветов, от их запаха было трудно дышать. Но серебряного лотоса по-прежнему не было.

А русло реки тем временем становилось все уже. Пятнистые леопарды пробегали, дразня, под самым носом у баалурцев, исчезая прежде, чем они успевали наложить стрелы на тетиву. Ядовитые водяные змеи, чей укус убивал почти мгновенно, выползали на медленно плывущие пироги погреться на солнышке — и горе тому, кто неосторожно наступал на них.

Казалось, в этих джунглях, грозящих смертью на каждом шагу, невозможно выжить человеку. Но воткнувшаяся однажды на рассвете в борт пирога отравленная стрела показала, что лес обитаем.

Вскоре путешественники поняли, что новое столкновение с дикарями неизбежно: вдали все отчетливее слышен был бой больших боевых барабанов. Около середины того дня, в утро которого из зарослей вылетела стрела, по берегам реки начали попадаться несомненные признаки близкого присутствия воинственного племени: оскаленные черепа, обтянутые черной высохшей кожей, висели чуть ли не на каждом дереве. Короткое время спустя показались и тела несчастных — обезглавленные полуразложившиеся трупы, выставленные вдоль берегов. Все они были изуродованы, а у некоторых не хватало рук или ног.

Поэтому баалурцы почти не удивились, когда им на встречу из зарослей вышло сущее чудовище: чернокожий воин в яркой раскраске по всему телу, с радужными перьями и иглами дикобраза в собранных в пучок волосах, с длинным луком и связкой стрел — отравленных, судя по черным пятнам на наконечниках. Увидев пришельцев, он оскалил зубы в широкой дружеской улыбке, и по спинам шемитов пробежал холодок — клыки у черного воина были острые, как у мыши-вампира.

Вновь пустив в ход свои скудные знания кешанского языка, Конан сумел выяснить немного, но этого вполне хватило, чтобы успокоить воинов. Имя дикаря звучало как Нк'ча, и охотничьи земли его племени простирались на много дней пути от большого водопада. Его деревня подчинялась великому вождю по имени Гвандала, чья деревня лежала еще выше по течению. По словам Нк'ча, этот вождь был столь велик, что мог четыре раза в год

есть человеческое мясо, что, как известно, запрещено простым детям леса.

Да, разумеется, теперь он не собирался убить их. Черные люди не едят белых, а убивать и не есть врага — пустая трата стрел. Он мог бы, конечно, убить их — чтобы возвыситься в глазах своих людей и речного бога-крокодила Джавалы. Но, видя, что они больны, он решил этого не делать.

Выяснив все это осторожными расспросами, Конан вздохнул с некоторым облегчением. Его люди действительно были больны почти поголовно, лошади и верблюды дохли ежедневно, и война с каннибалами могла обернуться простым избиением и без того полуживых людей.

Поэтому Нк'ча был торжественно избран проводником удивительных белых людей в удивительных лодках, хотя баалурцы с большим удовольствием сбросили бы его в реку — прямо в зубы его Джавале. Но его присутствие на головной пироге давало им некоторую гарантию, что соотечественники приветливого людоеда не кинутся на них со стрелами и копьями, едва завидят.

Нк'ча гордо замер на носу пирога, опираясь на свой лук, а Конан негромко сказал Каспиусу:

— Может, тот мальчишка-зуагир знал о нашем походе больше, чем мы сами.

Каспиус почесал отросшую бороду.

— Вы хотите сказать, что Тхутала — это и есть Джакала, а быть может, и их Джавала? И мы сейчас направляемся прямо к нему? Или наше появление здесь разбудило какого-то нового бога, того смертельного врага Эрлика?

Конан пожал плечами:

— Скорее, не нового, а очень древнего бога. Может, именно поэтому и не стали преследовать нас стигийцы. Должна быть какая-то связь между ними — между Сэтом и Джакалой, змеей и крокодилом. Может, Зерити даже... — Но тут киммериец махнул рукой, сам не зная, что хотел сказать.

— Если все действительно обстоит таким образом, — с беспокойством проговорил Каспиус, — то лучшим решением будет как можно скорее повернуть назад. Хотя что мы сможем сделать против желания бога?

— Не знаю, что мы можем сделать, но я дал клятву, — мрачно ответил Конан. — И намерен сдерживать ее, покуда возможно.

Нк'ча оказался очень полезен путешественникам. Когда поблизости снова загремели барабаны и Конан спросил, не означает ли это, что на них готовится нападение, каннибал ответил с неизменной улыбкой, что пусть их это не беспокоит, он уже дал своим людям знать, что идут пироги чужестранцев и что их следует пропустить, воздав всяческие почести.

— Отлично, — проворчал Конан. — Надеюсь, твоя улыбающаяся физиономия послужит нам верительной грамотой.

Нк'ча попросил объяснить ему, что такое верительная грамота. Конан объяснил, как сумел.

— Нет, могучий белый Властелин Черной реки! — ответил дикарь, улыбаясь во весь рот. — Я здесь ни при чем. За вами следуют птицы великого Джавалы, а значит, с вами его милость. — И он с довольной ухмылкой указал вверх, где над лесом парили стервятники, едва различимые сквозь деревья.

Так они плыли еще несколько дней — сквозь утренние туманы, ночные удушливые запахи и дневное ядовитое море. Глядя ночью на большой диск луны, Конан заметил, что в небе сместились звезды, — он не узнал ни одного созвездия. Он поделился этими наблюдениями с Каспиусом, и тот ответил, что уже которую ночь следит за небесными узорами и старается по возможности отмечать каждое изменение.

— Река уносит нас все дальше от знакомого нам мира, — сказал старый лекарь. — Не удивительно, что здесь светят чужие нам звезды. Более того, солнце и луна свершают свой путь здесь иначе, чем в наших землях. Но виной тому колдовство реки, или это естественный закон природы, я не знаю.

Конан ничего не сказал на эту тираду, только пристальнее взгляделся в ночное небо. Они плыли по маленькому озерцу с темной водой, и звезды отражались бесчисленным множеством в зеркальной глади озера. Могло показаться, что пирога плывет не по воде, а по звездному небу чужого, недоброго мира, где новые звезды восходят приветствовать новых богов.

Весь следующий день они плыли в зябком тумане, морсью оседавшем на волосах и одежде. Джунгли наполнились звуком отдаленного грома. Пироги вышли в большой, открытый небу залив — и увидели впереди большой водопад,

низвергавшийся с высоты не менее семисот локтей. Над водопадом дрожала туча водяных брызг, она поднималась все выше, превращаясь в черные тучи, мрачно клубящиеся над головами незваных пришельцев.

Глава 18

ИДОЛ

Зерити была занята тем, что создавала изваяние.

Одну из огромных каменных колонн своей гробницы она обтачивала и скоблила тяжелыми бронзовыми инструментами какого-то стигийского скульптора, позабывшего их в ее подземном храме. Работа была не из легких, и потому Зерити скинула с себя всю одежду, облачившись в один только кожаный передник, который нашла среди инструментов.

Ведьма ваяла, стоя на своем сундуке со свитками, ибо каменный идол должен был изображать бога, а не низкорослого смертного. Древний камень легко крошился под долотом, но, не будь Зерити ведьмой, на эту работу у нее ушли бы годы и годы. Она начала с лица и широких плеч, остальные же контуры были еще едва намечены.

— Ну вот, возлюбленный мой Джакала, у тебя будет благородный лоб, высокий и выпуклый, — приговаривала она, как бормочут все мастера за работой. — Одна-единственная складка меж твоих бровей будет внушать благоговейный трепет твоим почитателям.

Вряд ли то, что изображала Зерити, нормальный человек назвал бы благородным. Огромный широкий лоб нависал над сурово сдвинутыми бровями. Скулы были слишком широки, и потому нижняя челюсть, квадратная, как доспех аквилонских рыцарей, казалась маленькой по сравнению с ними. Рот был похож на шрам, столь тонки были его губы, а глубоко посаженные глаза были маленькими и злыми.

Едва Зерити сдула пыль и каменное крошево с этого еще не оконченного лица, губы шевельнулись и заговорили с ней.

— У меня было множество тел и форм, — прокрипела статуя неживым, глухим голосом. — Я принимал тот облик,

который более всего подходил к тем, над кем простиралась моя власть. Я думаю, нынешний мой вид и в самом деле потрясет всех этих маленьких людей наверху.

— Я буду работать не покладая рук, — пообещала Зерити.

Она встала поудобнее и принялась отделявать одну из рук каменного гиганта. Выглядело это так, словно она не долбит мертвый камень, а высвобождает из плена какое-то древнее живое существо, запятанное в него.

— Это будет самое прекрасное из твоих воплощений, — сказала она, орудуя долотом. — Самое... могучее.

Губы идола улыбнулись.

— Видела бы ты мое тело, когда я правил одной древней расой еще до того, как вулканы затопили землю потоками лавы, — заявил он. — Вот оно было действительно могуче. — Мягкий толчок, словно эхо далекого землетрясения, сотряс гробницу, и каменная голова отделилась от колонны, вращаясь на толстой жилистой шее. — Но для этой каморки оно было бы слишком велико.

— Неисчислимы века твоей жизни, — пробормотала Зерити, трудясь над пальцами руки. — А могу я спросить, великий повелитель, где твоя изначальная родина?

Идол, чуть нагнув голову, глянул на ее маленькую фигурку.

— Я — силурианин, — ответил он.

— О, — выдохнула Зерити. — Я даже никогда не слышала о мире по имени Силурия. Но я знаю, что в нашем мире ты возник прежде всех созданий, вызвав к жизни все живое.

— Да, — проскрежетал Джакала, — я был среди первых, я появился вместе с Тсатхоугой, Бокругом и Сэтом. Когда-то давно мы были почти братья — Сэт и я.

— И так будет снова, мой повелитель, — отозвалась Зерити. Сметя пыль, она спрыгнула с сундука и отошла поодаль, чтобы вдоволь полюбоваться высеченной рукой. Джакала с легким хрустом высвободил руку из камня и, повертев ею перед своими маленькими глазами, протянул к Зерити. Она вздрогнула — то ли от удовольствия, то ли от боли, когда каменные пальцы сжали ее плечо. Молот и долото выпали у нее из рук.

— Какая мощь заключена в твоих руках, мой Джакала! И какое счастье — чувствовать тебя! — выдохнула ведьма в упоении и восторге. Вскочив на сундук снова, она с еще большим жаром принялась за работу, высвобождая вторую

руку идола. — Мой возлюбленный скоро будет со мною, — бормотала она. — Будет весь, с ног до головы, и тогда я... почувствую на себе не только его руки, а еще кое-что... Да, уж над этим-то я постараюсь...

Идол милостиво улыбнулся, слушая ее бормотание.

— Не разорвешься ли ты надвое, моя жрица? — проскрипел он. — Может быть, для этого больше подойдет живая человеческая плоть, а не камень?

— О да, и это тело все ближе к нам, — отозвалась Зерити. — Я уже говорила тебе о нем. Тебе доставит удовольствие выйти в Верхний мир в его облике, ибо слава его среди смертных велика и в иных землях его опасаются даже боги. И все же мне больше нравится это... — Она погладила запыленную ладонью камень. — Ну вот, теперь ты можешь высвободить и эту руку!

— Думаю, мне будет легко воплотиться в того смертного, если он так силен и велик, как ты говоришь, — задумчиво обронил Джакала, разглядывая свою вторую руку.

— О да, вполне, — кивнула Зерити. — Лишь бы он добрался до нас целым и невредимым. И все же, — добавила она, критически оглядывая результаты своих усилий, — мне очень, очень нравится это каменное тело. Какая мощь! Какая несокрушимость! Ну разве может с ним сравниться брэнная человеческая плоть! С каким восторгом я отдалась бы в твои каменные руки!

— Ах вот как!

Тихий смешок, схожий с отдаленным раскатом грома, прозвучал под куполом гробницы. Камень зашевелился, и из него, выворачивая обломки и поднимая тучи пыли, вышел древний бог — живая каменная плоть, налитая силой скалы, чьи корни уходят к центру мира. Легко, как пушинку, подхватил Джакала ведьму на руки — и понес к темно-желтому алтарю.

Глава 19

СЕРЕБРЯНЫЙ ЛОТОС

Тропа прихотливо извивалась меж камней и редких деревьев, поднимаясь все выше в гору. Позади был помеченный костями караванный след, позади остались зловонные

болота и джунгли. Путешественники продвигались все выше по реке и теперь ехали глубоким скалистым ущельем, где каждый шаг и каждое слово отражались от отвесных скал многократным эхом.

У водопада с лодками пришлось проститься. Люди были не в силах тащить на себе вверх размокшие пироги, а лошади — те, что не пали от истощения или ядовитой травы, — еле волокли тот небольшой груз, который остался от каравана. Лучше всех держался могучий жеребец Конана — варвар, зная, как много зависит в дороге от лошади, не перегружал его. Вдвоем они раз двенадцать спускались и поднимались по водопаду, втаскивая вещи или тех, кто не в силах был подняться сам.

Над водопадами воздух был значительно чище и свежее. Лошади устремились к холмам, заросшим зеленой травой, и полдня ушло на то, чтобы они наелись и напились вволю. Внизу ядовитым облаком расстилались джунгли, и, оглядываясь на них, путники изумлялись, как они продержались в них столько дней.

Теперь перед ними лежали травянистые холмы, меж которых все так же тек Стикс, темно-коричневый и неглубокий. Через несколько дней петляния среди холмов, когда и люди, и животные немного отдохнули, Конан решил снова строить лодки.

По его настоянию ни один из взятых с собой топоров, молотков и прочих инструментов не был выброшен в пути, и теперь все это пригодилось как нельзя более кстати. Холмы и степь были полны дичи, душистые запахи трав исцеляли тело и душу, и работа, сначала вялая и медленная, скоро начала спориться в умелых руках асгалунских мастеров. Труднее всего оказалось добыть дерево и напилить досок, но, когда это было сделано, строительство уже не останавливалось и на полдня.

Результатом их усилий были две широкие плоскодонки и несколько маленьких узких лодочек под поклажу. От большого отряда осталось не более трехсот человек, так что им нетрудно было разместиться в двух больших лодках-баркасах. Лошадей решили вести берегом под присмотром самых опытных всадников — перевозить их на лодках было бы неудобно и опасно.

Эту часть пути, вероятно, можно было бы назвать самой приятной. Не потому, что она была легкой или безопасной — лодки по-прежнему приходилось вести вверх по

течению, а ночью над рекой слышались и трубные кличи слонов, и рычание львов, и стук рогов полосатых антилоп, приходивших на водопой, и смех гиен, следовавших за ними в ожидании падали. Но путь сквозь ядовитые джунгли, изнуряющее шествие через пустыню и прочие неприятности последней луны не шли ни в какое сравнение с ночевками под открытым, не затуманенным небом и дневными переходами по реке, где ветер нес влагу и запахи трав.

Но не прошло и нескольких дней, как возникла новая загадка. Однажды утром лодки вышли к большому разливу, от которого отходило два совершенно одинаковых потока. Никто никогда не слышал о том, что Стикс в верховьях раздваивается, и потому определить, где здесь главная река, а где приток, не представлялось возможным. Оба потока были одинаково широкими и темными, и серебряный лотос мог расти на каком угодно.

Чернокожий Нк'ча, тоже никогда не поднимавшийся выше водопадов, утверждал, что левый рукав и есть настоящий Стикс, поскольку течет прямо с юга на север — с тех дальних гор, что дни напролет маячили на горизонте. Тот же рукав, который он считал притоком, назывался Нктхубу и брал начало в холмах, что, по его словам, лежали где-то на юго-западе. Всем хотелось ему верить, потому что это хоть немного, но сокращало их бесконечный путь.

Конан же исходил из того, что легкий путь наверняка неверный, и, не вняв заверениям Нк'ча, выслал всадников разведать правый рукав. Он надеялся, что верховые найдут на берегу какую-нибудь новую деревню дикарей и получат у них более точные сведения. Но деревень поблизости не оказалось.

Наконец Конан объявил:

— Наша миссия подходит к концу, и нам надо спешить. Скоро начнется зимний разлив, который сделает Стикс непригодным для судоходства по меньшей мере на полгода. Поэтому отсюда мы разделимся. Половина людей, лошадей и лодок под командой моего помощника Лампридиуса пойдет по правому руслу. Остальные пойдут со мной.

Он положил ладонь на плечо Каспиуса и продолжал:

— Свиток, в котором мудрый Каспиус нашел упоминание о лекарстве, утверждает, что лотос растет в самых

верховьях Стикса, текущего с юга на север. Поэтому я отправляюсь по левому рукаву, а вам желаю скорейшего и удачного возвращения. Те, кто первыми найдут лотос, пусть как можно скорее возвращаются в крепость и уходят в Баалур, оставив другому отряду весть на этой развилке с двумя или тремя всадниками. Если же первым вернется отряд, потерпевший неудачу, пусть дожидается остальных у верховьев водопадов. И не теряйте времени зря: если вернетесь ни с чем — готовьте запасы еды.

Это и в самом деле походило на конец путешествия, поэтому приготовления к походу были сделаны в самый короткий срок. Наутро все вещи были рассортированы и разделены, оба отряда пожелали друг другу удачи — и разошлись. Еще какое-то время они видели друзей каждый со своих лодок, но вскоре прибрежные заросли скрыли их друг от друга.

Конан, смотревший не на удаляющиеся лодки, а вверх, тихо выругался — чтобы не услышали остальные. Он ожидал, что стервятники разделятся вместе с ними, но они всей толпой последовали за его отрядом.

И снова потянулись один за другим однообразные дни плавания. Дикари не беспокоили путешественников, их деревни встречались редко, а жители были разговорчивы, но бестолковы. Конан пытался узнать у них, куда же, в конце концов, течет Стикс, но их это, похоже, не интересовало. На языке дикарей Пунта река — а быть может, и проточная вода вообще — называлась «вапутан».

Зверей же в верховьях Стикса было куда больше, чем людей. На каждой ночевке баалурцы слышали топот копыт, фырканье, сопение, мычание и лающий смех сотен животных, приходивших на водопой в кромешной тьме безлунной ночи. Первое время шемиты с непривычки не могли спать, но вскоре как-то приспособились.

Так они плыли то меж зарослей ивняка, то окруженные со всех сторон высокой травой, то среди странных деревьев с плоскими кронами. Иногда приходилось тащить лодки волоком по отмелям, а иногда шесты не доставали до дна. А горы становились все ближе и выше.

Странные это были горы. То они маячили белоснежными шапками на фоне незапятнанно-синего неба, то одевались в желто-серые тучи, которые изредка перечерчивала молния. Иногда над их вершинами клубился черный дым, а однажды путешественники увидели, как вершина одной

из гор налилась красным огнем и потекла вниз, словно расплавленный воск по свече.

Но чаще всего над ними висели сизые дождевые тучи, и Конан, увидев их с утра, обычно в этот день не позволял отряду останавливаться даже для того, чтобы приготовить еду. Он хорошо помнил, что до сезона разлива осталось совсем немного, и потому очень хотел управиться с поисками как можно скорее. С каждой грозовой тучей Стикс делался немного глубже и шире, и это очень беспокоило киммерийца, хорошо знавшего, как жадна Черная река во время разлива.

А люди его гибли даже на таком, казалось бы, бестревожном пути. Вступив в предгорья, они попали в новое извержение вулкана, и несколько лодок с поклажей было сметено потоком лавы, обрушившимся в реку. Те, кто, не слыша окриков киммерийца, кинулись спасать добро, немедленно пошли на дно, ослепленные и обожженные вскипевшей вокруг лавы водой. Еще несколько человек погибли в камнепад, хотя Конан сам сидел на руле и сумел-таки спасти лодку от самого большого валуна. Еще трое всадников стинули в озере, что лежало меж утесов, маня чистой, незамутненной водой. Баалурцы вздумали искупать уставших лошадей и не почуяли беды, когда вода в озере вдруг забурилась и из глубин вынырнуло чудовище — не то рыба, не то зверь — и утащило сразу троих. Еще пятеро умерли через день от ожогов ядовитых плавающих.

— Проклятье! — шептал Конан, пересчитывая своих людей. — Уже на добрую дюжину меньше! И лошадей осталась ровно половина!

Гоня уцелевших всадников от озера, Конан увидел среди утесов какую-то вспышку, словно солнце взблеснуло на клинке. Киммериец взгляделся. В маленькой лужице, скопившейся над влажной илистой грязью за несколько последних дождей, плавал цветок изумительной красоты. Нижние его листья были ярко-зеленые, как весенняя листва, а сами лепестки переливались мягким серебристым светом.

В два прыжка достигнув лужи, Конан склонился над цветком и осторожно оборвал его мясистый, упругий стебель.

— Клянусь Кромом! — только и сказал он, рассматривая находку.

Неся его в лагерь, Конан раздумывал, как попал единственный цветок так высоко на скалу. Может быть, так растут все, и тогда надо подниматься на утесы и обшаривать их один за другим. Нигде поблизости не росло ничего подобного, хотя луж было в изобилии — вода заполняла каждую впадину. Но может, надо просто поискать?

— Что случилось с нашими людьми? Какое-то колдовство? Они вернулись все в ожогах.

Этим словом встретил Конана старый лекарь, который уже осмотрел пострадавших. Он почти ничем не мог им помочь, разве что смягчить боль жирной мазью, которую и делал, разминая в ступке какой-то корень, когда подошел киммериец.

— Просто заплатились за собственную глупость, — отозвался Конан. — Там в глубинах живет древняя ядовитая тварь, а они полезли купать лошадей прямо над ее логовом. Но посмотри, что я там нашел!

— Митра всемогущий — серебряный лотос! — вскричал старый лекарь, едва не выронив свою ступку. Благословенно приняв цветок из рук варвара, он поднес его к самым глазам, чтобы рассмотреть получше. — И какой прекрасный запах! Ты говоришь, что нашел его прямо на скале? Должно быть, семечко занесло туда ветром, ведь он не может расти без воды.

— А если они так и растут — прямо в горах? Завтра же я пошлю людей, а ты займешься сушкой. Мы наберем их столько, сколько успеем.

— Да, может быть, и в горах... где-нибудь выше на склонах, — задумчиво ответил Каспиус. — Разумнее всего будет послать людей и в горы, и вверх по реке.

— Ну, по реке я могу подняться и сегодня, — отозвался Конан. — Я послал троих с лодками на озеро — вдруг выловят хотя бы трупы, чтобы можно было их достойно похоронить. Мы там обшарим каждую щель — и, если будет на то воля Крома, вернемся в лагерь с лотосом.

Взяв с собой достаточно людей и несколько легких лодок, Конан поднялся по протоку к озеру, но поплыл не на тот край, где вздумали купаться всадники, а на дальний конец, терявшийся среди скал. Рядом с ним на носу восседал Нк'ча, любопытный, как малолетний ребенок. Цветок лотоса был показан всем и каждому, и чернокожий воин, уяснив наконец, за чем плывут по реке

белые люди, возгорелся желанием первым найти священный цветок.

Чернокожий воин вообще старался держаться поближе к Конану, величая того Властелином Черной реки и всячески выказывая ему свое восхищенное почтение. Эти огромные, плюющиеся молниями, огнем и пеплом горы внушали ему ужас куда больший, чем его родные джунгли, и он надеялся, что избежит смерти, если будет всегда рядом с избранником его бога-крокодила. Потеряв при извержении значительную часть еды, шемиты роптали, что, мол, опасно жить бок о бок с людоедом и следует прогнать его на все четыре стороны, но Конан ничего и слушать не хотел. Нк'ча сказал ему как-то, что видел эти горы и цветы живого серебра во сне, и киммериец понял, что молодой воин тоже должен сыграть до конца свою роль в этом полумистическом путешествии.

Но, исходив озеро вдоль всего безопасного берега, они не нашли больше ни одного цветка. Конан заметил еще один узкий проток, уходящий прямо в скалы, и направил лодки туда — но потерпел неудачу. За утесами было крошечное новое озерцо, лодки ткнулись носами в травянистый берег. Конан огляделся: и здесь росли одни только камыши.

— Стикс подшутил над нами, — сказал он горько.

— Быть может, и нет, — отозвался Каспиус, вылезая из лодки. Пробравшись через шелестящие стебли, он решительно направился через луг. — Смотрите, там новый проток!

Конан махнул рукой людям и осторожно, по своему обыкновению готовясь встретить любую опасность во всеоружии, направился вслед за лекарем. Тот вышел к небольшому быстрому ручью, скачущему через луг по каменистому руслу.

— Вода холодная, — объявил Каспиус, пробуя ручей ладонью. — Но не такая холодная, как если бы этот поток рождался на леднике. Должно быть, его питают родники, что текут где-то выше в горах. Надо пройти вверх по его течению, к тем утесам.

Сумерки уже сгущались, и всем в первый момент показалось, что ущелье меж высоких утесов полно льда. Подойдя поближе, они увидели небольшой разлив, заполнявший впадину. Сюда низвергался с невысказанной высоты звонкий водопад из нескольких струек, а излишек воды вытекал по тому ручью, вдоль русла которого они пришли.

Здесь, в кристально-чистой проточной воде, чуть покачивалось на мелких волнах от водопада то, что они вначале приняли за глыбы льда. Это были цветки серебряного лотоса. Они сияли ясным бело-голубым светом, и золотые искорки дрожали в каждой чашечке.

Каспиус стоял, безмолвно созерцая эту несказанную красоту. Но Конан, не столь склонный к простому любованию, обернулся к застывшим людям и хрипло выговорил:

— Факелы сюда! И лодки! Мы нашли его.

Глава 20 ЦЕРЕМОНИЯ

Бандар-Хак, старший жрец Сэта, неторопливо шел по ярко освещенной улице. Баалурцы, пытаясь спастись от мучительной тьмы ночных часов, последние пол-луны освещали город столь ярко, что в небе над ним стояло зарево.

Кошмары превратили людей в бледные тени, многие вместе с покоем утратили разум. И если до сих пор одна половина города не пошла войной на другую, то только потому, что ни у кого на это не было сил. Каждый сидел в клетке своего собственного безумия, не понимая и не воспринимая безумия окружающих.

На все это равнодушно взирал Бандар-Хак. Известный в Баалуре как жрец Митры и служитель третьего уровня посвящения секты офидианцев, он был мучим наихудшими кошмарами из всех возможных. Но это так же мало его заботило, как и страдания окружающих. Это было всего лишь показателем того, что все идет так, как задумано.

О его принадлежности к Черному Кругу знали единицы. Каждый хайборийский правитель рано или поздно обзаводился своим личным магом — ради золота, славы или иных чаяний. И в девяти случаях из десяти этот маг был стигиец. Тайные храмы Великого Змея существовали во всех крупных городах, и вход туда был доступен лишь избранным, свято чтящим волю не правителей городов и государств, но прародителя своего Сэта.

Последнее время все баалурцы как один стали невероятно набожны, и храмы Митры и Дагона были день и ночь переполнены людьми, умоляющими избавить их от ужасной

кары. На это Бандар-Хак лишь улыбался тонкими губами: наконец-то эти людишки почувствовали силу Сэта, имеющего неограниченную власть над смертными.

Итак, власть его тайного культа становилась все более и более ощутима, и многие начинали — кто тайно, а кто явно — искать покровительства стигийского бога. Зная о нем как об уроженце Луксура, богачи Баалура уже не единожды обращались к Бандар-Хаку, предлагая любые богатства и власть за одно лишь словечко молитвы Великому Змею. Он изображал невинность и неведение, но в душе радовался этим признакам растления умов, и еще более радовались им его великие Мастера, высшие жрецы Черного Круга.

Жрец был осведомлен обо всем, что происходило в эти дни в Баалуре. Он слышал о том, что королева и король, не смыкая глаз, сидят над постелью умирающей дочери. Он знал о бело-черных голубях, из последних сил долетающих до дворца с вестями о путешествии Конана. Бандар-Хак видел, как ненадежны и слабы стали городские власти, поскольку члены магистрата были так же больны, как и простые граждане. Он знал, что высшее командование армии — включая и военачальника Шалманзара, как раз недавно вступившего в храм Сэта, — не способно ни воевать, ни защищаться. Баалур был похож на спелое яблоко, и стоило только потрясти дерево, чтобы плод упал вниз. Зная все это, и Бандар-Хак, и остальные служители Сэта, разбросанные по всему Шему, были готовы в любой момент пустить в ход все средства: золото, оружие, шантаж и убийство. Баалур, жемчужина Шема, в скором времени должен был украсить корону владыки Стигии. Это сулило Бандар-Хаку если не пост первого жреца, то по крайней мере высокую награду.

Его очень забавлял им самим придуманный трюк — распустить по городу слух, будто в нынешних несчастьях Баалура повинен не кто иной, как королева Руфия. Отчасти это было правдой: у нее действительно были какие-то свои счеты с Зерити. Но, как известно, полуправда всегда хуже, чем ложь; и уже находились те, кто в отчаянии проклинал королеву, еще недавно столь всеми любимую.

Бандар-Хак слышал от многих людей разнообразные варианты их снов, но ему всегда снилось одно и то же: он видел огромный храм с цветным мозаичным полом. Посреди храма стояла Зерити — всем известная в Стигии ведьма,

одетая в длинное черное платье верховной жрицы. Она стояла у подножия трона, высеченного из цельного кроваво-красного рубина, и в руках у нее был испачканный в крови кинжал. А на троне восседал некто, кого Бандар-Хак никогда не мог как следует разглядеть — столь темен и бесформен был его облик. Но в последнее время этот некто в его снах стал обретать видимые черты.

Более всего его пугало то, что у темного бога было его лицо — лицо Бандар-Хака.

Проходя темным порталом храма Митры, тайный жрец Сэта удивился, что фонари не горят и не видно даже младших служек. И это вызвало у него улыбку: в тяжелые дни каждый молится сам за себя. К тому же он никогда не верил в реальное существование солнечного божества. Изначально в мире царил тьма — все остальное было лишь ее всевозможными проявлениями.

Запустив руку в темную нишу за спиной безымянного идола, Бандар-Хак вытащил из тайника маленький ключ с затейливой бороздкой в виде свернувшейся змеи. Повернув этот ключ в щели камня, ничем, казалось бы, не отличавшегося от соседних, он открыл потайную дверь. Вниз вели ступени. Спустившись, он прошел небольшой галереей и оказался среди истинных жрецов Истинной Веры. Все были в сборе и ожидали только его.

Он никогда не видел их лиц, ибо на все собрания было принято являться в масках. Но без труда узнавал их на улицах — как всегда узнают друг друга приверженцы Сэта. Все они занимали видные посты светской и духовной власти.

— Вемо тенгу Сеа эт! — приветствовал его появление дружный хор голосов. Двое могучих, почти нагих мужчин стояли по обе стороны темного алтаря. Между ними, закрыв маской лицо, сидела на цельной плите зеленого камня та, что исполняла сегодня обязанности жрицы. Действо началось, и женщина, нагая, возлегла на алтарь. Над ней склонились те, что стояли у алтаря.

Присутствующие жадно ловили каждый жест. В ее руке сверкнул золотом клинок, она надрезала себе кожу под левой грудью. Показалась кровь. Бандар-Хак, не раз присутствовавший на подобных действиях, смотрел скорее на окружающих, чем на троих у алтаря. К тому же его мучило от вида крови. Но, бросив случайный взгляд на содрогавшуюся на алтаре женщину, он вдруг увидел, как ее золо-

тые волосы почернели, а маска исчезла с лица. Теперь это была Зерити.

Он стоял, словно примерзший к полу, не в силах отвести от нее взгляда. Она улыбнулась ему бескровными губами. Двое мужчин шагнули к нему, подхватили под руки и швырнули на колени перед алтарем.

С ужасом он ощутил, как все вокруг изменилось. Исчезли люди, исчез знакомый зал, он стоял посреди гробницы, а вокруг шипели и извивались змеи. Послышался издевательский смех.

— За что?!

Больше он ничего не успел увидеть, потому что безумная вспышка боли пронзила его тело, и он с криком упал ничком на холодные камни.

Очнувшись он от того, что кто-то хлопал его по щекам. Бандар-Хак открыл глаза. Над ним склонились люди в темных одеждах. Женщина на алтаре снова была золотой волосой офиркой, и никаких змей не было и в помине.

Бандар-Хак был посвящен в культ Сэта еще ребенком и никогда не боялся змей. Более того, в его доме в Луксуре жило их не менее двух десятков. Что же за наваждение посетило сейчас его? Он содрогнулся, почувствовав, как что-то холодное обвилось вокруг его ноги, — но нет, это просто кто-то коснулся его кожи металлической пряжкой сандалий.

— Прошу прощения, мне что-то нехорошо, — пробормотал он. Ему сочувственно закивали, поставили на ноги. Он прислонился плечом к колонне и кивнул, давая понять, что с ним уже все в порядке. Церемония продолжилась. Кровь женщины была собрана в золотую чашу, ее торжественно дали выпить золотому изображению Великого Змея. А Бандар-Хак гадал: неужели же Сэт решил так испытать своего преданнейшего слугу?

И снова перед его глазами возник тот рубиновый трон, но теперь на нем лежал всего лишь длинный узкий ящик — ларец из холодного камня. Слово повинаясь чьей-то воле, которая была сильнее его собственной, он приблизился, протянул руки и откинул крышку, холодея при мысли, что ящик, быть может, наполнен змеями.

Но змей там не было.

Столпившиеся вокруг него приверженцы Сэта ттились заглянуть в ящик через его плечо. Испуганный шепот пробежал по рядам. «Джакала, — шептали они. — Джакала!»

В ящике лежал крокодил. У него был усталый вид, словно он вернулся из долгого и утомительного странствия. Он взглянул на Бандар-Хака своими прозрачными глазами и улыбнулся огромной окровавленной пастью.

Бандар-Хак закричал, и гигантские челюсти сомкнулись.

Глава 21

ГОРОД ЗАБЫТЫХ МЕРТВЫХ

За водопадом в скале открывался лаз — вход в узкую, холодную штольню с искрящейся на стенах изморозью. Пока несколько десятков человек были заняты сбором драгоценного лотоса, Конан взял из лагеря веревки и, набрав себе в маленький отряд наиболее смелых, отправился разведывать пещеру.

В пещере было холодно, но не настолько, чтобы не мог выдержать человек. Они шли по колено в ледяной воде, осторожно спускаясь все ниже. Час проходил за часом, а конца спуска все не было видно. Но тут Конан почувствовал голой ногой теплый ключ и позвал остальных — отогреться.

Они спускались до самого утра, пока наконец не оказались в огромной пещере. Потолок ее уходил куда-то вверх, под самые вершины утесов. Здесь они поняли, что им больше не нужны факелы, — через множество отверстий, больших и малых, в пещеру просачивался солнечный свет, заставляя переливаться и сверкать наслоения слюды на стенах и мелкие кристаллы соли в холодной воде. Повсюду здесь слышался шум капающей, текущей, сочащейся по камням влаги.

Пещера уходила вверх. По дну ее, перепрыгивая с уступа на уступ, сбегал поток, и путешественники решили подняться по его руслу. После нескольких часов восхождения по осклизлым камням они выбрались к самому потолку пещеры и оказались на большом леднике, из которого брал начало журчащий поток. Вокруг ледника вставали стены ущелья, столь высокие, что почти скрывали из виду белые шапки горных вершин.

Ущелье выглядело словно поле боя или сожженный восстанием город. Повсюду курились дымки, снег и лед

покрывал толстый слой черного, жирного пепла. Не удивительно, что Стикс — если только это именно он брал здесь начало — был прозван Черной рекой. В этой стране льда и огня Конан, идя по снегу вдоль исходящего паром родника, заметил Каспиусу:

— Недавно ты сказал, что наш путь — путешествие в прошлое. Что ты скажешь сейчас, пройдя через болота и джунгли, которым, наверное, тысячи тысяч лет, и увидев, как самая древняя в мире река берет начало от черного снега? Не слишком ли далеко забрались мы в седую старину в поисках лотоса?

Каспиус, с большим интересом разглядывавший невиданную долину, покачал головой:

— Что ж, ради этого стоило прийти и увидеть такие чудеса, — ответил он. — Мы в начале начал, и стервятники больше не преследуют нас.

Конан удивленно взглянул вверх — и в самом деле не увидел черных птиц, чье присутствие стало для него так же привычно, как меч у бедра. Почему птицы оставили их, было загадкой. Спутники Конана, проследив за его взглядом, тоже подняли глаза и разразились восторженными воплями. Они почувствовали себя так, словно с них сняли проклятье.

Тонкий черный ручеек все извивался по льду, и Конан решил идти вдоль него. Подъем стал гораздо легче, им уже не нужно было обвязывать друг друга веревками и подтягивать по одному с уступа на уступ.

Идя мимо темных, иссеченных лавой и огненными брызгами камней, перепрыгивая по валунам, словно нарочно уложенным так, чтобы по ним удобно было ходить, Конан ощущал себя в каком-то древнем городе гигантов, нагромодивших эти камни наподобие городской стены с множеством проходов и лестниц под ней.

Он невольно начал всматриваться в камни и заметил, что они действительно носили следы давнего присутствия здесь человека. То ему попадался кусок древней кладки, в которой камни были скреплены подобием раствора, то он замечал где-нибудь в стороне довольно правильный круг из больших валунов — остатки фундамента сторожевой башни. А то он натыкался на истертую, полуразрушенную лестницу в две или три ступени — такие или почти такие лестницы он мог видеть в любых холмах в Баалуре или в Хоршемише. Присмотревшись,

он увидел, что собственно ручей течет по остаткам древней улицы.

— Ну, а об этом говорится в твоём древнем свитке, старик? — спросил северянин Каспиуса, помогая ему подняться по крутым ступеням. — Может, там упоминался какой-нибудь древний народ, живший среди льда и огня и питавшийся одним только серебряным лотосом?

Старый лекарь рассмеялся:

— Да-да, это и в самом деле можно принять за творение рук человеческих. — Конан удивленно взглянул на него, но, похоже, старик и в самом деле не замечал всего того, что ясно говорило Конану о присутствии некогда здесь человека. — Выглядит весьма и весьма забавно. Но, уверяю вас, Конан, это все сделала природа. Ветер и вода могут подчас нагромождать удивительнейшие пейзажи!

Время близилось к полудню. Река вела их за стены ущелья, напоминавшие иззубренный клинок. Внезапно посреди «улицы» Конан наткнулся на забавное сооружение: на большом плоском валуне, отполированном до зеркальной поверхности, возвышалось нагромождение остроугольных камней, довольно точно воспроизводящее форму отдаленного вулкана. Конан подошел, чтобы рассмотреть поближе. У него за спиной раздалось восхищенное восклицание Каспиуса:

— Удивительно! Первый раз вижу, чтобы такие комбинации выпадали случайно! Я думаю, Конан, что будет полезно привести сюда и остальных, чтобы они тоже полюбовались на это чудо природы.

Разглядывая свою находку, Конан увидел, что она похожа на вулкан только издали, а на самом деле изображает скорее дворец или храм причудливой формы. В одной из стен были уложены рядом два плоских камешка правильной прямоугольной формы — это наводило на мысль о дверях.

— Ну? — заявил Конан, указывая на них. — Это, скажешь ты, тоже шутка природы? Оглянись, наконец, вокруг — не слишком ли правильно пересекаются здесь скалы и поднимаются вверх уступы?

— Да-а, — протянул Каспиус, оглядываясь. — Похоже, здесь и впрямь потрудились человеческие руки! Быть может, какие-нибудь заблудившиеся странники вроде нас?.. Но взгляните вон туда — неужели вы скажете, что тот камень тоже обработал человек? — Он ткнул пальцем в вы-

сокий вертикальный каменный столб, до блеска отполированный ветрами. — Но, впрочем, все это следует изучить, прежде чем делать слишком поспешные выводы!

— Изучай, но будь осторожен! — отозвался Конан и знаком велел двум баалурцам держаться поближе к лекарю. — Но учти, что долго я здесь задерживаться не собираюсь! — С этими словами Конан оставил лекаря у храма, а сам пошел вперед, перепрыгивая с камня на камень. За ним торопились его люди и бились об заклад, кто первым найдет истинный исток Стикса.

Забравшись на гребень утеса, Конан огляделся, щурясь от яркого солнца. Снег на вершинах и вдоль ущелья выглядел как-то иначе, чем утром. Конан присмотрелся...

Слепящая белизна на горном склоне была не чем иным, как сплошным ковром серебряных цветов. Они тысячами росли в каждой лужице, в каждой щелке, заполненной водой.

— Эхой, ребята! — позвал Конан. — Готовьте мешки — мы нашли то, что искали!

Шемиты с радостными криками кинулись рвать цветы, а Конан присел на камень и начал быстро высчитывать на пальцах. На сбор цветов им понадобится день, от силы — два; еще три дня займет сушка лепестков и заготовка их впрок. Самое большее, через пять дней они смогут отплыть.

Очень скоро солдаты вернулись с мешками, полными серебряных цветов. Эти цветки были больше и пахли сильнее, чем те, что они нашли в заводи. Оставив одного из солдат сторожить сокровище, Конан осторожно взял в руки два или три цветка и вприпрыжку помчался вниз, к Каспиусу.

Но за те несколько минут, что его не было, на площади перед храмом произошли некоторые изменения. Двери странного сооружения были распахнуты настежь, а Каспиуса с двумя его стражами нигде не было видно.

Оглядевшись, Конан увидел Нк'ча. Несмотря на протесты киммерийца, тот полез-таки в пещеру вместе с ним, не желая отставать ни на шаг. Теперь чернокожий людоед лежал на камнях лицом вниз, закрыв голову руками. От него невозможно было добиться ни слова, кроме бесконечного: «Джавала! Великий Джавала!»

Заглянув в распахнутые двери, Конан увидел слабый отсвет на дальней стене и поспешил туда. Проходя быстрым

шагом по коридору, он успел заметить, что повсюду здесь валяются черепа каких-то маленьких зверьков, а пол засыпан едко пахнущим порошком.

Пламя снова сверкнуло на стене, и Конан поспешил туда, предположив, что это отсвет факела Каспиуса. Длинный коридор, уводящий в глубь строения, будил неприятные воспоминания о стигийской гробнице, в которую, раз побывав, Конан не спешил возвращаться. Оглянувшись, он увидел квадратный кусочек синего неба в дверном проеме. Конан замедлил шаги.

— Каспиус, ты здесь? Мы нашли лотос!

Словно в ответ на его окрик, впереди снова мелькнуло пламя, и у Конана больше не было сомнений: это действительно факел, и его держал в руке один из оставленных при Каспиусе солдат. Вдали показались три тени, вынырнувшие из какого-то бокового коридора.

— Давайте выходите! — крикнул Конан. — Это дурное место! Лучше нам убраться отсюда поскорее. Там, наверху, целые заросли лотоса, ребята рвут его не покладая рук! Скоро сможем возвращаться в Баалур — с полными мешками цветов!

— Прекрасные вести! — отозвался Каспиус, шагавший меж двух своих стражей. Я тут попытался кое-что осмотреть — это будет для вас любопытно, Конан. Идите сюда и взгляните!

Лекарь говорил, указывая на что-то у себя за спиной. Шемиты, сопровождавшие его с факелами в руках, выглядели так, как будто только что увидели саму смерть. Конан выругался и пошел посмотреть, что же такое обнаружил придворный лекарь.

Троица стояла на краю бассейна, наполненного горячей водой — это Конан мог определить даже с расстояния в несколько шагов. Вокруг по стенам были развешаны горящие лампы, скорее сгущавшие темноту, чем рассеивавшие ее. На поверхности воды плавало нечто невероятно похожее на яйцо, острое с одного конца и тупое с другого, — но в пять раз больше человеческого роста. Оно чуть покачивалось на мелкой волне бассейна, но выглядело так, словно было каменным.

Внезапно прямо на глазах у людей по скорлупе пошла огромная трещина. Раздался треск, появилась новая трещина, за ней еще одна и еще. Выглядело это так, как будто на свет собирается вылупиться птенец птицы Рух.

— Мне кажется, мы присутствуем при рождении чего-то необычайного, — торжественно проговорил Каспиус, глядя на то, как птенец — или кто бы то ни был — раскачивает яйцо, силясь взломать скорлупу. На лице старого лекаря не было и тени страха, одно лишь любопытство ученого. — Мне рассказывали, что именно так появляются на свет новые миры — начиная с яйца, затем превращаются в червя, затем в рыбу, затем в человека. Давайте задержимся и посмотрим, что будет.

Но Конан почему-то не разделял восхищения Каспиуса. Он чувствовал, что нечто, появляющееся сейчас на свет, представляет собою скорее опасность, чем подходящий объект для наблюдения. Внезапно скорлупа распалась надвое, и в воду вывалилось что-то бесформенное. Оно плеснуло по воде хвостом, и Конан уже было подумал, что лекарь оказался прав, но тут на краю бассейна появилась гигантская морда, вся в темной слизи, и из воды выпростались две когтистые лапы.

— Назад! — взревел Конан, отпихивая от воды солдат.

Но Каспиус, спокойно стоящий у самого бассейна, и не думал уходить.

— Смотрите, смотрите! — все более воодушевляясь, говорил он. — Плавники превратились в лапы. Отсюда мне видно, как у него укорачивается хвост! Оно меняется с каждой секундой!

Но Конан не желал смотреть на то, как отваливается хвост у непонятного чудовища. Руки у него были заняты цветами, поэтому киммериец кивнул стражам:

— Хватайте его и волоките отсюда! Хватит, насмотрелись!

Солдаты шагнули ближе к лекарю и уже подхватили его под руки, но чудовище в бассейне тоже не теряло времени даром. Рванувшись вперед со скоростью ящерицы, оно мигом оказалась на краю бассейна. Пасть его уже совершенно оформилась, более того, огромные челюсти были усеяны вовсе не младенческими зубами.

— Видите! — торжествуя, восклицал Каспиус, в то время как двое баалурцев оттаскивали его назад. — Это уже не рыба! Это настоящая ящерица!

— Идем, старик! — тормозил его Конан. — Какая тварь тебя укусила, что ты стоишь здесь и смотришь, как просыпается этот демон?! Ты слышал? Мы нашли лотос! — он сунул

благоухающий цветок прямо под нос лекарю. — Пора возвращаться домой!

Вдохнув аромат цветка, Каспиус вдруг замер и одеревенел, на мгновение ослепнув и оглохнув.

Тем временем гигантская ящерица уже полностью вылезла на сушу, по-крокодильи ковыляя вслед за ними. Она была вообще очень похожа на крокодила, но с более короткой пастью и хвостом. В ее извивающихся движениях было еще что-то от рыбы.

Трое мужчин почти волоком тащили обмякшего лекаря по коридору, изредка с тревогой оглядываясь на преследовавшую их тварь. А рептилия с каждым шагом все вытягивалась, конечности ее удлинялись, голова становилась все меньше и круглее. И, хотя монстр по-прежнему бежал на четырех лапах, его скорее можно было назвать слоном, а не ящерицей.

Спасительный выход был все ближе, а визг чудовища у них за спиной все больше и больше походил на человеческую речь.

— Вот так в давние времена восставал я из праха, принимая новый облик! Так возвышался я над всеми, так становился богом!

Конан изумленно обернулся, не веря своим ушам. Мало того, что эта тварь разговаривала, — она еще и говорила по-шемитски! Слова невероятного для этих мест языка эхом отскакивали от стен коридора.

Конан, волоча почти бесчувственного Каспиуса, вдруг ощутил, что в этом проклятом месте оживают все страхи и темные сны. Только в ночном кошмаре могло присниться, что рыба превращается в ящерицу, а ящерица — в бога. Подгоняемые страхом, они передвигались быстро, очень быстро, но тварь не отставала ни на шаг — и это тоже очень походило на ночной кошмар. С каждым шагом чудовище становилось все больше, и Конана посетила шальная надежда, что в конце концов оно раздуется до таких размеров, что не сможет протиснуться в квадратные двери гробницы.

— Отныне знайте и бойтесь меня, смертные, ибо я — Джакала-силурианец! Первым вышел я из моря, чтобы породить плеяду тех, кто вечно правит миром!

Последнее слово прозвучало раскатами грома. Где-то посыпались камни. Огромный язык длиной в человеческую руку змеиным жестом коснулся одного из шемитов. Тот

вскрикнул, словно его ужалил в шею скорпион. Шатаясь, он прошел еще несколько шагов по коридору, пока не упал прямо перед разверстой пастью Джакалы. Челюсти сомкнулись, раздался громкий глотающий звук, затем снова слышался громоподобный голос:

— Зрите милость Джакалы! Бегите меня или попытайтесь сражаться со мной. Но знайте одно: я возродился вновь и я буду править единовластно в вашем мире смертных!

Но Конан с Каспиусом были уже у дверей. Подтолкнув к выходу второго солдата, Конан выскочил из гробницы. Позади, громяхая по коридору огромной тушей, бежал Джакала. Перед гробницей все еще лежал Нк'ча. Он поднял голову, взглянул на приближающееся чудовище и снова уткнулся лицом в камни. Конан пнул его под ребра.

— Вставай, парень, вставай живее и беги! Твой бог проснулся и теперь жрет всех, кого увидит! — Остановившись рядом с тяжело дышащим Каспиусом, Конан оглянулся на храм-гробницу. — Но по счастью, он, кажется, там застрял.

Но это было не так. Джакала, одним движением могучих плеч разворотив вход в гробницу, вырвался наружу.

Снова распахнулась гигантская пасть и снова сомкнулась — на этот раз над неподвижно простертым на земле Нк'ча.

Но на этот раз человек остался жив. Отвратительно-розовый язык лишь чуть коснулся его головы — и словно лиловая молния слетела с самого ее кончика.

— Смотрите, смертные! — проскрипел урод. — Джакала может убить его, а может и одарить своею милостью. Истинно верующим нечего опасаться своего бога, покуда они преданы ему душой и телом.

Чудище замерло перед входом, вдыхая свежий воздух и впитывая всей кожей солнечный свет, которого оно было так долго лишено в своем заточении. Конан, убедившись, что ни он, ни шемиты недостижимы сейчас для гигантского отвратительного языка, рванулся к Нк'ча, по-прежнему неподвижно лежащему на земле. Но прикосновение Джакалы внезапно изменило чернокожего воина. Он стал бледнеть, волосы его начали стремительно расти — и через несколько мгновений перед изумленным Конаном стояла не кто иная, как Зерити.

Преображение оставило ей одежду и боевую раскраску кешанского воина — ожерелье из черепов птиц, яркие

перья и набедренную повязку из шкуры леопарда. Ведьма улыбнулась, демонстрируя знакомый ряд остро отточенных зубов.

— Приветствую вас, путники, — сказала Зерити голосом, уже слышанным киммерийцем во сне. — Мой могучий варвар и его ученый друг! Не бойтесь за вашего проводника Нк'ча, ибо он — истинно верующий. Прикосновение Джакалы священно, он может вынуть душу из тела своим розовым языком, а может и вложить ее.

Конан было нацелился копьем ведьме в грудь — но вовремя раздумал. Однажды он уже не смог убить ее. К тому же перед ним могла быть и не она, а ее сущность, наложенная поверх тела Нк'ча.

— Ну, мой бесстрашный киммериец, — продолжала ведьма, смеясь Конану в лицо, — что же ты не проткнешь меня своим копьем? Подходи ближе и пронзи меня! — она раскинула руки, покачивая бедрами. — Но знай, что к твоим ногам упадет всего лишь мертвый людоед, — и то только тогда, когда я этого захочу!

— Что тебе надо от нас, ведьма? — утрюмо спросил Конан. — Зачем ты пришла сюда? Посмеяться?

— Нет, я пришла поблагодарить премудрого Каспиуса! — Зерити насмешливо поклонилась лекарю. — Без его помощи я никогда не смогла бы пробудить моего бога! — Она повернулась и склонилась перед уродом гораздо почтительнее и ниже. Тот только бессмысленно таращился на нее лягушачьими глазами.

— Если Каспиус что-то и сделал для тебя, — начал Конан гневно, — то только потому, что ты его заколдовала!

— Мои сны! — простонал вдруг старческий голос рядом с ним. Конан обернулся и почти подхватил на руки пошатнувшегося лекаря. — Мои бесконечные кошмары! Вы бы тоже обезумели, Конан, если бы видели их все эти месяцы — каждую ночь, как вижу я, нет, как видел, слава Митре!

— Тебе всю дорогу снились кошмары? — изумился Конан. — Даже после отъезда из Баалура?

— Да, увы! После отъезда они стали только еще хуже! Сколько раз я просыпался, зажимая себе рот, чтобы не кричать! Простите, простите меня! Только когда я по-настоящему вдохнул запах лотоса... — Он снова поднес огромный цветок к лицу. — Да, в моей голове наконец-то прояснилось. Он и вправду лечит от этого ужаса!

— Противоядие от моих чар уже не имеет значения, — рассмеялась Зерити, наблюдавшая за ними все это время. — Баалуру больше не понадобится серебряный лотос. Все, чего я добивалась, я получила — вы оба здесь, у колыбели Джакалы, в самом сердце мира! И как ты думаешь, мой грозный воитель, — продолжала Зерити, глядя на Конана зелеными развратными глазами, — для чего я привела тебя сюда? Ты станешь моим даром Джакале в день его появления на свет! Ты станешь его плотью, его телом, твоя брэнная оболочка будет вместилищем его бессмертной души! Ты, несомненно, вернешься в Баалур — если хочешь, даже с лотосом, но доставишь туда куда лучший дар, чем охапку блеклых лепестков! Ты принесешь туда веру, ибо я избрала Баалур будущей столицей королевства Джакалы, будущей столицей мира! Пусть король Афратес и Руфия станут первыми правителями от его имени, а их маленькая дочь — юной невестой бога! А я, я стану жрицей Джакалы, тихим голосом истины и мудрости, той, что разнесет его славу по всем хайборийским королевствам!

И голос за спиной Зерити, голос бога-чудовища, проскрипел:

— Слушайте ее, смертные, ибо так все и будет! Некогда рожденный в ином мире, я правил в ином мире, став королем-богом всех тварей ползающих и скользящих в теплой жиже, всех ящериц и крокодилов. Но в мире, где звери, умеющие почитать бога, ходят прямо, я тоже буду ходить прямо!

Зерити и ее бог-ящерица произносили свои речи, но Конан не терял даром времени. Пока они с Каспиусом разглядывали рождение бога под землей, жерла вулканов начали наливаться жаром — причем более других раскалялся ближайший к храму, словно чудовище, проснувшись, разбудило и его. Дальний гром смешивался с сотрясениями земли, черный дым валил из жерла все сильнее.

Обеспокоенные всем этим, люди Конана бросили собирать лотос и поспешили на помощь своему командиру. Завидев отвратительную огромную тварь еще издали, они пустились бегом, но Конан крикнул им, вскинув руку:

— Держитесь подальше! Этот суп придется черпать длинной ложкой! Приготовьте копы и обходите тварь с краю!

Джакала с резвостью, неожиданной для такого грузного тела, развернулся к людям.

— Смертные! — расхохотался он — На меня идут смертные! Ну, северянин, смотри, сейчас они будут подчиняться мне так же легко, как и тебе!

С этими словами тварь прыгнула, но не на воинов, а на Конана. Пасть распахнулась, наружу вывалился ужасный язык — и киммериец едва успел отшатнуться, чтобы избежать его прикосновения.

— Каспиус!

Лекарь, стоявший рядом с Конаном, был не так скор, как варвар. Розовая масса языка отшвырнула его с дороги, словно щепку, по счастью, не задев кожи. Каспиус кубарем полетел на камни и замер, неподвижный и еле живой.

— Ты заплатишь мне за это своей гнилой печенкой, мерзкая тварь! — вскричал Конан, выхватывая меч и бросааясь вперед. — Эй, вы там, не зевайте! Вперед, во имя Крома!

Чудовище снова разинуло пасть — и в нее со всего размаху влетело копьё, вонзившись острием в розовую мякоть.

От вопля урода содрогнулись горы. Челюсти щелкнули, и копьё переломилось в гигантской пасти. Дико вращая рыбьими глазами, Джакала выплюнул обломки копья и двинулся на обидчиков. Люди Конана перебежали с места на место, стараясь снова попасть копьём в глаз либо в язык уроду, а он метался среди них, как ящерица среди муравьев. Один за другим баалурцы исчезали в его гигантской пасти.

— Назад! — крикнул Конан. — Возвращайтесь к реке!

Он решил, что с чудовищным богом разберется позже — если сумеет. А сейчас важнее всего было доставить в лагерь найденный лотос.

Джакала, на миг замешкавшись, был вдруг оттеснен в сторону одним из копеечников. Оказавшись у реки, он вдруг нагнул свою мощную шею и принялся жадно пить — так, словно не пил столетия.

Глядя на его тяжело ходящие бока, Конан с ненавистью подумал: «Сейчас я тебя напою! Ты больше никогда не захочешь пить после этого!»

Быстро распорядившись катить валуны и камни, он с шемитами плотно заложил старое русло ручья. Джакала в недоумении уставился вверх, откуда стекала струя водопада, но увидел там лишь ухмыляющееся лицо кимме-

рийца. Исполняя ярости, жабий бог начал карабкаться наверх, чтобы добраться до врага. И тогда первые струйки ручья, переполнив запруды, потекли вбок, прямо по мягкому базальту склона вулкана.

Словно тысячи разгневанных змей разом зашипели со всех сторон. Завеса белого пара, вырвавшаяся из камней, вмиг окутала непроницаемым саваном и бога, и шемитов. Джакала замотал головой, не зная, в какую сторону кидаться. То здесь, то там начали взрываться маленькие гейзеры. В бога полетели обломки скал и камни, он съежился, отчаянно ревя.

— Ну, а теперь все вместе! — вскричал Конан. — Камнями, копьями и всем, что попадется под руку!

Выкатив из запруды особенно большой камень, Конан и еще трое шемитов сбросили его на голову отвратительной твари. Копье киммерийца, просвистев в воздухе, вонзилось в шею чудовищу. Остальные зашвыривали его чем придется, крича и пританцовывая.

— Уходи, уродливая жаба! — кричал Конан. — Убейся в свою могилу! — Тебе не справиться и с головастиками, не то что с людьми!

Шаг за шагом баалурцы теснили бога обратно к гробнице. Он отступал под их яростным натиском все дальше, пока наконец не развернулся и не исчез в глубине коридоров.

— Теперь волоките камни, и давайте закроем этот склеп! Там ему самое и место! — Подавая пример, Конан приволок огромный валун. — Попробуем сдвинуть двери, а если не получится, завалим камнями!

Но, к их удивлению, массивные створки легко подались и закрылись, словно шемиты привели своими усилиями в действие древний механизм. Едва был навален сверху последний камень, как от ручья послышался хорошо знакомый голос:

— Идиоты! Шакальи дети! Выродки гиен! Я еще отошлю вам! Вы пожалеете, что появились на свет!

Над ручьем стояла Зерити, по-прежнему в одежде чернокожего. Во время битвы она внимательно следила за исходом, а увидев, что бога загоняют обратно в гробницу, поспешила спрятаться.

Солдаты обернулись к колдунье. Ее здесь знали все без исключения, поэтому не менее двух дюжин камней полетело ей в голову.

— Не делайте этого! — крикнул Конан. — это лишь ее призрак! Вы попадете в Нк'ча! — Он обернулся к Зерити: — Что тебе надо от нас, ведьма? Уходи!

Зерити улыбнулась, обнажая белые зубы.

— Конечно, я уйду! Но посмотрите, вы растревожили подземных духов. Если они выпустят вас отсюда живыми, мы еще увидимся... Через год или, может, через два — раньше вы домой не доберетесь. Но когда вы наконец явитесь со своим лотосом, будет уже поздно. Я с удовольствием посмотрю на ваши лица, когда вы увидите, как мало осталось от некогда красивого города.

— Твой бог снова в своей гробнице, ведьма, — зло сказал Конан. Он чувствовал свою беспомощность против этой жрицы темных сил, которую не мог даже ранить, ибо она носила чужое тело. — От твоего королевства ничего не осталось.

— Мой бог, ха! — рассмеялась Зерити. — Он оказался слабаком! Ошалел от солнца... А я вернусь к Сэту — юной и еще более прекрасной, чем теперь! И помни, что твой путь обратно в Баалур лежит теперь через мои земли, земли Черного Круга! Верховная жрица Сэта... да, это хорошая мысль! Но у меня еще остались кое-какие дела, поэтому — прощайте!

Зерити исчезла. На том месте, где она стояла, остался лежать на земле Нк'ча.

Конан бросился к Каспиусу — и вскоре нашел его, помятого, с парой переломанных ребер и всего измазанного липкой розовой слизью. Но лекарь был жив и, когда Конан осторожно потряс его, застонал и открыл глаза. Увидев склонившееся над ним лицо киммерийца, Каспиус пробормотал:

— Какой же я был дурак... Целую жизнь честного служения науке положить за предательство... Я слишком слаб и стар.

— Не так уж ты оказался и слаб, старик! — рассмеялся Конан. — Можешь считать себя героем: Джакала снова в гробнице, и первый его удар на себя принял ты! — Поддерживая лекаря под руку, он довел его до собранного лотоса и заставил сесть рядом с мешками. — И служение твое еще не кончено! Надо привезти лотос в Баалур. Ты испытал его на себе — пора им вылечить всех остальных!

Трупы убитых погребли в жаркой лаве расселины вулкана. По счастью, проснувшаяся гора не разверзлась по

склонам, и большая часть зарослей волшебного лотоса не пострадала. В любом случае собрано его было уже изрядное количество.

— А теперь — в лагерь! — скомандовал Конан. — Нам предстоит перебраться и просушить это все! Чем скорее мы двинемся в обратный путь, тем скорее окажемся дома!

Глава 22

СНЫ И ЯВЬ

Ранним утром принцесса Исмаэла неожиданно проснулась. Яркий солнечный свет потоком лился сквозь шелковые занавески и теплой лужицей лежал на ее розовом одеяле. Жмурясь, она потянулась и, откинув одеяло, соскочила с постели. Солнечные зайчики, отражаясь от хрустального кувшина на ее туалетном столе, весело прыгали по стенам и потолку.

Утопая босыми пятками в пушистом ковре, она подбежала к окну и распахнула створки. Солнце щедрым потоком заливало дворцовый сад, еще не высохшая роса на цветах переливалась, подобно бриллиантам. На все лады свистали птицы, в воздухе плыл запах дождя и свежей листвы. На ярко-синем небе не было видно ни одной тучки.

«Сколько же я болела, — подумала она, — неужели целую зиму?» Она подумала о маме и тут же поняла, что не видела ее почти вечность. Но почему-то ей трудно было представить лицо своей матери, и уж совсем не помнила она лица отца — они словно скрывались в какой-то туманной дымке. Стоило ей попытаться вспомнить своих родителей, как вокруг вставала полутемная спальня, шепот и осторожная беготня слуг и глаза мамы — испуганные, тревожно-умоляющие. Единственное, что она хорошо помнила, — это то, что мама ее была королева, а отец — король.

Откуда-то тянуло вкусными запахами — как видно, в дворцовой кухне готовили завтрак. Ее мама, наверно, уже проснулась и, конечно же, будет рада видеть свою маленькую дочь. За окном начинался чудесный день, и столько надо было успеть сделать.

Широкий карниз, проходящий у нее под окном, выводил на галерею, опоясывающую весь дворец. Она не раз уже пользовалась им, когда хотела ускользнуть, не замеченной слугами. Вылезая из окна, она пробралась по карнизу и уже шагнула на парапет галереи, как какая-то огромная черная птица с криком сорвалась сверху и вцепилась ей в волосы когтистыми лапами. Крик ее звучал как-то странно, словно смеялась очень злая женщина.

Исмаэла ахнула, изо всех сил цепляясь за парапет, но черная птица тянула ее вниз. Если бы принцесса отпустила руки, она наверняка разбилась бы насмерть о каменные плиты двора.

Черные когти терзали ей волосы, черные крылья били по лицу. Взглянув вверх, она увидела, что в небе парят десятки таких птиц и все эти черные твари снижаются к ней. От взгляда их мертвых глаз у принцессы кровь стыла в жилах. Исмаэла глянула вниз и увидела две маленькие фигурки, бегущие по саду. Это были ее отец и мать. Лица их были обращены к ней, губы повторяли ее имя.

— Исмаэла, бедное мое дитя! Когда же ты наконец вернешься к нам? — шептала Руфия, склонившись над бледным личиком принцессы.

За эти страшные дни королева словно состарилась на десять лет. Она была бледна, глаза ее потеряли блеск, а волосы потускнели. Афратес с горькой нежностью смотрел на ее мокрое от слез лицо, проклиная собственную беспомощность отца и правителя. Над городом стояло зарево тысячи огней, бледные тени слонялись по его улицам. Многие, впав в безумие, кричали, кривлялись и распевали песни — иногда под самыми окнами дворца. Но ни огни, ни крики не могли разбудить его маленькую дочь. Уже много дней лежала он неподвижно в своей постели, и только выражение ужаса, время от времени искажавшее детские черты, говорило о том, что она жива.

— Как долго еще сможет она продержаться? — прошептала Руфия; полуобернувшись к мужу. — Если бы они хоть слали вести о себе!.. Последний раз голубь прилетал в прошлое полнолуние.

Афратес отсутствующе посмотрел в окно.

— Даже если бы они вернулись без лотоса, — вздохнул он, — это бы хоть как-то поддержало город. Мы совершен-

но беззащитны теперь. — Скользя безразличным взглядом с предмета на предмет, он вдруг обратил внимание на два столба черного дыма, поднимавшиеся над городом. Издалека донеслись ужасающие вопли — страха или восторга, определить было невозможно.

— Нет, нет! Они вернутся с цветком! — с силой выдохнула Руфия. — Я знаю Конана не один год... С ним ушли лучшие... хотя, конечно, ты прав. Сейчас нам их очень не хватает. Но, муж мой, что же мы будем делать, если они все-таки не вернутся?

Король повернул к ней измученное лицо:

— И думать не смей. Я уже говорил тебе: черная магия обходится дороже, чем ты за нее платишь. Пусть уж лучше погибнет наш род и весь мой город, чем я пойду на поклон к жрецам Сэта.

— Но мы и так в тенетах колдовства! Разве Зерити — не черная колдунья? — Руфия поднялась с постели дочери, подошла к мужу и взяла его руки в свои. — Афратес, в нашем городе есть черные маги, которые могут противостоять этой ведьме. Что с того, что они преданы Сэту? Наши боги не в силах защитить наш город — быть может, защитят чужие? И вспомни, ведь Конан и сам сейчас в Стигии! Если пообещать им много золота, они помогут ему скорее вернуться...

— Довольно! — оборвал ее король. — Баалур никогда не был данником Стигии и не станет, пока я жив. Я не хуже тебя знаю, что среди моих придворных и близких к нам людей сейчас только и разговоров о том, чтобы поскорее сдаться на милость Сэту. Но я доверился твоему Конану, я дал ему лучших воинов и столько золота, сколько смог. Если он не вернется сам, без помощи черных магов, — что ж, значит, не вернется. Пусть уж лучше весь город сгорит в огне пожаров и сойдет с ума, чем поклонится темным богам!

Глава 23

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вулкан в долине пробуждался к жизни — приходилось спешить.

На головы сборщикам лотоса постоянно сыпался жирный черный пепел; новые и новые щели со струйками пара

раскрывались на склонах горы. Темные, желтобрюхие тучи уже не исчезали с горных вершин, и с каждым дождем поднимался уровень воды в реке.

По счастью, основные заросли лотоса были довольно далеко от вулкана, и сборщикам лишь изредка приходилось уворачиваться от летящих им на головы раскаленных камней.

Каждое утро новый отряд, обвязавшись веревками, уходил через пещеру к истоку Стикса и возвращался с мешками, полными серебристых цветов.

С каждым днем плотно упакованные, почти спрессованные сухие лепестки занимали все больше места в специально отведенном для этого закрытом отделении на корме баркаса. И с каждым днем все больше увеличивалась опасность того, что их застанет разлив реки или извержение вулкана.

Работая вместе со всеми на сборке либо на сушке лотоса, Конан прикидывал, какой дорогой им лучше возвращаться в Баалур. С одной стороны, сразу после разлива Стикс был судоходен почти везде; но с другой — Зерити, потерпевшая неудачу, а потому наверняка очень и очень злая, непременно попытается натравить на них весь стигийский флот.

Наконец настал тот день, когда они не смогли войти в пещеру — настолько высок был уровень воды. Но даже того запаса лотоса, что они уже успели набрать, хватило бы на исцеление целого государства, и Конан решил отправиться.

Все то время, что большая часть людей собирала лотос, девять или десять человек готовили к отплытию лодки и запасали впрок пищу. Поэтому, когда Конан распорядился сворачивать лагерь, все было готово к возвращению в крепость.

Каспиус, вдыхавший аромат лотоса каждый день, ибо через его руки проходили все цветы до последнего, заметно приободрился и даже помолодел. Целительные свойства лотоса были, несомненно, налицо, и ему не терпелось проверить их не только на себе.

Изменился и Нк'ча. Узрев воочию своего бога, он счел его слишком ужасным на вид и был обращен Каспиусом к свету солнцеликого Митры. Чернокожий охотник оказался очень полезен, особенно во время охотничьих вылазок. Его короткие отравленные стрелы убивали антилопу прежде, чем кто-либо из шемитов успевал ее увидеть.

Свернув лагерь и погрузившись на лодки, они начали спуск вниз по течению, а разлив шел за ними по пятам. Добравшись до развилки реки, они не нашли никаких признаков того, что отряд Лампридиуса побывал здесь раньше и уже спустился к водопаду. Прибывающая вода могла смыть оставленные знаки, поэтому было решено не дожидаться у развилки, а сразу продолжить спуск.

Продвижение вниз по реке оказалось куда более быстрым, чем они ожидали, и Конан едва успел отдать команду бросить за борт камни, служившие лодкам якорями. Крикну он это часом позже, и весь маленький флот оказался бы в водопаде вместе с пожитками и серебряным лотосом.

Река разливалась все шире; она уже частично затопила луга. Перед ночной стоянкой Конан велел отвести лодки как можно ближе к берегу и закреплять их не якорем, а привязывая к крепким деревьям. Он оказался прав: наутро до лодок пришлось добираться вплавь. Встав на дневку на вершине холма, они принялись дожидаться второго отряда, продолжая пополнять запасы пищи. К концу дня вверх на реке показалась как бы россыпь черных точек. Она стремительно приближалась, и было видно, что плывущие в лодках не в силах выбраться из стремнины. Конан велел спускаться на воду большую лодку и, удерживая ее шестью и якорем, успел перехватить баркас Лампридиуса, который, не оказавшись здесь поджидавших его людей, неминуемо свалился бы в водопад.

Воссоединение отряда было отмечено вечерним пиршеством с мясом антилопы и отваром из серебряного лотоса. Лампридиус был, по его собственным словам, «слегка поцарапан», и после ужина Конан явился к нему в шатер узнать, как прошло путешествие.

— Мы проплыли около сотни лиг вверх по течению, — рассказывал Лампридиус. — По ночам наш лагерь постоянно посещали львы и шакалы. Они не трогали людей, но лошадей мы лишились очень быстро. Сначала река была совершенно необитаемой, а потом впереди показались дома и даже какое-то подобие обработанной пашни. Но мы не знали местного языка, а эти чернокожие не понимали нас, поэтому обменяться даже простейшими сведениями о себе нам не удалось. Но я заметил, что лодки у них прочные и удобные, — судя по всему, они плавают на них и вверх, и вниз по течению. Мне показалось, что они знаками пы-

тались уговорить нас не ходить вверх по реке, но я не придал этому значения.

Через несколько дней мы увидели на реке целый город. Дома стояли на сваях, порой прямо в воде, а от дома к дому жители перемещались в маленьких лодках из звериных шкур, и эти лодки они могли при случае просто взять и унести на голове. Все люди в том городе на сваях были совершенно черные и смотрели на нас так, будто раньше вообще никогда не видели белого человека.

Едва мы приблизились к городу, как путь нам преградила по меньшей мере дюжина лодок, и в каждой было полно вооруженных мужчин. Они ясно дали понять, что не желают, чтобы мы поднимались дальше или даже высаживались на берег. Я попытался купить их радушие всяческими безделушками, которые уже не раз шли у нас в ход, но они не хотели брать ничего, только били в свои барабаны и кричали, как рыжие обезьяны в ветвях. Ну, так или иначе, а завязалась драка.

Мы захватили три их лодки, но и сами понесли большие потери. Этой дырой в ноге я обязан самому высокому из их копейщиков. Мы решили вернуться к назначенному месту с захваченной добычей и так и сделали, и эти чернокожие еще шли за нами по пятам не один день. Но, когда река стала подниматься, они бросили преследование. Мы разбили лагерь на берегу, и я думал задать им хорошую трепку, поскольку моя нога поджила, но рана загноилась, и полегло мне только сейчас, после того как Каспиус ее чем-то смазал. Я надеялся, что, если вы тоже потерпели неудачу, мы объединимся и сотрем эту деревню с лица земли...

Он был явно зол на чернокожих воинов, которые оказались не менее искусны и отважны, чем он сам. Конан невольно улыбнулся.

— Теперь уже не до того, — сказал он. — Мы не можем задерживаться: нас ждут в Баалуре. — Он с жалостью взглянул на раненого: сегодня Каспиус сказал ему, что ногу, вероятнее всего, придется отнять. Мальчик явно не блистал талантами военного вождя, но довольно было и того, что он сумел привести отряд назад и даже захватить какую-то добычу. Три лишних больших пироги были им сейчас очень кстати.

Следующие несколько дней ушли на то, чтобы перетаскать лодки и груз через водопад. Знакомцы из племени

Нк'ча несколько раз являлись их проведать и предложить нехитрую помощь, но тащить лодки вниз было гораздо легче, чем вверх, и шемиты справились сами.

Конан ожидал, что здесь Нк'ча оставит их, и был немало удивлен, когда услышал от чернокожего, что тот оставил людоедство, перешел в иную веру и собирается плыть с ними до самого Баалура. Он не отходил от Конана ни на шаг, глядя на него с тем почтением и обожанием, с каким смотрит пес на своего хозяина. Первое время киммериец гонял от себя своего добровольного раба, но потом махнул рукой.

Разлив добавил в Стикс свежей воды и превратил болото в настоящее озеро, поэтому обратный путь через джунгли отнял у них сил и времени вдвое меньше против того, что они затратили, поднимаясь вверх по течению. Не успела народиться новая луна, как они были уже у Большого Ущелья. Здесь следовало решать, сплавляться ли дальше по реке, или возвращаться той же тропой костей, какой пришли. Конан сомневался, что зуагирь за это время успели забыть обиду, нанесенную их Пророку, а потому оттягивал высадку на берег.

— Быть может, нам следует довериться Стиксу? — сказал ему Каспиус на вечерней стоянке. — Река сильно поднялась, и пороги, вероятно, остались теперь на глубине десяти, а то и двадцати локтей. Давайте попробуем выслать вперед одну или две лодки — быть может, они пройдут пороги невредимыми и сообщат Турио, что мы близко и нуждаемся в его помощи.

Конан нахмурился и кивнул, соглашаясь:

— Да, надо попробовать. Но все же, мне кажется, придется идти верхом.

Один из смельчаков на следующее же утро отправился в лодке через пороги, а вдоль берега поехали трое или четверо верховых. Два дня спустя двое из них вернулись, принеся радостную весть: на полпути к крепости они повстречали торговый караван из Иранистана, охраняемый всадниками Турио. Молодой военачальник, оставшись за старшего, судя по всему, в точности соблюдал распоряжения Конана.

Через пять дней двое ушедших с караваном всадников вернулись, приведя с собою две сотни верховых. Искателей лотоса встретили восторженными криками и без дальнейших приключений отконвоировали в крепость на берегу.

За три дня перехода ни один зуагир не посмел и близко к ним подойти.

Судя по всему, крепость под началом Турио процветала, хотя начавшийся разлив и затопил близкий брод через реку. Весть о том, что шемиты поставили лагерь и за умеренную плату проводят караваны через пустыни зуагиров, вмиг облетела всех торговцев Стикса, Турана и Иранистана, и в желающих воспользоваться услугами баалурцев не было недостатка. Турио заставил банды кочевников одну за другой идти в иные места в поисках легкой поживы. Смелчак, пустившийся через пороги в лодке, до лагеря не доплыл, и потому радостную весть о том, что лотос найден, Турио получил вместе с приехавшими всадниками.

Сделав последнюю большую остановку в пути на лугу, где Конан встретился с чернокожими, караван с лотосом вскоре пересек пустыню и вышел по западному берегу к бывшему броду, через который и был переправлен на одной из галер.

— Нет, об этом даже речи быть не может. — Турио за эти дни прошел неплохую школу, и потому слова его звучали еще самоувереннее, чем обычно. — Ни о какой попытке пойти над порогами или о чем-то подобном. Мы пройдем их так, как шли, с галерами на плечах, или, если понадобится, купим новые.

Конан рассмеялся: юноша страстно защищал то, от чего наотрез отказался несколько полнолуний назад.

— Ерунда, мой добрый Турио, — отозвался киммериец. — Твои разведчики недавно прошли там и вернулись живыми и невредимыми. Высоко в верховьях Стикс превратился в узенький ручей — и мы прошли по нему. Разлив поднял реку, она стала более судоходна, чем прежде. Ее струи пронесут нас над порогами при полной загрузке, и мы даже не заметим, как прошли!

Обе половины баалурского воинства были воссоединены, драгоценный груз лотоса поднят на галеры, и ничто не мешало им отплыть по направлению к дому в любой день. Все хотели оказаться в родных краях как можно скорее, хотя некоторые с удовольствием остались бы сопровождать караваны еще на несколько месяцев — дело оказалось прибыльным.

— В любое другое время, ты прав, я сам не рискнул бы идти над порогами, — заключил свою речь Конан. — Но в самом начале разлива нам может повезти.

— А если нет? — отозвался Турио. — Подумай сам, господин мой, стоило ли проделывать весь этот тяжкий путь вверх по реке, собирать лотос, а потом спускаться на самом хребте обрыва, чтобы в один миг из-за собственного безрассудства потерять и людей, и груз! После стольких месяцев пути стоит ли выгадывать один-два дня?

— Стоит, ибо у нас на счету каждый час, — уже сердито возразил Конан. — Зерити помчалась к жрецам Сэта искать защиты и мести, она поднимет против нас всю Стигию, и, замешкайся мы хотя бы на день, у Луксура нас встретит армада дромонов с катапультами и таранами, а не с кривляющимися девицами!

— Хорошо, господин мой, но сделай хотя бы вот как: чтобы облегчить наши корабли, вели большому отряду тех всадников, что хуже остальных переносят реку, взять половину груза и ехать берегом. Я, если хочешь, сам поведу их. Так мы в худшем случае не лишимся сразу всего. Ниже по течению мы вновь соединим силы, а если нет, то всадники поедут в Баалур прямо через пустыню, хоть это и очень опасно.

План был неплох, и Конан согласился.

Разделив груз и отобрав в отряд Турио наиболее «сухопутных» баалурцев, Конан взял на себя командование четырьмя галерами и, препоручив свою судьбу богам, двинулся в обратный путь.

Разливающийся Стикс более чем когда-либо походил на воплощение Великого Змея. С каждым днем он все беспокойнее ворочался в шкуре своих извилистых берегов, и с каждым днем старая шкура становилась ему все более мала, и он влезал в новую, чтобы к новому утру сбросить и ее. Этот огромный змей мчался через степи и пустыни все быстрее, сметая могучим хвостом деревья, камни и тех несчастных, что осмеливались встать у него на пути.

Черные воды Стикса становились грязно-белыми: он размывал меловые наслоения и к тому же нес с собой тучи песка. В его потоке, и без того безумном, возникали поперечные течения, воронки и водовороты. Несколько раз галеры едва не посадило на заносы, буквально в одночасье скапливавшиеся в узких местах: достаточно было лечь поперек сухому дереву, унесенному разливом, как на него

тут же наслаивались вырванный тростник, старые тряпки, доски и прочие обломки, что всегда несет с собой разливающаяся река.

Нижние пороги приближались, и грохот реки становился все нестерпимее. Теперь людям невозможно было заснуть ни днем, ни ночью, потому что даже тысячи барабанов не могли произвести тот шум, с которым Стикс несся по Стибу.

Выждав день ради ясных, безветренных сумерек, Конан направил корабли в самый водоворот. Каким-то чудом счастливо избежали они удара о стену ущелья, об которую река громила в щепы все, что несла с собою. К ночи их вынесло за поворот. Там они нашли тихую заводь, бросили якоря и в ожидании Турио принялись за мелкий ремонт, необходимый после столь опасного участка. Турио и его отряд появились через два дня. Они тоже не потеряли ни единого человека. Воинство Баалура снова воссоединилось. Торопясь пройти как можно больше в темное время суток, они снялись с якоря в тот же вечер и плыли до самого рассвета.

Разливаясь после Стиба огромным морем над пахотными и луговыми землями, Стикс нес теперь свои воды неторопливо и с достоинством, как и подобает реке, с середины которой можно было лишь с большим трудом различить как северный, так и южный берег. Шемитские поселения здесь пока еще встречались редко, зато часты были города и мрачные храмы, где мертвых жило больше, чем живых. Поэтому, когда однажды утром перед ними замаячили вдали яркие паруса большой флотилии, все были уверены, что это — корабли стигийцев. Конан насчитал шесть больших галер, каждая из которых двигалась на десятке дюжин весел. Они не двигались навстречу, а стояли, выстроившись в линию прямо поперек потока, явно поджидая корабли шемитов.

Конан знал о стигийцах не много, но того, что он знал, было достаточно, чтобы уверить баалурцев: лучше самая мучительная смерть, чем рабство на этих галерах. Кроме рабов, на них плыли только жрецы и разряженные в золото военачальники. Солдатами на этих кораблях были рабы, которых лишь перед битвой выпускали из трюмов, раздавая оружие с обещанием свободы, если битва будет выиграна.

Это превращало сражавшихся в безумцев, ищущих если не победы, то хотя бы смерти.

Желая рассмотреть противника поближе, Конан велел сушить весла и поднять паруса, чтобы немного замедлить движение галер, мчавшихся на строй со скоростью речного потока.

— Сигнализать, всем поворачивать к левому берегу и идти как можно тише! — распорядился Конан, вглядываясь в дромоны, командам которых приходилось постоянно грести, чтобы удерживать корабли на одном месте. — Всем по местам! Приготовиться к маневру!

— Но, Конан, — удивился Каспиус, стоявший рядом на баке, — не мудрее ли будет двигаться вправо? Все-таки левый берег как-никак стигийский...

— Взгляни туда! — Конан указал на едва различимое скопление у южного берега. — Там корабли поменьше. Начнем с них. Ну, ребята, по моей команде рубите прочь снасти... давай!

Паруса и снасти полетели в воду и, подхваченные течением, понеслись прямо на дромоны. Один из кораблей тут же запутался в этой мешанине и рулем, и веслами. Поток немедленно потянул его вниз, и вскоре, беспомощный, он исчез из виду.

— Ну, теперь правьте прямо на пристань! Веселей, ребята, и мы прорвем их строй!

Видя, что галеры шемитов развернулись к гавани, оставшиеся дромоны тоже устремились туда, отрезая баалурцам путь. Пересекая гавань под углом, корабли сходились почти перпендикулярно. Конан только этого и добивался. Велев гребцам налечь на весла, он устремился к ближайшему дромону и вспорол ему бок медным тараном своей галеры. Подав назад, Конан высвободил галеру и, прежде чем враг успел опомниться, развернулся и ушел в сторону. Лишь на несколько мгновений его легкий корабль оказался борт о борт с неуклюжим дромонам — и тогда с борта асгалунца вылетела туча стрел. Пока тяжелые стигийцы разворачивались и выгребали против течения, галера Конана была уже снова на середине реки.

— Им мало! — хохотал Конан, глядя, как еще один корабль пытается развернуться, чтобы ударить галеру с тыла. У киммерийца всех потерь пока были только им самим же срубленные мачты, а два стигийских корабля меж тем уже были выведены из строя. — Барабаны,

удвоенный ритм, вон на нас идет еще один ищущий смерти!

Развернувшись, Конан снова повел галеру на таран, тогда как остальные его суда заходили с боков, расстреливая стигийца из арбалетов.

— Крепче стисните зубы! — крикнул киммериец, и в следующий миг таран галеры с треском вонзился в стигийское судно недалеко от кормы.

Восторженный рев со всех четырех кораблей мешался с каркающими проклятиями стигийцев. Их тяжелые суда не могли противостоять верткой, сильной галере киммерийца. На таких галерах истари одерживали все свои кровавые победы пираты Барахских островов, и Конан, сам поплавав пиратом, хорошо знал все преимущества этого корабля в бою на большом водном пространстве, где было достаточно места для маневра.

Два самых больших дромона стигийцев пока еще стояли неподвижно посреди реки, и Конан время от времени с тревогой взглядывал в их сторону. Меж тем третий корабль пытался атаковать шемитов, направив свой удар на одну из грузовых галер, но промахнулся и был немедленно расстрелян из арбалетов и катапульта.

— Подойдем мы к ним поближе? — спросил Каспиус, увлеченный азартом схватки. — Мы могли бы легко проделать дыру в его левом борту!

— Нет, этого мы как раз делать не будем, — заявил Конан. — Зачем же дырять такой отличный трофей? Мы захватим его как военную добычу, он и так уже почти наш. Гораздо больше меня беспокоят вон те двое. Им ничего не стоит проделать дырки в наших левых бортах! Чего они выжидают?

Злосчастный дромон и в самом деле уже почти принадлежал шемитам. В борта его впились багры и крючья, на палубу с яростными воплями посыпались баалурцы. Не успел Конан подойти ближе, как все было кончено. На галере остались лишь прикованные к скамьям рабы, а они скорее ожидали милости от захватчиков-шемитов, чем от прежних хозяев.

— Повоевали, и хватит! — проворчал Конан, по-прежнему глядя на неподвижные корабли впереди. — Против этой пары нам не выстоять. Нужно как-то умудриться проскочить у них под носом... Эй! — крикнул он вниз. — На нижней палубе! Готовьте катапульта! Гребцы, полный ритм!

Видя, что Конан намерен прекратить сражение, шемиты отрядили часть своих команд на захваченное судно и двинулись вслед за аргосийской галерой. Два больших дромона по-прежнему преграждали им путь.

— Обходите их по большой дуге! — крикнул Конан. — Готовьте катапульта!

Поток медленно выносил их на середину реки. Словно Стикс сговорился со своими детьми и теперь волок вражеские корабли прямо в руки стигийцам. Как ни старались рулевые, они не могли выйти из стремнины. Два корабля неотвратно приближались. Уже можно было разглядеть изображение зеленого Змея. Захваченный корабль давал шемитам численное преимущество, но Конан хорошо видел, что стоит стигийцам пустить в ход большие катапульта, и от расправы уйдет только аргосийская галера.

— Вдоль берега идет конница! — крикнул дозорный. — Скоро они нагонят нас!

— Так эти двое просто отжимают нас к берегу! — сквозь зубы проговорил Конан. — Правьте прямо на них! Высадиться на берег мы всегда успеем.

— Конан, — дотронулся до его плеча Каспиус, напряженно глядевавший в стигийские корабли. — Они пошли на нас.

И в самом деле, взмахи весел на больших галерах стали сильнее и чаще, по реке далеко разносился свист кнута, которым подгоняли гребцов.

— Быть может, если мы пойдем им навстречу с еще большей скоростью, они испугаются прямого столкновения и отвернут в сторону — или это сделаем мы, — пробормотал Каспиус. — Но каким-то образом нам надо проскочить мимо.

— Мы-то проскочим, — отозвался Конан. — А что будут делать галеры с лотосом?.. Всем на весла! На всех кораблях приготовиться грести что есть силы по моему сигналу!

Шемиты замедлили движение: теперь они шли только на парусах и благодаря силе потока. Заметив это, стигийские корабли увеличили скорость, видимо желая воспользоваться внезапной растерянностью врага. Громады их двигались с каждым взмахом весел.

— Проклятье! — вскричал вдруг Конан. — Эти собаки что-то затевают!

Корабли стигийцев подошли уже настолько близко, что видно было движение людей в темных плащах с капюшонами у них на борту. Взяв в руки каждый по кожаному мешочку, они принялись скидывать в воздух щепотки сверкающей пыли. Чувствительный нос киммерийца уловил знакомый запах «болотного зелья». Достаточно было несколько щепотей такого порошка, чтобы превратить в зловонное болото небольшое озеро — правда, ненадолго, не более чем на день.

— Ходу! — взревел киммериец, с ужасом представив себе, во что превратится вода вокруг через несколько минут. — Это еще хуже, чем праматерь всех рыб! Гребите сильнее, если хотите снова увидеть родные берега!

Кроме Конана, никто не понял, что готовят им стигийцы, но, увидев, что боевая галера рванулась вперед, команды на остальных судах развернули все паруса и налегли на весла. Плеск и взмахи тысячи весел разом задержали колдовство на насколько лишних мгновений. Это спасло их. Со всею возможной скоростью пролетели шемиты мимо двух огромных дремонов, чихая от колдовского порошка, и выбрались на стремнину. Река подхватила их и понесла прочь от проклятого берега. Конан перевел дыхание.

— Сегодня впервые в жизни вознесу я молитву Сэту! — заявил он Каспиусу. — Если и впрямь Стикс — его воплощение, то унес он нас как нельзя более вовремя!

Глава 24

СВЕТ В БАШНЕ

По поводу возвращения баалурского войска в Асгалуне было устроено настоящее празднество. В гавани, размахивая зелеными ветками, толпились у причалов восхищенные жители, а с площадок и стен Верхнего города оглушительно трубили фанфары. Едва только пять кораблей пристали к берегу, их вышел встречать на канал сам король Маздок. Его лабья торжественно врывалась в гавань в сопровождении большого эскорта множества нарядных лодок — с теми царедворцами, кого удалось спешно собрать для неожиданного парада.

— Восславте героев, — вскричал король, когда на сходнях появились люди, — и восславте Конана, Властелина Черной реки! Слава тебе, сходявшему на край света, и добро пожаловать снова в наш город! Как только мы получили весть о твоём прибытии, сразу стали готовиться к большому празднику, — но ты почти нагнал вести о себе!

— Благодарю, старый друг. — Конан от всей души стиснул короля в своих медвежьих объятиях. Затем обернулся к ликующей толпе и поднял руку, требуя внимания: — Не так уж легко было слать о себе вести за несколько тысяч лиг от твоего гостеприимного города!

Слова его потонули в восторженном реве. Тем временем Каспиус обменивался приветствиями с королем и теми людьми из свиты, кого знал лично. Рядом с ним, тараща белые глаза на огромный город и толпы народу, стоял Нк'ча, чернокожий воин.

— Мы прошли через множество опасностей, — продолжал Конан, — и путь наш еще не завершен. А потому прошу тебя, старый друг, подожди немного с празднествами. Нам не терпится попасть наконец домой.

Солдаты и матросы с галер были препровождены во дворец для мытья с дороги и ужина, а Маздок отвел Конана в сторонку.

— Я должен принести тебе свои глубочайшие извинения, — серьезно сказал король. — Я говорю об этом негодяе, Гулизаре. Мы тут поймали парочку пиратских галер, и от них я узнал, что с ним случилось. Знай я, что это за птица, его голова...

— Хорошо сказано, Маздок, и сказано достаточно, — отозвался Конан. — Его голова покоится на дне Стикса. А что касается тебя, то без твоей помощи, а главное, без этой прекрасной аргосийской галеры мы потеряли бы куда больше, чем от предательства одного негодяя. — Обернувшись к гавани, он указал на корабли, чуть покачивавшиеся у причалов: — Посмотри туда. Мы привезли твои галеры обратно... правда, нельзя сказать, что в целости и сохранности, но мы старались, как могли. И, надеюсь, тебе понравится тот стигийский дромон. Он твой вместе с командой, прими его от меня как благодарственный дар.

Маздок, сощурясь, посмотрел на друга:

— Превосходно! В ответ на это я скажу, что сохранил ваших быков и повозки, можешь востребовать их назад в

любой миг. Я видел, у тебя большая нехватка лошадей — я предоставлю их тебе сколько угодно, а также свои войска, чтобы спокойно миновать границы Недреззара. Но сначала я хотел бы услышать о твоих путешествиях — с начала и до конца. На этот раз, я надеюсь, ты задержишься в Асгалуне?

— Увы, государь, — ответил за Конана Каспиус, — это невозможно. Нас не было многие месяцы, и никто не знает, что происходит в нашем многострадальном королевстве...

— Верно, — кивнул Конан. — Мы должны как можно скорее вернуться в Баалур — ибо нашли, что искали.

— Хорошо, я согласен, что это мудро — хотя и весьма огорчительно, — вздохнул король. — Вести из Баалура доходят очень медленно, но я слышал, что над ним по-прежнему висит это проклятие. Так что вас там, конечно, ждут с большим нетерпением, чем здесь.

— Я надеюсь быстро облегчить страдания всех, кого мучают дурные сны, — кивнул Каспиус. — Лотос оказался превосходным средством. Я испытал его на себе — и берусь утверждать, что, если уж он справился с моими кошмарами, справится и с остальными. Если бы это средство было абсолютным против всех чар! — Королевский лекарь со вздохом взглянул на море. — Ибо пока ведьма Зерити жива, Баалур не может чувствовать себя в полной безопасности.

— С каким бы удовольствием я оторвал ей голову с ее тонкой шеи, — отозвался Конан. — Но это бесполезно: она не человек, а злобный дух, ифрит. Простой смертный не в силах ни убить, ни сколько-нибудь серьезно ранить ее.

Нк'ча, бессменный телохранитель Конана, за весь разговор не проронил ни слова. Нельзя сказать, чтобы он плохо понимал суть беседы, скорее, его ум был занят тем великолепием, какое созерцали его глаза. А дикари не умеют делать два дела одновременно.

Ближе к вечеру, после обильного ужина и показа привезенных дикушинок, король Маздок со свитой и Конан с начальниками отрядов отдыхали в одном из внутренних двориков большого королевского дворца. Во дворце и в саду повсюду предавались веселью солдаты и младшие

слуги — выкрики, возня в затененных беседках и хмельные песни доносились на второй этаж дворца приглушенным гулом. Король предоставил солдатам на эту ночь всех девиц борделей города, и баалурцы не теряли времени даром.

Из всех гостей короля не предавался блаженному отдыху один лишь Нк'ча. Изваянием из черного дерева стоял он у открытого окна, напряженно вглядываясь в уродливую башню, с которой прыгнул, покончив с собой, безумный король Ахиром.

Заметив пристальный взгляд дикаря, Конан встал и подошел к нему.

— В чем дело, парень? Тебе что-то не нравится?

Ответом было единственное слово, произнесенное испуганным шепотом:

— Зерити.

И Нк'ча глазами указал на высокую башню.

Маздок, стоявший от Конана всего в нескольких шагах, живо обернулся на это имя.

— Та башня пустует вот уже многие годы — с тех пор как полоумный колдун бросился с нее, — возразил он. — Гляньте на нее, она же вот-вот обрушится! Как может быть...

— Как угодно, — оборвал его Конан, кладя ладонь на рукоять меча. — А может, Нк'ча мерещится. Проще всего пойти и проверить. — Несколько пошатываясь от выпитого вина, он решительно направился к двери.

— погоди, — удержал его за рукав Маздок. — Я пошлю туда дюжину моих стражей, они прочешут всю башню сверху донизу...

— Неужели их мечи лучше против колдовства, чем мой? — возразил Конан. — Нет, я лучше сам посмотрю.

Каспиус, поднявшийся из-за стола вслед за ним, нагнал его у верхней ступени.

— Когда вы найдете ее — если найдете, — отыщите на ней амулет или какой-нибудь талисман, в котором должно быть заключено ее бессмертие. Быть может, уничтожив его, можно будет уничтожить и ее — или превратить обратно в смертную женщину.

Вслед за Конаном ловить ведьму в башне увязалась большая шумная толпа, но на ступенях уродливого здания она отхлынула и притихла. Подойдя к обитой полосами бронзы дубовой двери, Конан высадил ее двумя ударами плеча.

— Подожди меня! — нагнал его окрик Маздока. — Это все-таки мое королевство, и ты не можешь запретить мне идти с тобой в эту треклятую башню!

Башня стояла над самым каналом, подвал ее уже десятилетия был залит водой, и Маздок сморщился, протиснувшись вслед за Конаном на первый этаж.

— Тьфу! Воняет гнильем и летучими мышами! — сплюнул он. — Ну, ты убедился, что здесь ничего нет? Здесь никто не бывал уже лет десять или больше. Ты все еще хочешь обыскать башню?

Конан молча кивнул. Оставляя следы в толстом слое пыли, он осторожно направился к лестнице, ведущей наверх. Маздок пошел за ним, ворча:

— Напрасно ты забираешься так высоко, это развалина может рухнуть в канал в любой момент... — Но тем не менее он шел вслед за Конаном, отставая лишь на несколько ступеней — по числу бокалов вина, которых выпил больше киммерийца. На вершине лестницы открылась дверь в небольшое помещение. Из него вела наверх новая лестница.

— Здесь не меньше дюжины таких этажей, — крикнул Конану Маздок. — Ты что, полезешь на все?

Киммериец, не слушая его, пошел вверх по ступеням.

— Хоть погоди тогда, я велю принести факелы! — с досадой вымолвил король. — Раз уж тебе так понадобилось... Не ходи пока дальше, я сейчас вернусь!

Добравшись до седьмого уровня, Конан наконец увидел мелькнувший вверху свет. Уже двумя этажами ниже он почувствовал запах горящего масла, сейчас же к нему прибавился еще и едкий дым, от которого слезились глаза. На этом этаже явно кто-то был.

Приближаясь к источнику дыма, пахнущего так знакомо — точь-в-точь так же пахла цветная пыльца в гробнице у истоков Стикса, — Конан все больше утверждался в мысли, что Нк'ча не ошибся. Помимо знакомого запаха, он видел и знакомую картину: трупки летучих мышей, свежие и совсем высохшие.

Киммериец неслышно выругался. Кто стал бы искать проклятую ведьму в таком гнилом месте? Конан подобрал с досок тяжелый железный стержень и начал осторожно продвигаться на свет.

Внезапно прямо перед ним во тьме вспыхнуло чье-то лицо. Оно было не столько человеческим, сколько недочеловеческим: нависающий лоб, слишком широкие скулы, в сочетании с которыми квадратная челюсть замыкала лицо в треугольник. И хотя Конан никогда не видел той скульптуры, что изваяла Зерити, он шестым чувством узнал этот призрак.

Джакала!

Прямо на него наплывала темная фигура в полтора человеческих роста. Конан крепче сжал стальной прут и ударил — наискось, раз и другой. Дым всколыхнулся, развеялся и сгустился снова. Конан ударил еще раз — и только после этого понял, что перед ним не более чем призрак, безвредный морок. Варвар оставил его в покое и ринулся наверх.

Одолев последние несколько ступеней, он оказался в маленькой каморке под самой крышей башни. Здесь, едва мерцающая, горела огонек тусклой лампы. А рядом с ним была Зерити.

Она стояла возле небольшого алтаря, окутанного клубами дыма с едким запахом магического порошка. Одета в темный балахон, с лампой и щепотью порошка в руках, Зерити была явно занята каким-то подвластным ей чародейством. Увидев киммерийца, она зашипела, как сотня змей, и вскинула руки для заклинания.

Пол содрогнулся у него под ногами, но еще раньше дрогнули стены, трещины пошли от основания башни к вершине, и Конан, словно во сне, снова увидел огромное яйцо, из которого должен был вот-вот появиться на свет новый бог. Теперь таким яйцом служила башня...

Из тех, кто толпился на первом этаже с факелами в руках, не пострадал почти никто. Последним из падающей башни выскочил король — когда уже осыпались стены. Те, кто наблюдал падение башни из окон дворца, утверждали потом, что заметили темный предмет, плюхнувшийся в канал прежде, чем туда же обрушились верхние этажи. Как бы там ни было, Маздок не слишком удивился, когда, после того как камни стен и перекрытий ушли под воду, откуда-то сбоку из канала вынырнула человеческая голова со встрепанной и спутанной гривой черных мокрых волос.

— Ну, неумный ты упрямец, много ты нашел там, на своей башне? — вне себя от радости завопил Маздок, помогая другу вылезти из воды. — Я говорил тебе, что она вот-вот рухнет!

— Что бы я там ни нашел, — смеясь, ответил Конан, — теперь оно уже точно мертво. — Он оглянулся на темную воду канала. — И хвала Крому.

ЭПИЛОГ

В висячем саду белого дворца Баалура был накрыт небольшой стол на пять персон.

В тонкие чашки кхитайского фарфора был разлит светлого-желтый ароматный напиток — крепкий взвар лепестков серебряного лотоса. Вокруг стола сидели король Афратес, королева Руфия, Каспиус и Конан. Все четверо выглядели отдохнувшими и посвежевшими, и королеве снова никто не дал бы больше тридцати лет, хотя на самом деле ей было все тридцать пять.

— Божественный напиток! — сказал Каспиус, отпивая из своей чашки. — Я еще не до конца изучил все его свойства, но могу смело утверждать, что он полезен при любой немочи. Я попрошу у вашего величества некоторой отсрочки моего постоянного участия в государственных делах, чтобы иметь возможность спокойно заняться изучением этого растения. Я прихватил с собой из долины несколько корневищ и семян и надеюсь вырастить его в нашей оранжерее.

— Ты можешь делать решительно все, что хочешь, — милостиво ответил король Афратес. — Мне будет тяжелее без твоих советов, но я не могу отказать тебе ни в чем. Но ты знаешь, мне кажется, что в последние дни перед самым вашим приездом болезнь отступила и без серебряного лотоса.

— Надо думать, коль скоро ведьма умерла! — ответил Каспиус, бросая многозначительный взгляд на Конана. — Но все же с лотосом дела идут на лад значительно быстрее. Я сейчас как раз изучаю несколько особенно тяжелых случаев...

— Он совсем не похож на те виды лотоса, с которыми я сталкивался, — сказал Конан, прихлебывая золотистый

напиток. — Можете и в самом деле попробовать его выращивать у себя и продавать в другие страны как Особый Бальзам Баалура. Наживете кучу денег!

— Я думаю, мы уже достаточно счастливы хотя бы тем, что город наш освободился от проклятия, — улыбнулась Конану королева. — А богатство мы наживем как-нибудь иначе. Герои Баалура и так прославились этим походом на весь Шем, а имя Конана известно теперь даже младенцам в колыбели.

Киммериец поморщился:

— Вот если бы я привел назад всю тысячу живой и невредимой...

— Ни один подвиг не обходится без жертв, — заметил на это король. — Те, кто выжили в этом походе, — наше будущее. В них я буду теперь уверен, как в самом себе.

— Ну, те, кто остался в городе, тоже прошли через немалые испытания, — обронил Конан. — Хотя многие, как я слышал, их не выдержали — Шалманзар, например.

— Не упоминайте при мне этого имени, — нахмурился король. — Этот негодяй хотел продать нас стигийцам. А того двуличного жреца по имени Бандар-Хак недавно нашли на улице мертвым — видимо, убили свои же за то, что не справился с возложенной на него миссией. — Король отпил из чашки, и складка у него на лбу разгладилась. — Ну, да это все дело прошлое. Предателя прекрасно заменит Турио — я рад, что он вернулся живым.

— Да, — серьезно кивнул Конан. — Он показал себя в походе с самой лучшей стороны. Из него выйдет со временем отличный восначальник.

Королева взглянула на мужа, затем на киммерийца.

— А я полагала, что ты, Конан... Ну, быть может, ты сам займешь этот пост?

— Ох, Руфия, разумеется, нет! — Конан едва не поперхнулся отваром. — Я могу вести войска в битву или вверх по реке мертвых, но сидеть все время в городе, даже у подножия трона, — это не по мне!

— А вот все-таки интересно, — задумчиво сказал Каспиус, ни на кого не глядя, — какая же из тех рек была истинным Стиксом?

— Что ты хочешь этим сказать? — нахмурился Конан. — Что так и не известно, могут ли побывавшие в этой долине огня и льда сказать, что они видели истоки

самого Стикса? Что же, это, по-твоему, умаляет подвиг и славу тех, кто вернулся?

Каспиус уже открыл было рот, чтобы ответить что-нибудь язвительное, но тут рядом зазвенел чистый детский голосок:

— Угодно ли кому-нибудь еще лotosового отвара?

Спор погас, не начавшись, и все повернули лица к принцессе Исмаэле, стоящей на траве с подносом в руках. На подносе помещался большой чайник кхитайской же работы, над его носиком вился душистый пар. Как видно, она отняла поднос у слуги, захотев из озорства подкрасться к сидящим незамеченной. Последние признаки болезни оставили ее тело, это снова был румяный, веселый ребенок, каким и полагается быть ребенку двенадцати лет от роду — разве что еще немного бледный. Принцесса изящно поклонилась, очень довольная своей шуткой.

— Какая разница, — сказал Конан, глядя в ясные синие глаза дочери, — где мы были?.. Главное, мы привезли то, за чем отправлялись, а все остальное не имеет значения.

ПУТЬ ВОИНА

РОМАН

ПРОЛОГ

Аргос располагается рядом с Офиром, рядом с древнейшей из всех земель, населенных людьми, с тех пор как океанские волны поглотили Атлантиду. Аргос, конечно, не столь древний, но все же отличается почтенной старостью.

Во времена, когда темная империя Ахерон, казалось, вот-вот сметет все, что стояло у нее на пути, люди, бежавшие из Офира, добрались до отличной гавани на берегах моря Запада. Некоторые продолжили бегство, уплыв на кораблях за пределы обитаемых земель, да и вообще за пределы человеческого мира.

Другие решили, что убежали достаточно далеко. Там, где холмы и болота помогают успешно отбивать натиск врагов, переселенцы выстроили господствующую над гаванью крепость. Если орды Черного Ахерона не научатся плавать, то порт позволит снабжать крепость припасами хоть до скончания времен.

Прошли века. Ахерон погрузился во тьму, которую клятвою обещал другим. Древняя крепость теперь высилась над городом, имевшим собственные стены и башни. Он также носил и собственное имя — Мессантия. (Предания расходятся по вопросу о том, была ли госпожа Мессана дочерью или же любовницей первого коменданта крепости.)

После того как сменило друг друга еще немало поколений, на берегу больше не осталось места. Люди селились все дальше и дальше от моря, нашли хорошую землю, богатые строевым лесом и дичью леса, реки и озера, где в изобилии водилась рыба. Хутора разрослись в деревни, а деревни — в городки. Вся страна от Мессантии и в глубь материка, насколько считали нужным сами жители, стала носить название Аргос.

Вокруг Аргоса сложились другие королевства — Зингара, Немедия, Коф и Шем, все имели с ней общие границы.

Но ни в одном из них не было столь удачливых и оборотистых купцов. Они умели найти подход к простому ремесленнику из Асгалуна или к кузнецу из Шема и заставить их платить двойную цену за слитки из меди, добытой на холмах Боссонии.

Со временем потомки купеческих семей стали правителями Аргоса. Правили они не столь твердой рукой или по крайней мере с меньшим произволом, чем короли соседних стран. Поэтому Аргос был отнюдь не легкой добычей, когда монархи, чья жадность превышала разум, пытались захватить его.

Аргосийцы обучались владеть оружием с детства. Не такие уж грозные на бранном поле, укрывшись за собственными стенами, они могли одержать победу над любым врагом, кроме разве что могучих войск Аквилонии. А в мирные времена купцы набирали наемников, людей, выбранных жребием служить определенный срок в войсках. Во время этого срока воины стерегли границы, охраняли поселки и городки от разбойников, а города — от воровских шаек. Если возникала надобность, их выставляли в поле против вторгшихся захватчиков, пока собирались в армию аргосийские ополченцы.

Пять раз бойцы расплачивались своей кровью, чтобы выиграть нужное время. Трижды они дрались так хорошо, что захватчики не дожидались, пока соберутся граждане, а бежали с пустыми руками, не способные похвастаться иными достижениями, кроме кровавых ран.

Когда у одного кузнеца в далекой, продуваемой всеми ветрами Киммерии родился сын по имени Конан, прошел уже почти целый век с тех пор, как кто-то пробовал завоевать Аргос. Несомненно, капитаны во всех странах передвигали по картам деревянные фигурки, показывая, как они могли бы покорить эту страну. Наверно, когда они бывали достаточно пьяны, то даже верили в свои планы.

Но победу всегда одерживали люди трезвые, и Аргос оставляли в покое.

Однако никакая страна не может сделаться столь старой, как Аргос, без того чтобы не обрасти тайнами, словно пенёк древнего дуба — мхом. И некоторые из этих тайн таковы, что мудрые люди говорят о подобных делах только шепотом или вообще молчат.

На тот момент, когда Конан-киммериец бежал из Турана, чтобы стать командиром Вольного Отряда, большинство

этих тайн было известно в Аргосе только одному человеку. Он называл себя князем Скироном, хотя мать дала ему имя, отнюдь не похожее на Скирон. И было почти столь же определенным, что равным образом лицо он носил отнюдь не то, какое ему дала природа.

Акимос из Перама задрожал от влажного холода в пещере и поплотнее закутался в парчовый халат из китайского шелка. Халат был подбит ватой, так же как и надетая под ним туника. Но против холода пещеры одежда казалась такой же тонкой, как прозрачные покрывала танцовщицы.

Скирон определенно завел его далеко под землю, глубоко в лабиринт туннелей, некогда служивших мессантийцам последним прибежищем. Сюда никогда не проникал яркий свет, за исключением мерцающего пламени факелов, сражающегося в неравной битве против темноты. Они могли оказаться и под озером Гиркса, или под рекой Хорот, или даже под самым морем!

Последняя мысль заставила Акимоса беспокойно посмотреть вверх, словно скальный потолок мог вдруг рассыпаться и потоки зеленой воды хлынуть в туннель.

Услышав легкий кашель, Акимос опустил взгляд. Скирон стоял у бронзовой жаровни, со слабой улыбкой на тонких губах. Рядом с ним на коленях замер безъязыкий, глухой раб, тащивший поклажу князя.

Акимос покраснел, поняв, что Скирон знал о беспокойстве своего нанимателя. Чтобы больше не выдавать себя, купец попытался придать голосу намеренную грубость:

— Ну, любезный, приступай к делу! Или у тебя есть чары от ревматизма и воспаления легких, которые я, наверно, здесь точно подхвачу, если буду ждать еще?

— Будь осмотрительней. Обращаясь ко мне, называй меня Скироном. А если ты сможешь еще приспособить свои уста и для произнесения слова «князь», то так будет намного лучше.

Он сделал над жаровней несколько странных жестов. От углей, извиваясь, заструился прозрачный красный дым. Струи дыма сгустились и неожиданно обрели странную форму. Акимос с ужасом увидел некое подобие собствен-

ного лица. Сначала его венчала корона, выполненная в совершенно неузнаваемом стиле, густо унизанная ограненными в вендийской манере рубинами и изумрудами.

Вслед за тем он увидел себя с непокрытой головой. Затем его лицо приобрело выражение охваченного самой страшной мукой человека. Рот открыт, безмолвные вопли, казалось, отзывались эхом в черепе живого человека.

И наконец, Акимос узрел свою отрубленную голову, с выклеванными птицами глазами и гниющую на колу, проткнувшем ее насквозь от шеи до макушки.

Он с трудом подавил приступ тошноты.

— Думаю...

— Ты думал, что можешь позволить себе проявить нетерпение, уважаемый Акимос. И я решил показать тебе, куда может привести нетерпение.

— Благодарю за урок, князь Скирон!

Акимос решил, что с удовольствием назовет этого типа Царем Солнца и Луны, если это ускорит сегодняшнюю работу.

Но Скирон уже переходил к другим делам. Повелительный жест, и раб вручил ему два пузырька с порошком цвета засохшей крови. Еще один жест — в жаровне пылают новые угли.

Скирон начертил в воздухе загадочный знак. Почти сразу же поднялись волны жара. С Акимоса и раба закапал пот, но на Скирона жар, казалось, не подействовал, при всем том что он находился к жаровне ближе всех.

Последний жест колдуна, и раб принес простую бронзовую шкатулку, в какой женщина не слишком высокого положения могла хранить губную мазь и пудру. При виде столь обыкновенного предмета Акимосу невольно захотелось рассмеяться. Желание это тут же прошло, когда взор Скирона обратился в его сторону.

Не умел ли этот человек читать чужие мысли? Акимос знал множество легенд о колдунах других стран, способных на телепатию. Но всех обладавших такими силами выкинули из Аргоса три поколения назад, во времена правителя Гиппароса Великого. А Скирон родился в Аргосе.

Руки колдуна задвигались с быстротой жалящих гадюк. Два пузырька с малиновым порошком, казалось, так и прыгнули в жаровню. Акимос задержал дыхание, ожидая следующих по пятам за жаром огромных, ревущих облаков дыма.

Вместо этого, исчез даже жидкий серый дым от углей, будто его всосал чей-то огромный рот. У Акимоса от удивления отвисла челюсть. Даже запах гари пропал. Вместо него возник едкий аромат: словно десяток трав и приправ смешали, хорошенько погноили, а потом подожгли. Акимос поспешно закрыл рот и поборол порыв прижать к лицу ладонь.

Руки Скирона снова метнулись под жаровней. На сей раз они бросили на угли бронзовую шкатулку. Но вместо того чтобы упасть на них, она плавно опустилась, словно мыльный пузырь. На ширину ладони от углей шкатулка осталась.

— Для уличного представления — это вполне прилично, князь Скирон.

Акимос говорил подобную глупость ради того, чтобы унять волну животного ужаса. Колдун, расставив ноги в стороны и сцепив за спиной длиннопалые руки, зловецкой фигурой возвышался над жаровней. На худощавом лице чародея возникло нечто среднее между улыбкой и презрительной гримасой. Он поднял обе руки над головой, резко опустил их вниз, а затем выкрикнул единственное слово на языке, которого Акимос не знал, да и не желал узнать.

Шкатулка вдруг странным образом трансформировалась. Сперва она в мгновение ока разбухла и продолжала расти, пока не стала размером с пастушью хижину. Она изменила цвет с желто-коричневого на аквамариновый, а потом на опаляющий взор изумрудный окрас, который, казалось, так и пылал, затем на полуночно-черный. Шкатулка стала такой черной, что даже сумрак пещеры мог показаться ярким полднем.

Акимос попытался заглянуть в эту черноту, но тут же почувствовал, как душу, словно клещами, вытягивает из тела, и плотно зажмурил глаза. Кошмарное ощущение, что его высасывают, исчезло.

Купец облизнул пересохшие губы и открыл глаза. Шкатулка вновь обрела свой нормальный цвет, однако размеры остались такими же нелепыми. Она еще вырисовывалась на уровне человеческого роста, и теперь по ее поверхности на змеиный манер извивались странные знаки и еще более странные фигуры. Акимос боролся со страхом, без большого успеха пытаясь подобрать названия магическим знакам и фигурам. Но вот колдун произнес знакомое

проклятие на древнекофском, и тогда купец понял, что Скирон выпустил здесь на волю. Выпустил на волю по его побуждению...

Последние знаки и фигуры, извиваясь, сползли со шка-тулки, на мгновение зависли в воздухе, а затем исчезли. Когда они пропали, Скирон снова крикнул. Дикий возглас без слов — страшный мяукающий звук, словно кошка вопит в предсмертной агонии.

Прямо на глазах у Акимоса шкатулка раскрылась и у крышки выросли зубы. Зубы, по сравнению с которыми и львиные показались бы карликовыми, зубы длиной в пол-руки Скирона.

Чародей сделал очередной магический жест. Шкатулка подпрыгнула в воздух, обрушилась на раба и вонзила кош-марные зубы ему в шею.

В пещере царила предельная тишина, тишина загроб-ного мира. Раб не мог издать ни звука, хотя алая кровь струилась у него из разорванных вен.

Скирон подождал, пока Акимос не перестал слышать даже собственное дыхание. А затем, словно отзывая от гостя сторожевого пса, он подошел к шкатулке и шлепнул по ней обеими ладонями.

Та раскрылась, выпустив раба, несчастный рухнул к ногам хозяина. Затем, прежде чем кто-либо успел сделать вздох, шкатулка уменьшилась до своих прежних размеров и с лязгом упала на грязный пол.

Скирон провел обеими ладонями над жаровней, вытя-гивая облачко голубоватого дыма величиной с голову мла-денца. Держа его так, словно оно было яичной скорлупой, он отнес его к распростертому рабу и дал облаку упасть на окровавленную шею.

Раны от жутких зубов и даже кровь на коже исчезли. Раб открыл глаза, пощупал шею и, казалось, собрался снова упасть без чувств.

— Встать, дурак! — приказал Скирон. — Если мне самому придется нести поклажу, то в следующий раз я, возможно, дам тебе истечь кровью. — Чародей произнес эту фразу специально для Акимоса, рабу же он все передал специальными жестами.

Бедняга тут же вскочил на ноги, бросился гасить и со-бирать колдовские инструменты хозяина в кожаный мешок. Скирон остановился перед Акимосом. В одной руке он дер-жал шкатулку.

— Определенно эти иллюзии лучше тех, что показы-вают уличные фокусники, — сказал торговый магнат.

Скирон улыбнулся как кот мышке:

— Иллюзия, говоришь? Ты ведь самый богатый чело-век в Аргосе. Посмотри на эту шкатулку, как посмотрел бы на свою амбарную книгу или долговую расписку.

Акимос посмотрел — и его пальцы сами собой сложи-лись в отгоняющий злые силы знак. У шкатулки по-преж-нему имелись зубы, и кончик каждого из них блестел от свежей крови.

— Когда тебе желательно, чтоб я начал работу? — спро-сил колдун. — И в каком Доме?

— Сперва у госпожи Ливии, — решил купец. — Там лишь девчонки да старики, слабые духом и телом.

— Я не слыхивал, чтобы такое говорили о госпоже Ливии, — усомнился Скирон.

— Ты зарабатываешь свое золото в качестве колдуна, а не советника, — отрезал Акимос. — Допускаю, что гос-пожа Ливия не дура. Но что может сделать одна девушка, когда ее домочадцы в панике? Что может сделать мудрец, окруженный глупцами?

Скирон глянул, готов ли раб к уходу, а затем снова посмотрел на купца:

— Акимос, думаю, тебе лучше никогда не узнать ответа на этот вопрос.

Он повернулся и зашагал следом за рабом, прежде чем к Акимосу вернулась способность соображать, не говоря уж о даре речи.

Скирон позволил себе расхохотаться, лишь когда ока-зался далеко в Туннелях на пути к своему дому у ворот Менефраноса. Вот тогда он опустил на влажный камень и хохотал, пока ребра у него не заболели так, словно его лягнул мул.

Какой глупец этот Акимос, если сомневается в его силах! Какой ужас испытал жалкий торгош, когда увидел магию в действии! И какая судьба дожидается этого толстого бол-вана, когда Скирон перестанет нуждаться в нем.

Однако какое-то время он еще понадобится. Мысль о требовавшемся времени отрезвила Скирона. Времени, нуж-ного Акимосу для подчинения полудюжины своих сопер-ников, чтобы стать самым крупным торговым магнатом

Аргоса. Времени, нужного ему для того, чтобы сделать ручными архонтов и хранителей. Времени, нужного для того, чтобы эти подающие надежды отроки — да и отрокиницы, — которые поступят в эту школу, усвоили то, чему с удовольствием научит Скирон. А потом Скирон и его ученики вернут в Аргос колдовство. Люди, владеющие лишь искусством звенеть монетами, уступят им дорогу. И колдуны Кофа, посоветовавшие Скирону: «Иди и научись сам чему можешь», будут вынуждены признать, что он исполнил их совет, и не без эффекта.

Они, конечно, к тому времени все перемрут, те люди, чей отказ признать его способности оставил в душе Скирона все еще незажившие шрамы. Но они будут наблюдать из теней, как он правит Аргосом, и поймут, что ошибались.

Скирон снова тихо рассмеялся и сделал знак рабу. Они вместе поднялись последние пятьдесят шагов туннеля, до трещины в скале. Раб пролез через трещину, в то время как Скирон обернулся, поднял сжатый кулак и произнес три коротких слова.

Вокруг следов на полу заплесала и закружилась пыль. Миг спустя не осталось никаких признаков, что этим путем когда-либо проходили люди. Тьма поглотила туннель, когда Скирон исчез в трещине, с фонарем в руке.

Глава 1

— Капитан! На дороге вооруженные люди!

Эльгиос, капитан Воителей Дома Оссертес, тяжело вздохнул и подобрал со стола караульного помещения шлем. Нахлобучив шлем на лысеющую голову, он высунулся в окно.

Часовой не соврал. По Великому Мосту через реку Хорот неторопливо двигалась пестрая толпа. Похоже, она состояла из представителей всех хайборийских племен, у которых имелись только драная одежда, нечесанные волосы да готовый к бою клинок в руке.

Среди них выделялся один парень, и не только потому, что на полголовы был выше других. Парень отличался богатырским телосложением и двигался с гибкой грацией молодого льва. Длинные черные волосы падали на широ-

ченные плечи, затянутые кольчугой. На боку у него висел выдававший виды меч в кожаных ножнах.

Эльгиос решил, что вряд ли перед ним шайка разбойников. По крайней мере, широкоплечий парень не походил на разбойничьего атамана. Впрочем, не походила на вожака бандитов и огнегивая деваха Карела, хотя весь Офир с недавних пор так и гудит рассказами о ее подвигах. Наверно, это отряд наемных бойцов...

— Посты! — крикнул Эльгиос.

Капитан услышал, как его приказ передали по цепочке через мост на другую сторону. Ворота на обоих концах моста захлопнулись. Лучники забрались по лесенкам в гнезда на крышах караулок, ругаясь, когда щепки рвали кожу и одежду. В тени под мостом десятков людей с маслом и трупом поспешно приготовились поджечь деревянный пролет моста.

Эльгиос не настолько постарел, чтобы отрастить брюшко, и потерял свои волосы не без некоторых забот о своем долге. Наступай к мосту хоть все рати Аквилонии, они не застанут Эльгиоса сына Артрадеса неспособным защитить Великий Мост.

В планы Конана из Киммерии совсем не входило приближаться к границам Аргоса в компании четырех десятков головорезов. Хотя ему еще не исполнилось и двадцати четырех лет, солдат он был опытный и к тому же отнюдь не дурак. Ему было известно, что Аргос не шибко нуждался в отрядах вольных мечей.

Однако у вояки-одиночки и вдобавок опытного капитана, шансы могли оказаться лучше. Получив место в доме какого-нибудь купца, он смог бы обеспечить работой и тех из парней отряда, какие лучше всего подойдут.

Некоторые подойдут точно. Новые правители Офира очищали свою страну от вольных мечей безжалостной рукой. Увидит ли Конан снова ребят, которых оставил тем далеким утром на склонах дымящегося Аль-Киира, где нашел место своего последнего упокоения злобный демон. Когда Конан встретит ребят, то отряд снова выступит в поход, под новыми знаменами, но опять став силой, с которой придется считаться.

Не успел Конан покинуть очередное, залитое кровью поле боя больше чем на две лиги, как уже оказался не один. К нему присоединились братья-близнецы, почти мальчишки, служившие в отряде Блезиуса. В их глазах киммериец увидел голод, страх и память о погибшей родне. Эти пацаны слишком многое пережили, они видели, как по приказу Искандриана Орла их товарищей сажали на кол.

Он не мог послать этих ребят назад, туда, где их ждала казнь, так же, как не смог бы убить женщину. Применив хорошо усвоенное и хорошо запомнившееся умение, он украл на каком-то хуторе курицу и дал им первый раз за несколько дней прилично поесть. На следующее утро они встали с петухами и отправились дальше втроем.

Четыре дня спустя отряд Конана уже насчитывал семнадцать человек. А еще через четыре дня их набралось уже три десятка. И через пару дней Конан сердито смотрел на них, когда они пожирали мясо оленя подстреленного в заповедном королевском лесу и зажаренного на костре из королевского хвороста.

— Кром! А я-то думал проскользнуть в Аргос незамеченным. Теперь буду лезть всем в глаза, как борода у евнуха!

Парни рассмеялись, но быстро отрезвели, когда киммериец продолжил речь.

— Итак, теперь мы не больше чем в трех дневных переходах от аргосийской границы. Орлу не нравится, что пограничье кишит отчаянными мужиками, как шкура шакала блохами. Поэтому дальше мы пойдем как отряд вольных мечей, связанных присягой. Поклянись выполнять мои приказы и оберегать своих товарищей так, как вам хотелось бы, чтобы оберегали вас. Поклянись тем, во что верите, или не приведи Кром заставить мне вас здесь на рассвете.

Чтобы свершить клятву, потребовалось припомнить всех богов, каких знал Конан, и еще нескольких, которых он не знал. Но присягу бойцы принесли, и лишь двое отсутствовали, когда отряд Конана тронулся в путь к границе.

Путь им никто не преграждал, по крайней мере солдаты Искандриана Орла. Возможно, это было вызвано осмотрительностью Орла, не рискнувшего двинуть крупные силы к границе с Аргосом, пока корона Офира еще непрочно сидела на юной голове Морантеса II.

У самих-то аргосийцев имелись лишь небольшие дружины да крепкие городские стены, но у их друзей в других

странах было сил побольше, намного больше. Они не замедлят привести в движение солдат и ручейки золота, дабы сорвать планы офирцев, — и, возможно, вырвать несколько клочков земли из неопытных рук Морантеса.

Конан более чем наполовину желал, чтобы Искандриан совершил подобную глупость. Тогда аргосийцы могли бы проглотить свою неприязнь к вольным мечам, проглотить ее несоленой и нежареной. А их союзники наверняка дали бы ему место в войсках, наступающих на Офир.

Тогда киммериец мог бы свести кое-с кем кровные счета за собратьев-капитанов и товарищей, уже посаженных на кол. У Конана осталось мало добрых воспоминаний об офирских князьях, которые использовали наемников как фишки в своих кровавых играх. Половина из них ценила жизнь солдата ниже жизни своих охотничьих собак.

Но к ночи на третьи сутки, когда впереди уже виднелась граница, Конан решил пока смирить гнев и на время отложить планы мести. На рассвете четвертого дня он приказал своим парням привести себя в порядок, чтоб не пугать разбойничьим видом мирных поселян. Приказ выполнили с умеренным успехом, и северянин повел отряд с холма по дороге к Великому Мосту через Хорот.

Дракон не принадлежал к числу ни самых древних, ни самых крупных представителей своего вида. Но, несомненно, принадлежал к числу самых голодных.

Когда могучие маги покинули Аргос, исчезли и чары, поддерживающие жизнь в громадном теле рептилии. Дракон два века проспал в иле на дне Хорота.

И вот теперь слабая аура колдовской энергии, которую столь вольно расходовал Скирон, ненароком коснулась воды и вместе с речным потоком добралась до спящего чудовища. Дракон проснулся и обнаружил, что зверски голоден. Пойманная рыба удовлетворила зуд у него в желудке, но не зуд в крошечном мозгу.

Дракон прекрасно помнил теплокровную двуногую добычу. Как легко он тащил жертвы на дно, когда эти двуногие плескались, переходя брод, или слишком далеко наклонялись со своих хрупких лодчонок. Память о былых пиршествах увлекла его вверх по течению, туда, где он когда-то тайлся, поджидая добычу.

Однако за прошедшие годы что-то изменилось. В лодках плавало не так много добычи, и никто не пытался перейти реку вброд. Там, где разгуливала добыча, высилась чудовищная куча камня, заставлявшая течение закручиваться самым немислимым образом.

Дракон шнырял вверх-вниз по реке и время от времени закусывал играющим слишком близко к воде ребенком или стирающей белье женщиной. С ними он разделялся одним щелчком клыкастых челюстей.

Наконец, устав от поисков обильной поживы, чешуйчатый гигант затаился под мостом.

— Стой, кто идет? — крикнул Конану один из часовых на мосту. Одетый в красную тунику с нагрудником и в бронзовый шлем с высоким гребнем, солдат направил на Конана жало длинного копья.

Киммериец упрямо шагал вперед, пока копье едва не ткнулось ему в грудь. Копейное жало замерло буквально в нескольких дюймах от широченной груди северянина. Конан невозмутимо положил массивную ладонь на лезвие и толкнул оружие вниз.

— Конан, капитан вольных мечей, и его кондатта, — проговорил он, словно спрашивая цену за комнату на постоялом дворе.

За спиной у него парни громко рассмеялись при виде той рожи, которую скорчил опешивший часовой. Конан бросил в их сторону косой взгляд, и ребята притихли. Конан успел заметить, что через мост к ним приближаются новые караульные во главе с верховым капитаном.

Капитан подъехал к отряду киммерийца, и Конан поднял руку в официальном приветствии:

— Честь и слава тебе, капитан. К кому я имею честь обращаться?

— Эльгиос сын Арантеса, капитан мостовой стражи из Воителей Оссертеса, приветствует тебя, э...

— Он говорит, что его имя Конан, — вмешался часовой.

Конан нахмурился, и часовой испуганно отступил на два шага — взгляд у северянина был таким же тяжелым, как и кулаки.

— Я привык говорить правду, капитан Эльгиос.

— Так же как и я, капитан Конан, — отозвался Воитель. — И посему я тоже скажу вам — в Аргосе нет места

для вольных мечей. Определенно нет, когда у нас мир, и редко, когда у нас война. Покуда Воители выполняют свой долг...

К тому времени когда Эльгиос закончил свою маленькую речь, Конан так и не узнал ничего нового. Киммериец услышал, как кондотьеры у него за спиной зароптали. Он пожал плечами, затем скрестил руки на массивной груди:

— Ну, в таком случае, капитан Эльгиос, мы готовы войти в Аргос поискать другую работу, законную в глазах богов и людей.

— Да, вы можете войти, если кто-нибудь из аргосийцев даст залог за каждого из вас, ручаясь, что вы не станете нищими или ворами.

— Капитан, — обратился к нему Конан, словно к малому ребенку. — Из моих людей едва ли кто вообще когда-либо бывал в Аргосе, не говоря уж о том, чтобы стать известным его гражданам.

— По крайней мере известными как люди, достойные поручительства, — поправил его Эльгиос. Он окинул взглядом разношерстный отряд киммерийца. — У жителей Аргоса найдется лучшее применение своему золоту, чем отдавать его в залог ради немытого киммерийца и его нищих головорезов.

Не оборачиваясь, Конан жестом заставил стихнуть раздавшееся у него за спиной гневное рычание. Он давно заметил лучников, расставленных во всех башнях моста и на противоположной стороне Хорота. Одно слово, и трусливый капитан вместе со своими воинами отправятся в Хорот на корм рыбам. Но наемникам не вкусить всех радостей победы.

Конан возблагодарил Крома, что поставил четырех бойцов в кустах на офирском берегу. Они сейчас видят и слышат все, что происходит на мосту, и сумеют рассказать о случившемся другим кондотьерам, если те будут искать убежища в Аргосе. В конце концов надо хоть что-нибудь сделать для собратьев-наемников, спасающихся от палачей Орла.

— Конечно, люди вроде вас, неплохо жившие в качестве кондотьеров, — Эльгиосу почти удалось сохранить серьезное выражение лица, — не настолько бедны, какими вы желаете казаться. Равно законно и вносить залог за самих себя.

— В самом деле, — молвил Конан. Человека, вымогающего взятку, он мог учуять и за лигу против ветра. Вонь выгребной ямы кажется сладким ароматом по сравнению с таким ублюдком. Но никогда не вредно спросить у человека его цену. — И каков же залог?

— Две драхмы с человека, и четыре для вас лично, без права носить сталь. Если же вы желаете носить оружие...

— Мы что, похожи на подносчиков кирпичей? — крикнул кто-то. — Попридержи язык, капиташка, а не то, клянусь бронзовой задницей Эрлика, я тебе живо его вырву!

— Молчать! — рявкнул Конан, а затем посмотрел на Эльгиоса: — Не обижайтесь на воина, капитан Эльгиос, он привык выражаться просто и без затей!

— Семь драхм с человека. Пять в казну, две — в пользу Дома Воителей. У меня есть права проводить сбор для Дома.

Конан еле-еле сдержал смех, что само по себе было уже подвигом. Его бойцам это удалось с меньшим успехом.

— Вы, должно быть, думаете, что воздух Аргоса — нектар, а вода — сладкое вино, раз просите столько за пропуск честных людей.

— Мы думаем, что Аргос — мирная страна, — веско ответил Эльгиос. — И намерены сохранить ее такой.

— Тогда нам не о чем спорить, — сказал Конан.

Выплатить требуемую сумму большого труда киммерийцу не составило бы, даже если б Эльгиос запросил куда большую мзду. Драгоценных камней из добычи Карелы северянину хватило бы и на покупку небольшого города. Конан давно уже уяснил: никогда не показывай вида, что у тебя водятся деньжата. Капитан не удовольствовался бы обычной взяткой, если б кто-то дал ему возможность легко приобрести целое состояние.

Конан обернулся к своим бойцам:

— Отлично! Похоже, у аргосийцев отощали кошельки и они хотят пополнить их за наш счет. Вы наверняка отложили на черный день по несколько монет, если, конечно, достойны кожи на сапогах! Я могу выделить немного из своей доли, чтобы набралось на залог за любого, кому и правда не повезло. Поэтому, ребята, подходи и плати, кто сколько сможет. Закончите с этим, и к вечеру уже будете лакать приличное вино под настоящей крышей.

Некоторые из бойцов не тронулись с места, а многие принялись поминать имена богов, перемежая их отборными

ругательствами. Бедолагу Эльгиоса буквально испепелили гневные взгляды наемников. Воитель же сидел в седле с беззаботной улыбкой, как будто обстрипывал вполне привычное дело. Впрочем, так оно и было.

Конан пристально следил за своими головорезами, когда те, один за другим, отдавали деньги самодовольному аргосийцу. Кое за кем проследить не помешает, а не то сорвиголовы наверняка как-нибудь темной ночью попытаются перерезать Эльгиосу глотку. Несколько лет назад Конан и сам, не раздумывая, выкинул подобную штуку, однако время меняет человека, и Конан уже не был похож на того юношу-варвара, который вступил в отряд туранских наемников, решив попробовать горького солдатского хлеба...

Кучка монет на мостовой у копыт коня Эльгиоса все росла. Конан уж начал думать, что ему, возможно, придется показать едва ли не самый маленький из драгоценных камней, грубо ограненный опал, украшавший некогда, по словам Карелы, какого-то идола в Куше. (Впрочем, в рассказах Карела проявляла почти такую же буйную фантазию, как и в постели.)

Пошел один воин по имени Траттис, протягивая пустой кошелек и хлопая себя по драной одежде. И воин, и одежда выглядели так, словно их использовали для чистки свинарников.

— Простите меня, милостивые государи, — заскулил Траттис, — но мне выпала такая невезуха...

— Как же, невезуха, дери тебя в задницу! — крикнул кто-то позади Конана. Кричавший грубо оттолкнул киммерийца в сторону, надвигаясь на Траттиса. — Я видел, как ты пересчитывал жемчуг, той ночью, после того как присоединился к...

— Жемчуг? — переспросил Эльгиос. Он посмотрел на Траттиса и на выросшего теперь перед ним воина с секирой. Наемник называл себя Ральдос. Глаза у Воителя расширились, он одним движением выхватил меч и крикнул: — Взять его!

К несчастью для Эльгиоса, но к счастью для Траттиса, приказ не дал другим стражникам никакого намека на то, кого именно следует хватать. Пока они пялились то на одного, то на другого наемника, Траттис выхватил нож и отпрыгнул назад. Ральдос бросился на него и напоролся животом на острое лезвие. Эльгиос нелепо взмахнул

оружием, но его парадный меч плохо подходил для конного боя. Клинок лишь рассек пустой воздух.

Траттис кинулся к перилам моста, запрыгнул на них и сиганул вниз. Конан добрался до перил как раз вовремя, чтобы увидеть, как беглец чисто вошел в воду и исчез. Северянин отстегнул пояс с мечом и принялся расстегивать кольчугу, не спуская глаз с водной глади в ожидании, когда Траттис выплывет. Ни один человек не мог навеки задержать дыхание или уплыть под мост против сильного течения Хорота.

К тому времени, когда Конан сбросил сапоги, стало понятно, что воздух у Траттиса вряд ли остался. Не пошел ли парень напрямик ко дну и погрузился в ил, как наковальня? Может киммерийцу померещилось, или же на самом деле в воде под мостом промелькнула тень, словно у самой поверхности двигалось что-то крупное?

Померещилось или нет, жемчуг не достанется Хороту. Конан вскочил на перила, нацелился как раз на то место ниже по течению, где исчез Траттис, и нырнул.

Дракон на краткий миг поразился, когда падающее тело пробilo поверхность воды почти прямо над ним. Ощущение это прошло настолько быстро, насколько вообще что-либо могло пройти в неповоротливом уме чудовища. Нога упавшего человека задела гребень дракона, и монстр сообразил, что завтрак болтается у него прямо под носом. Дракон перевернулся на спину, открыл пасть и ринулся к нему.

В легких у Траттиса почти не осталось воздуха, поскольку перед прыжком наемник не вдохнул как следует, да в придачу сильно ударился о поверхность воды. И все же Траттис попытался завопить, когда из мутной воды прямо у него перед грудью появилась оскаленная пасть. Но только наглотался воды и потому уже практически не чувствовал, как зубы величиной с палец пронзили ему сердце и легкие.

Дракон несколько раз сильно встряхнул жертву. Похоже, этот двуногий еще не пригоден для еды. Дракон, однако, вспомнил, что время разрешит эту проблему. Теперь надо найти местечко, где можно будет спрятать добычу, и оставить ее там на время, нужное для...

Вода наверху забурилась вновь, в реку погрузился еще один двуногий. Без помощи колдовской силы дракон видел весьма посредственно, но, чтобы различить баламутившие воду человеческие ноги, острое зрение не требовалось.

Этот двуногий наверняка живой. Если позволить ему остаться таковым, то он, чего доброго, спасется. Мысль о возможности заполучить достаточно мяса, чтобы действительно заполнить голодный желудок, вытеснила из головы дракона все остальное.

Монстр разинул пасть, и труп Траттиса свободно поплыл по течению. А затем чешуйчатая морда повернулась к Конану.

В отличие от Траттиса, Конан нырнул в воды Хорота с запасом дыхания и не теряя способности соображать. И мгновение спустя пожалел, что оставил на мосту верный меч.

Чудище, появившееся из зеленовато-коричневой глубины, было столь же отвратительно, как и те твари, с которыми он дрался в Вендии, Кхитае и в других краях Великой Хайбории. Вряд ли хватит пальцев на руках, чтобы сосчитать. Однако животное было огромным, и Конан ни чуточки не сомневался: тварь окажется очень живучей, не важно даже, какие силы ее породили — магические или природные. По крайней мере в этом-то она мало чем отличалась от киммерийца.

Конан сгруппировался и выхватил кинжал. А затем с силой пнул по чешуйчатой морде, чтобы отвлечь зверя и оттолкнуться от него. Должно быть, киммериец угодил зверю в какое-то чувствительное место, вода взбаламутилась, тварь, извиваясь, отпрянула в сторону. Конан увидел, что чудовище перевернулось на спину. Открывшийся участок тела выглядел не только чувствительным, но и уязвимым — широкий отрезок морщинистой белой кожи под горлом. Кинжал Конана прорвал кожу, вонзаясь в плоть чудища, вода затуманилась от темной крови, а зверь забился пуще прежнего.

Киммериец хотел было всплыть на поверхность, но тут дракон резко перевернулся брюхом вниз и снова ринулся в атаку. Страшные клыки разодрали киммерийцу одежду и оставили на коже нескольких кровавых отметин.

Едва увернувшись от оскаленной пасти, Конан сумел схватиться одной рукой за гребень на здоровенной башке чудовища. Другой рукой он вонзил кинжал глубоко в налитый ненавистью глаз дракона.

С таким же успехом Конан мог прыгнуть в жерло подводного вулкана. Предсмертная агония зверя была ужасающей. Киммериец что есть силы вцепился в гребень и рукоять кинжала, зная, что если разожмет пальцы, то молотящие лапы или хвост чудовища переломают ему все кости в мелкое крошево.

Зверь бился в конвульсиях так долго, что Конан уже несколько раз считал себя утопленником. И вообще, ждал, что сейчас наступит конец света. И каково же было удивление, когда зверь перестал биться, а у киммерийца в легких еще оставался воздух. Одно мощное движение ног вынесло его на поверхность. Нет, мир не рухнул, не погиб! Здесь, наверху — тепло и свет. Конан жадно вдохнул полной грудью, потом еще, а затем протянул руку за ножами кинжала.

— Кром!

Ножны исчезли. Так же как и то, что было зашито в них, — драгоценные камни из Офира. Драгоценные камни, которые могли купить право на въезд в Аргос целой армии вольных мечей, не говоря уж о небольшом отряде!

Конан завернул витиеватое разбойничье ругательство, но затем бросил сквернословить. Кром давал человеку ум для того, чтобы составлять планы, и смелость, чтобы выполнять их, если, конечно, повезет. Суровый бог не давал человеку права распускать сопли, если мир вел себя не всегда так, как хотелось бы.

Самоцветы пропали. Но если у Траттиса действительно имелся жемчуг — а судя по тому, как он бросился бежать от Ральдоса, это казалось возможным, — то самым лучшим, что можно найти после ножен, — тело Траттиса.

Это заняло некоторое время. Но когда Конан отыскал труп наемника, выяснилось, что происшедшим интересуется еще кое-кто. Течение вынесло беднягу Траттиса на галечный пляж в нескольких сотнях шагов от моста. Там столпилось никак не меньше полдеревни простолюдинов.

Как только Конан поднялся из вод Хорота, словно некое морское божество, глазевшие селяне на редкость дружно обратились в бегство. Единственными, кто остался из всей

толпы, оказались маленький мальчик, который споткнулся и упал, и девочка чуть постарше, вернувшаяся обратно помочь пареньку подняться.

Когда киммериец двинулся к ребятишкам, возвышаясь словно осадная башня, девочка сгребла грязной ручонкой горсть гальки и оскалила зубы:

— Тронешь моего брата или меня, будешь...

— И что же я буду? — улыбнулся Конан.

— Будешь вытаскивать гальку из собственных глаз, верзила! — И девочка разразилась тирадой, намекая, что в число предков Конана входили самые разнообразные животные, в основном нечистые.

Наконец северянин не выдержал и расхохотался. Девочка резко умолкла.

— Сударыня, это плохая благодарность мне за борьбу с речным чудовищем.

Девочка разинула рот. Она сначала окинула взглядом киммерийца, на боку у которого кровоточили следы от драконьих зубов, потом взглянула на изувеченный труп Траттиса. А затем посмотрела на реку:

— Ты сражался... ты сражался с речным демоном? Ты один?

Конан ткнул большим пальцем через плечо в сторону мертвого наемника.

— Его вины тут нет, но он был не в состоянии особо помочь. Что же касается демона, то я не только сражался с ним, а готов поручиться хорошим мечом, что убил его. Если сомневаешься в моих словах и желаешь понырять, то поищи дохлую гадину чуть ниже по течению от Великого Моста...

Девочка закатила глаза и грохнулась в обморок. Ее братишка завыл, как потерянная душа. На берег, размахивая косами и вилами, прибежали несколько селян, приготовившихся спасти детей от демона, вылезшего посреди бела дня из реки.

Конану пришлось потратить несколько утомительных минут на объяснение, что он действительно убил тварь, которую местные жители называли речным демоном, и что он не колдун и к магии не прибегал.

— Я не чародей. Всего лишь воткнул нож гадине в глаз, — проворчал северянин. — Магический там зверь или нет, но этот прием годится для любой зверюги с гляделками где-нибудь поблизости от мозга. И значит, вам, дуракам,

мало что грозит, поскольку одному Крону известно, есть ли у вас мозги.

Через некоторое время Конан понял, что селяне не дураки, а всего лишь ошеломлены внезапной гибелью злобного речного демона. А также, наверно, сомневались, что с чудовищем можно было покончить без колдовства. Значит, дракон, скорее всего, порожден черным колдовством.

Все это было бы несущественно, за исключением того, что Конан терпеть не мог колдовства и сильно не доверял ему. Для него часть очарования Аргоса заключалась в том, что в этой стране магии почти не знали, не говоря уж о занятиях ею. Выходит, киммериец еще слишком мало знал об Аргосе.

Потребовалось некоторое время, для того чтобы убедить селян позволить ему изучить тело Траттиса. Селяне настаивали, чтобы над жертвой речного демона пробормотал ритуальные слова какой-то деревенский знахарь, а потом труп нужно было сжечь с травами, собранными при лунном затмении седьмым сыном седьмого сына... и еще какая-то подобная чушь. Конан плевать хотел, как селяне поступят с телом наемника, пусть хоть зажарят его для деревенского пира, лишь бы сперва позволили поискать жемчуг.

Примерно к тому времени когда селяне позволили северянину приблизиться к телу, подъехал Эльгиос с двенадцатью стражниками; а за ним на небольшом расстоянии следовали бойцы Конана. Киммериец встретил их на берегу и коротко поведал о приключении в Хороте.

Услышав рассказ, стражники все как один попятились. Все, за исключением Эльгиоса, который не позволил бы деревенщине увидеть, как капитан Воителей выказывает страх. Но Конан заметил, что лицо капитана побледнело, и в приречной тени он потел больше, чем на залитом солнцем мосту. Пальцы аргосиец сложил особым знаком, отгоняющим зло. К тому времени когда Эльгиос кое-как совладал со страхом, Конан успел обшарить труп Траттиса. К северянину присоединился десяток его воинов. На этот раз он не выругался, хотя причин для этого было не меньше, чем раньше. Жемчуг исчез столь же окончательно, как и офирские самоцветы. Драгоценности несомненно покоились на дне реки или в лучшем случае в утробе мертвого зверя.

Конан представлял себе, что скажет Эльгиос, если попросить его выудить чудовище со дна Хорота, а потом

разрешить Конану порыться в его внутренностях. Но ничего другого из того, что мог предоставить этот человек, он попросить у Эльгиоса не мог.

— Капитан Эльгиос, — обратился Конан. — У вас забрались деньги на наш залог?

— У вас не хватает, о, по меньшей мере двух драхм за каждого, — прикинул Эльгиос.

«Как раз такая сумма, какая прилипнет к твоим рукам», — подумал киммериец. Он пожал плечами: — Как пожелаете. Но я бы хотел вам напомнить вот о чем. Зверь, которого я убил...

— Это вы так говорите.

— ...которого я убил, — повторил Конан. Его тон лучше всяких слов рассказал о дальнейшей судьбе Эльгиоса, если тот снова в лицо назовет киммерийца лжецом.

— Зверь, которого я убил, — продолжал Конан, — похоже, неплохо порезвился среди ваших здешних прибрежных жителей. Они не забудут моей услуги и не останутся неблагодарными. К тому же я пролил толику своей крови, а один из моих бойцов погиб.

— Погибший был обыкновенным вором, за его голову объявлена награда еще до того, как он присоединился к шайке Карелы! — проворчал Эльгиос.

— Мне об этом ничего не известно, — вежливо ответил Конан. Эльгиос, похоже, ведать не ведал о связях с Карелой Рыжей Ястребом самого киммерийца, и казалось самым лучшим и дальше оставить его в неведении.

— Но мне известно-таки, что этот человек был связан со мной клятвой, и я ему пусть кое-чем да обязан. Что вы скажете, если я предложу списать убийство зверя в счет залога, за меня и весь мой отряд?

— Скажу, что вы оскорбляете законы Аргоса, — отрезал Эльгиос. — Они простые, но строгие.

— Так же как и представления селян о справедливости, — заметил Конан. — Они прослышат о том, что нас выгнали взащей, словно нищих, после избавления их от чудовища. Им это не понравится, они станут рассказывать об этом всякому, у кого есть уши. Так что скоро в Аргосе услышат о капитане Эльгиосе и Воителях с Великого Моста. Думаете, вашему Дому придется по вкусу слушать такое?

Жадность и здравый смысл вступили в отчаянную битву, попеременно сменяя друг друга на широком лице

капитана Эльгиоса. Наконец он хлопнул ладонью по луке седла. Вид у него был такой, словно он с удовольствием плюнул бы под ноги Конану, но не посмел.

— Отлично, — согласился он наконец. — С деньгами вопрос решен. Но предупреждаю вас: в пределах одного года со дня вашего въезда в Аргос вас вполне могут счесть задолжавшими залог. И могут также запретить заниматься определенными видами работ.

— Как пожелаете, — отозвался Конан. — Но если так, то я попрошу еще кое-что. Любой из моих людей, кто пожелает остаться здесь в деревне, может так и поступить.

Киммериец прекрасно видел, какими взглядами провожают некоторые кондотьеры деревенских бабенок, и знал, что найдутся желающие остаться. А также знал, что если они останутся, то окажутся в хорошем месте для получения любых новостей из Офира и передачи их по Большой Дороге дальше в Аргос.

Эльгиос покачал головой, полусердясь, полузабавляясь:

— Капитан Конан, я думал, что у киммерийцев весь ум в мече. Никак не думал увидеть одного из них торгующимся, как купец на базаре в Шеме!

— Вы сомневались и в том, что киммерийцы моются! — ответил Конан. — Может, мне остаться и растолковать вам еще что-нибудь насчет моего народа?

Эльгиос по крайней мере обладал умением посмеяться над собой.

— Сомневаюсь, что мое достоинство выдержит подобные уроки. Соберите своих людей, тех, что направляются в Аргос, и приготовьте их, пока мой писец оформит грамоту о залоге.

Конан сделал иранистанский жест уважения, подняв открытую ладонь.

— Слушаюсь и повинуюсь, капитан Эльгиос.

Глава 2

Госпожа Ливия, глава и наследница Дома Дамаос, проснулась с ощущением, что случилась беда.

Она не знала, что именно, и заливавший ее спальню серый свет ничего не показывал ей. Она зарылась под легким стеганым одеялом, пока из-под него не остались

видны только глаза, а затем снова обвела быстрым взглядом спальню.

Это было не мелкой задачей. Хозяйская спальня во дворце Дамаос сошла бы за большой зал для жилищ поменьше. Покрытый фресками, изображавшими облака и орлов, потолок поднимался столь же высоко, как мачта рыбацкой лодки. Выходившие в сад окна закрывали ширмы из вендийского тика, инкрустированные не только слоновой костью с Черного Побережья, но и более редкой костью снежных демонов из Ванахейма. Там, где пол не скрывали иранистанские ковры, виднелась сложная мозаика, изображавшая сотнями привлекавших и удерживающих взгляд красок цветы, никогда не произраставшие, и зверей, неизвестных природе.

Ливия предпочла бы уютные удобства комнаты в малом крыле дворца, где она провела свое детство. Вместо того чтобы заставить ее почувствовать себя истинным главой Дома Дамаос, переселение в эту гулкую гробницу спальни только напомнило ей, что она едва ли больше чем ребенок.

— Я должна забыть это, чтобы выполнять свой долг главы нашего Дома, — убеждала она Резу, главного дворецкого, — разве не разумней будет позволить мне остаться там, где я чувствую себя удобно, так, чтоб я могла сохранять самообладание?

— Злые языки примутся болтать, что теряете самообладание, — заверил Реза с фамильярностью старого слуги. — И это лыко поставят вам в строку, наряду с вашей молодостью.

— Мне полных девятнадцать лет, возраст вполне достаточный для главы Дома, — отрезала Ливия.

Реза чуть улыбнулся:

— Но вы ведь только что сказали, сударыня, что вы только-только вышли из детского возраста.

— Ах ты! — выпалила она, пытаясь найти слово, которое шокировало бы Резу. Миг спустя она поняла, что это бесполезно. Иранистанца по рождению, служившего некогда сержантом в туранской кавалерии, Резу не могло шокировать ни одно слово, каким его могла обозвать благородная дама Аргоса.

В конечном итоге она поступила так, как, по мнению Резы, требовало достоинство Дома Дамаос, и осталась в этой громадной спальне. Она даже спала в постели,

служившей ложем ее отцу, хотя и холодновато было там спать одной молодой женщине, в постели, где места хватало для шестерых.

Выглядывая из-под стеганого одеяла, Ливия завершила изучение всего пространства спальни, какое ей позволяли видеть занавески на постели. И как раз пришла к выводу, что ее подозрения были необоснованными, когда ее заставил оцепенеть скрежет металла на мозаике.

Теперь рассвет позволил видеть ей сквозь занавески. В ногах постели стояло большое серебряное зеркало в раме из позолоченной бронзы. И теперь это зеркало двигалось, качаясь и скрежеща, но неуклонно приближаясь к правой стороне постели.

Ливия не могла поверить собственным глазам. Чисто инстинктивно рука ее нырнула под шелковую подушку. Сначала Ливия вытащила оттуда ночную рубашку из светло-желтого льняного полотна, а затем кинжал с крепким толстым туранским лезвием, насаженным на специально выделанную рукоять.

Только две ее главные горничные знали, что Ливия спала обнаженной, с кинжалом под подушкой. Чего Реза не знал, о том он спросить не мог.

Ливия поднялась. Волосы ее длинными светлыми прядями спадали на плечи. Ливия сжала кинжал в правой руке, левую же обмотала ночной рубашкой. Так ее научил обращаться с оружием один из старых отцовских стражников.

Зеркало продолжало свое неуклонное продвижение. Ливия почувствовала, что ладони у нее становятся скользкими, слизнула пот с верхней губы. Теперь она знала: тут не просто что-то не так. Тут действовала магия.

Зеркало заскрежетало и остановилось. Ливия могла бы поклясться, что оно слегка поклонилось ей. Затем на его серебристую поверхность набежали тени, малиновые, кобальтово-синие и золотые. Тени эти были бесформенными, но они, казалось, настойчиво донимали разум Ливии, приглашая увидеть в них то, чего она сама желала в самой глубине души.

Не принимая никакой формы, тени потянулись из зеркала, словно клочья тумана. Занавески постели приподнялись, убираясь с их пути, словно возносимые сильным ветром. Ливия почувствовала, как кожу ей щекоют капли холодного пота, но воздух в спальне оставался неподвижен.

Магия, вне всякого сомнения! И созданная не каким-либо ее другом или другом Дома. Ливия не могла сказать, откуда ей это известно, но знала она это совершенно определенно.

Как же с ней бороться? Она вспомнила, как ее мачеха однажды ночью бормотала себе под нос, подвыпив после выкидыша:

— Столько магии действует благодаря воображению. Если вообразить себе, что никакой магии вообще нет, то, вполне возможно, ее и не будет. Или по крайней мере так можно сильно ослабить ее действие.

Ее мачеха мало что сделала, чтобы ее жизнь или жизнь отца стала счастливее, но родственники этой женщины жили далеко в горах, на самой этой границе с Аквилонией. Тамашние деревенские жители сохранили свои исконные обычаи, куда более древние, чем обычаи царств, притязавших на власть над ними. Их мало волновали дела королей и архонтов и весьма занимали древние знания их знахарок.

На этот раз Ливия увидит, содержалась ли какая-то мудрость в бормотаниях ее мачехи.

Она закрыла глаза и сказала себе, что лежит в постели, находясь между сном и бодрствованием, и что в ее спальне ничего такого не происходит. Этого не происходит. Этого не произойдет...

Какая-то сила, находившаяся ни внутри ни вне ее, а в какой-то мере и там и там, приподняла ей веки. Разноцветные тени плясали у нее перед глазами, ближе и быстрее, чем раньше. Теперь они казались образами, нарисованными у нее в голове, а не перед глазами. Образы ее собственного лица, с остекленевшими глазами и бессильно отвисшей челюстью.

Тяжелая болезнь, может, даже смерть? Нет. Она ощущала покалывание в груди и животе. Хотя Ливия и была еще девственницей, она знала, что это означало.

Тени-образы показывали ее саму, утолившую страсть словно какое-то животное. Страсть, которую колдун и стремился сейчас заставить ее почувствовать. Страсть, которая, как он надеялся, дезорганизует ее рассудок и оставит ее ослабевшей для его следующей атаки.

Ливия не могла больше закрыть глаза, но тем не менее боролась с навязчивым образом. Вопреки желанию она вызвала перед мысленным взором картины пустой спаль-

ни — где двигалась только кружившаяся пыль — в огне от пола до потолка, и даже затопленной грязной водой из Хорота, хотя, чтобы затопить стоявший на холме дворец Дамаос, потребовалось бы наводнение не меньшее, чем погубившее Атлантиду.

Желание ни покидало ее, ни овладевало ею. Ей пришлось бороться с ним, но она могла это сделать. Способная теперь владеть своими руками и ногами, она слезла с постели и сделала два быстрых шага по богатому вендийскому ковру. Глубокий ворс окутал пальцы ступни успокаивающим теплом.

Ливия так никогда и не смогла бы сказать наверняка, сколько продолжалась эта битва. Она знала лишь, что серый рассвет превратился в розовый восход, когда тени внезапно покинули ее. Они исчезли словно дым, который так напоминали. Она пошатнулась и упала бы на ковер, если б не схватилась свободной рукой за столбик кровати.

А затем снова закачалась, когда из глубины дома раздался взрыв криков и воплей. Ливия оттолкнулась от столбика кровати. Она сделала три неуверенных шага к двери, когда та распахнулась. В нее ворвались две горничные Ливии и растянулись на полу с задравшимися до коленей юбками.

Вслед за ними вкатилась тележка, на которой они везли завтрак. Никто даже пальцем до нее не дотронулся, однако тележка подкатилась к горничным, а затем проехала по ним. Катясь по извивающимся телам, тележка накренилась, надушенная травами горячая вода пролилась с подноса. Одна из горничных завизжала.

Тот же охранник, который научил Ливию орудовать ножом, научил ее также кое-чему по части боев: «Когда надвигается кто-то или что-то неизвестное, то первое, что надо сделать, — это остановить его. Тогда, может, и сумеешь догадаться, что же это такое».

Ливия кинулась к тележке, бросив против нее весь свой вес и силу. Женщина она была не малорослая, а благодаря частой верховой езде и плаванию к тому же не слабая.

Тележка задрожала и, казалось, сопротивляется ей. Ливия толкнула сильнее. Тележка задрожала еще сильнее, а затем в один миг развалилась на кусочки. Завтрак Ливии пролился на горничных, которые снова завизжали и вскочили на ноги, хлопая себя по обваренным местам.

Ливия схватила ближайшую к ней горничную за руку.

— Что с вами, мозги куриные? — закричала она.

Горничная онемело уставилась на госпожу. Ливия занесла руку влепить ей оплеуху. Тут выскочила вперед другая горничная:

— Госпожа. Вы не одеты!

— Да заberi одежду тролли! — закричала Ливия. — Неужели магия поразила всех в этом доме немотой и ту-поумием?

Горничная сглотнула:

— Значит, вы знаете?..

— Я боролась в этой спальне с магией с предрассветных часов. Звать кого-то я смогла лишь за несколько мгновений до того, как ворвались вы. Что происходит?

Вопрос этот могли бы услышать и вахтенные на борту кораблей в море. Ливия прожигала взглядом горничных, которые в ответ смотрели на нее разинув рты, словно дохлые рыбы; и тогда она повернулась к двери.

На ковры упала длинная широкая тень, и вошел Реза. Не выдав ни малейшим движением мускулов лица, что он осознает наготу госпожи, он вытянулся во весь рост, а затем свел ладони вместе:

— Госпожа Ливия! На этот дом и находящиеся в нем предметы навели чары. Некоторые из них были изменены внешне, а другие и внутренне с целью причинить вред неосторожному.

— Сколько пострадавших?

— Немного, и никому из них врач, по всей вероятности, не понадобится. Страху эти чары нагнали немало, и дом совершенно непригоден для приема гостей, но хуже этого мало что случилось.

Ливия обессиленно вздохнула. Потом, шатаясь, дошла до постели и села, закрыв лицо руками.

Казалось, прошла целая вечность, пока Ливия освободилась от накатившего оцепенения. И увидела, что рядом стоит Реза. А также осознала, что все еще оставалась нагой.

Она щелкнула пальцами, подзывая горничных:

— Ночную рубашку и халат, живо!

Те, казалось, были в состоянии повиноваться. Пока они шарили в сундуках с платьями, она снова повернулась выслушать Резу.

— Я распорядился, чтобы раненых уложили в постели над старой конюшней. Земли, похоже, не пострадали, и

поэтому я приказал подручным садовника помочь вынести поврежденное добро. На кухне некоторый беспорядок, но из еды, кажется, ничего не пропало и не испорчено. Если можно будет убедить поваров снова приступить к работе, то мы будем в состоянии принять госпожу Дорис из Дома Лохри и ее сына.

— Боги милостивые! — воскликнула Ливия. — Я же совершенно забыла про госпожу Дорис и господина Арфоса.

Лицо Резы красноречиво говорило и о том, чего он никогда бы не выразил словами: что он желал бы, чтобы они могли забыть про госпожу Дорис и ее неоперившегося сынка. Такое счастье Дому Дамаос не светило. Как самая богатая незамужняя женщина в Аргосе, Ливия также являлась самым лучшим брачным призом. С тех пор как годом раньше она стала совершеннолетней, уже едва хватало пальцев обеих рук для перечисления женихов или метящих в женихи.

Нескладный, прыщавый Арфос был всего лишь самым последним из них. Однако, в отличие от некоторых других, он явился с грозным союзником — своей матерью, госпожой Дорис. Арфос-то, может, и промолчит, если Ливия сегодня не примет его. А вот его мать — другое дело.

Она не только не промолчит, а будет задавать вопросы. И если не найдет ответов честными средствами, то не сочтет ниже своего достоинства прибегнуть к нечестным. Ливия ни чуточки не сомневалась, что Дорис сможет найти сходную цену для приличного числа ее слуг, наверно даже для всех, кроме Резы.

Поэтому выбор был прост. Принять госпожу Дорис и ее сына так, словно у них все хорошо. Отменить прием и сказать им правду или отменить прием и рассказать им какую-нибудь байку, которая через месяц наверняка будет разоблачена как явная ложь.

О последнем не приходилось и думать. Если она не примет их, госпожа Дорис ни за что не поверит, что магическая атака была сущей мелочью.

Не оставалось ничего, кроме как проводить встречу как договаривались. Если гости проявят любопытство, то госпожа Дорис, может, даже посоветует что-нибудь дельное. Никто в Аргосе никогда не называл ее глупой, хотя многие говорили, что ее единственный сын не унаследовал ума своей матери.

Она, конечно, ничего не станет советовать, не попросив за это определенную цену. Возможно, даже соглашение о помолвке, которую нельзя будет разорвать без уплаты большого количества золота и без еще большего скандала, чем из-за этой магии.

Ливия внезапно похолодела, вспоминая, что помолвка даст также Арфосу и постельные права. Холодок этот живо прошел, когда она вспомнила про желание, вызванное у нее чарами колдуна. Сможет ли она разделить ложе с мужчиной, с мужем, который не мог пробудить такого желания, — а затем удовлетворить его?

И сможет ли она быть готовой к приему госпожи Дорис и Арфоса, если и дальше будет тратить время, беспокоясь из-за того, с чем ничего нельзя поделаться? Ливия посмотрела на тени на коврах и устало покачала головой:

— Реза, а моей ванной можно воспользоваться?

— Если вы оденетесь, сударыня, я вызову кого-нибудь и пошлю узнать.

— Отлично. — Ливия хлопнула в ладоши, а затем натянула поданную ей горничными длиннополую рубашку.

Госпожу Дорис и ее сына ожидали примерно в пятом часу. Благодаря тому что все в доме работали как галерные рабы, дворец Дамаос находился к тому времени в приличном состоянии; что с ним что-то не так, мог бы определить любой тупица, но он больше не выглядел так, словно в нем разбила на ночь свой стан шайка козаков.

Стоявшая в тени портика Ливия знала, что она многим обязана своей челяди. Забыв свой страх, слуги заняли свои посты, словно солдаты. Даже горничные Ливии так упорно трудились, приводя в порядок ее покои, что ей пришлось напомнить им, чтобы они сменили свои испачканные платья. А Реза — ну, для него у нее не хватало ни слов, ни наград.

Ливия подняла руку пригладить выбившийся завиток волос. Ее волосы, не уложенные на заре, теперь поднимались над головой на ширину двух ладоней, расчесанные до высшего блеска и удерживаемые крупными жемчугами и золотыми гребешками ее матери. Она надела платье из тончайшего голубого кхитайского шелка, с оттенком под цвет ее глаз, а на шее у нее сверкало рубиновое ожерелье Дома Дамаос, с висящей посредине Тайной Звездой величиной с детский кулачок.

Будет совсем не вредно напомнить госпоже Дорис, что Дом Дамаос не нуждался ни в каком союзе с ее Домом, равно как и с любым другим. Если бы она наотрез отказалась выходить замуж, то это не привело бы ни к каким последствиям, за исключением необходимости жить целомудренной жизнью. Такая жизнь будет не самой лучшей, так как она помнила сотрясавшее ее желание, но все лучше, чем зависеть от прихоти мужчины вроде Арфоса.

У подножия холма заиграла труба, а затем вторая. Им ответил рог привратника. После небольшого интервала, труба заиграла вновь. Казалось, звук ничуть не приблизился. Ливия чуть склонила голову набок и подумала, что слышала крики, наверно проклятия, и уж определенно рев ослов и мычание коров.

Она прочла короткую лукавую молитву, чтобы госпожа Дорис до ночи застряла среди направляющихся на рынок селян, а затем позвонила, вызывая Резу.

— Все готово?

— Все, чего могут просить боги или люди, сударыня.

— Ах, но будет ли этого достаточно для госпожи Дорис? Она ведь не просто человек, и я иногда гадаю, какое уважение она воздает богам.

Лицо Резы выразило красноречивое неодобрение такому легкомыслию.

— Прости меня, Реза. Ты знаешь, что я больше дочь своего отца, чем своей матери.

— Они оба сделали вас тем, что у них получилось.

— Благослови тебя боги за добрые слова, Реза, и — о Митра, вот они!

Через ворота проходил самый настоящий караван — четверо конных воинов, два паланкина, каждый из которых несло восемь рабов, четверо пеших слуг и еще четверо конных стражей, замыкающих шествие с тыла.

— А конюху сказали изучить лошадей, пока он кормит и поит их, не так ли? — настойчиво спросила Ливия. Узнай она, ездили ли охранники госпожи Дорис на своих лошадях или на взятых в наем и хорошо или плохо накормлены их собственные лошади, — это сказало бы ей о многом. То, что Дом Лохри клонился к упадку, не составляло тайны. Но вот насколько быстро происходил этот упадок и насколько далеко зашло дело, еще требовалось узнать, и лошади могли бы кое-что подсказать.

— Это был первый приказ, который вы отдали конюху, госпожа, — успокаивающе сказал Реза.

Ливия хоть убей не могла припомнить, чтобы отдавала какой-то приказ. Она подозревала, что Реза сам отдал его, но если и так, его выполнят, словно он исходил от нее или и впрямь от самих богов.

Колдуны могли нагнать страху на ее слуг и устроить беспорядок в ее доме. Но людям пока неведомы чары, способные заставить кого-либо из дома Дамаос не подчиниться главному дворецкому.

Караван теперь двигался по извилистой дорожке к портику. Реза поднял руку, и с крыши подала свой серебряный голос еще одна труба. Лошади начали нервно прядать ушами и гарцевать, а всадники выглядели обеспокоенными.

Когда помощники конюха выбежали заняться лошадьми гостей, носильщики остановились и опустили свою ношу на землю. Первой выбралась госпожа Дорис. По закону главой Дома Лохри являлся ее сын, но госпожа Дорис мало считалась с законами и еще меньше — со злыми языками. Ее собственный язык был таким острым оружием, что даже те, кто называл себя другом юного Арфоса, не смели заикнуться бы о его правах, чтобы им не содрали заживо кожу, подобно разбойникам на Шелковом Пути в Кхитай.

Следующим на землю сошел Арфос. Как всегда, у него был такой вид, словно он, того и гляди, шмякнется ничком в пыль. Как всегда, он уберется от этого недостойного падения. На этот раз, увидела Ливия, он сделал это не цепляясь за верх посолов, как утопающий за бревно. Он был, как всегда, коротко подстрижен, хотя такая прическа не шла к его длинному лицу, но туника, плащ и сапоги у него были не только новыми, но и почти в тон.

— Благословение нашего Дома вашему, госпожа Дорис, — церемонно поздоровалась Ливия.

Госпожа Дорис, припомнив о хороших манерах, нетерпеливо отвела взгляд от статуй за дорожкой, а затем поднялась на портик к Ливии. Ростом она уступала Ливии, но была довольно-таки полнее в бедрах и груди. В молодости она считалась одной из первых красавиц Аргоса, и даже теперь в ее иссиня-черных волосах не проглядывало ни одной седой нити.

Арфос подошел к двум женщинам, до такой степени не сводя глаз с Ливии, что чуть не споткнулся. Матери

пришлось напомнить ему, что надо ответить на приветствие хозяйки. Ливия ненадолго отвернулась, неуверенная, что ей понадобится скрывать — слезы или улыбку. Мужчина из Арфоса был неважный, но никто не заслуживал пребывания под каблуком у госпожи Дорис, как пребывал там он!

— Я вижу, у вас есть одна из новых отливок «Бегуна» Полиэмиуса, — заметила госпожа Дорис. — Прекрасная работа для тех, кому по вкусу такие вещи.

Пальцы Ливии не совсем чтобы скрючились в когти. С тех пор как умер отец, ни одна встреча с госпожой Дорис не обходилась без какого-нибудь такого резкого замечания со стороны старшей женщины. Воистину Дом Дамаос владел одной из самых старых отливок шедевра Полиэмиуса, если вообще не оригиналом. Но госпожа Дорис предпочла бы скорее оказаться на дыбе, чем признать это, поскольку ее-то дом вот уж несколько лет был не в состоянии приобрести даже отливку менее известной статуи Полиэмиуса.

— О вкусах и многом другом мы можем побеседовать более неспешно и с большими удобствами в доме. И если на виду остался хоть один осколок фарфора, то да помилуют слуг боги, потому что Реза уж точно не помилует!

Она подала руку Арфосу:

— Идемте, сударь. У нас есть вино нового урожая из Немедии, о котором мне бы очень хотелось узнать ваше мнение.

Пил-то Арфос мало, но должна же она была что-то сказать этому бедному шути гороховому. Наградой ей была слабая улыбка Арфоса и широко раскрывшиеся глаза госпожи Дорис, когда Арфос взял предложенную ему руку Ливии.

Глаза у госпожи Дорис несколько не сузились и когда они проходили через потрепанный дворец. Ливия положила на суждение Резы и руки слуг и не делала никаких усилий провести гостей через не пострадавшие комнаты. Госпожа Дорис слишком часто здесь бывала, чтобы такое поведение не вызвало у нее подозрений.

Розовые Покои были настолько чисты, насколько требовалось, и устремлявшаяся спиралями к отверстию в центре потолка ползучая роза распустилась прошлой ночью

пышными соцветиями. Их тонкий аромат без большого успеха боролся с терпким ароматом заморских духов госпожи Дорис.

Слуги принесли подносы с фруктами и печеньем и большим кувшином охлажденного в снегу немедийского вина. Ливия как раз взяла кувшин, но вдруг замерла, держа сосуд на расстоянии вытянутой руки.

У кромки охлаждающего сосуда отсутствовал кусок величиной с детскую ладонь. Один из кухонных слуг это проглядел, и даже Реза не мог быть везде.

А раз так, то Ливия поклялась не поднимать скандала. Но ее остановка привлекла взгляд госпожи Дорис.

— Ваши слуги, похоже, менее вышколены, чем я их помню, — сказала старшая женщина. — Неужели неудача с подысканием хороших слуг одолела наконец даже Дом Дамаос?

Судя по ее лицу и голосу, она казалась готовой станцевать на столе, если это так. Ответ же самой Ливии был столь же прохладным, как горные снега:

— Нет. Всего лишь ряд несчастных случаев, которые могли произойти с кем угодно, пока мы готовили дом к вашему приему.

— Я б сказал довольно-таки много несчастных случаев, — вставил Арфос. — Я видел, где прибрали, — прибрали-то отлично, но тем не менее...

Он оборвал фразу, когда Ливия позволила сорваться со своих уст одному словечку, которое дамам ее звания и положения и знать не полагалось, а затем нервно рассмеялся:

— Извините, Ливия. Если это нечто, о чем вы предпочитаете не говорить...

— Ничего позорного тут нет, — улыбаясь, успокоила его она. Это было самым умным, что она услышала от него за много лет, и теперь он действительно оправдывался перед ней — без побуждения со стороны матери и, судя по выражению ее лица, возможно, и без ее одобрения!

— Тогда сделайте одолжение, давайте поговорим об этом, — живо предложила госпожа Дорис. — Мы, представители архонтских домов, должны вместе противостоять глупости, а то наши дворцы рухнут нам прямо на головы.

Если бестолковые слуги когда-нибудь погребут госпожу Дорис под обломками дворца Лохри, то Ливия призовет

устроить в тот день общественный праздник. Но поскольку эта женщина была жива и к тому же гостьей под ее крышей, она оставила эту мысль при себе.

Они проболтали, перебрав утомительную вереницу рассказов об уроненных вазах, подгоревших блюдах и пролитых ночных горшках.

— Хотелось бы мне знать, не замешана ли как-то во всем этом магия, чары, наведенные с целью затуманить рассудок нашим слугам? — заключила Дорис.

К счастью, сказала она это, повернувшись взять себе еще винограда, и потому не увидела, как вздрогнула Ливия. С усилием овладев своим голосом, младшая из женщин переспросила:

— Магия? С таким же успехом можно обвинить и атлантов!

— Магия была изгнана из Аргоса не так уж и давно, — ответила Дорис. — И когда я два дня назад ужинала у господина Акимоса, то случайно услышала, как Четвертый Архонт говорит, что он не хотел бы тратить народные деньги на наем ведьмоискателей.

— Кто? Господин Акимос или архонт?

— Архонт конечно. Хотя теперь, когда я вспоминаю об этом, кажется, господин Акимос придерживался того же мнения. Он явился в дом с таким видом, словно очень устал и приуныл, но...

К тому времени, когда госпожа Дорис закончила перечислять, что носил, ел и говорил каждый из гостей, Ливия уже откровенно ерзала, а Арфос сидел с таким видом, словно и он заерзал бы, если б посмел. Ливия снова улыбнулась ему, и он рискнул ответить ей тем же.

— Хотел бы я знать, а правы ли архонт с господином Акимосом, — сказал Арфос. — Был ведь и тот речной дракон, которого убили несколько дней назад у Великого Моста через Хорот. Рыбаки потеряли из-за чего-то десяток женщин и детей, но никто и не представлял, что это из-за речного дракона, первого увиденного на Хороте за целый век, или так во всяком случае я слышал.

— Невозможно услышать правду на попойке с капитанами воителей, — резко сказала госпожа Дорис.

— Но, мать, они определенно говорили так, словно это произошло. Зверя убил один капитан вольных мечей. Он нырнул в реку после того, как один из его людей упал с моста, и застал зверя пожирающим...

— Не забывай, что ты находишься за столом с дамой, Арфос, — прервала госпожа Дорис. — Вспомни, чему я тебя учила насчет того, о чем тут можно говорить.

У Ливии возникло сильное искушение снова употребить то неподобающее даме слово или даже несколько таких. Если госпожа Дорис онемееет от шока, то, возможно, Арфос снова обретет дар речи.

А возможно, и рак свиснет. А еще более вероятно, госпожа Дорис оправится, вновь обретя способность и говорить, и соображать, и станет гадать, почему это Ливия проявляет такое любопытство к этой истории с речным драконом.

Век назад было то время, когда магию выбросили из Аргоса, или так во всяком случае утверждали свитки. Век как без магии, так и без речных драконов, а теперь на протяжении нескольких дней в ее доме устроили беспорядок с помощью магии, а по Хороту шнырял речной дракон.

Она не станет терять зря дыхание, молясь о том, чтобы это оказалось всего лишь совпадением, вместо этого она поговорит с Резой. Тому редко требовалось покупать себе выпивку в одной из нескольких таверн, но если он это сделает, то иные языки могут развязаться. Наверно, он даже сможет поговорить с тем капитаном вольных мечей.

Ливия снова переключила свои мысли на гостей. Для госпожи Дорис-то хватило бы и половины ее внимания, но игнорировать бедного Арфоса было б все равно что пинать щенка.

Глава 3

Есть в Хайбории страны и пожарче, чем Аргос. А воздух на вершинах бывает и поразряженнее, чем тот, которым человек дышал на склонах Рабирийских гор. Попадаетея работа и тяжелее, чем рубить лес в этих горах.

В свое время Конан вынес все три подобных испытания, и вдобавок еще закованным в рабские кандалы. Но никогда не выпадали на долю киммерийца сразу три неприятности одновременно. Тем более тогда, когда ему требовалось возглавлять отряд бойцов или спастись от погони.

Заработать дополнительные две драхмы залога представляло для Конана немалую трудность. За исключением горстки бойцов, оставшихся в деревне на Хороте, киммериец желал, чтобы парни держались вместе.

Он знал это выражение в глазах слишком многих аргосийцев; если хоть один из отряда попадет в беду, из-за этого пострадают все. Чем больше их находилось у него на глазах, тем меньше хлопот они создадут. Так во всяком случае считал Конан.

Он понял, что немногие аргосийцы наймут целый отряд вольных мечей. Мало у кого имелось столько золота, и еще меньшее число имело работу, которая требовала стольких свежих рук и продолжалась бы достаточно долго, чтобы позволить воинам заработать на свой залог.

День проходил за днем, а никакой работы на было. Но зато были капитаны Воителей (и не только Эльгиос), которые намекали, какой будет судьба отряда, если он вскоре не найдет работы.

— Для начала ты теряешь собственное серебро, — сказал Конану однажды вечером один такой капитан, за вином лишь немногим лучше уксуса. — А потом не придется долго ждать, прежде чем мы попросим вас сделать милость вернуться туда, откуда пришли.

Вернуться через границу Аргоса, в Офир, в пограничье, где бивачные костры воинов Искандриана сверкали теперь с вершин холмов в пределах видимости с Хорота. На этот раз Конану и его воинам не избежать обнаружения, даже если аргосийцы не станут любезно предупреждать офирцев об их приходе! Повидав теперь аргосийцев, Конан не доверил бы ни одному из них охранять честь своей сестры, если ему предложат продать ее в таверну по сходной цене.

— А если мы предпочитаем не умирать в Офире?

— Значит, вы предпочтете сделать то же в Аргосе, капитан Конан. Скольким Воителям вы можете дать бой?

— Гораздо большему числу, чем вы, похоже, думаете, если у вас хватит глупости навязать нам бой!

— А, но глупость-то эта будет тогда не наша. Или по крайней мере она будет разделена между нами. Что скажут об этом боги, я предоставляю узнать тебе. Ты, по всей вероятности, встретишься с ними раньше меня.

Конан боролся с желанием доказать, что по крайней мере в этом Воитель лжет, сломав ему шею на месте. Но если он это сделает, то больше двенадцати воинов, при-

сгнущих киммерийцу, умрут от медленного повешения или еще более медленного сжания на кол. У него лишь дернулись спазматически руки.

— Мы вместе выпили, киммериец, — продолжал Воитель. — И поэтому я могу оказать тебе услугу.

— На услугах аргосийцев быстро похудеешь, — проворчал Конан.

— Только не на этой, по-моему. Если твои ребята достаточно крепкие для трудной работы, то ищите ее в Рабийских горах.

— Что за работа?

— Добывать руду, ломать камень, подновлять дороги, валить лес, кто знает? Все меняется в зависимости от времени года, равно как от капризов купцов.

Этому-то Конан мог верить. Его опыт знакомства с купцами привел его к убеждению, что по части капризов они могли потягаться за честь с самими богами. Что же касается остального — это имело столько же смысла, сколько все слышанное им в Аргосе.

Поэтому он купил еще вина и поблагодарил капитана, а на следующий день стал добиваться и получил право забрать своих людей в горы. Они ворчали и ругались, а двое дезертировали, но остальные по-прежнему оставались с ним, когда северный горизонт пронзили зазубренные пики, а по долам зазвучало эхо от тюкающих топоров.

Господин Акимос с кряхтением повернулся, тщетно пытаясь облегчить боль в спине и ягодицах. Он также распустил ремешок кавалерийского плаща, который, казалось, так и норовил спилить ему голову с плеч.

Ничто не могло изменить того факта, что он был слишком стар, чтобы вообще ездить по этим горам, не говоря уж о том, чтобы проделывать это надев на себя личину. Более того, не просто личину, а личину, которая требовала, чтобы он ездил с небольшим эскортом на лошадях, приобретенных у скупщиков кляч.

У него, однако, не было выбора. Если б поднялся шум вокруг того, что он поехал на север поговорить с драконобойцом, то эта новость дойдет до ушей Скирона скорее раньше, чем позже.

Тогда он может быстро оказаться в еще худшем положении, чем прежде. Скирон вполне мог повергнуть драко-

нобойца в поединке чар. И даже если он потерпит поражение, у Акимоса по-прежнему будет только один колдун и он будет зависеть от милости этого человека, вместо того чтобы, имея двух, разыграть их мощь друг против друга.

Он натянул поводья и поднял руку, делая знак ехавшим за ним:

— Пора дать лошадям передохнуть. И, ради Митры, передайте мне флягу.

Вино, выпитое в количестве достаточном, чтобы притупить боль, опрокинуло бы его с коня. Но глоток другой обмоют навязший у него в зубах песок и напомнят ему о мире за пределами этих гор.

Поднеся флягу ко рту, Акимос услышал принесенный ветром звук тюкающих топоров. Затем вдруг тюканье сменилось гневными криками. Он сунул флягу за пояс и прищипорил коня. Они зацокали копытами, подымаясь по тропе, и охранники на скаку обнажали мечи и надевали тетивы на луки.

Конан не нуждался ни в каком предупреждении Талуфа-шемита, что близнецы дошли до точки. Он уже не один день наблюдал за ними, так же пристально, как и маленький мастер драться на ножах, которого он сделал своим сержантом.

Поэтому когда он услышал гневный крик Джаренза, то сразу обернулся. Когда он увидел этого юнца прыгающим на одной ноге держась обеими руками за окровавленную стопу и ругаясь, то двинулся вниз по склону. А когда увидел, что приближаются охранники, то бросился бегом.

Талуф бежал не отставая от него ни на шаг, но он кой-чему научился за те немногие дни, что пробыл сержантом: его нож все еще оставался в ножнах. Киммериец и шемит добрались до упавшего сверху дерева в тот же миг, когда брат Джаренза, Вандар, добрался до него снизу.

Охранники стремительно обернулись. Один поднял дубину, а другой — короткий кнут. Кнут рассек воздух на расстоянии вытянутой руки перед носом Вандара.

— А ну за работу! — прорычал охранник. — Мы сами позаботимся о твоём брате.

— Как позаботились о веревке, такой же гнилой, как пища в столовой? — выкрикнул Вандар. Его голос чуть не прервался от ярости, он шагнул вперед.

Кнут снова щелкнул, на этот раз огрев его по плечу. Вандар издал гортанный звериный рык и бросился на охранника.

Он так и не завершил своего броска. Когда он его начал, между ними нырнул Талуф, кинувшись под ноги Вандару. Высокий юноша растянулся на земле. Охранник поднял кнут огреть Вандара по спине.

Кнут так и не обрушился. Через плечо охранника метнулась длинная рука киммерийца, ловя кнут на лету. Быстрый выверт, и язык кнута обмотал массивную руку киммерийца.

Охранник быстро обернулся, и сапог Конана зацепил его ногу за голень. Он продолжал крутиться, потеряв равновесие, и грохнулся наземь, тогда как кнут остался болтаться на руке Конана.

— Я верну его тебе, когда ты научишься не применять его против свободных людей, — пообещал Конан.

— А кто сказал, что вы, обезьяны, свободны? — осведомился охранник с дубинкой. Он все еще стоял поднимая дубинку, но отступил от боя на расстояние, которое он явно считал безопасным.

— Это было записано в свитке-обязательстве, — начал было Конан.

— Что? Ты умеешь читать? Киммериец, умеющий читать, такая же шутка, как и летающая корова! Сегодняшний день полон — ийхх!

Конан поднял одной рукой охранника над землей, в то время как другой вырвал из его обмякшей руки дубинку.

— Сегодняшний день будет для тебя полон сломанных костей и недостающих зубов, если ты не укоротишь свой язык. Позови своего командира. Я переговорю с ним об этом деле, и сейчас же!

Охранник едва ли мог удалиться быстрее, даже если бы им выстрелили из осадной машины. Кнutoбой поднялся, посмотрел на свой кнут, а затем поглядел на Талуфа. Шемит стоял положив руку на рукоять кинжала. У Вандара оружия не было, но его лицо обратило бы в бегство и демонов.

Конан ткнул большим пальцем через плечо в сторону низины:

— Сходи за лекарем. Если он слишком пьян, чтобы лезть на гору, принеси его мази и повязки сам. Я в свое время залечил несколько ран.

— Ты. — Конан натянул кнут между двух рук, его мускулы сократились, и прочная кожа разорвалась словно нитка. — Иди, или следующая рана, которой я займусь после раны Джаренза, будет твоей.

Охранник счел благоразумным повиноваться, хотя отбыл он совсем не так резво, как его товарищ.

Конан повернулся к Джарензу:

— А теперь давай посмотрим твою ногу.

— Спасибо, капитан. Спасибо, — запинаясь проговорил юноша. — Я никогда не смогу отблагодарить тебя...

— Нет, сможешь, — предрек Конан. — Отблагодари меня держа язык за зубами, когда сюда поднимется капитан. Если дело решится между нами двумя, мы, возможно, закончим этот день без новой драки.

— Да, капитан. Конечно, капитан. Я буду нем как...

— Начни тотчас же.

Рот у Джаренза открылся, однако юноша не проронил ни слова. Талуф и Вандар рассмеялись.

Конан пожелал, чтоб и он смог найти какой-то повод для смеха: судя по движению ниже по склону, капитан охранников уже поднимался, и с конным эскортом.

Поднимаясь на лошади по склону, Акимос слышал пение труб и стук барабанов. Мимо пробежали охранники с дубинками и короткими мечами в руках, обходя Акимоса так, словно тот ехал на черепахе.

Охранники исчезли за поворотом тропы, где их приветствовали новые крики. Акимос чуть не пришпорил коня, да вспомнил, в каком тот состоянии. Проклятье, в следующий раз для вылазки нужно оседлать самого резвого скакуна!

За поворотом лежала поляна, недавно очищенная от леса. Куча обезсученных бревен лежала готовая к скату в реку и сплаву по течению. На этой куче стоял великан. По его широченным плечам разметалась грива спутанных черных волос. Огромные руки так и плясали, подавая знаки, сигналившие шнырявшим кругом оборванцам с топорами и кувалдами.

Акимос не служил ни Воителем, ни охранником каравана, ни тем более кондотьером, но он видел в действии всех троих. И он понял, что видит боевого капитана, готовящего своих людей к сражению.

Лагерные охранники наверняка это тоже понимали. Они крепко сжимали в руках оружие. Но даже лучники, которым опасность угрожала в меньшей степени, побледнели и покрылись потом. Все держались на почтительном расстоянии, даже капитан.

Этот деятель повернулся к Акимосу:

— Господин...

— Ш-ш-ш! Придержи язык, дурак!

— Тогда советик. Лучше держитесь подальше. Этот сумасшедший киммериец и его люди избили двух моих охранников. И отказываются отдать себя в руки правосудия.

Посмотрев на людей, при помощи которых капитан забитился о соблюдение этого правосудия, Акимос обнаружил, что его симпатии на стороне киммерийца. Да и представлениям капитана о правосудии он тоже не стал бы доверять.

В памяти у Акимоса что-то замерцало, а потом запылало ярким светом. Не говорилось ли про драконобойца, что тот, похоже, родом из Киммерии?

— Эй, капитан, — позвал Акимос. — Я советник господина Акимоса. Он ищет колдуна, убившего дракона у Великого Моста через Хорот. Вы не знаете, где его можно найти?

На лице киммерийца промелькнуло нечто могшее быть весельем, но голубые глаза оставались такими же холодными, как северное небо.

— Возможно. Если б я знал, то, возможно, даже сказал бы вам, если бы вы сделали это стоящим потраченного мной времени.

Акимос с усилием сохранил серьезное лицо. Капитан охранников выглядел находящимся на грани припадка.

— Сколько для этого потребуется? — спросил Акимос. — Мой хозяин знает цену сведениям. А также знает цену драхмы.

— Сколько драхм потребуется для оплаты штрафов моих людей?

Акимос вопросительно посмотрел на капитана охранников. Тот пожал плечами:

— Это зависит от суждения торговца лесом и вреда, причиненного охранникам.

— И сколько нам надо ждать этого?

— Больше чем считанные дни, меньше чем месяц.

— А я тем временем должен вернуться к господину Акимосу и объяснять ему, почему я не смог найти колдуна?

Если б капитан тут же на месте рухнул замертво, Акимос не удивился бы. Он начинал находить это забавным. Торговля была у него в крови, этим искусством он овладел настолько хорошо, что мог бы заниматься им с равным успехом и в тюрьме, и на борту корабля, или здесь, где в северный горизонт вонзались горные пики.

— Нет, то есть я могу назвать цену. Но если мой хозяин не сочтет ее достаточной...

— Мой хозяин ему доплатит. На самом-то деле он уже договорился с твоим хозяином предоставить мне судить в подобных делах самому.

Теперь лицо капитана выражало не столько страх, сколько жадность. Акимос спешился и хлопнул его по плечу:

— Брось, дружище. Наши хозяева уже договорились. Так зачем нам ссориться?

Капитан с лязгом захлопнул рот, а затем дернул головой:

— Совершенно незачем, если у вас есть сто драхм.

— Сто! — Голос у Акимоса сделался визгливым, как у свежewedохлощенного поросенка. — Да мой хозяин выпустит мне кровь, если ему придется заплатить больше шестидесяти.

— Мой тоже выпустит мне кровь, если его охранники побегут, потому что их не защищает правосудие!

— Сто драхм — это не правосудие для двух пострадавших охранников. Это выкуп за кронпринца Аквилонии!

— Ну, возможно, семьдесят...

Акимос отвернулся туда, где его улыбку мог увидеть только его конь. Этот человек согласился поторговаться. Пусть же теперь узнает, что значит торговаться с торговым магнатом Аргоса!

Конан следил за торгов с плохо скрытым весельем. А Талуф так даже не трудился его скрыть. Остальные бойцы отряда не сводили глаз с охранников. Если дойдет до боя, луки охранников весьма помогут им компенсировать недостаток в численности, по крайней мере пока не падут лучники.

Конан не особо жаждал боя. Будь он один, он бы уже давно перебирался через горы. В той стороне лежали и Зингара и Аквилония, и ни та, ни другая страна не поднимали такого шума, как аргосийцы, по поводу того, откуда взялся человек, хорошо владевший мечом.

Но более двенадцати связанных с ним присягой людей были слишком большой группой и для того, чтобы бросить их тут, и для того, чтобы вести через горы. Он должен устроить их судьбу здесь, в Аргосе, и, возможно, всего лишь возможно, боги послали ему способ в лице этого господина Акимоса. (Если этот человек агент магната, а не сам магнат, то он, Конан, верховный жрец Сэта!)

Наконец капитан охранников крикнул и кивнул:

— Я приму это предложение. Но если твой господин откажется от него, то вам лучше бежать, спасаясь от меня, в дебри Пиктов!

— Да не бойся, — ответил купец. — Я слишком стар и толст, чтобы оставлять службу у моего господина. То, что я сказал тебе, — чистая правда.

Конан ждал, сложив руки на груди, откуда драхмы переходили из рук в руки. Когда купец поднялся по пням к нему, киммериец протянул ему вместо приветствия раскрытую ладонь.

— И так, капитан, надеюсь мое — хозяйское золото — купило мне что-то стоящее.

Конан усмехнулся:

— Вы поверите, что я и есть тот драконобоец?

Удивление купца было очевидным.

— Ты колдун?

Теперь настала очередь Конана проявлять удивление, но он старательно скрыл его. Какая тут затевалась игра, что магнату Акимосу понадобился колдун? То, что те были в Аргосе редкостью, являлось тем немногим хорошим, чего киммериец узнал об этой стране! Лучше всего сказать что-то звучащее внушительно, независимо от того, правда это или нет.

— Я обладаю кое-какой небольшой властью над оружием, — заявил Конан. — Не могу сказать, помогло ли мне это в схватке с драконом или нет. Я определенно слышал, что эти твари магические, так что те силы не могли принести дракону ничего хорошего, а мне — никакого вреда.

— Безусловно, — согласился человек в плаще. Он огляделся по сторонам, проверяя, нет ли кого в пределах слышимости.

— Капитан...

— Конан.

— А, тот самый, который командовал кондотьерами в Офире?

— Похоже, у твоего господина везде есть шпионы.

— Он может себе это позволить, а знание может принести еще больше богатства. И это верно не только для купцов. Это может быть верным и для тебя тоже.

— Какое знание?

— Твоя магия.

— Моя... — Конан закрыл рот, решив, что услышанное им было и в самом деле тем, что сказал Акимос. Это еще не означало, что они оба не сошли с ума, но зато делало Акимоса даже более интересным.

— Да, твоя магия, — продолжал Акимос. — Ты будешь щедро вознагражден, если применишь ее для защиты одной юной дамы, моего друга, страшно нуждающейся в помощи.

Пока купец рассказывал свою историю, Конану пришлось несколько раз бороться с порывом рассмеяться Акимосу прямо в лицо, но, когда рассказ о владеющих магией врагах госпожи Ливии подошел к концу, в голову ему вдруг пришла одна произвольная мысль.

— Я согласен служить этой даме, насколько мне по силам, — сказал Конан. Уж это-то по крайней мере было правдой. — Но я не только кудесник, но и капитан. Эти люди связаны со мной присягой. Я не оставлю их на милость типов вроде того капитана охранников.

— Твой отряд, конечно же, отправится с тобой, — начал Акимос.

Конан дал купцу поболтать на здоровье, прежде чем объяснить, какую сумму требовалось еще выплатить в качестве залога Аргосу за его людей. Лицо купца несколько утратило свой цвет, и он на короткое время лишился дара речи.

Однако довольно быстро справился с оторопью:

— Конечно, капитан Конан. Не все из врагов госпожи Ливии могут ударить по ней магией. Хорошие бойцы со сталью в руках тоже могут понадобиться. Сколько своих людей вы думаете привести?

— Всех.

— Всех?

— Всех, кто пожелает остаться с отрядом, а это по меньшей мере двенадцать.

Акимос, похоже, производил в уме какие-то вычисления.

Конан усмехнулся и хлопнул купца по плечу, с достаточной силой, чтобы заставить его пошатнуться:

— Брось, приятель. Твой хозяин расщедрился на сотню драхм. Еще сто не опустошат его сундуков. Сто — наш залог. Однако неплохо бы облачиться в приличную одежду и обуть приличные сапоги. Госпожа Ливия никого из нас не поблагодарит, если мы заявимся к ней на порог, выглядя словно заправские нищие Аграпура!

— Да, — протянул Акимос. Торг пошел быстро, но вернул улыбку на лицо Акимоса. Наконец купец вернулся к своему коню и отсчитал еще денег. Конан сел на подвернувшееся бревно и трижды стукнул по нему кулаком. Из выемки в земле под бревном вылез Талуф, стряхивая с одежды щепки и землю.

— Ну, Талуф?

— Ну, капитан. Если б я увидел это на базаре, то мне захотелось бы узнать, где он украл то, что пытается продать.

— Я думаю о том же. Но притвориться колдуном для какой-нибудь богатой старой карги — неплохой способ выбраться отсюда. По крайней мере это оплатит нам залог и заберет нас в Мессантию. А потом — ну, служба кондотьером научит быстро соображать и развивать ловкость рук.

— Это почти так же хорошо, как быть вором, а?

Конан решил, что Талуф поминает собственную прежнюю карьеру, а не карьеру своего капитана. Своей склонностью тащить чужие кошельки и спать с чужими женами Талуф заслужил немало смертных приговоров, и не только в своем родном Шеме, но и в других странах.

— Нам надо послать гонца к ребятам в деревню, — вспомнил Конан. — Кто лучше всего подходит?

— Вандар.

— Джаренз в нем не нуждается?

— Он хром, но не искалечен. А Вандар теперь готов ради тебя пройти огонь и воду. Лучше нагрузить его работор, пока не пройдет этот приступ.

— Когда ты в последний раз кому-либо доверял, Талуф?

— Это было на пятый — нет, на четвертый день моего наречения.

Конан издал негодующий звук и поднялся:

— Позаботься о людях, сержант. А я собираюсь посмотреть, не знает ли наш друг-купец приличной винной лавки в дне езды отсюда!

Глава 4

Ливия Дамаос покоилась на ложе в ванной, в то время как ее горничные втирали ей в кожу масло, надушенное вендийским ладаном. Воздух в ванной был пахучим от этого масла и теплым и влажным от ванны. Если б она могла просто заснуть, убаюканная теплом и массажем, а проснувшись, обнаружить, что все трудности, с которыми столкнулся ее дом, остались в прошлом!

Раздался знакомый стук в дверь.

— Реза?

— Сударыня, срочные новости.

— Минутку.

Она уселась и взяла протянутый ей горничной халат лимонного цвета; поспешно натянув на волосы шапочку, она позвала: «Заходи».

Реза вошел кошачьей поступью. Эта походка довольно примечательна для такого человека, как он, учитывая его размеры. Тело обтягивала рабочая туника, а лицо омрачала не иначе как грозовая туча.

Одного взгляда на это лицо было достаточно. Горничные собрали кувшинчики с маслами и сбежали, словно в ванной начался пожар. Ливия пожалела, что ее достоинство не позволяло ей сделать то же самое. Даже если выслушать плохие новости чуть позже, они от этого лучше не станут, когда все-таки дойдут до нее.

— Господин Акимос оказывает нам услугу, — тяжело проговорил Реза. — Так во всяком случае гласит его письмо.

— Нельзя ли мне?.. — Ливия протянула руку, и Реза вложил в нее пергамент.

— Это писал совсем не писец, — определила она. — Это накарябано его собственной рукой. — Она быстро про-

чала и почувствовала, как брови у нее поднимаются, а волосы на голове так и шевелятся.

— Как он прослышал о нападении?

— Желаете, чтобы я спросил?

— Думаешь, он узнал от госпожи Дорис?

— Скорее всего.

— Если мы спросим, она поймет, что мы обеспокоены и что это она заставила нас беспокоиться. Ни за что не доставлю ей такого удовольствия. Кроме того, возможно, это Арфос трепал языком, а не она.

Лицо Резы ясно говорило, что, по его мнению, следовало сделать с языком молодого человека. Ливия покачала головой:

— Сделать что-либо — значит опозорить его перед матерью. Разве он сделал что-то заслуживающее такого?

— Он возомнил себя достаточно неплохим для вас! — выпалил Реза. — Скорее Атлантида вновь поднимется из вод, прежде чем это станет правдой!

— Если в Аргосе действует магия, то кто знает, что может случиться? — возразила Ливия, но невольно улыбнулась вспышке Резы. У мажордома не было детей, и после того как умерли ее отец и опекун, он начал по-отечески присматривать за ней.

— Чего уж точно не случится, так это того, что Арфос станет подходящим мужем для вас, — упрямо стоял на своем Реза. — Возможно, предоставленный самому себе, он и мог бы исправиться, но разве мать позволит ему выйти из детской, пока жива?

— Возможно, ты говоришь разумно, — признала Ливия. — Но давай вернемся к господину Акимосу. Он говорит, что присылает нам колдуна, который к тому же является капитаном кондотьеров, или капитана, который к тому же еще и колдун. Вместе с двенадцатью молодчиками из его отряда. И вдобавок это не какой-нибудь бродячий кудесник. Он тот самый человек, который убил речного дракона у Великого Моста.

— В Мессантии ему не найдется никаких речных драконов на убой, — сказал Реза. — И мне не нравится принимать у нас шайку чужаков, какой бы там магией ни владел их капитан.

— Если на нас нападет колдун, то колдун же может и защитить нас, — решила Ливия. — Да и колдуны не столь обычны в Аргосе, чтобы мы могли позволить себе выбросить

такого, как гнилую капусту. Если же нам придется посылать за ним в Шем или Коф, то это займет больше времени. К тому же о грозящей нам опасности узнает еще большее число чужаков.

— Верно, — признал Реза. — Значит этого — капитана Конана — впустить в дом?

— Да, и даже некоторых из его людей.

— Не всех?

— Лишь столько, со сколькими, по-твоему, ты и другие слуги сможете справиться, если понадобится. И они долго не узнают у нас никаких тайн.

— А, — произнес Реза, лицо у него, казалось, запылало, и Ливия могла бы поклясться, что у него раздулись ноздри, как у старого боевого коня, слышавшего вдали пение труб.

— Да, я положусь на твое умение изобрести способы выведать эти тайны. — Она улыбнулась: — Если ты не сможешь, я буду гадать, а правда ли ты был сержантом в Туране или всего лишь убирал навоз!

Драхмы господина Акимоса не потянули снабдить лошадами весь отряд Конана. И их ждал пятидневный поход, прежде чем впереди у залива перед ними выросли белые стены Мессантии.

Поход этот не относился к числу самых легких на памяти Конана. Дороги-то были великолепные, погода ничуть не хуже, а местность выглядела богатой и привлекательной. Но между горным лагерем и Мессантией располагалась не одна винная лавка. Фактически на каждый дневной переход попадалась не одна винная лавка.

Удержание своих людей в строю — или по крайней мере на ногах — до предела истощило силы и терпение Конана. К середине пути он с радостью оставил бы их упиваться до бесчувствия, а сам отправился бы дальше к Мессантии. А уж заняв свое место в доме госпожи Ливии, он мог бы созвать тех, кто достаточно протрезвеет, чтобы прочесть послание, когда оно доберется до них.

Единственный изъян в этом плане заключался в аргосийцах. У Конана было мало причин и еще меньше побуждения доверять им. Они наверняка сочтут, что его люди нарушили один или несколько их запутанных законов. И тогда отряд Конана снова окажется там же, где был, и

теперь на них вдобавок ополчится и господин Акимос за то, что они испортили его широкий жест.

Последнюю милю до Мессантии дорога шла под уклон, и даже те, у кого болела голова и пересохло во рту, двигались довольно резво. Конан ехал в арьергарде верхом на приманке для воронов, едва выдерживавшей его вес, в то время как Талуф шагал в авангарде, ведя в поводу отрядного мула. На спине мула лежали растянувшись двое бойцов, которых этим утром не удалось поставить на ноги.

Подъехал конный патруль Воителей, изучил отряд и конановское письмо с печатью Акимоса, а затем пропустил их. Такое случилось еще дважды, прежде чем они добрались до Садовых ворот Мессантии, да и в самой караулке у ворот Воители вала ndались, пока уже давно не перешагнуло за полдень.

— Чума на этих жеманных детей, — пробормотал себе под нос Джаренз. — Что они смогут сделать против нас, если мы обнажим мечи?

Конану хотелось смеяться. Некоторые из Воителей по возрасту вполне годились Джарензу в деды.

Талуф пожал плечами:

— Только у одних этих ворот я насчитал их сотню. Готов поспорить, что такое множество сможет сделать немало хорошего с двадцатью кондотьерами, из которых ни один не был прошлой ночью трезвым.

Стены Мессантии тоже были достаточно внушительными, чтобы отрезвить любого. Высотой в пять человеческих ростов и по меньшей мере в трех человек толщиной, и это помимо защиты, обеспечиваемой стражами. Даже будь улицы за стенами вымощены золотом, любой не начисто лишенный ума все равно дважды подумал бы, прежде чем пытаться пробить брешь в этих стенах.

Со временем им дали пропуск, кусок пергамента потоньше старого капитанского патента Конана времен службы в войсках Турана. Им не дали никаких указаний, как пройти ко дворцу Дамаос, но как они могли заблудиться в городе более чем в двое меньше Аграпура?

Ответ был таков: чересчур легко. Они ухитрились сделать это по меньшей мере трижды, и последний раз стоил им мула. Похоже, они забрели туда, где между зарей и сумерками людям разрешалось разгуливать только пешком.

— Похоже, нам надо брести назад из этого города позолоченных нужников, — пробормотал один из тех двоих, кому пришлось идти пешком, когда конфисковали мула. — С улиц-то они навоз убирают постоянно, но кладут его себе в головы!

Конан начинал соглашаться с ним, когда они наконец добрались до ворот и стены, которые в Офире сгодились бы для большинства городов. Цветущие лимонные деревья едва возвышались над шедшими по верху стены позолоченными кольями. На шелковом ремне висел большой колокол, а рядом с ним на другом ремне — умягченный молоток. Конан схватил молоток и колотил по колокольчику до тех пор, пока его лязг, казалось, не вызвал эхо в отдаленных горах.

— Кто там? — донесся голос из-за ворот.

— Капитан Конан и его отряд, поступить на службу Дому Дамаос по приказу господина Акимоса.

— Его печать?

Это было требование. Конан предпочел подчиниться, продемонстрировав пергамент с его внушительной синей восковой печатью. Миг спустя, в ответ на приказ какого-то невидимого караульного, внешние ворота из окованных железом бревен открылись. А затем со слабым вздохом отворились и внутренние ворота из позолоченной бронзы. К дому из голубовато-белого мрамора устремлялась прямая как стрела дорожка из белого гравия.

К дому? Скорее ко дворцу. От такого не отказался бы в качестве своей резиденции никакой вельможа в Аграпуре, а в Офире и королевский дворец едва ли превосходил его величиной. Однако ни в одном из них не стояла у передней двери женщина, приветствовавшая Конана, когда тот подошел по дорожке к дому во главе отряда.

Богатой-то госпожа Ливия, вне всяких сомнений, была. Но старой каргой? Еще лет через сорок она ею, может, и станет, но Конан сомневался в этом. При милости богов она не утратит ни этих голубых, как море, глаз, ни этой прекрасной осанки, а даже с помощью только их она все равно будет способна вскружить голову любому мужчине. А теперь она была женщиной, ради которой мужчины могли разграбить города.

Волосы цвета спелой пшеницы, удерживаемые на месте гребешками, каждый из которых стоил выкупа за знатного пленника, возвышались над идеально овальным лицом.

Белое платье из кхитайского шелка покрывало ее от шеи до голеней, но Конан мог прочесть изгибы там, где оно туго обтягивало груди и бедра.

Она протянула руку, на запястье которой носила золотой браслет с крохотными рубинами, и заговорила голосом, похожим на журчание чистого ключа:

— Добро пожаловать на службу Дому Дамаос, капитан Конан. Я госпожа Ливия. Наш дворецкий Реза проводит ваших людей.

Конан в первый раз осознал, что у Ливии есть тень, человек поседелый, но почти не уступающий ему размерами и похожий на старого солдата. Он тоже носил белую одежду, но из тонкого льна с синей каймой, и хотя пояс его был унизан морскими ракушками, на нем висел длинный кривой иранистанский кинжал.

— Ваш приход застал нас неподготовленными разместить как подобает весь ваш отряд, — сказал Реза. — Мы можем найти место для десяти и лично для вас. Остальных же мы снабдим деньгами для снятия комнат в хорошем постоялом дворе неподалеку от порта.

Разделить отряд, а потом что? У Конана зародились подозрения. Он скрестил руки на груди, чтобы ненароком не схватиться за рукоятки клинков, и поклонился:

— Ваше желание для нас закон, сударыня. Но на войне мы жили похуже нищих. Если нам предоставят палатки, мы охотно найдем себе место и в ваших садах.

— Я бы охотно предоставила их вам, — отвечала Ливия. — Но если я это сделаю, меня будет преследовать призрак отца, а садовник бросится в море. Нет, дайте нам время, и мы предложим всем вам кое-что лучше, чем палатку в саду.

И отвернулась. Конан умел узнавать отказ, когда видел его, и видел женщину, принявшую решение. И еще он видел, что Реза внимательно следит за ним, за исключением тех мгновений, когда глаза рослого дворецкого рыскали направо-налево. Взгляд Конана проследовал за взглядом Резы, и он засек изготавившихся и ждущих людей, думавших, что они скрыты от глаз.

Этот дом мог оказаться западной. Но улицы Мессантии определенно ею были. На данный момент для отряда не наблюдалось никакого свободного пути к отступлению.

Но он найдет его. Конан поклялся в этом, надеясь, что какие-нибудь помогающие боги услышат его, но не шибко

волнуясь о том, произойдет это или нет. Если ему потребуется найти этот путь, прорубив его мечом сквозь лес живых тел людей Ливии, то он так и сделает. Ради собственной чести ничего меньшего он сделать не мог.

— Талуф, — тихо обратился он к своему сержанту. — Есть такой, которому ты доверил бы приглядывать за ребятами на постоялом дворе?

— У Киргестеса неплохие задатки, но он на самом деле нужен...

— Куда меньше, чем мне нужен ты, если предстоит бороться со змеями в их же норе.

— Со змеями? — ухмыльнулся Талуф. — Та деваха не очень-то походила на змею, хотя я б рискнул побороться с ней.

— Это дело не шуточное. — Киммериец ухватил Талуфа за бороду и слегка крутанул ее. — Запомни это и передай любому, кто, возможно, забыл.

— Да, мой государь, — отозвался ничуть не раскаявшийся Талуф.

— Хорошо. Итак, Киргестес возглавит тех, кто на постоялом дворе, мы с тобой возглавим тех, кто здесь, а что до остальных, то предоставим ребятам тянуть жребий.

Так будет честнее. Не говоря уж о том, что Конан понятия не имел, кто кроме Талуфа будет полезней там или здесь, пока он не получит ответы на несколько вопросов.

Он дал еще одну клятву, что он получит эти ответы прежде, чем увидит новый закат, или же выведет своих людей вон из Мессантии.

Госпожа Ливия следила из-за тонких занавесей, как десять человек, отобранных для постоянного двора, строем выходят за ворота. Строй они держали неважно, но вот руки — поблизости от своей выдавшей виды стали. И шли они не глаза по сторонам. Кое-кто начал было болтать, но сержант живо заставил их умолкнуть.

Реза бесшумно подошел к ней. То, что он вошел без стука, служило мерой его беспокойства.

— Как я желал бы, чтобы ваш опекун был по-прежнему жив.

Ливия обернулась.

— Реза, — улыбнулась она. — Когда я в последний раз это сказала, ты уведомил меня, что благие пожелания — это смерть для мудрости.

— Так же как и для хороших солдат, и это правда. Простите меня, госпожа, я не хотел вас оскорбить.

— Реза, ты не узнал бы, как оскорбить меня, даже если б предавался размышлениям об этом целый год. И я благодарю за это богов. Итак, как ты расцениваешь нашего капитана Конана? По правде говоря, я ожидала кого-нибудь твоего возраста.

— Наемничество — образ жизни для молодых людей, госпожа. К тому времени, когда наемник достигает моих лет, он обычно либо выходит в отставку, либо погибает. В пятьдесят лет воюют только те, кому везет в бою, но не везет с добычей.

— Не уверена, что тебе не придется снова повоевать, если Конан окажется совсем не другом Дома Дамаос. Он похож на человека, которого трудно и обмануть, и убить.

Реза кивнул с кислой миной:

— Я думаю примерно то же. Но мы можем либо действовать, как собирались, либо оставаться в неведении, пока Конан не сочтет нужным сказать нам правду. Или показать нам ее, выполняя приказы своего хозяина.

Несмотря на полуденную жару, Ливия ощутила холодок. Даже когда опекун сражался в судах за ее наследство, ей не нужно было опасаться убийства в постели. А теперь она не могла спать спокойно, по крайней мере пока Реза не закончит свою работу.

Глава 5

Конан шел по садам дворца Дамаос. Меч он носил по аргосийской моде — на поясе поверх льняной туники, а в руке держал длинный ясеновый посох.

Ему предоставили и сандалии, но его подошвы совсем неплохо заменяли дубленую кожу. Что же касается туники, то некоторые из его людей презрели ее как бабскую одежду, но он сам сохранил спокойствие. В Аргосе, где штаны

являлись признаком варвара, свободные люди одевались именно так.

К тому же такая одежда давала человеку свободу движений, когда требовалось бросаться на врагов и управляться с оружием. А большего Конан от одежды не требовал, будь то набедренная повязка, латы или королевская мантия.

Шагая, он прислушивался, ловя ухом любое прекращение криков ночных птиц и стрекотания насекомых. И вдобавок прощупывал почву перед собой посохом.

Перед ним открылась заплата лужайки, над которой мог поработать какой-то брадобрей, настолько аккуратно была подстрижена каждая травинка. Подстрижена слишком аккуратно, подумал Конан, и вспомнил предупреждение Резы. Он потыкал землю посохом. На четвертом тычке земля с тихим вздохом осела. Но совсем не тот лязг раздался при встрече железа с ясенем, когда ожидаемый внизу капкан для человека сомкнул свои челюсти на его посохе. Все верно, Реза и люди знали свое дело. Это была не первая хитрая выдумка с целью помешать нежеланным гостям потревожить дворец. И Конан сомневался, что она окажется последней. Лучше ему узнать немного побольше о Мессантии, включая тайные выходы из города, и побыстрее. Когда госпожа Ливия обнаружит, что он такой же колдун, как жрец, то самое лучшее, на что могли надеяться он и его люди, — это увольнение со службы. Еще двадцать вооруженных людей ей нужны не больше чем внезапный флюс.

Конан попятился с лужайки и одним плавным движением скрылся за деревом. Ночные птицы больше не пели, и теперь он сообразил, что они прекратили пение еще до того, как он заставил сработать капкан. И пристально посмотрел из-за дерева на стену.

Там появилась темная фигура. Она двигалась вверх-вниз и раскачивалась, когда набросила на колья подбитый броней камзол. Конан тихо прокричал офирской черной совой. Он собирался обнажить меч, когда темная фигура ответила тем же звуком. Миг спустя Конан уже вел за дерево человека, называвшего себя Бельгором.

— Как у вас дела на постоялом дворе?

Худощавый корноухий малый нахмурился:

— О, они достаточно неплохи. В полдень приезжал Вандар. Но болтаются какие-то двое, кажется, будто они свисают с балок, словно летучие мыши. Киргестес говорит,

мол, те двое были в горах с господином советником... или как там его.

Люди господина Акимоса на постоялом дворе. Наблюдают за людьми Конана. Чего-то ждут.

— Что-то не припомню — нет, погодите, капитан. Как раз прошлым вечером я видел, как один из них говорил с Дурасом.

— Дурас все еще считает, что сержантом следовало назначить его, а не Киргестеса?

Бельгор сделал жест, выражающий отвращение, Конан прожег его взглядом:

— Кром побери, приятель, я ведь только спрашиваю, молол ли Дурас языком, так же как молол по дороге!

— Ну, он не поблагодарит меня, если я растреплюсь.

— Если не скажешь, то я сделаю нечто похуже, чем не поблагодарю.

— Да.

Это одно слово, казалось, исчерпало способность Бельгора к речи, но для Конана было достаточно и его. Похоже, Акимос делал именно то, что сделал бы на его месте киммериец. Найти в рядах отряда недовольного и превратить его в шпиона. И наверно, подготовить его возглавить отряд, если возникнет надобность найти кого-то, кроме Конана...

Бельгор теперь выглядел готовым сказать больше, но киммериец резким жестом оборвал его. Ночные птицы не только умолкли, слух, обостренный дюжиной случаев, когда он спасался, побывав на волосок от смерти, сообщил Конану, что некоторые из них улетали.

— Лезь через стену обратно и скажи Киргестесу следить за Дурасом.

— Капитан?

— Лезь, приятель, а то я перекину тебя через нее, и, надеюсь, ты приземлишься на свою пустую голову! Тебе что, мозги обкорнали вместе с ушами?

Теперь и Бельгор слышал то же, что и Конан, — приближающиеся по саду шаги. Идущие, казалось, пытались двигаться бесшумно, но Конан слыхивал, как даже слоны в Вендии производили меньше шума. Бельгор дунул к стене, влез по оставленной висеть веревке, втянул ее за собой и исчез на уличной стороне.

Конан обнажил свой аквилонский кинжал с прочным клинком, а меч оставил в ножнах. Против этих людей ему требовалась внезапность, которой легче всего добиться в

кустах, где короткий клинок господствовал над длинным. А затем он устроился поудобнее, приготовившись ждать.

Дерево это было не самым лучшим местом для засады. Но он находился здесь и мог ждать, замерев абсолютно неподвижно, точно камень посреди зеркального пруда. А этим людям, чтобы приблизиться к нему, приходилось двигаться, и поэтому даже обладая они искусством подкрадываться, то все равно не смогли бы быть столь же бесшумными, как он.

Ожидание вышло не коротким. Эти люди, похоже, знали, что им следует пробираться медленно, а пройти им требовалось приличное расстояние. От задней стены сада до задней стены дома насчитывалось больше двухсот шагов. Во многих странах Конан видел, как целые семьи кормились с куда меньших участков.

Люди продолжали с шумом приближаться. Они словно хотели, чтобы их слышали. Конан отмел бы эту мысль, однако создавалось впечатление, что в Мессантии не было ничего слишком закрученного, чтоб быть правдой.

Возвращение в Офир начинало казаться менее глупым, чем представлялось до сих пор. По крайней мере, там-то кондотьер будет знать, кто его враги и как с ними бороться. Так же как и свою судьбу, в случае если он проиграет, и потому у него не найдется там никаких причин поступить иначе, чем умереть с мечом в руке. А в Аргосе дела больше походили на ларцы, виденные Конаном в Кхитае, где в каждом сундучке прятался другой, поменьше, до тех пор пока в самой сердцевине набора не оказывалось нечто размером с горошину.

В саду на пару минут воцарилась тишина. Конану даже пришлось поднапрячь слух, чтобы услышать дыхание крадущихся. Так, значит, тот шум был хитростью! Ну, наверно, сейчас самое время научить этих хитрецов кое-чему, чего они, похоже, не знали о киммерийцах и кондотьерах.

Ни один листок не шелхнулся, когда Конан прокрался к тому месту, где в последний раз слышал шаги приближавшихся людей. Он знал, что они должны находиться за колючей изгородью из кустов роз, но не знал, где именно. Он дал широкий полукруг, огибая один край изгороди с целью выйти к ней далеко с тыла. Даже в темноте он видел весь сад целиком — и мог поручиться, что ни один аргосиец не обладает кошачьим зрением киммерийцев.

Пробираясь мимо изгороди, с кинжалом в руке, северянин едва дышал. Он на мгновение распластался на влажной от росы траве — убедиться, что его не видели и не слышали. А затем снова пополз.

И когда киммериец полз, справа от него возникли приглушенные шаги по траве. Конан перекатился, вскакивая на ноги, а кинжал взметнулся, словно разящая змея. К нему бросилась темная фигура, вот она выросла над Конаном и протянула к киммерийцу руки.

Варвар среагировал молниеносно, опередив нападающего на долю секунды. И ударил левым кулаком вместо обремененной сталью правой руки. Дыхание со свистом вылетело из уст нападавшего. Он согнулся пополам, держась за живот, и, шатаясь, отступил, оказавшись, таким образом, на пути своего товарища.

Второй нападавший прыгнул вбок и сблизился с Конаном. Этот прыжок обошелся для него в потерю времени. Он мог бы обойтись ему и дороже, если б северянин не увидел, что у второго руки тоже пустые. Киммериец опрокинулся на спину и ноги его, подобно стволам деревьев, в тот же миг устремились вверх.

Бедняга-налетчик взмыл, словно диковинная ночная птица, и перелетел через Конана. Правда, он сумел вернуться на лету, по крайней мере, чтобы уберечь череп и шею. Но вот от шипов он не уберегся. И упал прямо в розовый куст, не уступавший ростом человеку.

Ночную тишину разорвал истошный крик боли, удивления и возмущения. Вскочив на ноги, Конан увидел, как на крыше дома, в кустах и павильонах внезапно расцвели огни.

Упавший в кусты, похоже, слишком запутался и исцарапался в шиповнике, чтобы представлять собой угрозу. Однако первый снова поднялся на ноги. Когда его рука зашарила по поясу, Конан снова ударил его, на этот раз в челюсть. Тот отлетел назад так далеко, что плюхнулся в зеркальный пруд. Конан схватил его за ногу и потянул на себя, пока голова не появилась из воды. А затем стал спиной к ближайшему дереву и сложил руки рупором.

— Эй, слуги Дома Дамаос! Выходи! Это капитан Конан! У вас в саду воры. Выходите все!

Он услышал, как тревога прокатывается эхом от садовой стены к стене дома и обратно. А затем переложил кинжал

в левую руку, обнажил меч и приготовился встретить все, что ни выйдет из-за этих огней.

После того как минуло, казалось, полночи, Конан сообразил, что несшие фонари не собирались приближаться к нему. Он увидел, как две темные фигуры склонились над двумя потерявшими сознание, коротко пошептались, а затем уволокли их. Ему подумалось, что он слышал шепот, но никого не увидел. Несшие фонари могли быть призраками или демонами, уносившими павших, чтобы вырвать из них души.

На какой-то миг сад показался полным тьмы, не принадлежавшей сему миру. Конан почувствовал, как у него мурашки ползут по коже. Не обманули ли его более жестоко, чем ему говорили и самые худшие его сомнения, не заманили ли его на службу дому, где царило колдовство и затевались разные вероломства и подлости, которые аргосийцы, похоже, любили не меньше, чем иные люди — вино?

Если это так, то в скором времени он будет знать наверняка. По крайней мере, узнает, в случае если Талуф и остальные не утратили сообразительности и запомнили инструкции, данные им прошлой ночью.

На крыше дома один из фонарей принялся мигать. Затем три других внезапно погасли. А откуда-то, поближе к нему, донеслось уханье совы.

Конану захотелось расхохотаться. Вместо этого он ответил собственным уханьем. А затем крикнул:

— Слуги Дома Дамаос! Выходите и кончайте свои хитрости. Выходите, пока я не сосчитал до десяти, а то я могу попросту решить покончить с вами!

Поблизости снова зашептались, дав Конану ясное представление о том, где стояли эти хитрецы. Двое из них достаточно повысили голоса, чтобы Конан смог разобрать слова. Затем кто-то — судя по голосу, Реза, — произнес единственное резкое слово. И снова наступила тишина.

На этот раз она продолжалась не дольше, чем могло потребоваться на осушение чаши эля. Конан принялся считать и дошел до пяти прежде, чем услышал голос Резы:

— Отлично, киммериец!

— Капитан Конан!

— Отлично, капитан Конан. Мы выйдем.

— Держа в руках фонари и больше ничего. Мои лучники будут держать стрелы на тетиве и смогут без труда застрелить любого из вас.

Во всяком случае именно так должно быть согласно плану. И Конан готов был поспорить, что Реза не станет проверять путем опыта.

Рослый иранистанец не стал. Когда он вышел на свет во главе полудюжины своих людей, Конан только тут и сообразил, какой же здоровенный этот дворецкий. По возрасту он, может, и годился Конану в отцы, но схватка с ним вовсе не сулила легкой победы.

— Капитан Конан, — начал Реза, — вы должны объяснить.

— Ничего я такого не должен, — отрезал Конан. — Объяснять придется тебе. Начиная тотчас же и смотри ничего не упусти. Включая и то, почему ты готов был смириться с тем, что пара твоих ребят закончат свой путь привидениями. Они, знаешь ли, были крайне близки к тому, не будь я достаточно проворен.

— И много ли в тебе проворства, кроме как в языке? — крикнул кто-то из стоявших сзади.

Реза заставил крикуна умолкнуть, обжегши его грозным взглядом, но Конан услышал, как перемещаются в кустах ребята Талуфа, изготовившись к атаке. Киммериец зашагал вперед, пока не оказался в пределах досягаемости меча дворецкого.

Теперь он мог очутиться среди своих противников прежде, чем те начнут двигаться. И тогда у него будет преимущество, которое всегда достается одному человеку, сражающемуся со многими не обученными драться сообща.

И вдобавок любые придурки, какие найдутся среди его лучников, помедлят стрелять, чтоб не угодить в своего же капитана. Какие б там трюки не сыграли с ним сегодня ночью, если прольется кровь, то драку начнет не он.

Реза и его люди расступились, пропуская киммерийца. Взгляд Конана метался, перескакивая с одного лица на другое, пытаясь определить того, который охотней всего схватится за короткий меч или кинжал. Реза держал только посох, мало чем отличающийся от конановского, но то, как он держал его, показывало, что он знал, как применять его в качестве оружия.

Теперь слуги Дома Дамаос перемещались, замыкая Конана в полукольцо. Скоро преимущество перейдет от киммерийца к ним. Конан решил, что его долг сохранять мир.

Как только образовался полукруг, со стороны дома донесся отчетливый мягкий голос:

— Реза! Капитан Конан! Довольно! Успокойтесь, или вам обоим хуже будет.

Несмотря на неверный мерцающий свет фонаря, Конан мог бы поклясться, что иранистанец багровеет. Чтобы успокоить остальных, киммериец убрал кинжал в ножны. Миг спустя после этого на свет вышла Ливия.

Одетая в короткую белую тунику, оставлявшую стройные ножки голыми как раз ниже коленей, она носила еще оправленные в золото сандалии и светло-зеленую мантию с красной каймой и откинутым капюшоном. Голубые глаза глядели холодно, но она улыбнулась обоим рослым мужчинам, когда шагнула между ними.

— Капитан Конан, думаю, вы имеете право знать, что здесь сделали сегодня ночью и почему.

— И получить извинения, по крайней мере ради моих людей! — прорычал Конан.

Ответом Резы был один из самых свирепых его взглядов. Вместо того чтобы топнуть ножкой, как ожидал Конан, дама схватила обоих мужчин за запястья. И тот и другой могли бы страхнуть ее с такой же легкостью, как муху, но ее хватка, казалось, обладала силой железных оков.

— Реза, довольно. Капитан Конан, сперва выслушайте нас. А потом если сочтете, что вам нужны извинения, вы их получите. Но я хочу, чтобы вы сначала выслушали.

Конану казалось, что с тех пор, как он вступил в пределы Аргоса, он, пожалуй, чересчур много слушает. Но также казалось, что госпожа Ливия может сказать ему больше, чем некоторые другие. Отказ же выслушать ее определенно мог означать лишь жестокий бой, и возможно даже не с настоящими его врагами. Конан не привык стонать боя, но он все же так любил знать, а с теми ли он дерется!

— Что я сделал? — воскликнул Акимос. — Кто напел вам эту чушь?

Скирон остался глух к этим оправданиям и прожег торговца злым взглядом:

— У меня есть средства узнавать все, что может быть известно, средства, недоступные обычным людям.

— И похоже, ты также нафантазировал такое, что вообще никому неизвестно, потому что это неправда.

— Вы отрицаете что послали в Дом Дамаос колдуна? Колдуна, который может предпочесть скорее мешать, чем помогать мне?

Акимос засмеялся:

— Скирон, такими средствами ты сам пользуешься! Чего там еще наговорили тебе?..

— Эти оскорбления нестерпимы!

— Если ты не можешь стерпеть их, то, несомненно, сможешь найти какие-то средства прожить свои последние годы и без моей помощи.

— В самом деле, есть ведь награда, которую я смогу заработать, уведомив архонтов.

— О чем? Ты сможешь сказать им что-нибудь, чему они поверят, особенно если услышат это от человека, которого я разоблачу как занимающегося противозаконной магией?

Двое сообщников постояли с миг лицом друг к другу, разделяемые столом Акимоса, словно два козла на узенькой дорожке. Они, может, и желали подраться, но оба ясно видели долгое падение в стремительно текущий внизу поток.

Глаза опустил колдун, и ощущение победы сделало Акимоса великодушным. Он собственными руками налил вина и поставил золотое блюдо с сыром и пирожными.

— Полно, дружище Скирон. Ты переутомился, трудясь над осуществлением наших планов. Тебе незачем утомляться еще и страхами о том, что существует только в твоём воображении. Выпей, и я скажу тебе правду.

— Или столько правды, сколько есть в тебе правдивого, — пробурчал Скирон, но вцепился в кусок сыра, как умирающий с голоду.

Акимос сообщил ему о своем замысле поместить в Доме Дамаос благодарных ему людей. Покуда Скирон слушал, ел и пил, его худощавое лицо, казалось, раздобрело и утратило усталость.

Наконец он кивнул:

— Вы можете рассчитывать на благодарность киммерийца?

— Мы можем рассчитывать на нее в нужной нам части. Что же касается остального — я еще не встречал ни одного киммерийца, который знал бы, как найти нужник, когда ему нужно пописать. Конан никогда не додумается задать вопросы, которые откроют ему наши планы.

Скирон сделал жест, выражающий отвращение.

— Значит, вам по-прежнему нужно замаскировать своих людей?

— Ты чересчур устал?

Скирон прожег его взглядом:

— Я обладаю всей силой...

— Я совсем не хотел тебя оскорбить, Скирон. Правда, если у тебя нет сил...

— Я могу с легкостью затенить лица полудюжины людей. Большее число потребует времени, которого у нас нет.

— Этого хватит. Дом Лохри наверняка наймет для большей части работы головорезов с улицы. А их собственные люди будут только жожаками. У тебя есть лица для той полудюжины, из рядов людей Лохри?

— Сколько раз я ходил вместе с вами во дворец Лохри и сносил ту корову, госпожу Дорис, которая притворяется, будто она бык, и бляние ее телка — сынка?

— Видят боги, это чистая правда! — Скирон щедро глотнул вина. — Больше мне ходить не понадобится. Дайте мне два дня, а также некоторые сведения о размерах и силе избранных вами людей. И тогда мы можем выступить.

Выдача нападавших на Дом Дамаос за приспешников Дома Лохри вызовет замешательство. Дозволение капитана Конана атакующим свободно пройти посеет еще большее замешательство. Вероятно, из-за этого киммериец также лишится должности и даже жизни, но человеку требовалась только одна стрела, если та попадала в жизненно важное место.

И кровь киммерийца некоторым образом поможет поддержанию мира со Скироном. А это, видят боги, будет небольшим выигрышем, учитывая манеры колдуна, даже когда тот не боялся за свое положение.

Конан сидел за эбеновым столиком в гардеробной госпожи Ливии. Реза стоял или, скорее, высился у двери, а сама госпожа сидела, откинувшись, на ложе тоже из эбенового дерева, но инкрустированного моржовой костью. Она надела длинное голубое платье, но обе ступни и одна стройная рука остались обнаженными.

Он потягивал вино и слушал рассказ Резы о том, как слуги дома Дамаос выполнили его приказ подбить Конана

на драку с целью раскрыть, кому он служит в действительности. Если б он убил их, то самым разумным казалось тут же выставить Конана и его воинов за ворота, так как они явно служили иному хозяину.

Конан слушал эту болтовню столько, пока терпение у него не иссякло. Правда, помогло вино. По сравнению с ним все другие когда-либо испробованные киммерийцем напитки казались похожими на уксус. Когда Реза прервался, чтобы снова наполнить чашу киммерийца, Конан сообщил, что это будет уже четвертая выпитая чаша, а он чувствовал себя так, словно хлебал слабенький эль.

Он поднял чашу, осушил ее несколькими глотками, а затем со стуком поставил на столик, заставив Резу умолкнуть.

— Довольно! — бросил Конан. — Я принимаю извинения. Нет смысла тратить время на сантименты.

— Слушайте, капитан, — начал было Реза, несмотря на предупреждающий взгляд хозяйки.

— Реза, послушай в свою очередь и ты, или я немедленно увожу отсюда своих людей. Куда — не знаю, да мне и наплевать, лишь бы подальше от этого дома.

Конан сделал глубокий вдох и заговорил спокойно, тогда как ему хотелось рычать:

— С чего вы взяли, что то, как я буду драться с вашими людьми, вам что-то скажет? Вы что думаете, я бык и откликнусь на стрекало всякий раз, когда вы примените его?

Реза, казалось, лишился дара речи, но его госпожа была скроена из иной ткани.

— Конан, это и в самом деле было ошибкой, и совершила ее я. Я думала... прости, но я думала, что киммериец...

— Вы думали, что киммериец и есть бык? И господин Акимос, несомненно, думал то же самое?

Ливия кивнула, а затем ее полные губы изогнулись в кривой усмешке.

— Капитан Конан, это чаша была свадебным подарком моей матери.

Конан посмотрел на винную чашу в своей руке. Она была сделана из инкрустированного бирюзой серебра, с металлом в палец толщиной. Он, сам того не ведая, так сжал чашу, что та стала плоской, как устрица.

— Ну, сударыня. Вот вам подарок. Не считайте киммерийца дураком, пока тот не докажет этого. Иначе он

может счесть душой вас, а в Киммерии дураков отдают на расправу волкам и выюгам.

Ливия сглотнула и кивнула, а затем снова улыбнулась:

— Я запомню. Но вы должны учесть вот что. Мы в Аргосе знаем другие народы в основном по их торговцам, а Киммерия присылает в нашу сторону мало таких.

— Тогда, по крайней мере, не слушайте того, что говорят другие. Полагайтесь на собственные глаза и уши.

— Обязательно, — пообещала Ливия. — Но подумайте, если б господин Акимос именно так и поступил, то где б вы сейчас были с вашими людьми?

Конан все еще не настолько отошел от ярости, чтобы ответить ей улыбкой, но кивнул:

— Давайте считать сегодняшнюю ночь честной дракой, где никто не пострадал. И как насчет другой чаши и вина в ней?

— Капитан, уже поздно, — начал было возражать Реза.

— Да уже почти клятый рассвет, — проворчал Конан. — Но я не хочу ложиться, пока мы не решим, как разделаться с Акимосом. Со мной нельзя обращаться как с дурачком, думая, что я послушно исполню все, что мне велют, — только не со мной и ни с кем из подчиненных мне.

Если б он уже не сплюснул чашу, то его сжавшаяся рука завершила бы работу.

Ливия сама принесла другую чашу — на этот раз простую оловянную — и кувшин вина. Затем она села, и платье спало так, что одна нога оголилась до колена. Она была такой же стройной, как и все другие виденные Конаном части тела Ливии.

— Полагаю, вы захотите привести своих людей с постоянного двора, — начала Ливия.

И Конан и Реза дружно покачали головами.

— Сколько человек может бросить против нас Акимос, если он уповает больше на сталь, чем на чары? — спросил киммериец.

— Не больше трижды двенадцати, — прикинула Ливия.

— Тогда мои десять и пятнадцать Резы будут иметь преимущество над любым противником меньшей численности, — сказал Конан. — Мы обороняемся, мы знаем дом и не позволим застать себя врасплох.

— Конан, ты говоришь словно капитан Хаджар, — удивился Реза.

— Я почти год прослужил под его началом, — ответил Конан. Лицо Резы скривилось, а затем покраснело.

— А кто такой этот капитан Хаджар? — спросила Ливия.

Реза пустился в длинное описание туранского капитана, научившего Конана столь многому из искусства цивилизованного ведения войны. Через некоторое время Ливия подняла руку, останавливая его.

— Готова допустить, что он величайший капитан со времен Кулла из Атлантиды, — улыбнулась она, — и благодарить всех богов за то, что человек, которого он учил, прибыл к нам. Если желаешь, можешь присоединиться ко мне в этом.

— Госпожа...

— Довольно, как недавно выразился капитан Конан. А как насчет обороны дома от колдовства?

Конан рассмеялся:

— Госпожа, как я и сказал Акимосу, я обладаю властью над оружием. Я могу сражаться всем, что создано человеком, и мало кто сможет противостоять мне и выжить. Что же касается чар против оружия или еще чего-либо — я не смог бы навести никаких, даже для того чтобы уберечь Мессантию от падения в Западное море. — Его улыбка погасла. — Я еще ни разу не встречал ни одного кудесника, который не разрушал бы всего, к чему прикасался, включая самого себя. Они — навоз, и их место в навозных кучах.

— Я буду молиться, чтобы мы отправили любого колдуна на службе у Акимоса туда, где ему место, — сказала Ливия. — Но что касается ваших людей — вы опасаетесь предупредить Акимоса, если пригласите их под мою крышу?

Конан посмотрел на молодую женщину с уважением. Она-то не получила никаких уроков Хаджара, но тем не менее неплохо соображала в военном деле!

Киммериец кивнул:

— Внезапность позволит нам захватить пленных, а не просто отбить нападение. Не знаю, что скажут о подобной игре архонты, но могу поручиться в одном: Акимосу не понравится, если мы заставим его людей колоться перед архонтами, словно орехи.

Они закончили обсуждение, договорившись поставить надежного человека с фонарем на крыше дома. А еще одного надежного человека выставят на крыше постоянного двора.

Оттуда он увидит любые сигналы из Дома Дамаос. По условленному сигналу кондотьеры с постоялого двора бегом явятся ко дворцу.

— Если будет на то воля богов, мы сможем выставить их в тылу любых незваных гостей и замести всех чохом, — подытожил Конан. — А если наша удача иссякнет, мы все равно сможем отбиться от них. Это заставит Акимоса остановиться и призадуматься. А пока он чешет в затылке, настанет наша очередь сделать ход.

Они выпили за эту стратегию, налив вина всем, и Конан отправился проводить своих людей.

Глава 6

Конан снова шел ночью по садам дворца Дамаос. Он находился неподалеку от места своего псевдобоя два дня назад. На ноги он натянул сапоги, под тунику — кольчугу, а на поясе в дополнение к мечу покачивалась палица.

Посоха для розыска капканов на человека северянин с собой не взял, так как искать их не требовалось. Убрали их по совету Конана, правда, совет пришелся Резе не по душе. Услышав такое требование, дворецкий сделался похожим на папашу, которого призвали утопить родных детей.

— Я хочу, чтобы любой прошел через сад и приблизился к дому прежде, чем поднимут тревогу, — объяснил Конан. Он старался не прибегать к тону, который употребил бы, говоря с ребенком или женщиной, по крайней мере с женщиной менее упорядоченного ума, чем Ливия.

— Им же тогда будет легче проникнуть в дом, — настойчиво указывал Реза.

— А также труднее уйти, — ответил Конан. — Им придется пересечь все эти прекрасные открытые лужайки, в то время как мои и твои лучники будут сидеть на крыше с набитыми колчанами и зажженными факелами.

— Полагаю, риск стоящий, — высказала свое мнение Ливия.

— Да подведут меня мой меч и мое мужское достоинство, если это не так, — поклялся Конан. — Мы хотим не просто отогнать тех, кто там ни заявится.

Даже между собой они не употребляли выражения «люди Акимоса».

— Мы хотим не просто отпугнуть этих сыновей болотных троллей. Нам надо съесть их на полуночник и бросить их кости в морду их хозяевам. Напугать мы хотим хозяев, а не слуг!

Реза прожег Конана взглядом. Злили его, несомненно, употребляемые Конаном выражения. Несмотря ни на что, Реза, похоже, считал, что уши его госпожи слишком невинны и девственны и их надо оберегать от солдатской речи.

Прежде чем дворецкий смог заговорить, Ливия кивнула.

— Да, а не долгой, утомительной битвы до того, как Дом Дамаос окажется в безопасности. Покуда мы деремся, у меня будет мало женихов, за исключением желающих защитить меня за цену, которую я, может, и не пожелаю платить.

Конан слышал о нынешнем урожае женихов госпожи Ливии. Единственный вопрос, где у них с Резой обнаружили одинаковые взгляды: все они были недостойны ее. Если они какое-то время посидят в собственных домах, Дом Дамаос от этого ничего не потеряет.

Но Конан знал, что ему не по чину говорить это. Слово «чин» он хорошо усвоил с тех пор, как прибыл в Аргос; оно, казалось, незримо парило над будничными взлетами и падениями человека, в такой же мере, как «лицо» — среди жителей Кхитая.

Повращавшись несколько дней среди аргосийцев, он усвоил, что это значило в основном сидеть и слушать, как говорят другие. И довольно часто те говорили ему больше, чем хотели дать узнать. Поэтому идея «чина» возмущала его гораздо меньше, чем он ожидал.

— Судить о собственной ценности можете только вы сами, сударыня, — сказал Конан. — Я же всего лишь солдат. И сужу о ценности запугивания врага до одури. А также о ценности недопущения, чтобы кто-либо из моих ребят попал в эти капканы.

— Твои ребята теперь уж должны ознакомиться с участием, — пробурчал Реза.

— Некоторые ознакомились, а некоторые нет, — отозвался Конан. — Те, что на постоялом дворе, безусловно не ознакомились. Кроме того, если в доме есть шпион, — Реза кашлянул, и Ливия сделала ему знак помолчать, — то он известит своих, что капканы убраны. Сад не опасен.

Любые нападающие могут перелезть через стены и прогуляться до дома, где наши ребята на крыше смогут практически поспать на них!

Ливия улыбнулась, затем хихикнула, а затем уже откровенно рассмеялась. Слышать такой смех было бы приятно любому мужчине, точно так же как приятно смотреть на эту даму.

— Желала бы я, чтобы мы действительно могли это сделать, — проговорила наконец она. — Представляете себе, что скажут своему хозяину те бедные дурни, когда вернутся домой? Если они осмелятся вернуться домой, а не просто сбегут в Куш, сменив имена.

Реза наконец улыбнулся:

— Ну, Конан, теперь я знаю, как хорошо тебя обучил старый капитан Хаджар.

— Давайте не будем продавать шерсть еще не купленной овцы, — предостерег Конан.

И все дружно выпили за отличную толстую овцу, которая должна забрести к ним в последующие несколько ночей.

С крыши дворца раздался крик черной совы. Бесшумно, как охотящийся тигр, Конан поспешил к месту встречи с посыльными. Когда киммериец встал спиной к дереву, к нему подбежал Вандар:

— С крыши видно вооруженных людей.

— Есть какие-нибудь отличительные знаки?

В большинстве городов ночью было бы трудно даже отличить людей от обезьян, не говоря уж о том, чтобы разобрать отличительные знаки домов. Но в богатых кварталах факелы освещали улицы Мессантии достаточно ярко, чтобы разобрать и число, отчеканенное на аквилонской монете в десять крон.

— Никаких. Но дамаосец сказал, что они смахивают на Воителей.

— Эрлик их в задницу!

Конан мог стерпеть город, улицы которого не превращались между закатом и рассветом в джунгли. Он уже довольно давно расстался с профессией вора, когда увидел, что она сулит лишь скудный паек и паскудную жизнь, да притом весьма недолгую. Но последнее, чего ему сегодня хотелось, — это ввязываться в частную драку с прицепив-

шимися Воителями, когда он приготовился противопоставить своим врагам собственную силу и сталь.

Вандар пожал плечами:

— Реза у ворот. Если он почует что-то подозрительное...

Ночь разорвал пронзительный крик. Конан и Вандар стремительно обернулись, их мечи мгновенно вылетели из ножен. Спутники побежали к дому. Конан дважды останавливался, чтобы издать охотничий крик леопарда — сигнал парню с фонарем на крыше. Догнав Вандара у великолепной статуи обнаженной женщины, Конан увидел, как фонарь начинает мигать. Теперь, если наблюдатель на крыше постоянного двора был хотя бы наполовину так трезв, как ему полагалось.

Из кустов выбежала женщина в одной ночной рубашке, с широко раскрытыми, но ничего не видящими перед собой глазами. Конан преградил ей путь. Она наскочила на его руку и отлетела обратно, словно наткнулась на ветку дуба. А затем, зарывшись, рухнула на землю. Вандар опустился на колени и прокричал ей в самое ухо:

— Что случилось? Отвечай, а не то я...

Конан схватил парня за шиворот туники и резко поднял на ноги. А затем схватил женщину за руку и сделал то же самое.

— Что же там все-таки случилось? — спросил он мягче.

Женщина разинула рот, а потом замотала головой, словно искусанная мухами лошадь.

— Опять колдовство! Ох, мы-то думали, что больше не столкнемся с ним. Но оно опять повсюду. Хуже, чем прежде. — Ах, сударь, если вы владеете ну хоть какой-то магией...

Конан переложил меч в левую руку и сунул женщину под мышку правой. Когда он это сделал, ее ночная рубашка зацепилась за куст и порвалась.

Потом Конан добрался до дворца и поздоровался с госпожой Ливией, держа в одной руке меч, а под другой — обнаженную женщину. Глава Дома Дамаос была и сама одета в одну ночную рубашку, и лицо у нее отливало молочной бледностью, но, увидев Конана, она сумела улыбнуться.

— А я думала, вы, капитан, один из тех, кто не пускает руки со служанками дома.

— Только не в том случае, когда они налетают на меня, что-то тарыхтя о магии. Снова действует тот цепной колдун?

Ливия кивнула:

— Вспышки света, звуки, вонь, трескающиеся и протекающие кувшины и бочки. Все пока только в погребе. Я приказала всем убраться из...

— Боги, женщина! — взревел Конан. — Да ведь наши враги именно этого и хотят! — Он бесцеремонно бросил женщину на траву и взлетел по лестнице, перескакивая через две ступеньки. Вандар неся за ним по пятам.

— Где погреб? — проревел Конан.

Какой-то слуга показал дрожащей рукой:

— Там. Но в нем вырвались на волю демоны.

— Демоны разлетаются с вами! — крикнул Вандар. — Доморошенная магия — это для малых детей. Ну-ка посторонись и дай пройти к погребу мужчинам!

Конан порадовался в душе, что Вандар верит в него, но все равно столкновение с магией не доставляло ни малейшего удовольствия. Когда он очутился перед темной лестницей, сердце его на короткий миг сжала холодная рука, а затем это ощущение прошло, когда он ринулся вниз, как в омут головой. Вандар последовал за ним, а потом и четверо охранников Дома Дамаос, с двумя факелами.

Факелы им едва ли требовались. Свет в подвале мог быть и магическим, но он был достаточно реальным. Розовые, малиновые, бирюзовые и изумрудные огни плясали и вспыхивали на каждом металлическом предмете, даже на ободах и бочках.

Свет этот искажал предметы, но также показывал и препятствия под ногами вошедших. Конан сбежал вниз по лестнице.

— Где вход в туннели? — шепнул он ближайшему дамаосцу. Тот стискивал меч обеими руками, махал им перед собой, словно пытаясь изгнать огоньки света, и ничего не ответил.

Находившийся позади всех факельщик крикнул:

— Никогда не слыхивал о таком, по крайней мере в этом доме.

— Да, — подтвердил другой факельщик. — Но я слышал о странных звуках и запахах, а иногда и дуновении около северо-западного угла винного погреба.

Конан возблагодарил богов, что у кого-то есть хотя бы блошинные мозги, и повел всю компанию к винному погребу. Они обнаружили, что тот по голень залит вином из протекающих бочонков и кувшинов. Конан остановился на пороге и ткнул в вино мечом.

Сделав это, он заметил, что в противоположном углу погреба поверхность вина зарыбила. Над ней, казалось, задувал ветерок, становясь прямо на глазах у Конана все сильнее. Ветерок, дующий из угла погреба.

Конан настойчивым взмахом руки велел своим людям отойти. Когда те начали отступать, погреб наполнился грохотом и скрежетом металла по камню. Когда скрежет поднялся до режущего слух и казалось, вот-вот расколет землю под ногами, магические огоньки погасли. Так же как и все другие огни в погребке, включая факелы товарищей Конана и немногие уцелевшие факелы в поставцах на стенах. Конан прижался к ближайшей колонне.

Теперь он увидел, как часть стены погреба медленно поворачивается, до тех пор пока не открылась узкая щель. Через эту щель один за другим проскользнули несколько человек, в основном оборванцы, а некоторые — полуголые, но все с годной к бою сталью в грязных мозолистых руках.

К тому времени когда прошла дюжина, товарищи киммерийца увидели, что же происходит. И каким-то образом у них хватило ума остаться безмолвными. Осторожными взмахами меча, Конан заставил их всех отступить к лестнице. К тому времени когда отошел последний из них, в погребке уже набралось добрых два десятка незваных гостей.

Конан нащупал у себя на поясе кремень и кресало, а затем прикинул на глаз расстояние. Если ему не изменяла память и эти гости потратят еще немного больше времени, очухиваясь после путешествия через туннели под городом...

Гости двинулись дальше, когда Конан добрался до бочки, которую искал. Он ухватился за край, прокатил на одну стопу и обрушил другую стопу в сапоге на затычку. От удара не только затычка вылетела, но и сама бочка зафонтанировала из дюжины щелей.

Заслышав грохот от пинка киммерийца, гости встали как вкопанные и стали озираться по сторонам, пытаясь определить источник шума. Ни один из них не обладал

кошачьим зрением Конана, и потому никто из них не увидел, как северянин повернулся, загоразивая кремь с кресалом своим массивным телом. Вспыхнула искра, загорелся трут, а горящий трут упал в лившееся из пробитой бочки огненное вино.

Огненное вино плохо расходилось за пределами Аргоса. Мало кто слышал о нем, не говоря уж о том, чтобы пить его. Выпив всего одну чашу, Конан готов был оставить его аргосийцам. Но пусть и лишенное букета, огненное вино обладало одним, очень полезным в данный момент для киммерийца, достоинством. Если поднести к нему открытое пламя, оно вспыхивало, как жидкая смола.

Выпущенное Конаном из бочки, огненное вино настолько перемешалось с обычным вином, что медлило загораться. Долгий миг Конан гадал, не погасило ли обычное вино пламя.

Затем по залитому вином полу погреба распространилось голубоватое свечение, похожее на блуждающий огонек. Оно началось с места, где Конан бросил трут, но быстро ползло к пришельцам, поднимаясь по мере продвижения все выше и выше. К тому времени когда оно добралось до них, это свечение стало настоящим пламенем, поднимавшимся аж до колена.

Пришельцы не собирались стоять и ждать, когда пламя доберется до них. Они с воем и воплями рванулись, раскидывая друг друга, к стенам или к двери. Не нанеся ни единого удара, Конан, по его прикидке, лишил боевого духа половину гостей.

Другая половина состояла из ребят покрепче или, возможно, из боявшихся чего-то больше, чем пламени огненного вина. Они с криками и руганью хлынули вперед, расплескивая вино и прорываясь сквозь пламя.

Миг спустя они уже были повсюду вокруг Конана. Тот стал спиной к ближайшей стене и размахивал направо-налево мечом. Никто из противников, похоже, особо не умел обращаться со сталью, или, возможно, они просто мешали друг другу. Конану определенно потребовалось совсем немного времени для боя, оставившего трех врагов убитыми и еще двоих ранеными.

Пятерых оставшихся хватало для того, чтобы полностью задействовать даже меч киммерийца. Тот плел перед собой стальную паутину, думая, что, наверно, он немного поспешил отсылать своих товарищей в тыл.

Он также услышал наконец и выкрикиваемый противниками боевой клич. Крик этот — «Вперед, всегда в бой» — был боевым кличем Дома Лохри.

Чтобы Дом, наследник которого ухаживал за Ливией, посылал против нее вооруженных людей? Это имело столь же мало смысла, как все когда-либо встречавшееся Конану. А он в свои двадцать три года повидал больше безумия, чем большинство людей вдвое старше него.

А если они замышляют похищение? Возможно. Если так, то ему лучше всего покончить с этими бандитами или по крайней мере заточить их в погребе и посмотреть, как дела в других местах. Конан ничуть не сомневался, что таких дел будет более чем достаточно.

В следующий миг стало казаться, что, возможно, эти бандиты сами покончат с Конаном. Яростная атака вожака заставила Конана крепко прижаться к стене. Вожак схватил правую руку киммерийца клешней в кольчужной рукавице и вывернул ее.

Рука Конана рванулась вперед, и вожак отлетел назад, сшибив одного из своих товарищей. Его голова с хрустом впечаталась в колонну. Он съехал по ней на пол и присоединился в вине к сшибленному.

Но из-за этого движения захват на рукояти меча у Конана на мгновение ослаб. И в этот миг удар высек искры из стали и вышиб меч из руки киммерийца.

В следующее мгновение противники Конана выяснили, что обезоруженный киммериец отнюдь не беспомощен. Подвернувшаяся под руку бочарная клепка треснула одному по колену. Двое других попятнулись.

Теперь у Конана нашлось время схватиться за бочку с вином. Полную он не смог бы поднять, несмотря на свою силу. Но пиршество и бой лишили ее большей части содержимого. Он поднял ее над головой, а затем швырнул.

Она была более чем достаточно тяжела для того, чтобы сшибить с ног в вино обоих оставшихся врагов и удерживать их там, пока они не захлебнулись.

Конан опустил в вино на колени, положив одну руку на кинжал, и пошарил другой, пока не наткнулся на рукоять меча. Стряхнув с клинка вино, он разбил булавой еще несколько полных бочек. В двух было обычное вино, а в одной — огненное.

Огненное вино подпитывало пламя, а обычное — подняло уровень жидкости в погребе. Конан наблюдал, как

вино перехлестнуло через порог потайной двери и хлынуло в лежавшие за ним глубины. Миг спустя он услышал хор воплей.

Он подумывал закрыть дверь, дабы преградить путь любым прочим врагам, ожидавшим в туннелях. Теперь же казалось, что поток горящего огненного вина справится с этим ничуть не хуже.

Конан отступил из залитого вином погреба. Голубоватое пламя огненного вина теперь ясно освещало его. Высветилось лицо павшего вожака. И в этом лице к тому же было что-то сверхъестественное...

Конан мог бы поклясться, что лицо у вожака было бледным и веснушчатым, волосы — светлыми, почти до белизны.

Несомненно боссонец, аквилонец или даже ван.

Однако теперь это лицо потемнело, так же как и волосы, и произошло это не из-за огня или дыма. Убитый казался почти таким же темнокожим, как кушит или человек с родней в Черных Королевствах.

Конан сказал себе, что это игра света и что его должны занимать иные дела. Но обладающее холодом знание, что где-то поблизости таится неизвестное колдовство, заставило его руку крепче стиснуть рукоять меча, когда он снова присоединился к своим товарищам.

Конана встретил Вандар:

— Мы заперли дверь, ведущую в погреб. Если б кто и прошел мимо нас, они б никуда не вышли.

— Да, — поддержал его второй факельщик. — Правда, никто и не пытался пройти, за исключением одного. Тот налетел на нас в ту самую минуту, когда по лестнице кубарем скатилась горничная. Догадываюсь, чем она занималась, так как к нам она свалилась в чем мать родила.

Вандар обнял за талию стройную фигурку, одетую теперь в рубашку мужчины вдвое крупнее ее.

— В самом деле, тот стигийцев сын, должно быть, никогда не видел женщины, потому что он выпучил глаза и стоял разинув рот, пока Гебро не подошел к нему сзади с булавой. — Он пнул валявшуюся на полу связанную фигуру с кляпом во рту и получил в ответ приглушенное криканье.

— Ну по крайней мере есть хоть один пленный, — порадовался Конан. — Хорошая работа. — Он повернулся к горничной: — Как дела наверху?

Девушка вытянулась во весь рост, что выгодно обрисовало ее женственную фигуру в мокрой рубашке.

— Меня занимали иные дела, пока вдруг... ах, ему пришлось убежать сражаться с ведьмами, или колдунами, или болотными демонами, или с чем-то там еще. Я направилась напрямик сюда, и с тех пор знаю только, что делают эти люди. — Она прильнула спиной к обнявшему ее Вандару, и паренек усмехнулся.

— Отлично, — промолвил Конан. — Мне лучше податься и...

На этот раз они услышали сверху суматошные вопли. А также безумный клич «Вперед, всегда в бой».

Конан взлетел вверх по лестнице, а следом за ним Вандар.

— Стеречь погреб, — крикнул он через плечо. — Если какая-то кучка пробьется оттуда, деритесь и зовите на помощь. Если пробьется больше, поднимитесь и закройте за собой дверь. В любом случае огненное вино сдержит их, пока мы не уладим дела наверху.

Киммериец одолел уже пол-лестницы, когда заметил, что горничная следует за ними.

— Кром поberi, девочка! Там внизу безопаснее!

— Мне семнадцать, капитан. Не называйте меня девочкой. И я должна найти Псиросу. Он...

— Вероятно, слишком занят попытками остаться в живых, чтобы думать о девахе, — пробурчал Вандар. Он явно возомнил, что горничная втюрилась в него, и ее намерение искать своего любовника вызвало у него ревность.

Конан какую-то минуту подумывал, не стукнуть ли их пустыми головами друг о друга и оставить обоих на лестнице.

Затем кто-то распахнул дверь на лестничной площадке.

— Колдун! — завопил он и хотел было захлопнуть дверь обратно.

Конан одним прыжком преодолел оставшиеся ступеньки, схватил крикуна за руку и рванул на себя. Рука проскользнула в щель между дверью и косяком, как раз когда на дверь навалились товарищи крикуна.

Бедняга завопил, как двенадцать демонов сразу. Конан, уже навалившийся плечом на дверь, почувствовал, что товарищи этого малого заколебались. Он навалился на дверь всем своим весом и почувствовал, как та открывается.

Совершенно неожиданно массивная, окованная железом дубовая дверь распахнулась, грохнувшись о стену и скосив

на своем пути несколько человек. К Конану устремился меченосец. Киммериец парировал булавой рубящий удар по низу, увидел, что на рукаве у бойца повязка Дома Дамаос, и прорычал ему прямо в ухо:

— Эй, дурень! Свой, свой, свой!

Полуоглушенный воин отступил на шаг — как раз вовремя, чтобы получить удар коротким мечом в живот. Атаковавшему пришлось полуотвернуться от Конана, чтобы высвободить клинок. А тяжелый меч киммерийца раскроил ему череп от макушки до переносицы.

Затем наступил еще один из тех периодов, когда Конану пришлось плести перед собой стальную паутину, защищаясь от противников — слишком многочисленных, чтобы сосчитать их, и слишком умелых, чтобы пренебречь ими. Он смутно сознавал, что к нему подбежал Вандар и стал плечом к плечу с ним, а та девочка — женщина, если уж она так настаивала! — стояла позади Вандара.

Даже крепкой руке Конана потребовалось некоторое время для превращения противников в истекающие кровью трупы. Наконец киммериец увидел, что врагов перед ним уже не осталось. Однако боковым зрением успел заметить подбирающуюся с тылу огромную фигуру.

Вот в этом он нуждался еще меньше, чем в кровожадной девахе, — в противнике, почти не уступающем ему размерами и, по всей видимости, сильном, как бык.

— Капитан Конан!

— Реза?

— Ворота закрыты. Я оставил в караулке у ворот нескольких воинов, а с остальными прибежал в дом.

Конан пробился сквозь защиту последнего врага, рассек ему руку до кости, а затем прижал его спиной к стене и приставил к горлу острие меча. Меч этот не был колющим оружием, но острие все же рассекло кожу. По горлу заструилась кровь.

— Сдаешься? Или мне чуть нажать?

— Я...

Реза протянул руку через плечо Конана, схватил тощего за волосы и хрястнул затылком о стену. Висевшие там клочья окровавленного гобелена ничуть не смягчили такого удара.

Тоший, обмякнув, сполз на пол.

— Внизу есть еще один пленник, — сообщил Конан. — И я видел нечто.

Реза поднял руку, призывая к молчанию. Конан придержал язык, но не услышал ничего, кроме замирающего шума боя.

— Этот доносится с северной лестницы, — определил Реза. — Ходу!

Конан не спорил. Когда они рванули, он спросил:

— А что там на северной лестнице?

— Возможность перекрыть путь на крышу, из покоев госпожи.

Если на дом совершенно открытое нападение, то госпожа Ливия должна была собрать в своих личных покоях женщин и не годных к бою мужчин. Вход к ним могло защищать всего двое бойцов. Из покоев на крышу вела винтовая лестница, где были расставлены лучники. Но если нападавшие быстро добрались до верхней лестницы, они еще могли вырвать победу или по крайней мере заложников собственной безопасности.

Несомненно, Воители займутся улаживать дела в соответствии со своими представлениями, когда наконец соберутся. Но теперь Конан опасался, что их приход не спасет даже хозяйку Дома Дамаос, не говоря уж о невинных, которые уповали на ее и его защиту.

Ярость и оскорбленная честь погнали Конана вперед Резы. И он все еще бежал первым, когда они взлетели по северной лестнице. Когда они добрались до верха, рослый иранистанец поравнялся с киммерийцем.

— Я знаю дорогу лучше твоего, — пропыхтел Реза. — Честь дома Дамаос охраняю я. — Он бросил талвар в ножны и снял висевшую за широкой спиной двуручную палицу. Та выглядела выдавшей виды, и это сказало Конану, что Реза, должно быть, служил в самом отборном отряде наемников — шайке Харука. Единственные в войсках Турана, они были обучены сражаться и конными, с луком и копьем в руках, и пешими, с талваром и палицей. Позволить такому человеку первым вступить в бой вовсе не будет бесчестьем.

— Оставь нескольких и мне, Реза.

— Госпожа выдергает мне бороду, если я не оставлю, киммериец. Не бойся!

Два рослых воина мчались вверх по лестнице, увлекая за собой подчиненных, следовавших за ними как ведра из колодца. На лестничной площадке Реза отправил четырех дамаосцев обыскать боковые покои:

— Берите пленных, если можете, но держитесь вместе и прежде всего спасайте наших!

Определить дверь второй лестницы на крышу было легко.

Ее охраняла дюжина вооруженных молодцов, смотревших сразу во все стороны. У их ног в лужах собственной крови лежали двое дамаоских охранников.

Уши Конану резанул пронзительный крик, напоминавший вопль дикой кошки. Девочка из погреба бросилась вперед, выхватив из-под рубашки кинжал. Незваные гости так и разинули рты при виде ринувшейся на них сумасшедшей.

Они были слишком заняты разеванием ртов, чтобы заметить несшегося по пятам за сумасшедшей Конана. Не дай боги, чтоб эта худенькая девочка обскакала его и вступила в бой первой! Его меч свистнул, вылетев из-за плеча девушки, словно смертоносный драконий язык. И лизнул одного пришлеца. Тот дернулся и завалился набок. Клинок киммерийца снес ему полчерепа. Девушка прыгнула на спину другому, вцепившись врагу одной рукой в глаза и беспорядочно кромсая кинжалом, зажатым в другой.

У оставшихся хватило ума расступиться перед Конаном. Они, несомненно, надеялись завлечь его вперед, а затем окружить и зайти сзади. Надеялись они напрасно: когда они начали этот маневр, подоспел Реза. Дворецкий-иранистанец был не столь скор на ногу, как Конан, но компенсировал это, когда булава крутилась — свет вспыхивал, отражаясь от ее полированного набалдашника. Затем полировка исчезла под свертывающейся кровью, когда булава крушила черепа и ребра, разбивала вдребезги колени и бедра и со страшной скоростью разрушала конечности.

Реза и его булава и впрямь учинили такой разгром, что Конан и другие оказались почти лишенными противников. Однако, судя по докатывавшемуся по лестнице звукам, на крыше это можно будет исправить!

— За мной!

Конан быстро преодолел коридор. Теперь он, казалось, взлетел по винтовой лестнице. На полдороге в камень около его головы ударила стрела и отскочила вниз. Несколько ступеньками выше лежало тело со стрелой в ребрах. Сочившаяся из раны кровь сделала лестницу скользкой, но Конан был еще на ногах, когда по лестнице скатились двое человек, сцепившихся мертвой схваткой.

Конан подождал, пока сверху не оказался боец без повязки. А затем схватил его за руку и за волосы, снял его с противника и трахнул им о камень. Тот обмяк, но Конану думалось, что он еще дышит.

Однако у него не нашлось времени убедиться в этом, так как доносившийся с крыши шум боя достиг своего крещендо. Когда Конан добрался до верха лестницы, то увидел, что лучники отступили в один угол у дымоходов, защищаясь как могли короткими мечами и ножами. Несколько лучников уже лежали не двигаясь, равно как и несколько их противников. Покуда лучники были слишком заняты ближним боем, чтобы стрелять, сады были для врага свободным путем хоть для входа, хоть для выхода.

Конан подбежал к краю крыши, чуть не кувыркнувшись в крону яблони. Все, кого он видел в саду, суматошно бежали к стенам. У незваных гостей было преимущество в численности, но преследователи из Дома Дамаос гнали их, как осенний ветер листья.

Конан стремительно развернулся, готовый освободить лучников для дальнбойных действий. И обнаружил, что Реза и остальная их группа уже принялись за это. Дымоходы окружила бурлящая масса рубящих, вопящих и цапающих друг друга тел.

Когда Конан приблизился, из толпы дерущихся выскочил высокий светловолосый человек с длинными усами. Бросил один взгляд на забрызганного кровью киммерийца и рванул в сторону.

— Остановите его! — донесся крик. — Того усатого, это вожак!

Меч Конана рассек воздух в ладони от вожака. Вместо того чтобы сделать ответный выпад, тот бросил оружие, а затем вскочил на парпетные камни и бросился вниз. Когда Конан посмотрел туда, усатый лежал, растянувшись, на садовой лестнице, с головой под невозможным углом к шее.

Дезертирство вожака лишило боевого духа остальных незваных гостей. Громко просить пощады они уже были не в состоянии. И потребовалось немало криков и несколько резких ударов Конана и Резы, чтобы убедить своих воинов пощадить проигравших.

Бой на крыше был последним вздохом атакующих. Пока лучники были заняты иным делом, большинство еще способных двигаться сочли за лучшее поскорее убраться. Ка-

раулку у ворот удерживали воины Резы, и единственный путь к безопасности вел через стену. Удирающие им и воспользовались.

В скором времени из противников остались только сидящие у дымохода связанные пленники. Да трупы, покрывавшие стену или валявшиеся в саду. Реза вернулся на первый этаж посмотреть, как там дела, в то время как Конан спустился в покои госпожи Ливии доложить о победе.

Он застал госпожу перевязывающей длинную резаную рану на ноге пожилого слуги. Руки у нее были заляпаны до локтей кровью, а гладкие прямые волосы свисали по обеим сторонам вспотевшего лица. Однако она приветливо улыбнулась, когда северянин появился на пороге и поклонился.

— Ты теперь делаешь это так хорошо, словно прирожденный аргосиец.

— Спасибо, сударыня. — Он рассказал ей о бое, сколько знали о нем он и Реза.

— Разве вы не знаете, кто подослал этих людей?

Конан пожал плечами:

— Я слышал боевой клич. Однако это может быть ложным сигналом.

Ливия кивнула:

— Чары тенелица были запрещены в Аргосе одними из первых. Если б я прибегла к ним для убийства, то тоже постаралась бы скрыть свои следы.

— Я не такой уж плохой следопыт, — сказал Конан. — С вашего разрешения я задам некоторым из пленников несколько вопросов.

— А если они откажутся отвечать?

Конан снова пожал плечами:

— То, сколь долго они будут отказываться, зависит от того, что вы позволите мне с ними делать.

Ливия сглотнула и пристально посмотрела на Конана. Миг спустя она, казалось, поняла, что никакой апелляции на приговор в холодных голубых глазах воина не будет. Ее голова дернулась.

— Закон насчет пыток строг. Но он также строг и по части вторжения в чужой дом с целью грабить, калечить и убивать! Даю тебе разрешение сделать все, что должно быть сделано.

— Благодарю вас, сударыня.

Киммериец повернулся к выходу, усталый, но довольный. Он служил хозяйке, которая знала, что на войне знание — половина победы.

Глава 7

Госпожа Ливия сидела на постели, держа на коленях золотое блюдо, и потягивала вино из чаши. Большую часть мебели в ее покоях пустили на сооружение баррикад, за исключением тумбочки. Та находилась теперь внизу на кухне, где Кирос-целитель хранил в ней свои лекарства и инструменты.

Все, что ни требовалось Киросу из имеющегося во дворце Паласиос, он получит. Поднятый с постели посланцем Ливии, он явился тотчас же, и привел с собой еще одного слугу. Он узнает или догадается, что случилось, так как мало в Мессантии домов, которые могли что-то скрыть от Кироса. Но то, что он знает, никогда не сорвется с его уст, что бы там ни пустили в ход — золото, пытки или магию.

Из внешних покоев донесся долгий вой, а за ним — рыдания. Некоторые раны не поддавались исцелению даже для Кироса. Мертвых он воскрешать не умел, равно как и уменьшить горе тех, чьи любимые лежали в погребке, накрытые одеялами.

Сквозь вой девушки прорвался голос одной из горничных Ливии, говоривший утешающие слова, твердый и лишенный ложного успокаивания. Обе горничные выдержали второе нападение намного лучше, чем первое, служа примером для всех женщин дома и даже для некоторых мужчин.

В скором времени ей надо будет позаботиться о хороших мужьях для обеих. Ливия не питала никаких иллюзий насчет того, что мужчины примут ее старых слуг с распростертыми объятиями. Одну горничную, повара-другого, и, возможно, конюхов и садовников, если ее новому дому будет не хватать прислуги, — но это и все. Что же касается принятия на службу Резы — с таким же успехом можно добиваться звания архонта.

Горничная внезапно умолкла, и Ливия поплотней завернулась в надетый поверх ночной рубашки халат, когда кто-то постучал в наружную дверь. Миг спустя она услы-

шала знакомый глухой голос, а затем почти столь же знакомую поступь пантеры.

— Доброе утро, капитан Конан.

Киммериец посмотрел в сторону окна. Небо бледнело от близящегося рассвета.

— Вы... их трудно было заставить говорить? — Она обнаружила, что у нее как-то язык не поворачивается произнести слово «пытать». Она презирала себя за такую щепетильность, тем более что Конан наверняка отнесся бы к этому именно так, а она обнаружила, что ей очень дорого хорошее мнение о ней.

— Кром поberi, нисколько, — искренно ответил пораженный Конан. — В бою прошлой ночью мне не отшибло ум, и его хватило, чтобы не пытаться граждан Аргоса. Правда, большинство из них, госпожа, совсем не делают чести Аргосу. Но...

Ливия сделала глубокий вдох:

— Если вы их не пытали...

— То что же мы сделали? Достаточно просто. Я сказал им, что если они хотят умереть настоящими мужчинами, а не евнухами, то им лучше заговорить, и по-быстрому. А затем вывел одного из них в соседнее помещение, а один из моих ребят может изобразить голосом все что угодно и кого угодно.

Ливия схватила блюдо обеими руками, но ее пальцы, казалось, обессилели. Блюдо соскользнуло у нее с коленей, расплескав по ковру масло и кусочки рыбы. Конан изящно опустился на колени и поднял его, а затем подал госпоже чашу с вином. Их пальцы на мгновение соприкоснулись. От этого прикосновения по руке Ливии, казалось, пробежал огонь, к горлу подступил комок. Пару секунд она не могла сглотнуть.

Наконец к Ливии вернулся дар речи:

— Значит, они заговорили. И что же они вам рассказали?

Конан изложил кратко, но не оставил за скобками ничего, что требовалось узнать. Когда она увидела, как тяжело поводит плечами северянин, почувствовала исходящий от него запах пота и засохшей крови, — наверняка чужой! — то поняла, что даже этот железный киммериец может устать.

— Ну, Конан, «благодарю тебя» — это только слова, да притом слабые, — сказала наконец Ливия. — Когда я

чуть больше соберусь с мыслями, то придумаю какую-нибудь награду получше для тебя и для твоих бойцов. А теперь мы должны заняться подготовкой дома к визиту госпожи Дорис и господина Арфоса...

Конан перебил ее всего лишь покашливанием, но все же перебил. Ливия нахмурилась.

— Простите меня, госпожа Ливия, но, по-моему, вам следует отправить гонца в Дом Лохри и предложить им наведаться как-нибудь в другой раз. В крайнем случае завтра. А еще лучше — послезавтра.

Ливия постаралась не допустить в свой голос немилостивый холодок. И, увидев выражение лица киммерийца, поняла, что ей это не удалось. Конан, как барсук в своей норе, окапывался, готовясь к бою.

— Я знаю, что это поможет заставить их думать, что нас ничто не может выбить из колеи. Но нашим людям надо обыскать дворец и прилегающий к нему участок. Кто-то ведь мог и забиться в щель, — может, случайно, а может, и нарочно. Что если он выскочит сегодня вечером и всадит нож в Арфоса?

Ливия кивнула:

— Но ведь госпожа Дорис использует свое знание о том, что с нами случилось.

— Пусть! — отрезал Конан. — Мне хотелось бы показать ей тела! Может, это достаточно напугает ее, чтобы развязать ей язык. Что-то связанное с ней заставило нашего врага думать, что мы поверили, будто она пытается похитить вас. И мне хотелось бы узнать, что же это такое.

Он говорил дело, но сказанное словно доносилось издалека, словно она находилась на дне глубокого колодца, а он стоял наверху. Она чувствовала на себе его взгляд, а затем северянин шагнул вперед и сильные руки обхватили Ливию. Киммериец обнимал ее как брат сестру. Он нес ее на руках в постель, как больного ребенка, затем укладывая и накрывая халатом...

— Отправьте гонца, капитан Конан. Госпожа Дорис может подождать...

Наблюдая за тем, как караван Дома Лохри вливается в ворота дома Дамаос, Конан с удовольствием дал бы госпоже Дорис подождать еще месяц. Ее люди будут шнырять

по всей территории, как стадо обезьян. К тому времени, когда они уберутся, любые оставшиеся следы происшедшего две ночи назад нападения будет так же трудно найти как кости атлантов.

Конан с Резой сделали все, что могли. За любым из людей Дома Лохри, который забредет в сад, будут следовать по пятам, на почтительном расстоянии, но тем не менее по пятам. Всех будут развлекать по-царски, насколько позволяли дворцовые запасы пищи и вина, чтобы занять их делом насыщения и, наверно, развязать им языки.

Никто даже не заподозрит, что дворец недавно пережил отчаянную битву. Все поврежденное в бою либо починили, либо убрали. Каждый участок пространства, где хватило бы места укрыться затаившемуся убийце с кинжалом, тщательно обыскали и либо замуровали, либо охраняли.

— Видят боги, мы сделали все, что в наших силах, — доложил Конан Резе. Перед самым рассветом они сидели за столом, ужиная разбавленным вином и ячменными лепешками, прежде чем отправиться спать. — Если богам не безразлично, то, возможно, они вознаградят нас, запечатав уста госпожи Дорис. А если и нет, мы по-прежнему можем уповать на это. — Он хлопнул по рукояти меча.

Конан вспомнил, как мажордом тяжело кивнул, но вид у него при этом был болезненный. Киммериец гадал, не мог ли Реза ревновать к прочному положению, занятому в доме новым человеком. В доме, где много лет царил иранистанец. Конан видывал, как такие вещи в знатных семьях приводили к жуткой резне.

Если подобное случится и в этот раз, то какая-то часть той крови, возможно, будет его. И определенно не выиграет никто, кроме господина Акимоса. Значит, он будет при Резе держать язык за зубами, а руку — подальше от меча. Надо беречь себя для боя с настоящими врагами Дома Дамаос.

Теперь караван Лохри целиком прошел ворота. Конан следил, как один всадник слез с кобылы, нагруженной позолоченной сбруей, весившей почти столько же, сколько наездник. Попытка всадника изящно спрыгнуть с лошади обернулась тем, что он растянулся на свежееунавоженной цветочной клумбе. И когда он поднялся, то являл собой весьма жалкое зрелище.

Госпожа Ливия подошла и остановилась рядом с Конаном. Она надела платье, которое можно было назвать простым только в том смысле, в каком прост кусок чистого золота. Сшитое из белого шелка с бледно-розовой каймой и перехваченное кушаком того же цвета, оно выгодно подчеркивало ее рост, ее грациозную фигуру и властную осанку. Ливии, решил Конан, следовало бы родиться дочерью какого-нибудь царствующего дома, той, кому суждено повелевать могучими царствами. Она, в общем-то, зря пропадала в этом городе купцов и их писцов с пальцами в чернилах!

— Приветствую вас, госпожа Дорис и господин Арфос, — поздоровалась Ливия. — Простите нас за вчерашнее послание и за сегодняшнее скудное гостеприимство. У нас было не все благополучно. — Госпожа Дорис открыла было свой широкий рот, но так и не произнесла ни слова. Лицо у нее на вкус Конана было чуточку полноватое, то же самое можно было сказать и о фигуре. Только тогда Конан и заметил стоявшего рядом с этой женщиной нескладного долговязого паренька — нет, мужчину, при всей его неуклюжести. Несмотря на роскошную синюю тунiku и опранные в золото сандалии, выглядел он простым мальчиком на побегушках.

Таково было первое впечатление Конана. Затем он увидел, что взгляд этого нескладехи — должно быть, это и был Арфос — изучает дом и сады. Это был не пустой взгляд идиота, а цепкий взор внимательного человека, пытающегося обнаружить что-то необычное или неуместное. Конан видывал такие цепкие глаза на лицах опытных воров, когда те изучали дом, который собирались ограбить.

— Я понимаю, что не все было благополучно, — сказала госпожа Дорис. Ее голос подействовал на Конана раздражающе, как удары по камню хорошим мячом. — Но не понимаю почему. Ваше послание сообщало немного. Тот колдун снова нанес удар?

То, как она произнесла «колдун», само по себе было оскорблением. Конан увидел, как раздулись ноздри у Ливии. Равно как и у Арфоса.

— Мама, она... э... госпожа Ливия... едва ли могла вместить в послание всю историю. Я хочу сказать — его же всякий мог увидеть, и тогда...

— В самом деле, — перебила Дорис. Рот Арфоса пару секунд оставался открытым, прежде чем он закрыл его.

Конан увидел, что он краснеет как мальчишка. Скорей всего, парень весьма смущенный, вот только мамаша держит его под каблуком, поэтому он и прикидывается таким простачком. Неплохо было бы поговорить с этим парнем наедине, если для поисков его не понадобится копаться под юбками госпожи Дорис!

— Это чистейшая правда, — согласилась Ливия. — И потому предлагаю вам пройти в дом. То, что мы должны сказать, — не для посторонних ушей.

— Но вокруг никого, кроме солнца в небе, — возразила Дорис.

— Но солнце припекает, — заметила Ливия. — А наши слова и без того могут стать достаточно накаленными.

— В самом деле? — переспросила старшая женщина. Ее густые черные брови изогнулись, так же как и ее губы. Конану показалось, что Ливия слегка кивнула.

— Сударыня, вы оскорбляете этот дом, — процедил он сквозь зубы. — Вы считаете, что во дворце вам грозит опасность?

Дорис, похоже, возмутилась:

— Кто этот здоровенный невежа?

— Капитан Конан — кондотьер, он служит со своими войнами Дому Дамаос, — отчеканила Ливия, рассекая это возмущение, как разрезающий яблоко серебряный нож. — Если бы не его помощь, то план того, кто б там ни стремился меня похитить, наверняка удался бы. — Ее голос не оставлял никаких сомнений по части ее подозрений.

Дорис снова лишилась дара речи. К счастью, у Арфоса хватило ума увидеть в этом свой шанс, — не иначе как у него уже был опыт по этой части, подумал Конан.

— Мама, я не могу себе представить никакой опасности для тебя со стороны такого старого и почтенного Дома. Если ты желаешь войти, то я займусь слугами. Кого ты возьмешь с собой?

Дорис, похоже, сообразила, что стоять тут с открытым ртом значило преподносить противнице победу на блюдецке. Она отбарабанила полдюжины имен. Арфос повернулся, собираясь уйти.

Конан неуклюже отвесил поклон:

— С вашего разрешения, госпожа, я хотел бы сопровождать господина Арфоса и позаботиться об удобствах слуг Лохри.

Ливия кивнула. Дорис выглядела так, словно предпочла бы оставить сына на милость змеи, но хозяйка дома уже протянула ей руку. У нее не оставалось никакого иного выбора, кроме как принять ее и исчезнуть за большими дверями в тениях входа.

Конан не стал дожидаться ухода женщин. Он уже спустился по лестнице, шагая так быстро, что господин Арфос чуть не споткнулся, пытаясь не отстать от киммерийца. После этого Конан замедлил шаг. Этого юношу требовалось держать в хорошем настроении, если он хочет развязать ему язык без помощи вина. Нельзя сказать, что Конан постеснялся бы прибегнуть к вину, если б это понадобилось. Но даже дурак вроде Арфоса поостережется пить слишком много хмельного.

Две аристократки просидели наедине большую часть вечера. К тому времени когда Дорис появилась вновь, Конан был уверен в двух вещах. Во-первых, в том, что у господина Арфоса очень крепкая голова, или же очень неболтливый язык, или, возможно, и то и другое. А во-вторых, в том, что этот молодой человек был далеко не так глуп, каким казался — или желал казаться.

Почему Арфос этого желал, Конан не знал. Его опыт знакомства со знатными домами говорил ему, что тут может быть дюжина самых различных причин. Выбирать, которая из них подлинная, было бы гаданием на кофейной гуще, а госпожа Ливия платила ему жалование не за работу гадалщиком.

Вино, выпитое им, чтобы остаться на уровне Арфоса, крутилось в голове у Конана, когда он поднимался по лестнице в покои Ливии. Когда он добрался до верха лестницы, мимо него прошел торопливо шагавший человек — человек в доспехах Воителя со знаком главного архонта на плече и нагруднике.

Миг спустя Конан услышал донесшиеся из покоев женские рыдания. Заслышав эти звуки, Воитель перешел на бег. Он сбежал по лестнице и выскочил за дверь прежде, чем Конан успел крикнуть стражам задержать его. Конан выругал Воителя самыми скверными словами, а затем постучался в дверь.

На стук ответила одна из горничных:

— О, капитан Конан! Моей госпоже хотелось бы сейчас побыть одной. Она пошлет за...

— Я посылаю за вами сейчас, капитан! — донесся из-за двери голос, в котором он едва узнал голос Ливии. — И, Шерма, пошли за Резой.

— Госпожа...

— Сейчас же!

Конан услышал звон разбитого стекла, а затем новые рыдания. Горничная поспешила за дверь, чуть ли не с той же быстротой, что и Воитель. Конан толчком открыл дверь и вошел в покои Ливии.

— Вы посылали за мной, сударыня?

Ливия подняла покрасневшие глаза, вытерла нос и кивнула.

— Простите меня, капитан. Мне не следовало бы быть такой слабой, но...

Если за это в ответе госпожа Дорис, то Конан поклялся, что наведается к этой женщине, положит ее себе поперек колена и отшлепает ее как следует, пока ее задница не будет такой же красной, как глаза Ливии. Если уж это не улучшит ее манеры...

— Капитан, госпожа Дорис отрицает, что она имела какое-то отношение к тому нападению. На этот счет я не сомневаюсь в ее словах. Но она также отказывается сказать хоть слово о том, кто мог желать посеять рознь между нашими домами.

Конан нахмурился. Хоть пьяный, хоть трезвый, этот господинчик Арфос тоже говорил мало. Однако кое-что из этого малого заставило Конана гадать, не был ли он больше озабочен торжеством правосудия, чем, похоже, была озабочена его мать. Возможно, это было всего лишь актерской игрой, игрой, которой он надеялся обмануть здорового тупого скота-киммерийца. Но если это не игра, если Арфос был серьезно заинтересован в сватовстве к Ливии на собственных условиях, а не на условиях своей матери, то из этого могло что-то выйти.

В то же время, насколько мог судить Конан, его хозяйку беспокоила не только неразговорчивость госпожи Дорис. Он принес воду и чистое полотенце, и к тому времени, когда появился Реза, Ливия уже умыла лицо.

— Я направила прошение архонтам, прося допросить наших пленников и вызвать на допрос господина Акимоса. Я надеялась, что госпожа Дорис присоединится к моему прошению. Для нее это даже более выгодно, чем для меня, она могла бы очистить таким образом свое имя.

Архонты отказали в просьбе. Они утверждают, что, хотя наш дом подвергся незаконному вторжению, мы не имели никакого права принимать на службу капитана Конана и его людей.

— Кром!

Реза пробормотал по-иранистански что-то подлиннее, но едва ли похуже. Ливия кивнула:

— Поэтому из-за того, что два нарушения закона уравновешивают друг друга...

— Клянусь медными яйцами Эрлика! — прогремел Конан. — Кто ваши архонты, мужики или евнухи?! Неужели жителям Аргоса больше нечего делать, кроме как день-деньской создавать законы, мешающие честным людям защищаться?

— Давно известно, что похоже на то. — Голос у Ливии оставался ровным, но Конан заметил, что, закончив, она прикусила губу.

— Ну тогда давайте нанесем визит Акимосу, — предложил Конан. — Мы можем сделать его официальным визитом, пыльным и аляповатым, как госпожа Дорис в ее наихудшем виде.

Реза, похоже, никак не мог решить: смеяться ему или гневаться.

— Это может нам кое-что сообщить, — продолжал Конан. — Или я могу взять с собой нескольких самых подходящих из моих ребят и нанести ему менее официальный визит. А это может подсказать нам и того больше.

— Конан, то, что ты предлагаешь, — глупость, — покачал головой Реза. — Вторжение во дворец Акимоса нарушит больше законов, чем я смогу насчитать пальцев у меня на руках. Во-первых, у тебя нет никакого права командовать твоими бойцами за пределами дворца Дамаос. Во всяком случае, если тебя не примут в ряды Воителей.

Кулак Конана грохнул по столу, так что чаши с вином подскочили.

— Чтoб их Митра утопил в навозе! Сколько времени потребуется, чтобы стать Воителем?

— Это не имеет значения, Конан, — возразил Реза.

— Капитан Конан, — ворчливо поправил киммериец. — Я задал вопрос.

— На который я могу ответить, — вмешалась Ливия. — Для поступления надо быть гражданином Аргоса или получить гражданство. Кандидат должен быть свободен от

всяких пятнающих его имя преступлений и в состоянии внести залог в пятнадцать драхм.

На какой-то миг Конан истощил свой запас ругательств. Но отнюдь не истощил своей изобретательности. Он осушил половину чаши с вином, видя, что Реза хмурится, а Ливия сдерживает улыбку. А затем вытер тряпкой рот и усмехнулся:

— Отлично! Правители, архонты, стражники или боги, или еще кто-нибудь сказали, что нам делать с пленниками?

— Пока нет.

— Хорошо. Тогда почему бы не отправить их на лесоповал, где некий торговый магнат нашел меня? Уверен, купцы с лесозаготовок не станут возражать против новых рабочих рук для таскания бревен. После месяца такой работы у наших пленников, возможно, будет меньше сил для лазанья на чужие стены.

— Акимос наверняка выкупит их, — указал Реза.

— Пускай, — пожал плечами Конан. — Тогда у него будет поменьше драхм для найма новых, или для подкупа архонтов, или для любых других фокусов.

— Киммериец, ты заходишь слишком далеко, подвергая сомнению честность архонтов, — резко бросил Реза.

— Не так далеко, как заходят архонты, выбрасывая в ночной горшок честь нашей госпожи! — ответил Конан не повышая голоса. — Я еще никогда не встречал человека, которого нельзя подкупить, и не слышал о таком!

— Успокойтесь, — вмешалась Ливия. — Реза, я хочу, чтобы ты командовал нашими людьми, препровождая пленников в горы. Возьми ребят потолковей, но убедись, что все оставшиеся будут подчиняться Конану.

Киммериец решил, что единственным, кто не подчинится ему, если дела и дальше пойдут в том же духе, может быть сам дворецкий. Если этот рослый иранистанец не ревновал к влиянию нового капитана на его хозяйку, то Конан никогда не видел ревности.

И это была не ревность из-за любовницы. Реза знал свой «чин» — Аргос сделал его хорошим слугой. Даже самый лучший слуга может ревновать, если кто-то помимо него приобретет влияние на его госпожу, как это сделал Конан.

Такого рода ревность могла привести к кинжалам в темноте столь же верно, как любая ссора из-за какой-нибудь кабацкой шлюхи. И к тому же при ссорах из-за кабацких

курв обычно не бывает близости какого-нибудь Акимоса, только и ждущего, чтобы сыграть роль шакала.

— Сударыня, — сказал Конан, — отправить пленников в горы — это была всего лишь мысль. И если это означает, что придется разделить наши силы, когда мы не знаем, с чем столкнулись, то, наверно, это была не самая лучшая моя мысль.

— Это так же верно, как... — начал Реза.

Ливия снова прервала недовольное ворчание дворецкого:

— У этого торговца лесом наверняка ведь должен быть в Мессантии какой-то торговый агент? И тот представитель наверняка ведь должен иметь право нанимать им рабочих и охранников, если те понадобятся?

Реза умел понимать, когда его обошли с обоих флангов.

— Вне всяких сомнений, госпожа. Я узнаю. С вашего разрешения?..

— Пожалуйста, пожалуйста. Чем раньше, тем лучше, прежде чем тот, кто подослал этих угодивших в плен, решит попробовать выручить их.

— Посланные на выручку всего лишь присоединятся к своим друзьям, — сказал Реза. Он улыбался Конану, когда откланивался, но улыбались у него только губы, а не глаза.

Повинуясь знаку госпожи Ливии, Конан сел и налил себе еще вина. Сомнений нет — ради выдержанных вин Аргоса почти стоило потерпеть аргосийские законы!

Глава 8

Плодородные равнины с возделанными полями давно уже остались позади. Дорога круто поднималась вверх и уходила в предгорья.

Лигу назад тракт был еще достаточно широк для проезда отряда конных Воителей, двигавшихся колонной по четыре в ряд. Теперь же ширины едва хватало для проезда двух лошадей. По обе стороны тянулись то бурые, заросшие жесткой травой болота, то небольшие фруктовые сады, то заросли густого кустарника.

Места идеально подходили для засады шайки головорезов. Тем более что час уже был поздний, с западной половины неба исчезали последние остатки дневного света.

— Нам всю ночь предстоит ехать? — пробурчал Акимос. — Если да, то нам лучше позаботиться о фонарях, пока мы еще в состоянии найти кремль и кресало!

Поскольку свет убывал, Акимос не мог быть уверен, что именно выражало лицо господина Скирона. На нем, кажется, появилась улыбка, но, наверно, не столь насыщенная презрением к осторожности Акимоса.

— Нам осталось меньше четверти лиги пути, — уведомил его Скирон. — Я не забываю ориентиров.

— Ты способен разглядеть их в темноте?

— Тех, что нам нужны, да. Так что не зажигайте фонарей. Возможно, они и покажут нам дорогу. Но они могут и показать, где мы, любому бандиту в лиге от нас.

По хмыканью окружающих Акимос понял, что Воители разделяли мнение Скирона. Никому из них не улыбалось пробираться так вот, на ощупь, в темноте. Но никому из них также не улыбалось и драться с разбойниками, во всяком случае имея всего дюжину бойцов.

На западе в небе растаял малиновый цвет, за ним последовал и золотой. Небо над головой уже сделалось темно-пурпурным, и на нем замерцали ранние звезды.

Акимосу показалось, что они, возможно, насмеются над ним: мол, потащил их в такую даль от Мессантии на поиски неведомо чего, неведомо где, за чем мог отправиться, как известно, только дурак. Или по крайней мере человек, который предпочел бы показаться скорее дураком, чем трусом.

Он никогда не подаст вида, что слишком сильно доверяет своему ручному колдуну. Скирон походил на леопарда на цепи. Цепь могла порваться. Но даже если и выдержит, все равно дает зверю слишком много свободы для прыжка к горлу хозяина.

Акимосу требовалось посмотреть то, что приготовил Скирон здесь, в горах, и тут и делу конец. Он мог лишь молиться Митре, чтобы путешествие оказалось стоящим потраченного времени и чтобы ни боги, ни люди не ввергли в хаос его дела в Мессантии, пока он отсутствует.

К этому времени ехавшие впереди Воители спешили и вели коней в поводу. Сержант Воителей обнажил меч и нащупывал им перед собой дорогу, словно слепой нищий своей палкой.

Акимос подумывал спешиться. Сидя верхом на коне, он чувствовал себя незащищенной мишенью, при всем

том, что под шелковой курткой для верховой езды он носил кольчугу. Он также знал, что никак не мог надеяться развернуть коня и ускакать, оторвавшись от любой засады. Во всяком случае, не на дороге, которая теперь казалась такой же узкой, как любой глухой закоулок в Аграпуре, и такой же густо насыщенной отвратительной вонью.

Предупреждением Акимосу послужил только слабый шорох чего-то ползущего. Он выхватил меч, готовый рубануть по змее, когда дорогу перегородила упавшая сверху утяжеленная гириями сеть. Одна из гирь ударила сержанта по башке. Череп разлетелся, словно сброшенная с крыши дыня.

Когда меч сержанта с лязгом упал на дорогу, Акимос открыл рот, собираясь выкрикнуть приказ. Его язык, казалось, стал таким же негнущимся, как мертвая ветка, а в рот словно насыпали пригоршню песка. Слова подступили к горлу, но отказывались слететь с его уст.

Миг спустя Акимос понял, что его вот-вот вырвет. Ему предстояло не только закончить жизнь здесь, на этой дороге, погибнув от рук бандитов. Ему предстояло закончить ее на глазах у всех людей, знавших, что он трус.

Эта мысль была еще чернее, чем дорога. Она настолько поглотила рассудок Акимоса, что он не увидел, как с увешанных мхом деревьев по обеим сторонам дороги спрыгнули темные фигуры.

Он также не увидел, ни как господин Скирон высек искры, ни как искры эти упали на трут, лежавший наготове в медной чаше. Трут занялся, пылая зловещим багряным светом, похожим на змеинный глаз.

Скирон поднял посох, и чаша поднялась вместе с ним на конце серебряной цепи. Из чаши за клубился дым, и свободная рука Скирона заплескала в его клубах. Дым заплескал в ритме с рукой колдуна. Какой-то миг тем, кто наблюдал за этим с затуманенным взором и умом, показалось, что дым образовал руны. Руны величиной выше человека, тянущиеся через дорогу и исчезающие в лесу по обеим сторонам.

В глазах у Акимоса прояснилось как раз вовремя, чтобы увидеть, как багряный свет хлынул из чаши, словно жидкость. Он заструился по дороге, поглощая ноги людей и лошадей. Одна лошадь пронзительно заржала, другая встала на дыбы, а ее всадник отчаянно вцепился в луку седла.

Губы его шевелились, когда он неистово молился, чтоб не угодить в этот демонический свет.

Свет потек дальше, добираясь до бандитов. Те, кажется, тоже молились или бранились, но до ушей Акимоса не долетело ни звука. Затем он сообразил, что рот у той лошади по-прежнему открыт, но ее пронзительное ржание тоже сделалось немым.

Акимос не мог сделать жеста для отвращения зла, не отняв одной руки от поводьев. Вместо этого он молился, словно с помощью чистого потока обетов он мог швырнуть свои слова богам, вопреки этому ужасному свету.

За исключением того, что этой ночью, на этой дороге, в присутствии этого света, казалось, что боги, возможно, и не существуют.

Вожак бандитов был храбрым человеком, хорошо дравшимся во всех армиях, из которых он дезертировал. Он не отступил, когда к нему пополз демонический свет. Он увидел, что один из его бойцов ткнул в него копьем и копье задрожало и осталось застрявшим, словно этот свет был крокодильей пастью.

Затем свет добрался до него. Он почувствовал ожог, который был вызван жаром, или холодом, или и тем и другим одновременно. Жжение не причиняло боли, и когда он опустил взгляд, то увидел свои ступни в грязных башмаках и ноги в драных штанах такими же, какими они были всегда.

Он выхватил меч и издал призывный крик. Услышал его, похоже, только ближайший к нему разбойник; он поворачивался, пытаясь снять с пояса палицу, когда сверху на плечо ему рухнула лишняя серая масса.

Это была прядь мха с деревьев над ним, но прядь, наделенная демонической жизнью. Она уже собралась в ком размером с человеческую голову. Теперь же она извивалась, словно клубок змей, ползающих по лицу разбойника. Тот открыл рот, собираясь завопить, и мох перевалил ему через губы и зубы, забивая рот.

Глаза у вожака вылезли из орбит, когда он увидел такое, а рука конвульсивно сжала рукоять меча.

Выронив палицу, вцепившись обеими руками в мох, разбойник заметался как безумный. Он ничего не достиг, потому что мох внезапно, казалось, приобрел крепость меда

ной поволоки. И он также ничего не сделал, чтобы помешать мху заползти ему на нос и в нос. Лицо его уже темнело, а тело изогнулось дугой, и он упал навзничь в свет. Он еще немного подрыгал ногами и поизвивался, а потом перестал двигаться. Наделенный сверхъестественной жизнью мох стек с лица покойника и пополз к разбойничьему атаману.

Вплоть до этой минуты вожак не терял смелости. Теперь же она улетучилась. Если б свет помешал его ногам двигаться, он бы сию же минуту сошел с ума. А так — он вытягивал ноги, словно из грязи глубиной по колено. Он мог передвигаться, но ровно настолько быстро, чтобы оставаться впереди мха. Если сверху упадет новый — он обречен.

И все же край света подползал все ближе и ближе, быстрее, чем мох, и никакого нового мха не падало. Грязеподобное засасывание ослабло, а затем исчезло. Атаман рванул к границе света, пересек ее и почувствовал, как его башмаки застучали по твердой почве.

Он побежал, не заботясь о том, куда бежит, и даже на мгновение не оглядываясь на тех, кто остался позади него. Все равно он не мог спасти никого из своих бойцов, попавших в этот демонический свет. Что же касается его врагов, то стрела в спину могла быть милосердной по сравнению с его судьбой, если в ночи бродило еще какое-то колдовство.

Ни стрелы, ни чары не преследовали бежавшего вперед по дороге атамана разбойников. В ста шагах от границы он остановился в тени дерева, после того как убедился, что на нем нет дьявольского мха.

Те из бойцов, что выскочили вместе с вожакom на дорогу, похоже, погибли. Но это были не все, кто шел за ним. Еще десяток бойцов ждали на другом фланге. Он не отдал никаких приказов, но если у них есть глаза на мордах, то они должны б увидеть судьбу своих товарищей и держаться подальше от дороги. Держаться подальше, за пределами чар, но нет, наверно, за пределами выстрела из лука.

Стрельба ночью всегда была делом рискованным, с одинаковой вероятностью проткнуть стрелой и друга и врага. Но демонический свет показывал его и весь отряд так же ясно, как середь бела дня. Среди засевших на другом фланге имелось несколько хороших лучников, а утыканный стрелами колдун неважно наводит чары.

Атаман повернулся и двинулся вверх по склону. Еще пятьдесят шагов, и он скрылся за поворотом дороги. Теперь он ушел из поля зрения колдуна и его отряда. Он остановился, заведя молодой кедр, который отмечал начало сужого пути.

Разбойник потратил на его поиски некоторое время. В любую минуту он ожидал услышать дробь копыт и боевой клич товарищей колдуна — или даже какие-то слова, которых не следует знать ни богам, ни людям, когда колдун прочтет еще одно заклинание.

Поэтому неудивительно, что, когда разбойничий атаман нашел тот кедр, он так и бросился к нему со всех ног. И также неудивительно, что он как-то не заметил трещину в земле, шириной с ладонь и протянувшуюся целиком поперек дороги.

Он споткнулся и попал ногой в трещину, поранив при падении колени и руки. Он выругался, поднялся и почувствовал, как что-то схватило его за ноги. Что-то обжигающее, и не слабым жжением демонического света. Что-то, казалось, в один миг спалившее ему мясо до костей, а в следующий миг растворившее и кости.

Когда он почувствовал, что жжение прогрызает себе дорогу вверх по его ногам, то завопил. И завопил еще громче, когда почувствовал, как его утаскивает в трещину. Он продолжал вопить, пока жжение не прогрызло себе дорогу до его груди и не растворило ему легкие.

Когда содрогнулась почва, целой оставалась только кисть левой руки атамана. Из трещины в земле за клубился дым таких цветов, для которых не существовало названий. Затем две стороны трещины накренились друг к другу и трещина закрылась. Осталась только кисть руки атамана, лежащая ладонью вверх на почерневшем гравии, с пальцами, скрюченными в когти, и ногтями особенно отвратного серого оттенка.

Некоторое время, после того как замер вопль, Акимос не мог унять бившую его дрожь. Затем прошло еще больше времени, прежде чем его пересохшие губы и язык смогли произнести слова.

— Что это было?

Скирон пожал плечами:

— Одним богам известно, а они не отправляют ко мне посланцев.

— Сейчас не время для шуток!

— Простите, мой господин, — успокаивающе извинился колдун. Слишком успокаивающе, подумал Акимос. Он знает больше, чем готов мне сказать.

— Я не сомневаюсь, что разбойники засели по обеим сторонам, готовые выступить сразу, как только их товарищи на дороге схватятся с нами. Мудрость такой тактики ясна даже колдуну.

— Скирон!

— Прошу прощения. Я только желал напомнить вам, что я не солдат.

— Да, а я не храмовый кумир, чтобы терпеливо ждать век-другой. Что вопило?

— Я бы предположил, что один из тех, что сбоку ступил в зыбучий песок или, возможно, наступил на змею. У здешних болотных гадюк яд не просто убивает, а жжет все потроха, как расплавленный свинец.

Это, насколько знал Акимос, было правдой. Так откуда же у него уверенность, что это не та правда, которую он искал?

Ниоткуда! Просто он знал Скирона слишком давно и слишком хорошо. К тому же этой ночью на дороге не могло быть никакой правды — в обычном человеческом понимании.

Господин Акимос собрал своих людей, велел им привязать тело сержанта к седлу его коня и двигаться дальше. Пока он этим занимался, на дорогу выскочила любопытная ласка, почуяла запах крови и кинулась к отрубленной руке атамана.

Ласка умерла от боли всего через несколько мгновений, но прежде, чем умереть, она убралась с дороги, вместе со своим намеченным ужином. Смелость господина Акимоса так и не подверглась испытанию зрелищем отрезанной руки. Там, где по дороге проходила трещина, не осталось ничего, кроме более мягкой полоски почерневшего гравия, которую было трудно обнаружить, не изучив дорогу ползая по ней на четвереньках.

Акимос, Скирон и остальные проехали по дороге, ничего не заметив, хотя висевший в воздухе едкий запах растревожил лошадей — они нервно фыркали и прядали ушами.

Глубоко под горами Великий Дракон пробудился от векового сна. Правда, в человеческом понимании это вряд ли можно было назвать сном, ибо чувства у Великого Дракона были отнюдь не человеческие.

Просто Дракон узнал, что уже не спит. Он также осознал, что некая малая частица его собственного естества, находящаяся где-то очень далеко, тоже проснулась. Частица не только проснулась, но и открыла путь к небесному миру и запасам пищи. Она даже нашла лакомый кусок небесной пищи и теперь поглощала ее.

Великий Дракон явственно ощутил, как его малая «половина» с удовольствием трапезничает. Если б для Великого Дракона подошли привычные земные понятия, то можно было сказать, что он почувствовал зависть к изолированной части.

В том, что для Великого Дракона выполняло работу мозга, сформировалась идея. Надо добраться до изолированной части и узнать, что именно произошло. Возможно, есть шанс найти и другие «половинки». С ними тоже имеет смысл пообщаться. Это доставило бы удовольствие, естественно, в понимании Великого Дракона. Как хорошо, что время для трапезы может наступить вновь...

Для Великого Дракона век и минута не так уж сильно отличались друг от друга. И все же Дракон помнил, что такого долгого перерыва между трапезами не бывало никогда. То, что разбудило «половину» и позволило ей питаться, могло передвигаться. Оно могло даже добраться до самого Дракона.

Тогда будет знатное пиршество. А после этого уже не понадобится никакой помощи со стороны небесного мира, чтобы осознать, искать и переваривать пищу, двигаться куда пожелаешь и размножаться сколько угодно. Великий Дракон задрожал от удовольствия, и эта дрожь передалась окружающим его скалам.

Влажный камень пещерного пола задрожал под ногами господина Скирона. До него донесся с огромного расстояния грохот падающей скалы. С более близкого расстояния послышался шорох сыпавшегося из расселин песка и стук рухнувшего на пол сталагмита. Воитель, которого чуть не пристукнуло каменной сосулькой, выпучив глаза, отпрыгнул назад, положив руку на эфес меча.

— Спокойно, вы все, — призвал Скирон. — Скалы этих гор стояли еще с тех времен, когда на земле еще не жили люди. Но подземных ключей здесь навалом. Эти ключи подтачивают самый твердый камень, и он иногда падает.

— Если он падает на меня, мне наплевать, что его толкнуло! — пробормотал кто-то.

Скирон выругался себе под нос, жалея, что Акимос не обладал хотя бы половиной ума и смелости своих праотцов. Тогда он не предоставлял бы успокаивать своих трясущихся охранников колдуну, которого ждали более важные дела!

Что там Акимос наконец-таки сказал, Скирон ясно не запомнил. Запомнил он лишь, что голос торгового магната сделался таким же пронзительным, как у женщины, что не очень-то умирало тревогу его охраны.

Каким-то образом Акимос все же нашел нужные слова. Он был, в конце концов, все-таки не дурак. Да никто не только утвердившийся, но и расширивший влияние Дома Перам и не мог быть таковым. Охранники откликнулись с воодушевлением, разгружая выючных животных и таская грузы по извилистым туннелям в более сухие пещеры наверху.

— В скале есть даже трещина выпускать дым от костра, — сказал Акимос, показывая на стену. Он рассмеялся: — Во всяком случае, дым обычного костра, в котором горит дерево или древесный уголь. Уж не знаю, что она сделает с вонью от твоей магии.

— Я не ожидаю, что понадобятся такие заклинания, коль скоро мы укрепимся здесь.

Акимос нахмурился, и Скирон слишком поздно сообразил, что голос его выдал. Торговый магнат смерил его долгим и суровым взглядом.

— Они тебе не понадобятся? Или ты не осмелился наслать их?

— А чего тут опасаться?

— Ты никогда не слыхал о Драконах и еще называешь себя колдуном?

Скирон рассмеялся. Слишком поздно он сообразил, что его смех вызывает многократное эхо, раскатывающееся по лабиринту туннелей и пещер. Чтобы заговорить, ему пришлось подождать, пока эхо стихнет, а к тому времени лицо Акимоса стало напоминать грозовую тучу.

— Существуют некоторые сомнения насчет того, что Драконы — существа магические. Многие летописи указывают, что их создали последние маги-атланты.

— Возможно, они указывают это тебе, — парировал Акимос, — а для большинства из нас — Драконы воняют злой магией.

— Мудрость их создала или магия, но они определенно давно померли, — отмахнулся Скирон. — Но я отнюдь не возражаю против того, чтобы люди верили этим сказкам. Тогда, возможно, они будут с большей охотой держаться подальше.

— Такие люди, как некий киммериец?

— Именно.

Скирон отвернулся, испытывая облегчение оттого, что это дело закончилось так легко. Он не желал, чтобы Акимос слишком любопытствовал относительно Драконов.

Тот вопль в ночи произошел не из-за обычной смерти. И вонь, что пристала к дороге, происходила не с болота и не от магии самого Скирона. А откуда она происходила, Скирон не знал.

Он так знал, что Акимос избрал место для своего убежища в самом сердце той земли, где некогда бродили и питались Драконы. Если они вымерли или по крайней мере не ослабли, как и заклинания, которые привязывали их к этой местности, то от этого, возможно, и не будет никакого вреда. Иначе...

Однако это было делом, которое Скирон должен таить глубоко в сердце. Заговорить о нем — значит признаться в страхе, страхе, что его собственное мастерство куда меньше, чем он хвалился. Такого обмана Акимос не простит и не забудет, а без Акимоса что мог сделать Скирон с остатком своей жизни?

То есть при условии, что Акимос позволит ему пережить их расставание!

Глава 9

Послание от госпожи Дорис Лохри принес наемный посланник, которого ни госпожа Ливия, ни Реза никогда раньше не видели. Оно едва ли могло вызвать большее волнение, даже если б устроило во дворце пожар. Госпожа Ливия прочла его первой, а затем вызвала Резу и Конана послушать, как она прочтет его вновь: «Если капитан Конан

явится сегодня к резиденции Дома Лохри, то узнает о деле, жизненно важном для безопасности Дома Дамаос».

И все, за исключением печати госпожи Дорис, отпущенной на надушенном воске. Ливия и Реза ручались за подлинность печати, а запах этих духов Конан помнил со дня визита госпожи Дорис во дворец Дамаос.

— Значит, все достаточно настоящее, — заключил киммериец. — Она также ничего не сказала о явке в одиночку. Поэтому, думаю, мне лучше пойти.

Ливия открыла было рот, но Реза заговорил первым:

— Пожалуйста-пожалуйста, Конан. Я подберу трех-четырех лучших наших бойцов, а ты можешь подобрать столько же своих. Нам также лучше подготовиться отправить послание. Если это ловушка, то ты сможешь отправить с вестником известное тебе, даже если сам не сможешь ускользнуть.

— Я не один раз попадал по собственной воле в ловушки, расставленные ловчими полчищами госпожи Дорис. Но я здесь. А большинство ловчих — нет. Если она расставила капкан для лисицы, то обнаружит, что поймала медведя.

Ливия наконец выдавила из себя несколько слов:

— Конан, капитан, это глупо! Госпожа Дорис едва ли может настолько доверять тебе, чтобы сообщить что-либо такое, что нужно знать этому дому. Если ты отправишься туда, грозящая тебе опасность будет велика.

— Когда господа устраивают заговоры, такая возможность есть всегда, — согласился Конан. — Но я был бы дураком, если бы наплевал и на другую возможность что-то узнать. — Он решил не упоминать о вероятной встрече с Арфосом. В своем доме наследник Лохри мог и отбросить осторожность и сдержанность.

— Ценой твоей головы и, наверно, голов тех, кто отправится с тобой! — отрезала Ливия. — А это больше, чем может заплатить наш дом, даже если ему пообещают само Главное архонство!

Реза нахмурился:

— Как сказал Конан, ему не будет грозить большой опасности, если он отправится во главе восьми-девяти хорошо вооруженных людей.

— Но если госпожа Дорис откажется впустить охрану? — Ливия явно занимала твердую позицию для сражения.

— Вот тогда мы сможем подозревать, что Конана ожидает западня, — сказал Реза. — Мы можем также положиться на то, что он будет действовать разумно. Госпожа, простите за прямоту, но если мы не можем положиться на человека, обученного капитаном Хаджаром, то нам нельзя положиться ни на кого под солнцем.

— Я полагаюсь на Конана, и, вероятно, я должна положиться на твое суждение о Хаджаре. — Ливия казалась вздорной и раздражительной, как девочка. — Но могу ли я положиться на тебя, Реза?

— Что вы хотите этим сказать, госпожа? — Тон дворцового граничил с неуважительным.

Конан задержал дыхание и положил руку на рукоять меча. Ливия была готова открыто обвинить Резу в ревности к киммерийцу, и это скорее ухудшит, чем улучшит дело, так как Реза будет еще больше опасаться за свое положение, чем раньше. Если ревность возьмет в нем верх, то дворец Лохри может оказаться безопаснее дворца Дамаос!

— Госпожа, — вмешался Конан. — Я думаю, мне лучше пойти. Даже если б не было никаких других соображений, то госпожа Дорис будет оскорблена, если я не приду. А у нас и без того уже хватает врагов.

Ливия, закусив губу, кивнула:

— Тогда да будут с тобой боги, капитан Конан.

— Насчет богов не знаю, — усмехнулся Конан. — Но при помощи Резы хорошие бойцы и острая сталь со мной будут! С вашего позволения, на них я полагаюсь больше, чем на богов.

Киммериец все еще чувствовал на себе взгляд Ливии, пока за ним не закрылась дверь.

Конан поднял руку, и десять шедших за ним воинов остановились. Водяные часы на фонтане посреди площади Клеткоделов говорили, что шестой час еще и наполовину не минул.

— У нас достаточно времени, чтобы чуточку затруднить работу любому, кто следит за нами, — решил он и показал на одну из улиц, ведущих к порту: — Идите туда, до самой улицы Лестницы. Мехас, ты знаешь этот квартал лучше всех. Веди их.

Боец из Дома Дамаос кивнул и вышел вперед. Когда он отошел за пределы слышимости, Конан сделал знак Джарензу:

— Иди впереди, рядом с ним. Держи меч в ножнах, но наготове. Если покажется, что парень нервничает, спроси его почему. Если тебе придется-таки поднять на него меч, постарайся, если можно, бить плашмя.

— Да, капитан. — Джаренз поспешил вперед. Он все еще берег ногу, раненную в лагере лесорубов, но передвигался достаточно быстро.

Конан поотстал, чтобы подтянуть тылы, когда инстинкты подсказали ему, что за ними следят. Он ничего не видел и не слышал, но он слишком давно и слишком успешно полагался на свои инстинкты, чтобы не обращать на них внимания.

Несколько сот шагов улица была настолько же хорошо освещенной и пустынной, как и большинство других в более богатых кварталах Мессантии. В тех районах города мало у кого бывали законные дела после наступления ночи. А те немногие, у кого были дела незаконные, не желали рисковать встречей с патрулем Воителей. Жизнь вора в Мессантии, по крайней мере в тех районах города, где стоило что-то красть, должна быть волнующей и, вероятно, недолгой.

Когда улица начала петлять, спускаясь к порту, патрули Воителей перестали попадаться на глаза. Огни стали немногочисленными и редкими, и вскоре дорогу освещали только луна, звезды да тусклые блики из окон винной лавки или борделя. На бульжной мостовой все чаще темнели выбоины и ямы, тут и там громоздились кучи мусора, жирно блестели лужи вонючей грязи.

Конан пожал широкими плечами под кольчугой. При всем свете и воздухе, хорошей еде и чистых постелях, в богатых кварталах Мессантии он не чувствовал себя как дома. Впервые увидевший города в качестве раба, а затем вора, северянин больше привык к обстановке бедных кварталов.

Когда в ста шагах впереди показался порт, Конан снова приказал остановиться. А затем сделал знак свернуть на запад. Это увлекло отряд направо. Тем временем Конан сумел не поворачивая головы осмотреть сразу три улицы.

Все они были тускло освещены, но по одной из них кралась вперед темная фигура. Конан увидел, как незнакомец прижался к стене. Потом, наверное, решил, что его никто не видит, и вновь двинулся вперед.

Конан жестом дал знать бойцам: «Приготовиться к задае». Воины в арьергарде и авангарде будут теперь внимательно наблюдать за обеими сторонами улицы, а бойцы в центре — следить, не намечаются ли атаки сверху.

Улица петляла, как пьяная змея, а затем сузилась до такой степени, что Конан мог коснуться стен с обеих сторон. Вскоре мостовая пошла круто вверх. Отряд снова заспешил вверх по склону, ко дворцу Лохри.

За ними по-прежнему следили. Никакое менее острое ночное зрение, чем у киммерийца, не могло помочь наблюдать за отрядом, но следивший в этом отношении явно не уступал Конану.

Улица поднялась на четыре ступеньки, а затем расширилась. Впереди Конан увидел фонарь. А также увидел три поставленные пирамидой массивные винные бочки — и тонкую руку, протянувшуюся из тени выдернуть из этой пирамиды клин.

— Бочки! — проревел Конан. Он бросился вперед, добравшись до головы колонны, когда бочки с грохотом выпали из пирамиды. По крутому склону они стремительно покатались к воинам.

Конан увидел прислоненное к двери грубо обтесанное бревно. Он схватил его, уравновесил в обеих руках, а затем бросился преградить путь бочкам. Бросаясь, он ткнул бревном вперед, как копьем. Его затесанный конец вонзился под головную бочку, заставив ее застрять и остановиться. Вторая бочка врезалась в первую, а третья — во вторую с такой силой, что та вскрылась.

На улицу хлынуло вино, смывая с мостовой грязь.

— Хорошее вино пропадает зря! — весело крикнул Джаренз.

Прежде чем Конан успел обругать его и велеть заткнуться, из переулков слева и справа высыпали люди. Так же как и с улицы позади колонны.

Киммериец опять схватил бревно. Когда он рывком высвободил его, две оставшиеся бочки покатались вновь. Покатались они прямо вниз по склону, туда, где улица переходила в лестницу. Из четырех поднимавшихся по этой лестнице людей бочки сшибли троих. Они вопили, когда бочки выдавливали из них жизнь, а Конан сделал бревном финт в сторону последнего уцелевшего.

Этот малый отпрыгнул в сторону, но не удержался на скользких от вина камнях, грохнулся и расколол себе череп.

К тому времени отряд Конана и напавшие на них уже все вступили в бой и основательно перемешались. К Конану бросились двое. Не теряя зря времени на избавление от бревна, он поднял его повыше навстречу их рубящим ударам с размаху. Оба меча застряли в дереве. Конан крутанул бревно, вырывая оружие из рук владельцев, а затем швырнул бревно и мечи прямо в морду противникам.

Те отлетели назад и врезались в стену. Один съехал по стенке на землю и лежал под бревном, а второй выхватил нож. Он едва успел поднять его прежде, чем мелькнул меч Конана и отнял ему руку как раз ниже локтя. Его тонкий визг затерялся в шуме боя.

Шум этот вскоре начал стихать. Атакующие, должно быть, ожидали, что бочки рассеют людей Конана, а некоторых из них, возможно, даже покалечат. А вместо этого они увидели, как киммериец, особо не напрягаясь, единым духом вырвал шестерых из их числа.

Что б там они ни ожидали, все получилось наоборот. Большинство нападавших, которые еще могли бежать, так и сделали.

Двое вбежали в один из домов и захлопнули за собой дверь. Конан увидел, как трое его ребят подняли упавшее бревно и приспособили в качестве тарана. Северянин решил помочь и тоже схватился за бревнышко. Оно мигом вылетело у парней из рук и загремело по камням. Ребята повернулись и недоуменно уставились на Конана.

— Ладно! У нас нет времени гоняться за этими безродными псами! Вышибание их двери наверняка нарушает какой-то закон, придуманный аргосийцами, когда те напились скверного вина!

Кондотьеры весело ухмыльнулись. Киммериец повысил голос:

— Собраться и устроить перекличку! Пострадавшие у нас есть?

Откликнулись сначала двое. Потом подал голос Джаренз. Конан опустил на колени рядом с ним, губы киммерийца гневно сжались, когда он увидел бледное лицо юноши и зияющую на бедре рану.

Он ничего не сказал — ему и не требовалось. Руки Джаренза слабо схватились за поясную сумку и сорвали ее.

— Вандару... немного... поможет ему с той девушкой. Первой... за кем он ухаживал... сам. — Джаренз улыбнулся. Правда, улыбка больше походила на оскал черепа.

— Сожалею, капитан, — добавил он. — Не думаю, что я... свершил свою долю. Надеюсь, боги...

Что Джаренз надеялся получить от богов, Конан так и не узнал. Глаза юноши медленно закрылись, и миг спустя он испустил дух. Киммериец поднялся, вытирая окровавленные руки о тунику мертвого врага.

Что ж, Джаренза к жизни уже не вернешь, да и брату его боль потери не облегчишь. Однако это не удержит Конана от кровавой мести тем, кто устроил засаду.

— Сделайте носилки, — резко скомандовал Конан. — Джаренз отправится с нами.

Дворец Лохри был даже побольше резиденции Дамаос, хотя и не таким ухоженным. Заросшая выюном глухая стена выходила в небольшой парк.

Конан послал одного бойца залезть на крепкую ветку дуба в том парке, а второго — сидеть на стене, где ржавели себе железные колья. Оба возражали, причем дамаосец столь же громко, как и конановец.

— А я-то думал, что капитан здесь я, — скромно похвастался киммериец. — Если вы хотите это оспорить, попробуем это на мечях? — Две головы чуть не упали с плеч, настолько энергично оба отрицали подобные честолюбивые планы.

— Хорошо. Тогда держите ушки на макушке, а язык — за зубами. Нам нужен кто-то вне дворца стонать с сообщением, если такое будет. Войдя во дворец, мы поставим человека на крышу отправить это послание. Последние двое могут, если им угодно, спрыгнуть в сад и погибнуть или уцелеть, после того как они отправят то сообщение. Если они завалят это дело, то им лучше бежать в Кхитай. Где-либо ближе я их могу и найти.

Дамаосец рассмеялся.

Улыбка киммерийца содержала мало веселья.

— Ты хочешь делать ставку на то, что я оставлю тебя безнаказанным только потому, что погибну?

Оба, похоже, не шибко стремились столкнуться с мстительным духом киммерийца. Когда Конан повел к воротам оставшихся семерых живых и одного мертвого, они уже были на местах.

Двое часовых у ворот были ростом примерно вдвое меньше Конана и достаточно старыми, чтобы годиться ему в

отцы. Если и планировалась какая-то западня, то они в ней не участвовали. Они изучали печать на послании и пропуск, полученный от Воителей, так, словно там могла скрываться тайна вечной молодости. Это дало время Конану в свою очередь изучить их.

Часовые эти выглядели не только слабо подходящими для боя, но и слабо экипированными — от замызганных ремешков шлемов до стоптанных сандалей; они смахивали на людей, которых Конан после первого же взгляда выгнал бы из своего отряда.

Ветшающие, заросшие стены. Часовые, выглядевшие так, словно спали на посту, если не на улицах. И госпожа Дорис, горящая желанием сочетать браком своего сына с госпожой Ливией, владелицей одного из самых крупных состояний в Аргосе.

Если Конан и сомневался прежде, какого рода интрига здесь затевалась, то теперь его сомнения отпали. Он также поклялся, что когда отомстит за Джаренза, то займется нанесенным госпожой Дорис оскорблением Дому Дамаос.

А если тех людей подослала сегодня ночью госпожа Дорис, а не Акимос или какой-то его друг? Руки Конана сжали ржавые прутья ворот так, словно те были горлом. Ему обычно нелегко давалась мысль о причинении вреда женщине. Но что касалось женщины, чье вероломство стоило жизни присягнувшему ему бойцу, — он найдет способ расквитаться с ней.

Эта клятва превратила его лицо в еще более мрачную маску, чем прежде. Часовые поспешно отскочили в стороны, когда киммериец провел своих людей через открытые ворота и повел по заросшей сорняками дорожке ко дворцу.

— Госпожа Дорис примет вас в Янтарной комнате, — сообщил дворецкий.

Конан кивнул. Дворецкий был почти таким же рослым, как киммериец, но достаточно старым, чтобы годиться ему в деды, почти лысым и толстобрюхим. В войне он мог принимать участие только одним способом, решил Конан, — послужив снарядом для осадной машины. Он, несомненно, почти любую крышу пробил бы одним лишь чистым весом!

— Она сказала когда? — спросил Конан.

— А, молодые воины так нетерпеливы, — негромко рассмеялся дворецкий.

— Я спрашивал не об этом, — начал злиться Конан. — Если ты не знаешь или твоя хозяйка не знает; то ты не опозоришь дома, так и сказав. — Он нахмурился: — Однако если ты заставишь нас ждать, словно попрошаек, то это может принести дому большее чем позор.

Конан предоставил воображению дворецкого самому дорисовывать, что может означать это «большее». И не был разочарован. Слезающиеся глаза дворецкого расширились, и он тяжело повернулся. А затем исчез, взлетев по лестнице с такой скоростью, что киммериец только присвистнул от удивления.

Он вскоре вернулся, запыхавшийся и взмокийший.

— Моя госпожа просит вас следовать за мной.

— А как насчет моих людей?

— Ваших? Они найдут гостеприимство в моих покоях, вино и еду. Если они желают принести тот подарок, который они притащили на кухню на пути к...

— Тот подарок — труп, — уведомил его Конан.

— А?.. — начал было дворецкий, а затем челюсть у него отвисла.

— Труп одного из моих людей. Убитого сегодня ночью в коварной засаде, когда мы приближались к дому.

Это слегка искажало правду: Конан был не прочь припугнуть дворецкого. Это могло так его напугать, что он скажет правду. Или так напугать, что он удерет куда глаза глядят, что будет тоже неплохо!

— Сомневаюсь, что он будет особо желанным гостем на кухне, — продолжал киммериец. — Мои люди оставят своего товарища с собой. Итак, госпожа Дорис, думаю, ждет наверху?

Когда киммериец поднимался по лестнице, то все увиденное им рассказывало одну и ту же повесть о некогда могущественном доме, ныне павшем весьма низко и погружавшемся в нищету все глубже и глубже. Голые пятна там, где некогда висели гобелены или ковры. Немногие оставшиеся ковры и гобелены, выцветшие, протертые чуть не до дыр, в пятнах от плесени, — или все три беды сразу. Дыры, прогрызенные мышами или крысами, в покрытых богатой резьбой деревянных панелях. Слуги, по большей части либо старые, либо очень молодые, с исхудалыми лицами, двигавшиеся крадучись, словно боялись кнута.

Конан вспомнил рассказы о пышном караване, приведенном госпожой Дорис при ее первом визите во дворец Дамаос. Сколько гобеленов продали, сколько слуг ели жидкую овсянку, чтобы оплатить наем всего того великолепия?

По крайней мере, Конан начал понимать, почему госпожа Дорис вызвала его, а не Резу или саму госпожу Ливию. Варвар-киммериец мог и не знать, что означал этот обшарпанный и потрепанный дом. Если же он покажет, что знает, его можно заставить придержать язык взяткой или чем похуже.

Конан поклялся про себя, что если госпожа Дорис попытается запечатать ему уста золотом, то он испробует свой меч на некоторых предметах из ее мебели. Неужели все в Аргосе думали, что варвары с детства тукнутые по голове, по крайней мере до тех пор, пока какой-нибудь киммериец не треснет их по тычке так, чтоб вбить в нее немного здравого смысла?

Стены не дали никакого ответа. Равно как и дворецкий. Тот лишь остановился на лестничной площадке и показал налево:

— Дверь, инкрустированная янтарем, в противоположном конце этого коридора.

— Отлично.

Дворецкий явно ожидал серебра. Конан накрыл поясной кошель широкой ладонью и покачал головой. Если с госпожой Дорис все пройдет хорошо, вот тогда он потратит немного серебра Дома Дамаос на развязывание языков ее слугам.

Дверь была не только инкрустирована янтарем, она была из дерева — цвета изысканного вина, — любовно вырезанного и отполированного до высшего блеска. Конан постучал, и звук от стука сказал ему, что эта дверь могла устоять и перед тараном.

— Кто там?

— Капитан Конан, по вызову госпожи Дорис.

— Войдите.

Дверь поддалась толчку, беззвучно распахиваясь на хорошо смазанных петлях. Как только Конан вошел, его сапоги утонули в толстом ковре, синем с вытканым серебром дельфинами. Он почувствовал запах фимиама, а также знакомых духов. Он поднял глаза и встретился взглядом с той, которая предпочитала эти духи.

Помимо духов ее тело покрывала еще кое-какая одежда, но не в таком изобилии, как ожидал Конан. Платье ее заканчивалось у середины лодыжек и оставляло голыми плечи. Спереди также шел разрез почти до талии, но его для приличия замыкала массивная золотая застежка, инкрустированная янтарем и крошечными изумрудами.

— Сударыня, — поздоровался Конан, отвесив свой лучший аргосийский поклон старшего слуги. Его не шибко волновали эти обычаи, но игнорирование их заклеило бы его таки как варвара. С другой стороны, выполнение их так, словно он был прирожденным аргосийцем, удивляло людей и усыпляло их бдительность.

— Садитесь, капитан Конан.

Конан огляделся. В обшитой богатыми панелями комнате единственным местом, где можно было сесть кроме пола, являлось ложе из эбенового дерева, с пурпурными подушками, с балдахином, вышитым серебром. Не желая кричать через всю комнату, Конан занял место с краешку ложа.

— Итак, капитан Конан. Все ли хорошо в Доме Дамаос?

— Настолько хорошо, насколько можно ожидать, — кратко ответил киммериец.

— Вы все еще не знаете, кто нанес вам удар сначала магией, а потом и человеческими руками?

— Мы ищем правду, сударыня. Мне не по чину говорить больше. Во всяком случае пока не даст дозволения госпожа Ливия, а она сделает это, только когда будет готова нанести удар.

Госпожа Дорис сделала глубокий вдох. Это заставило ее платье плотно натянуться на пышной груди. У этой женщины был двадцатилетний сын, но сама она могла бы утверждать, что ей не более тридцати, и ей бы поверили. Оливковую кожу ее плеч пока еще не избородили морщины, а в иссиня-черных волосах не видно ни одной седой пряди.

— Вы заставляете госпожу Ливию казаться похожей на змею, залегшую в засаде в ожидании добычи.

В первый раз за этот вечер в смехе Конана не содержалось никакой мрачности или насмешки.

— Госпожа Ливия из тех, кого я не хотел бы видеть своим врагом. Я добрую часть своей жизни прослужил

солдатом, госпожа Дорис, и мало видел на службе более хитрых капитанов.

— И все же даже самому лучшему капитану нужно знать, кто его враг. Не так ли?

— Верно. Мы именно это и пытаемся узнать. В этом Дом Дамаос единодушен. А когда мы узнаем и сможем доказать это архонтам, то кто б там ни нанял бродячих чародеев — попробует достать корабль и удрать подальше из Аргоса.

— Но кто?

— Сударыня, вас мы не подозреваем. По крайней мере не подозреваем вас в нападениях на дворец.

Госпожа Дорис провела языком по полным губам. Конан чувствовал в ней предвкушение, интерес и нечто еще — нечто очень похожее на страх.

— Капитан Конан, если вы желаете моей помощи, то говорите откровенно. Что, по-вашему, я сделала против Дома Дамаос?

Конан повернулся к женщине:

— Сегодня ночью мы направились к вашему дому окольным путем, опасаясь шпионов. И все же за нами следили. На улице, — я не знаю, как она называется, но на ней лестница в четыре ступеньки.

— Улица Дитамбреса Ханьги, — произнесла дама чуть громче шепота.

— Хорошее название, — одобрил Конан. — На той улице на нас напало двенадцать ханьг. Даже ханьга может стать опасным со сталью в руке. Мы перебили по меньшей мере половину их. Но они ранили двух моих парней, а одного убили. Воинов, присягнувших мне как своему капитану, а Дому Дамаос — как охранники. Кто-то использовал серебро, чтобы купить сталь этих людей. У Дома Дамаос и у меня имеется теперь кровный счет к кое-кому...

Он оборвал речь, потому что госпожа Дорис сделалась настолько бледной, насколько позволяла ее кожа. Ее глаза превратились в огромные темные омуты, а одна щека неудержимо дрожала.

Дрожь распространилась и на губы. Чтобы скрыть ее, она прижала ко рту обе униженные кольцами руки. Затем страдальчески вздохнула, покачнулась и упала. Она точно свалилась бы с ложа, если б Конан не поймал ее, обхватив могучей рукой за плечи. С такой же мягкостью, как если

бы она была ребенком, он привлек госпожу Дорис к своей широченной груди и прислушался к ее дыханию.

Он ничего не успел услышать, потому что воздух тотчас же разорвали дикие крики:

— Пес!

— Убери свои поганые руки от нашей госпожи!

Потайная дверь с треском распахнулась, и через нее прыгнуло трое человек. Еще двое выскочили из-под кровати, а последняя пара влетела на веревках через окно.

Конан бесцеремонно уронил госпожу Дорис на ложе, когда вскочил на ноги. Он увидел, что ее грудь вздымается в такт дыханию, но глаза по-прежнему закрыты. Затем у него больше не осталось для нее времени, так как семь человек сомкнули вокруг него кольцо.

По крайней мере, теперь он знал, что в Доме Лохри водились и молодые, здоровые слуги. И они к тому же держали в руках сталь — короткие мечи, длинные кинжалы и одно копье, — да притом выдавшую виды сталь. И все же они не выглядели столь уж крутыми, к тому же ребята не подозревали, с кем они столкнулись. Вожаком скорей всего был копьеносец. Он также глядел только на госпожу Дорис, как будто Конан был вооружен не более чем ивовым прутиком.

Его более длинное оружие делало вожака наиболее опасным для киммерийца и, следовательно, первым противником. Или лучше сказать «жертвой», так как один удар меча перерубил копье пополам. Второй удар был рубящим, винтом по ногам. Он пригнулся и напружинился, в то время как товарищи по обеим сторонам подходили поближе.

Они подошли чересчур близко, предлагая Конану мисень, по которой не промахнулся бы и слепец. Варвар перебросил меч в левую руку и молниеносным движением вмазал эфесом по морде одному из приблизившихся. Затем по инерции совершил пол-оборота, и кованый сапог угодил прямоком в промежность другого противника. Тот согнулся, как червяк на крючке, и рухнул на ковер, тщетно пытаясь набрать в легкие воздуха для вопля.

Вожак ткнул в Конана обрубок копья и выхватил нож. Конан перекинул меч обратно в правую руку и ударил клинком плащом по руке с этим ножом. Вожак завизжал и выронил нож. Один из слуг рванулся к нему, рубанув одновременно Конана по ногам длинным кинжалом.

Конан позволил лезвию кинжала чиркнуть ему по коже, а затем снова резко развернулся, быстрее, чем мог уследить глаз. И его стопа каким-то образом встряла между ног кинжальщика. Тот потерял равновесие, и, словно камень из катапульты, полетел на одного из товарищей. Оба смачно впечатались в стену.

Гобелен на этой стене изображал безупречную охотничью сцену — огромного тигра, утыканного стрелами. Он не умягчил стену для этих двоих. Оба растянулись без чувств, а гобелен сорвался с креплений и съехал по стене, накрыв их как коврик, брошенный на кучу мусора.

Конан перебросил меч из руки в руку, снова быстрее, чем мог уследить глаз, и рассмеялся. Какой именно поступок заставил двух последних слуг замереть как статуи, он так и не узнал. Они все еще пялились на него, когда госпожа Дорис ахнула и замахала руками.

Конан уважил призыв дамы. Заботливо взяв ее только за запястья, он осторожно помог ей подняться в сидячее положение. А затем снова повернулся лицом к семерым выведенным им из строя за время, какое примерно требуется на осушение половины чаши аргосийского вина.

— Конан... капитан... они? — начала было госпожа Дорис. Глаза ее чуть не вылезли из орбит, по мере того как она обвела взглядом покой.

— Если кто-нибудь из этих людей потерял хоть каплю крови, я лично перевяжу ему раны, — пообещал Конан. — Я не говорю, что все они будут еще до утра годными к бою. Если они вообще когда-нибудь были готовы, — добавил он, прожигая взглядом обе статуи.

Это оскорбление заставило пару вздрогнуть. А затем они шагнули в разные стороны и подняли короткие мечи.

— Стойте! — приказала дама. — Я запрещаю поднимать любую сталь на капитана Конана. Или на его людей.

Вожак пришел в чувство и обрел голос:

— Госпожа, вы же сказали...

— Тогда я еще всего не знала! Капитан Конан рассказал мне все. Убирайтесь! И возьмите с собой такое сообщение: пришедшие с капитаном Конаном должны получить гостеприимство Дома Лохри.

— Госпожа?..

— Что, кулак Конана сделал тебя еще более тупоумным, чем ты уже был? — резко бросила хозяйка. —

Наверно, мне следует попросить его ударить тебя еще раз, чтобы поставить тебе мозги на место!

При мысли о новом столкновении с киммерийцем у пяти из семи слуг, казалось, выросли крылья. Они подняли своих потерявших сознание товарищей и удрали, да так быстро, что устроили в дверях кучу малу и некоторое время барахтались на пороге, прежде чем выбраться.

К тому времени как они покончили с пробкой в дверях, госпожа Дорис смеялась так бурно, что застежка у нее на платье грозила сломаться. Наконец она опустила спину на подушки ложа, с платьем, задравшимся почти до колен, и провела обнаженной рукой по краю ложа.

Конан молча стоял, пока госпожа Дорис не испустила глубокий вздох и не села.

— Простите, капитан Конан. Полагаю, для вас это вовсе не так забавно.

— Да уж, — проворчал он. — Противно видеть бойцов униженными, выполняющими глупые приказы. А поскольку это ваши приказания...

— Мои приказы?..

— Сударыня, я сумею распознать западню, если таковая имеется! Они должны были, предположительно, отомстить за вашу честь.

Темные глаза были теперь полузакрыты и не встречались взглядом с голубыми, как лед, глазами киммерийца. Но госпожа Дорис кивнула.

— Так я и думал. А потом что-то пошло не так, как вы задумали, верно?

Снова кивок.

— Вы хотите рассказать мне или я должен вытягивать из вас слово за словом?

— В моем собственном доме? И каким оружием? — Она коснулась пальцами застежки на платье. Конан заметил, что с одного плеча оно соскользнуло еще ниже, так что теперь одна грудь обнажилась соблазнительным изгибом. Изгиб этот был столь же прекрасен, как и все прочее у хозяйки Лохри.

— Если я могу столкнуться с семью мужчинами без кровопролития, то уверен, что смогу действовать не хуже и с одной женщиной.

— Даже в рукопашной схватке?

Конан почувствовал, как кровь у него начинает закипать. Если он ошибся в значении этих последних слов, то тогда он ничего не понимает в женщинах.

— Даже что?

Госпожа Дорис встала, и ее рука поднялась к застежке платья. Ловкие пальчики заплесали, застежка расстегнулась, и платье открылось до талии. Быстрое движение плеч, и платье соскользнуло на пол.

Все было столь же великолепным, как и представлял себе Конан, начиная с груди, которая, казалось, прям-таки и ждала мужской руки. Кровь у него в жилах теперь казалась подобной расплавленному камню.

— Я вызвала тебя на рукопашную схватку, киммериец, — заявила дама и улеглась на ложе. — Ты отказываешься принять вызов?

— Я что, выгляжу полным болваном? — поинтересовался Конан, а затем страстно поцеловал ее, прежде чем Дорис смогла ответить на вопрос.

Глава 10

Стук не сразу разбудил. Когда грозила опасность, варвар спал столь же чутко, как любое дикое животное. Но он не смог расслышать стука, пока тот не стал громче храпа госпожи Дорис.

Когда же он стал-таки громче, киммериец проснулся мгновенно. С мечом в руке, он неслышно прошлепал босиком к двери.

— Кто там?

— Капитан, мне надо с вами поговорить. — Конан узнал голос Арфоса.

— Минутку. — Конан вернулся к постели, накрыл стеганым одеялом обнаженную госпожу Дорис, задернул занавески балдахина и принялся одеваться сам.

Когда Конан наконец отодвинул засов, Арфос нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Глаза у него налились кровью, как будто он встал с тяжелого похмелья, но запаха винного перегара Конан не ощутил.

Наследник Дома Лохри удовольствовался одним взглядом в сторону занавешенной постели и еще одним — в сторону Конана. А затем повернулся к двери.

Рука Конана опустилась на плечо Арфоса.

— Погоди. Куда мы идем?

— Туда, где все сказанное останется между нами.

Конан оглядел комнату. Каких-то явных мест для подслушивания не наблюдалось, однако это означает, что враги менее хитрые. К тому же госпожа Дорис могла спать отнюдь не так крепко.

— Веди, но только не к новой драке, спасибо, с меня хватит.

Арфос рассмеялся коротким хриплым, лающим смехом:

— В доме мало людей, годящихся противостоять тебе, и ни одного готового на это. Я не смог бы устроить западню, даже если б захотел.

Конан знал, что проваливающимся под ногами плитам, капканам, стреляющим, если задеть нить, арбалетам и другим подобным устройствам не требовалось никаких держащих их рук, чтобы быть смертельными. Он готов был положиться в столкновении с ними на свои инстинкты, свою правую руку с мечом и свою кольчугу, а в остальном предоставить заботиться богам, пока он пытается узнать тайны Дома Лохри.

Если такие есть, подумал он, — кроме той, что на ощупь, в темноте, госпожа Дорис кажется еще лучше, чем выглядит при свете, и знает все, что может знать женщина о том, как доставить мужчине удовольствие.

Арфос быстро двинулся по тускло освещенным коридорам к двери, выходящей на винтовую лестницу. Он двинулся вниз, перемахивая через две ступеньки, с уверенностью, которой Конан никогда в нем не видел и никак от него не ожидал.

Наконец они подошли к двери из того, что казалось сплошным камнем, с вделанным в нее достаточно большим замком, чтобы запирать ворота крепости. Арфос достал из поясной сумки до нелепости маленький ключ и трижды повернул его в трех разных скважинах замка.

При последнем повороте замок пропел высокую пронзительную ноту, словно ваза из тонкого стекла. Каменная плита повернулась на бронзовой оси, оставив по обеим сторонам проемы. Чтобы пройти, обоим пришлось нагнуться, и кольчуга Конана заскрежетала по камню.

Конан не знал, что он ожидал увидеть в камере за дверью, но уж определенно не то, что обнаружил. Пол умягчали потертые, но удобные ковры. Три стены подчеркивали линии полок из сладко пахнущего дерева с вырезанными на нем цветами и листьями. А у четвер-

той стены стоял длинный стол из хорошего эбенового дерева, но простой, как столб, за исключением инкрустированного серебром узора в одном углу столешницы. Конан заметил, что узор этот составляли древние руны ваниров.

Сами полки были заставлены дюжинами кувшинчиков — фарфоровых, стеклянных, керамических и даже глиняных с серебряными и медными затычками. В промежутках между сосудами Конан увидел кучи свитков, в иных случаях — побуревших от времени, ступки и пестики, кружки огненного вина и другие вещи, которых он не узнал.

Да он, в общем-то, и не желал узнать. Скажи ему, что тайна Дома Лохри заключалась в том, что господин Арфос колдун, Конан обозвал бы такого человека безумным.

Арфос уселся на стол, болтая длинными ногами, и усмехнулся:

— Похоже, вы обеспокоены, капитан. Вам дурно от запаха моих трав и зелий?

— Плох тот хозяин, который оскорбляет гостя своим первым же дыханием, — проворчал Конан. — Это закон во многих странах, а не только в Аргосе.

— В Аргосе также есть закон, гласящий, что никто не может заниматься колдовством.

— И вы ожидаете, что теперь, когда я увидел это, я буду держать язык за зубами?

— Да.

— Почему?

— По двум причинам. Одна в том, что это ни для кого не тайна, кроме моей матери и ее доверенных слуг. А вторая в том, что тут нет никакого колдовства. Все это предназначено для целительства. Ничего сложного вроде исцеления внутреннего кровотечения или раны в живот.

Арфос рассмеялся. Смех этот был куда более сердечным, чем можно было ожидать от этого почти сурового долговязого юноши.

— Конан, от тебя трудно что-нибудь скрыть, не так ли?

— Если это что-то способное спасти меня и моих ребят, то да. Итак, ты целитель. Это и есть тайна Дома Лохри?

— Нет. — Арфос вдруг стал выглядеть чуть ли не пятнадцатилетним, и таким же неуклюжим и неоперившимся, каким его не так давно считал Конан. — Капитан Конан, я хочу, чтобы Ливия стала моей женой. Я хочу ухаживать за ней, как ухаживает мужчина за женщиной, которую любит. Не так, как хочет от меня мать, — в качестве способа подправить наше изгрызенное крысами состояние. Но как мне заставить ее понять, что я люблю ее? Как?

Конан никогда не бывал влюблен так, как, похоже, влюбился Арфос, но он достаточно часто видел такое в других, чтобы узнать этот недуг. Он прикусил язык, удержавшись от предложения Арфосу взять одно из своих зелий и убить у себя это желание!

Над Арфосом, вероятно, и так достаточно смеялись мать и ее слуги. Юноше будет очень приятно, если к нему относятся серьезно.

— Я слышал, что некоторые женщины способны прочесть мысли мужчины, — усмехнулся киммериец. — Но мне неизвестно, что Ливия — одна из них. Так почему бы не сказать ей самому?

Арфос выглядел столь же пораженным ужасом, как если бы Конан предложил ему прыгнуть со стен Мессантии.

— Моя мать!

— Не говори матери...

— Она узнает. А потом она покончит с этим сватовством. Она хочет командовать мной так же сильно, как хочет заполучить деньги Ливии. Если она подумает, что я ускользаю из-под ее власти, мне не видать покоя. Она может даже обыскать весь дом и найти мое потайное убежище!

— А что важнее? Ливия или этот склад?

Арфос встал, с немалым достоинством:

— Капитан Конан! Если б я не применил свои способности и средства для исцеления, то вам, возможно, пришлось бы расплачиваться с Воителями. А так — никто из людей матери сильно не пострадал.

— За это можно поблагодарить и меня, — заметил Конан. — Я обычно не столь добр с людьми, которые подходят ко мне с обнаженной сталью.

— Мне тоже так кажется, — согласился Арфос. — Это еще одна причина, почему я хочу, чтобы вы были мне другом, капитан. Или по крайней мере тем, кому могу

доверять. Нелегкое это положение — охранять свой тыл от родной матери.

С этим Конан не мог спорить и потому готов был поддержать тост, предложенный Арфосом. Вино оказалось не самым лучшим из всех, какие ему довелось попробовать в Аргосе, и разлили его в деревянные чаши, но Арфос позаботился выпить первым, чтобы Конан не подумал, будто вино отравлено.

— А теперь, капитан, думаю, вам лучше отправляться в путь, вам и вашим людям. В качестве последней части исцеления людей моей матери я дал им выпить сонного зелья. Прежде чем они проснутся, солнце будет уже высоко в небе. При удаче они лишь завтра хотя бы вспомнят, как они получили свои раны и кто их исцелил.

Тон Арфоса сделал эту просьбу приказом. Приказом, которому, решил Конан, ему будет совсем не вредно подчиниться. У него имелись надежды снова переспать с госпожой Дорис. Его не особенно волновало, будет ли у них еще одна схватка в постели, как ни приятна была мысль о ней. Ему не очень-то хотелось покидать дом, не сказав несколько слов его хозяйке на случай, если действительно существовала какая-то известная только ей тайна, которая могла помочь Ливии.

Не имеет значения. Битвы редко разворачивались так, как замышляли их капитаны, и Конан теперь знал, что аргосийские битвы подчинялись этому правилу, даже когда никто и не прикасался к стали!

Глаза госпожи Ливии напоминали цветом ледяную пещеру в Ванахейме, когда они изучали Конана. И они также, казалось, делали покои этой дамы такими же холодными, как та пещера.

— Итак, капитан Конан. Вы потеряли одного человека и подвергли опасности остальных. Сами едва вырвались из западни. И все же говорите, что понятия не имеете об этой «тайне» Дома Лохри?

— Только предположение, сударыня. — С тех пор как он покинул незадолго до рассвета дворец Лохри, у Конана не нашлось много времени на обдумывание того, а что же, собственно, могла затевать госпожа Дорис. Почти все утро он занимался тем, что приводил своих воинов домой,

подыскивал место для тела Джаренза. Он успел перекинуться парой слов с уводимыми Резой пленниками. А потом почти весь полдень — расстановка людей на посты, оставленные Резой, чтобы прикрыть все опасные точки. К тому времени, когда требование госпожи Ливии явиться к ней стало опасно игнорировать, сад уже окутывали вечерние сумерки.

— От предположений на войне мало толку, — бросила Ливия. — И отец, и опекун твердили мне об этом в один голос. Ты и сам говорил примерно то же.

— Я этого не отрицаю, сударыня.

— Тогда к чему строить нелепые догадки?

— Сударыня, иногда это самое лучшее, что может сделать капитан. По крайней мере он не будет просто сидеть и ждать, когда враг сделает следующий шаг. Если вы думаете, что выпадет такая удача...

Голубые глаза сузились, и Ливия провела языком по пухлым губкам. Конану казалось, что эти губы сделались краснее, чем прежде. И грудь Ливии, казалось, вздымалась еще более соблазнительно.

Конан покачал головой:

— Думаю, мы израсходовали примерно всю удачу, какую собираются подарить нам боги или еще кто-либо. Нам надо решить, что мы предпримем, как только вернется Реза.

— Согласна. Отлично, капитан. Я выслушаю вашу догадку, если вы скажете мне, почему у вас нет ничего лучшего. Ведь после той драки у вас была возможность поговорить с госпожой Дорис, не так ли?

Язык Конана отказывался повиноваться ему. Комнату затопило молчание, молчание, похожее на воду. Оно текло вокруг Конана, затрудняя дыхание. В этом молчании он услышал донесшиеся из сада тихие переборы лиры.

Голубые глаза мгновенно сделались из ледяных горящими.

— Так! Ты провел ночь с госпожой Дорис, но не нашел ни малейшей возможности с ней поговорить?

Солгать Ливии Конан мог не больше, чем соврать богине. На самом-то деле он подозревал, что возмездие Ливии за ложь будет намного быстрее и вернее.

— Да. Боюсь, что когда мужчина и женщина...

— Кувыркаются в постели, пока не теряют всякий разум?

— Сударыня...

— Ну, не вижу, что еще тут можно было поделать. И не называйте меня нескромной. Я не желаю больше никогда слышать это слово. Женщине не требуется быть высокородной шлюхой, чтобы знать несколько истин о постельных забавах!

Нескромной Конан назвал бы Ливию в последнюю очередь, хотя бы лишь потому, что не желал, чтобы ему разбили голову кувшинчиком с духами. На самом-то деле самым лучшим казалось — помалкивать, пока ярость Ливии не поутихнет.

На это потребовалось некоторое время, и за это время Конан услышал, как его обзывают такими словами, какие швыряли ему в лицо лишь немногие женщины. За половину тех слов, какими обозвала его Ливия, большинство женщин зарабатывали бы несколько крепких шлепков по заднице или окутывание в ближайшую навозную кучу.

С Ливией было благоглупым и то и другое — по крайней мере, прямо сейчас, — и Конан сохранял спокойствие еле-еле, пока у нее не иссякли и запас бранных слов, и дыхание. Когда она наконец рухнула в кресло, он даже рискнул взять веер и помахать им. Она не стала возражать, только подняла руку вытереть пот с лица.

Снова последовало долгое молчание, пока Ливия не совладала со своим языком.

— Конан, я не стану просить прощения. Если ты думал, что Дорис скинет вместе с платьем все свои тайны, — нет, так я тебя уже называла, не правда ли?

— Да, сударыня.

— Пока мы одни, тебе незачем называть меня так.

— Как пожелаете, су... Ливия.

Она выпрямилась в кресле, платье у нее при этом сползло с одного плеча, и позвонила, вызывая горничную. Когда горничная вышла с наказом принести вино и сладости, она сделала Конану знак пододвинуть кресло к ней.

— Итак, твоя догадка?

— Мое предположение состоит в том, что Дорис отнюдь не в дружбе с Акимосом. Когда вы встречались последний раз, она сказала тебе правду, но ты усомнилась в ее словах, верно?

У Ливии хватило приличия покраснеть.

— Я больше чем усомнилась в ее словах. Я обозвала ее — нет, не столькими словами, сколько обрушила на тебя. Но достаточно крепко.

— Ты хочешь сказать — чересчур крепко. Эта женщина испугана, а испуганные люди все равно что испуганные звери. Цапнут тебя совершенно ненамеренно.

— Конан, ты родился столетним старцем.

— Ливия, я родился киммерийцем. Это суровая земля, и ее первый и последний закон таков: дураки не доживают до старости.

— Подобный закон не помешал бы и нам в Аргосе. За исключением того, что у нас, как ты сказал, и так уже чересчур много законов.

Конан пожал плечами:

— Наверно, этот пошел бы вам на пользу. Но что касается госпожи Дорис — она хотела меня осрамить или, возможно, ранить, а не убить. Она думала, что я дурно влияю на тебя.

Когда я сообщил ей, что кто-то пытался убить меня и моих людей по дороге к ее дому, она была в ужасе. На этот счет я не мог ошибиться.

— Я знаю, когда кто-то шагает со скалы и обнаруживает, что никакого дна-то, куда можно упасть, нет и в помине. Вот такой и была Дорис. Она думала, что я освежую ее слуг из-за подозрения, что она приложила руку к тому покушению.

— Вот уж никогда бы не подумала, что она будет волноваться о слугах. Она пользуется дурной славой из-за того, что выбрасывает их вон, когда они вызывают у нее недовольство или становятся стары.

— Ливия, может, иногда такое и происходит. Но я готов поспорить на все вино в твоих погребках, что это в основном пущенный ею же слух. Просто таким образом никто не узнает, что у нее слишком мало серебра, чтобы держать прислугу.

— Бедная Дорис. — Затем голубые глаза расширились, и Ливия принялась дико озираться по комнате. — Бедная Дорис! Что я такое говорю? Конан, ты заразил меня безумием?

— Ливия, я...

— Обращайся ко мне, называя «госпожа Ливия», а не то потеряешь свое место у меня вместе со своими людьми. Ступай, и да научат тебя боги хорошим манерам, если мне это не под силу!

Конан, нахмурившись, вышел. На самом-то деле он уже какое-то время надеялся, что его наконец отпустят, так как скоро должно было начаться прощание с Джарензом. Ему

следовало теперь быть рядом с гробом паренька, а не здесь, в пышной палате, выслушивая свою вторую сумасшедшую за день.

Нет, не сумасшедшую, сообразил Конан, когда за ним закрылась дверь. Ревнивую женщину, что достаточно часто приводило женщину к тому же концу.

Лишь бы это был не его конец. Хватало и ревности Резы у него за спиной; если добавить к ней еще и ревность Ливии, то ему и в Стигии было бы безопаснее! Слава богам, что эта ночь предназначалась для распития хорошего вина с его бойцами, а не для беспокойства из-за женщин и их обычаев!

Шпион неслышно крался прочь оттуда, где он подслушивал разговор госпожи с капитаном Конаном. Он чувствовал себя скорее так, словно танцевал, пел и опустошал кувшины с вином.

Это было нелегко, когда пришлось остаться в стороне той ночью, когда Акимос послал своих людей против этого Дома. Он видел своих друзей среди мертвых и еще больше — среди тех, кого отправили рабами в горы. Еще труднее было слушать, что говорили в покоях хозяйки.

Но боги улыбнулись, удача повернулась к нему лицом, способ представился, и теперь он не только услышал, но и увидел, что происходит. Если госпожа Ливия не испытывала никакого влечения к капитану Конану, то он вообще ничего не понимает в женщинах! Поскольку он некогда подвизался в качестве дамского угодника, обслуживая женщин, у которых имелось больше желаний, чем красоты, то он считал себя весьма сведущим в этом деле.

Уж о чем, а об этом Акимос должен узнать. Это могло дать ему оружие, стоящее всех потерянных им людей и еще десятка сверх того. Благодаря этому можно даже будет отомстить капитану Конану за тех друзей, которых этот мускулистый придурок убил или захватил в плен!

Шпион поспешил вернуться на кухню. Часы будут ползти медленно, прежде чем он сможет покинуть дворец и доставить свое сообщение. А до тех пор он не сможет ни пить, ни есть, и, в самом-то деле, даже улыбаться было бы

неосмотрительно. Никак нельзя! Тем более, если улыбку может увидеть Реза или тот, кто настучит ему. Ведь тогда Реза непременно захочет узнать, с какой это радости он улыбается.

Глава 11

— На пути у нас стоит Конан. Этого быть не должно.

Акимос посмотрел на своего ручного колдуна, зная, что на лице — смесь замешательства и усталости. Узнать, что вышло из его попытки похитить госпожу Ливию, не доставило ни малейшего удовольствия. Снести еще одну вспышку со стороны Скирона — того меньше.

— Почему? — бросил Акимос. Он не прожег взглядом колдуна, но его голос передавал его нетерпение ничуть не хуже. — Ты узнал, что он настоящий колдун, соперник тебе? — Если каким-то чудом все окажется именно так, то Акимос собирался переманить Конана на свою сторону, даже если это обойдется ему в тысячу драхм и половину кабацких девок в Мессантии. Скирону требовался соперник, чтобы он и дальше оставался честным — или по крайней мере не более бесчестным, чем его создали боги.

— Магии у Конана не хватит и подогреть миску супа, — презрительно фыркнул Скирон. — Но я не могу сказать всей правды об этом, так как дело это связано с мистическими тайнами.

— Тайнами или нет, но ты можешь по крайней мере выражаться яснее? Или я должен выслушивать загадки? Предупреждаю тебя, я не очень склонен терпеть последние.

— Как же мало терпения у этого великого мастера интриг, господина Акимоса!

Акимос отодвинулся, чтобы не поддаться искушению отвесить колдуну оплеуху. Он засунул большие пальцы за пояс и крикнул:

— У меня его достаточно, чтобы выслушать, из-за чего ты опасаешься Конана. Это все, что ты можешь ожидать в настоящее время.

— Отлично. В Конане есть какой-то сумрак. Сумрак и судьба. Если такой человек будет где-нибудь поблизости от наших дел — всех наших средств может не хватить, чтобы противостоять ему.

Акимос кивнул, больше из вежливости, чем в знак согласия. Скирон определенно казался искренне испуганным. Но торговый магнат подозревал, что страшил его больше осязаемый меч Конана, чем нечто столь мистическое и таинственное, как сумеречная судьба киммерийца. Вслух Акимос этого не скажет, так как Скирон не станет покорно сносить обвинение в трусости. На самом деле оно, возможно, и не совсем справедливо. Конан был в высшей степени грозным воином, и оставлять такого врага свободным действовать и впрямь было делом опасным. И дорогостоящим. Акимос еще не подытожил стоимость затыкания ртов родственникам убитых бойцов и выкупа пленников с лесоповала. На это уйдет больше драхм, чем он желал выложить, когда положение резко обострилось.

— Я поищу средства убрать Конана с нашего пути. Возможно, что он послужит нам лучше, оставаясь там, где есть. Но даже если это так, я позабочусь о том, чтобы он не помешал моей работе. Это в пределах разумного?

Скирон неохотно кивнул и вышел без дальнейших слов. Акимос проигнорировал эту грубость, пригубил вино и рассмотрел имевшиеся у него варианты выбора.

Шпион заслуживал доверия. Следовательно, Конана и госпожу Ливию не могло отделять слишком много дней от скандальной связи. Если же Конан будет заперт глубоко в караулке, то это может случиться не так быстро, если вообще случится.

Однако, а имело ли значение, действительно ли киммериец спал с Ливией? Слух об этом, распространенный на улицах, вызовет почти такой же скандал. Если девушка потом получит возможность восстановить свою репутацию достойным браком — с сыном женщины, на которой собирался жениться Акимос, — то разве она не ухватится за такой шанс?

Если она не дура и не распутница, то должна ухватиться. Тогда дело будет улажено для всех, за исключением самого Конана. Он не доставит больших хлопот, так как Воителям в караулке можно будет заплатить, чтобы они смотрели в другую сторону. И тогда яд или кинжал ночью покончат с досадившим киммерийцем.

Акимос налил себе еще вина. Он и впрямь не утратил своей способности к интригам, если мог рассчитывать на столько ходов вперед. Ему, конечно, понадобится готов-

ность госпожи Дорис, но его планы добиться ее едва ли могли потерпеть неудачу.

Теперь пора подумать о его друзьях среди Воителей. Кто лучше всех сработает против Конана и за наименьшее количество золота?

Конан инспектировал охрану ворот, когда к ним подошел строем отряд Воителей. Он сразу определил, что это не обычный визит.

Воители заявили числом почти в четыре десятка, во главе с двумя капитанами, причем один из них прибыл верхом. Конный капитан остался в седле, и Конан узнал Эльгиоса с Великого Моста.

— Воители Аргоса, по делу, затрагивающему госпожу Ливию и Дом Дамаос, — крикнул сержант отряда.

Конан принял свою самую официальную аргосийскую манеру держаться.

— Госпожа Ливия дома, но занята музыкой. Что я могу сообщить ей о деле?

— Оно касается капитана Конана, из ее охраны.

— Я и есть капитан Конан, — уведомил его киммериец, оскалив зубы. — Если оно касается меня, то незачем беспокоить госпожу Ливию.

— Тебя действительно зовут Конан из Киммерии? — переспросил сержант, близоруко щурясь поверх пергаментного свитка.

— Так меня зовут на моей... что это за бумажонка? А, моя гарантия выплаты залога. Она настолько хороша?

— Неуважение к Воителям! — выкрикнул пеший капитан. — Запишите это, сержант.

— А как насчет неуважения говорить человеку, что он лжет, называя свое имя? — спросил Конан вежливей, чем требовали его чувства. Его взгляд встретился со взглядом Эльгиоса.

Конан решил в пользу осторожности. В присутствии Эльгиоса у него мало шансов и захватить этих вояк врасплох, и обмануть их. А без захвата врасплох или обмана, тридцать к одному — неважное соотношение сил, даже когда этот один — выросший в горах боец-киммериец, а тридцать — выросшие в городе неженки-аргосийцы. Не говоря уж о проблемах, которые создаст для госпожи Ливии внушительная битва у ее ворот.

Эльгиос кивнул сержанту:

— Конан из Киммерии, ты арестован за незаконное присвоение прав, положенных только капитанам Воителей. Дальнейшие обвинения против тебя расследуются и могут быть выдвинуты. Тебя предупреждают, что все, что ты скажешь, может послужить основой для новых обвинений, и что сопротивляться Воителям в подобном деле является преступлением, наказуемым продажей в рабство. Ты предупрежден...

— Да болотные тролли поберут все ваши предупреждения. — Конану думалось, что он говорит спокойно, но весь отряд отступил на два шага, за исключением некоторых, отступивших на четыре. Никто на самом деле не поднял оружия, но многие руки оказались ближе, чем раньше, к эфесам мечей и колчанам.

Игнорируя Воителей так, словно те провалились сквозь землю, Конан повернулся к охране ворот:

— Одного вестника — к госпоже Ливии доложить о том, что здесь происходит. Другого — к сержанту Талуфу. До моего возвращения считать его капитаном отряда Конана.

При этих словах некоторые из Воителей не сдержали улыбок. И тогда, словно это было написано в воздухе, Конан понял, что его не собирались выпускать живым.

Значит, мордобоя и драки не избежать. Но случится это все же не у ворот Ливии или еще в каком-либо месте, где вина за происшедшее ляжет на нее. Если Воителей можно так легко купить, у нее и без того хлопот хватит.

Конан подумал, что, наверно, ему следовало бы сказать Ливии о страсти, испытываемой к ней Арфосом. Тогда она могла бы считать его скорее другом, чем врагом. Само собой, ей понадобится какой-то способ связаться с ним без ведома его матери. Но если Арфос не сумеет найти такого способа, то уж Ливии-то это будет вполне по силам.

Конан посмотрел на Эльгиоса:

— Можно мне зайти к себе за едой и одеждой?

— Только если с тобой отправятся четверо моих людей и обыщут все, что ты принесешь, — ответил капитан.

Конан поклонился:

— Я не возьму на себя смелость просить госпожу Ливию стерпеть такое вторжение. Если она ценит мои удобства выше чести своего дома, то она, несомненно...

— Что я несомненно сделаю, Конан? — раздался голос за спиной киммерийца.

Он медленно обернулся, хотя ему хотелось стремительно крутануться вокруг своей оси, и увидел Ливию, в плаще, поспешно брошенном поверх домашнего платья. Ноги у нее были обуты лишь в расшитые розами комнатные туфли.

— Госпожа, — поздоровался Конан, подчеркивая титул. — Мне придется на некоторое время покинуть службу у вас, пока не будет завершено некое дело.

Он объяснил, встав так, что мог наблюдать одновременно и за ней, и за Эльгиосом. Сперва у Ливии задрожали губы и она вцепилась в край плаща. Затем она почувствовала, что Эльгиос следит за ней, как кот, изучающий птицу, выискивая любые признаки беспокойства. Конан увидел, как она выпрямилась, плотно сжала губы и сложила руки на груди. Ему снова подумалось, что он видывал и королев вдвое старше ее, не проявляющих и половины ее достоинства.

Когда он закончил, Ливия кивнула:

— Капитан Конан, я подозреваю, что кто-то получил ложные сведения. — Она в упор посмотрела на Эльгиоса, который внезапно утратил способность встречаться с ней взглядом. Конан чуть не рассмеялся.

— Я пришлю еду и одежду и все прочее, что понадобится для ваших удобств, — продолжала она. — Сержант Талуф будет равен по званию дворецкому Резе — если его не подозревают в том, что он помочился на розы Главного Архонта или в каком-либо подобном преступлении.

При этих словах засмеялся даже сержант, а Эльгиос несколько раз беззвучно открыл и закрыл рот, прежде чем покачать головой.

— Отлично. Тогда — да пребудут с вами боги, капитан Конан. — Ливия сжала ему руки, едва сдержавшись, чтобы не броситься киммерийцу на шею. Ему, со своей стороны, потребовалось героическое усилие, чтобы устоять на месте и не обнять ее.

Затем Конан вышел за ворота, рассмеялся, когда Воители отступили еще дальше, и собственными руками закрыл за собой ворота.

— Ну, друзья мои? Меня ждет милая прохладная темница, как вы обещали? Или мы весь день простоим на солнцепеке?

Акимос не выпил и не закричал от радости, когда пришло известие из Караулки: «Конан-киммериец доставлен в целостности и сохранности, заперт в доме Харофа».

Дом Харофа был самым нижним уровнем Караулки, названным в честь древнего аргосийского бога смерти. Обычно его приберегали для приговоренных к смерти преступников, но было истрачено достаточно золота, чтобы упрятать туда Конана.

И сделанное, в общем-то, нельзя назвать неуместным, решил Акимос. Киммериец обречен, даже если его судьба будет менее общеизвестной, чем участь убийцы или изменника. Но она будет не менее определенной. Даже его мышцы — да и его мозги — не могли помочь ему пробраться мимо ворот, охранников и других ловушек, поджидавших его на пути из дома Харофа.

Аргос больше не увидит Конана из Киммерии, кроме как в виде тела, найденного в подходящей навозной яме. После того, как слух о его скандальном романе с госпожой Ливией распространят по улицам, как помет бродячих собак.

Вместо того чтобы выпить и закричать, Акимос тихо спустился по лестнице в погреб к Скирону. Он не приблизился к двери, не говоря уж о том, чтобы постучаться к нему, так как доносившиеся изнутри звуки не вызывали никаких сомнений.

Мужчина и женщина, сплетенные в неистовой страсти. Или по крайней мере неистовой со стороны женщины. По звукам было трудно судить, как подходил к этому вопросу Скирон. Он явно был не из тех колдунов, кому требовалось для работы соблюдать воздержание, — да и вообще это относилось в основном не к колдунам, а к колдуньям.

Акимос, улыбаясь, повернул обратно. Поговорить со Скироном можно будет и в другой раз. Торговый магнат много раз внушал Скирону, как важно, чтобы зелье «Цветы желаний» выполнило свою задачу. На этом зиждился весь его план в отношении госпожи Дорис. Так кто ж мог обвинить колдуна в том, что он испытывал слабость?

В окрашенном сумеречными красками саду перемигивались светляки. Западная сторона неба лиловела. Легкий ветерок доносил из порта песни и музыку из винных лавок.

Вечер этот был бы идеальным для госпожи Ливии, не будь она одна на крыше дворца Дамаос. Она не скажет даже себе: «Ах, если б со мной был Конан».

На глаза у нее навернулись слезы, когда она подумала о всей этой великолепной силе и смекалке, запертой в камере караулки. Да к тому же в камере в доме Харофа, — старые друзья семьи среди Воителей смогли сообщить ей хотя бы это.

Она спрашивала еще многое, но ничего не узнала. За исключением того, что было бы неблагоприятным проявлять излишнее любопытство относительно капитана Конана. Один человек так прямо и сказал. Другие всего лишь отводили глаза, но ей не требовалось никаких слов, чтобы знать, что они должны думать.

Ей было наплевать, шепчется ли весь Аргос, что они с Конаном были любовниками. Да пусть хоть кричат об этом с крыш и кораблям в море. Если она в состоянии что-то сделать для его спасения, то не позволит Конану томиться в тюрьме, не говоря уж о том, чтобы умереть.

Но что же предпринять? Она не могла выкинуть из головы мысль, что Реза мог иметь какое-то отношение к аресту Конана. Его ревность к ее благоволению по отношению к киммерийцу бросалась в глаза ничуть не меньше, чем его нос. Не привела ли его эта ревность к измене?

И если да, то какая у нее есть надежда наказать его? Сержант Талуф и другие из отряда Конана поклялись подчиняться Резе. Возможно, они доверяли ему. А возможно, они всего лишь отказывались разделять силы Дома Дамаос перед лицом врага.

Если так, то они поступали разумно. Она тоже поступит разумно, если последует их примеру. Но тогда все, что она ни сделает для спасения Конана, Реза может сорвать!

Она сжала камень так, что побелели костяшки пальцев. Она до крови закусил губу и наконец позволила слезам хлынуть из глаз и политься по щекам.

Когда слезы на глазах у нее наконец высохли, она позвонила, вызывая слугу. Появилась горничная Гизела.

- Вина, Гизела.
- Кувшин или чашу?
- Кто ты такая, чтоб указывать мне, сколько пить?
- Госпожа, чаша часто обостряет ум. Кувшин же всегда притупляет его. Разве всем нам не нужно сейчас не терять ума?

Ливия невольно улыбнулась. Не умри мать Ливии, рожая ее, у нее могла быть сестра того же возраста, что и Гизела.

— Похоже, ты уже говорила это прежде.

— Я спорила с Вандаром. — Гизела не покраснела. — Когда у нас нет более важных дел. — Она опустила глаза. — Это бывает не так часто, как я могла бы пожелать. Но я понимаю. Он будет долго отходить от смерти брата. Они не только родились близнецами, но и никогда не расставались до сих пор.

На глаза Ливии вновь навернулись слезы.

— Он отомстит за смерть брата. Мы все отомстим. — Она топнула по черепице крыши. — Я клянусь в том этим домом и всеми годами, что он простоял!

— Да будет на то воля богов, — поддакнула Гизела. — И — кувшин или чашу?

— Кувшин, но принеси две чаши и останься со мной. Возможно, если мы обе обострим свой ум, то можем начать осуществлять эту месть.

Шпион поспешил к двери в винный погреб. Одну руку он прижимал к животу, словно тот болел. Воистину мешочек с золотом Акимоса за пазухой его туники исцелит много болезней, если он доживет до дня, когда сможет потратить его.

Чтобы сделать это, ему надо выбраться из Дома Дамаос. Данная мысль могла быть написана огненными буквами. Она определенно была написана на лице Резы. Рослый иранистанец задавал слишком много вопросов. А когда он начнет находить ответы, то не замедлит найти и шпиона.

Некоторые, похоже, сомневались в преданности Резы. Ревнует к киммерийцу, говорили они. Может, он и не хотел низвержения Дома Дамаос, но если б он мог убрать киммерийца с дороги и спасти этот Дом сам?

Шпион рассмеялся бы, если б у него не пересохло в горле и не так частило дыхание. Да, Реза отдал бы свою кровь до последней капли, защищая хозяйку, даже если б Конан сделал ее королевой Киммерии. На самом деле, чтобы доказать эту преданность, он будет тем более готов пустить кровь любому, кого заподозрит.

Дверь в винный погреб легко открылась под ключом шпиона. Он шмыгал из тени в тень, прячась, когда не

мог найти тени за самыми большими бочками. Продвигаясь лишь на несколько шагов за один раз, он все ближе подбирался к разыскиваемой им стене. Пол под ногами сделался липким, там, где с камней еще не соскребли оставшуюся после битвы кровь и огненное вино. Еще один рывок на дюжину шагов, и он будет у входа в пещеры. Он порывлся в кармане в поисках ключа от потайного замка.

Когда его рука сжала ключ, железная клешня сжала ему запястье. Захват усилился, и теперь его держали две руки — одна за запястье, другая за шиворот туники.

Руки развернули его кругом так резко, что у него повалась туника. Это не имело значения. Реза переместил хват на волосы шпиона и подержал его какой-то миг, так что их носы почти соприкасались. Ноги шпиона болтались в воздухе, и он ощутил ужасный позыв к рвоте.

Прежде чем этот позыв овладел им, он почувствовал, что Реза снова переместил хват. Одна гигантская рука держала его за шкурку, словно котенка. Другая же схватила его за пояс. Затем две могучие руки хлестанули шпиона, описывая им полукруг, шарахнув его головой о каменную колонну.

Он умер прежде, чем успел ощутить еще больший страх. Реза бросил труп и вытер руки о его одежду. На самом-то деле ему хотелось принять горячую ванну, скребя кожу, пока не покраснеет. Ничто иное не сможет избавить его от воспоминания о прикосновении к подобной падали.

Но это могло и подождать. Знали это только он и боги, но Дом Дамаос только что начал мстить своим врагам.

Глава 12

Ночью колдовство подкралось к Дому Лохри и его хозяйке.

Это было отнюдь не великое колдовство. В некоторых странах даже столь обнищавший клан, как Дом Лохри, держал бы на жалованье колдуна, для которого превзойти чары Скирона было бы детской игрой.

Но это был Аргос, где от любого колдовства остались одни воспоминания, а от великого колдовства и того не осталось. Обыщи госпожа Дорис хоть всю страну, от Ра-

бирийских гор до Западного моря, то все равно не нашла бы никого, способного противостоять Скирону.

Это было небольшим достижением, но вполне реальным. Скирон сделался величайшим колдуном, какого Аргос не знал на протяжении многих поколений. И теперь его таланты, какие ни на есть, обратились против Дома Лохри.

Госпожа Дорис пробудилась в пустой постели от сна, в котором она вновь пережила часы, проведенные в постели с капитаном Конаном. Вот это мужчина, достойный десятка любых других, кого она знала!

Нет, лучше сказать любых троих. Киммериец, несомненно, был создан не из железа, а из плоти и крови, из которых можно было выжимать силы лишь до определенного предела. Но из него их можно было выжать больше, чем из многих, многих других, — и она многое отдала бы за возможность снова почувствовать, как могучий варвар прижимается к ней, как его вес давит на нее, в то время как она обвивает его руками и ногами и пытается сделать его вес еще тяжелее.

Из внешних покоев донесся пронзительный вопль. Дорис вскочила с постели, и при этом спальный халат соскользнул с ее плеч. Не обращая внимания на свою наготу, она прошлепала босиком к двери.

У нее не нашлось времени открыть дверь, как не возникло и надобности в этом. Та резко распахнулась, замок вылетел, словно сгнивший плод, с петлями, скрученными, словно змеи. Дверь ударила ее, швырнув на пол, полуоглушенную, пронзенную болью и испуганную. Затем пришел гнев, присоединившись к другим чувствам и частично изгнав их.

— Охрана! К госпоже!

Она возблагодарила богов за пронизательность Конана, победившего ее людей, не калеча и не убивая их. Знай она, кто их так умело исцелил, она возблагодарила бы богов и за умение этого человека. Благодаря Конану и целителю ее дом был еще способен защищаться.

Ответом послужил новый вопль, а затем смех. Глухой, издевательский смех, — если б большая акула умела смеяться, то могла бы издавать подобные звуки. Дорис попыталась встать, но ноги и дыхание подвели ее. Извиваясь по полу, она попыталась прикрыться ладонями.

Третий вопль. Он донесся из внешнего покоя, где дежурившая ночью горничная дергалась в руках чего-то

огромного и невидимого. Она также теряла свои одежды, клок за клок, и начинала извиваться, охваченная несомненным желанием.

К тому времени когда горничная осталась нагой, голова у нее была откинута назад, глаза закрыты, а рот — открыт. Она, казалось, обнимала пустой воздух. Дорис уставилась на происходящее, желание вспыхнуло в ней столь стремительно и столь горячо, что прогнало страх.

Горничная издала последний вопль и рухнула на пол. Теперь Дорис нашла в себе силы подняться, а затем удержаться на ногах, ухватившись за дверной косяк. Металл замка был горячим на ощупь, и она почувствовала запах дыма, так же как мускусный запах от впавшей в экстаз горничной.

Затем взгляд ее упал на лицо горничной. Там, где кожа была юной и свежей, она теперь стала дряблой и морщинистой. И морщины эти углублялись на глазах у Дорис. Молодость и свежесть исчезли. Когда из уголка ее рта потянулась струйка крови, старость распространилась по лицу горничной, а затем равномерно растеклась и по ее телу. Дорис хотелось отвернуться, но ее глаза зажали собственной жизнью. Они оставались прикованными к телу горничной, пока оно не стало изможденным остатком прекрасной молодой женщины, какой та была до этой самой минуты.

А затем Дорис попыталась одновременно завопить и блевануть, так как кошмар на этом не закончился. Теперь тело горничной перешло из старого в могильное, а из могильного — в разлагающееся нечто, бывшее полупрахом, полуотвратительной сукровицей цвета крови. Ветер швырнул в лицо Дорис этот прах, воняющий могилой, и она упала на колени, в то время как желудок у нее взбунтовался. По пятам за прахом прибыли страшные миазмы сукровицы, и все чувства у Дорис пошли кругом.

Она стояла на коленях у двери, пытаясь опустошить и так уже пустой желудок, скребя согнутыми пальцами по ковру и скуля, как угодивший в капкан зверек. Она не видела двух возникших прямо в воздухе огромных желтых глаз и черного тумана, растекшегося и заплывавшего вокруг этих глаз. Она не видела, как этот туман потек вперед, пока его передовые клочья не заиграли по ее голой коже.

Затем она ощутила их прикосновение, холодное, как сама смерть, и пахнущее хуже всего, что ей доводилось

чувствовать раньше. Прикосновение это она ощущала недолго, так как ее разум мог вынести лишь определенную нагрузку. Когда госпожа Дорис погрузилась в глубокое забытие, в покоях снова отдалось эхо ужасного издевательского смеха.

Конан сидел на скамье, составлявшей одну треть всей мебели в его камере. Другие две трети образовывали соломенный тюфяк и большое ведро, выполнявшее обязанности стула.

Киммериец бывал и в тюрьмах похуже и в самом-то деле едва ли ожидал увидеть столь хорошую, как эта. Его опыт подсказывал, что люди, которым оставались считанные дни до встречи с палачом, редко наслаждались безграничным гостеприимством.

Еду и выпивку тоже давали удовлетворительную. Пить, правда, давали только воду, но та была достаточно чистой и почти свежей, а не полутвердой от размножившейся зелени. Пища состояла из ячменно-бобовой каши с прячущимися в ней несколькими кусочками мяса величиной с палец. Мясо это годилось лишь на корм псам.

Конан съел свою полуденную порцию тюремной пищи, но некоторое время спустя прибыла обещанная корзина из Дома Дамаос. Должно быть, госпожа Ливия опустошила всю свою кладовую, так как охранник едва смог эту корзину поднять. Вино, сыр, колбаса, лепешка хлеба и булка, изюм и яблоки, и даже кувшин пива, — если он пробудет здесь меньше пяти дней, то едва ли вновь понадобится тюремная пища.

Сперва ему требовались только хлеб и сыр, но он знал, что ему нужно поддерживать силы. Возможно, у госпожи Ливии и есть средства мирно вызвать его отсюда, но он не стал бы многим ручаться, бьюсь в этом об заклад, и уж конечно не своей жизнью. Поэтому он вытащил одну из колбас и отрезал кусок.

Сделав это, он увидел две вещи. Сначала — крысу, выглядывавшую из трещины у основания задней стены, затем — тонкий разрез с одного края колбасы.

Конан не испытывал ни малейшей любви к крысам, но эта была и впрямь жалким созданием, серым, малоподвижным и исхудалым. Такая и от мышки побежит, не говоря уж о кошке.

— Отлично, — молвил Конан. — Никто не скажет, что я отвернулся от нищего, когда мог поделиться едой. — Он отрезал дольку от разрезанного конца колбасы и кинул ее крысе.

Завидев еду, крыса умела двигаться быстро. Она, казалось, перехватила кусок колбасы прямо на лету. Три откуса — и он исчез. Крыса понюхала пол, словно надеясь на новый. Конан принялся отрезать еще кусок.

Затем крыса завизжала, словно ее жарили заживо, она перевернулась на бок, затем на спину, подтягивая худенькие ножки к свалывшейся шерстке на животе. Она извивалась и корчилась, в то время как изо рта у нее потянулась пестрящая зеленью пена. Глаза ее, казалось, засветились от знания, которым не должно обладать ни одно смертное создание, а потом закрылись. Миг спустя она обмякла.

— Сгной их боги!

След этой корзины вел через столько рук, что теперь одни боги знали, чьи это лапы отравили колбасу. И Конан не ожидал, что узнает это, если отравитель находится в этой тюрьме.

Но если негодяй скрывается под крышей Ливии, то Конан поклялся выбить из него эту тайну и свернуть башку.

Большинство жителей Мессантии удивились бы, узнав, что господин Арфос не выбежал с воплями из дома матери, едва там запахло колдовством. Даже знавшие, что Арфос не так прост, каким кажется с виду, не ожидали бы от него этой ночной работы.

Арфосу повезло, что он бодрствовал в своем потайном кабинете. Он находился далеко от центра атаки Скирона и, когда она распространилась по всему дому, приготовился встретить ее.

Его знания целителя не включали никаких сведений о чарах. Обучивший его старый Кирос ясно дал понять, что ничему такому он учить Арфоса не будет:

— Без согласия вашей матушки ни в коем случае!

— Не бойтесь, учитель. С ней приступ случится, а может, и что покруче.

— В некоторых отношениях ваша матушка мудрее, чем сама понимает.

Теперь, мудра она или нет, его мать находилась в опасности, и Арфосу было вполне по чину применить для

ее защиты те самые знания, которые она ему запретила приобретать. Если он не сможет защитить ее, то сможет по крайней мере защитить Дом Лохри и отомстить за мать.

Поэтому Арфос сделал две затычки из целебных трав, которые должны уловить принесенные ветром или навенные чарами яды и засунул их себе в ноздри. Из других трав он сделал настой и пропитал им шарф, а затем завязал им себе рот. Он надел оббитый железными заклепками пояс и сумку с железным замком и положил в сумку два заткнутых пробками пузырька. Один отгонит любую сонливость, какую могла наслать магия. А второй придаст ему примерно на полчаса силу, не уступающую, наверно, и конановской.

Запоздало вспомнив и об оружии, Арфос заткнул за пояс короткий меч. Он не ожидал, что столкнется сегодня ночью с врагами-людьми. Но если по какому-то случаю это произойдет и они заявятся не слишком большой ватагой, их ждет неприятный сюрприз.

Снарядившись таким образом для битвы, Арфос поднялся по лестнице к покоям матери. По пути он не увидел никого, кто в добром здравии стоял бы на ногах. Попалась парочка свежих трупов, а также несколько несчастных, хрипящих в предсмертной агонии. Он мог лишь надеяться, что, коль скоро чары покинут дом, разум к этим обезумевшим вернется.

Когда он поднимался по лестнице, страх грыз его внутренности, как волк кролика. У выломанной двери в покои матери этот страх превратился в нечто осязаемое, холодное, как лед, и такое большое, что, казалось, выпирало наружу во всех направлениях. Он утихомирил свои кишки и желеудок и вошел в спальню.

Сломало его наконец вовсе не наводящее страх заклятье Скирона. Сделало это зрелище того, что осталось от горничной, вонь от ее смерти — и плавающий в дверях спальни госпожи Дорис образ колдуна.

Арфос бросил всего один взгляд на эти усаженные шипами черные руки, обхватившие его мать, и вскрикнул. А затем повернулся и побежал.

Он не помнил, как выскочил из дома или несли по улицам, быстрее, чем когда-либо бегал раньше. На самом деле он не смог бы бежать быстрее, даже если бы принял оба пузырька. Он бежал, ломая руки и ничего перед собой

не видя, и те, кто рыскал и хищничал по ночам, расступались перед ним, принимая его за сумасшедшего.

На самом-то деле он не помнил ничего, пока не оказался скребущимся в ворота дворца Дамаос. Миг спустя он оказался перед сержантом Талуфом.

— Что, во имя Эрлика?..

— Это... это сделано не богами, — задыхаясь проговорил Арфос. Он ухватился за прутья решетки ворот, словно стоило ему разжать захват, как его швырнуло бы в жерло вулкана. — Колдовство! Колдовство в нашем доме!

Талуф-то ума не терял. Ворота отъехали в сторону — Арфос заметил, как бесшумно они двигались по сравнению с ржавым чудищем во дворце Лохри, — и Арфоса окружили охранники. Кто-то дал ему воды, кто-то подставил для опоры плечо. Потом отвели к дому, где ждала госпожа Ливия.

Она сидела на шелковых подушках в кресле из резной слоновой кости, и лицо у нее приобрело тот же оттенок, что и слоновая кость. Такой же была и ее ночная рубашка. Она открывала ее прекрасное тело больше, чем Арфос когда-либо мечтал увидеть. Однако вид имела такой гордый, словно облачилась в рыцарские доспехи. Глаза-то у нее определенно выглядели такими же холодными, как сталь, и они ничуть не потеплели, когда Арфос закончил свой рассказ.

— Значит, ты сбежал? — вымолвила она. Даже судья, приговаривающий человека к сажанию на кол, мог говорить добрее.

— Су... Ливия... — выговорил Арфос, отваливая в сторону, когда ноги начали помимо воли плести узоры, как в танце. — Я... колдун оставил одно заклинание, чтобы заставить бояться любого. И не только его к тому же. — Он описал образ своей матери — или начал его описывать, потому что Ливия подняла одну ладонь, призывая его к молчанию, а другой прикрыла себе рот.

Когда она снова овладела собой, голубые глаза ее казались менее холодными.

— Что же, по твоему, стало с твоей матерью?

— Не знаю, — сказал Арфос. — Но мне кажется, что ваши враги, возможно, стали моими. Я думал, может, вы знаете по крайней мере, жива она или нет.

— Нам это неизвестно, — ответила Ливия. — Но думаю, мы, возможно, знаем, кому это известно.

— Господину Акимосу?

Она впервые улыбнулась, а затем кивнула:

— Я б удивилась, если б он ничего не знал.

— Тогда мы можем позвать...

— Не думаю, что он ответит на любые вопросы, заданные ему законными средствами. Что же касается других средств — прежде, чем мы сможем применить их, нам надо освободить капитана Конана.

Не промелькнуло ли что-то при этих словах на лице у рослого иранистанца? Арфос напомнил себе найти немного правдослова или изготовить его, если не сможет найти ничего пригодного к употреблению.

— Где его держат?

Теперь настала очередь Ливии рассказывать о случившемся. Арфос выслушал, и ноги снова стали слабеть, пока Реза не подтолкнул к нему табурет. Когда Ливия закончила, Арфос сидел уставясь в пол, чтобы она не увидела выражения его лица.

Он предпочел бы, чтоб ему скорее переломали все кости, чем вернуться в дом, где теперь царили колдовские ужасы. Но он скорее предпочел бы, чтобы с него содрали кожу, чем позволить Ливии считать его трусом.

— Тогда — если несколько ваших людей смогут вернуться со мной в дом...

— А как насчет колдовства? — проворчал Реза.

— Есть путь в погреб, не проходящий через остальной дом. Все, что нам нужно, находится в погребе, и большую часть его может унести один человек. И человеком этим буду я, так как я чуть-чуть защитил себя.

Солнце засияло с лица Ливии, и если б Арфос не сидел, то упал бы грудой. Ради сохранения на лице его возлюбленной такого выражения снятая заживо кожа будет не большой ценой!

Глава 13

Часовой у двери в дом Харофа стоял один, как в самом деле и следовало ожидать. Устройства, призванные помешать побегу тех, кто пребывал в этом доме, были настолько многочисленными и хитрыми, что считали, что одного часового вполне достаточно. Его обязанности

заклучались в том, чтобы оставаться бодрствующим и отмечать на висевшей у двери табличке тех, кто входил и выходил.

Он вытянул ноги, перегородив ими половину туннеля, а руки — на половину расстояния до потолка. А затем застыл, когда раздались легкие шаги на лестнице, как раз вне поля зрения.

Он поднялся и обнажил короткий меч.

— Кто там?

— Всего лишь друг. — Голос был женским и принадлежал скорее девушке, чем женщине. Миг спустя в поле зрения появился источник этого голоса.

Ей едва ли могло быть больше семнадцати, но при всем при том она была неплохо сложена. Надетая на ней латаная и замызганная туника прохудилась чуть ли не до дыр, и часовой мог бы побиться об заклад на месячное жалованье, что под ней она ничего не носила. И она определенно ничего не носила ни на ногах, ни на голове, оставив непокрытой массу темно-каштановых волос.

— Друг, говоришь? — Часовой не убрал меч в ножны, но острие опустил.

— Ну та, кто может стать своей со временем.

— Я не видел тебя наверху.

— А когда ты в последний раз был над дверью Имгоса?

Часовой рассмеялся и покачал головой. Девушка улыбнулась.

— Так давно? Тогда не удивительно, что ты меня не видел. Я появилась на кухне всего пять дней назад.

Часовой кивнул. Это объясняло то, что она ему незнакома, а также почему одета словно беглый заключенный. Повара и судомойки в караулке получали голодное жалованье и мстили, предлагая только голодную еду. Часовой помнил рационы получше и на борту кораблей, проводивших месяцы в море!

— Ну, если у тебя нет лучшего занятия, то не посмотреть ли нам, не сможем ли мы подружиться? — Часовой надеялся, что ей не потребуется иной подстилки, кроме его плаща. Если ей понадобится нечто большее, чем просто подстилка, то прекрасный шанс может ускользнуть...

— Разумеется. — Она бочком проскользнула мимо него, задев его бедром и проведя ему по руке длинными пальцами. Затем она села и сунула руку за пазуху туники. Оттуда появилась маленькая бутылочка. Прозрачное стекло, оно

ясно показывало, что в ней содержалось, — марочное огненное вино.

Девушка протянула бутылочку. Когда она это сделала, туника у нее соскользнула сперва с одного плеча, затем с другого. Она медленно сползла к ее грудям, затем ниже их, до талии.

Он был прав. Под туникой она ничего не носила. Он сделал шаг вперед, а затем в голове у него громыхнул гром и сверкнула молния. Его следующий шаг вперед стал бескостным спотыканием, и после этого он ничком упал на пол.

Девушка натянула платье на плечи, вытащила пробку из бутылочки и брызнула несколько капель на часового. Сержант Талуф одолел одним прыжком последние три шага и опустился на колени рядом с часовым. Опытной рукой он забрал с пояса часового ключи и собственный кинжал из угла. Брошенный рукоятью вперед, кинжал уложил часового настолько аккуратно, насколько вообще можно требовать.

— Это напрасная трата хорошего огненного вина, знаешь ли, — заметил Талуф.

— Чем сильнее от него будет разить, тем меньше они будут подозревать, — отрезала Гизела. — Мне бы хотелось увидеть его поглубже в навозе.

— Гизела, — раздался голос с лестницы. — Мужчины будут на тебя смотреть, хочешь ты этого или нет, если ты не упрячешь себя в камеру.

Гизела сверкнула зубами в насмешливой улыбке, когда по лестнице спустилась госпожа Ливия. По бокам от нее шли двое бойцов Конана и двое ее собственных, все в туниках и сандалиях Воителей. Замыкал шествие Арфос, в той же одежде, но со значком капитана на поясе и значком целителя на плече туники. На другом плече у него висла на ремне туго набитая кожаная сумка.

— Я, конечно, склоняюсь перед огромным опытом госпожи в таких делах, — отпаривала Гизела.

— Вандар, тебе лучше по крайней мере раз в неделю задавать трепку этой нахалке, пока она не научится говорить повежливее, — заметила Ливия.

Вандар хмыкнул:

— Она скорее всего обойдется со мной так же, как Талуф с часовым.

— Нет, кинжал полетит острием вперед, — возразила Гизела.

— Хватит болтать, — пресек Талуф. Он взял ключ длинной чуть ли не с детскую ручку, вставил его в замок, а затем повернул. Заскрежетал металл, и камень заскреб о камень, лязгнули цепи, и откуда-то издалека снизу долетело еле слышное шипение.

Когда снова воцарилась тишина, дверь в дом Харофа распахнулась. Опустился узкий подъемный мостик, перекидываясь через провал, тянувшийся от одной стены до другой. Опустив взгляд, Талуф увидел, как камень погружается во тьму. Когда он ступил на подъемный мостик, ему подумалось, что он увидел, как далеко внизу в темноте что-то двигается. И понял, что снова услышал то шипение.

Он едва дышал, пока снова не почувствовал под ногами прочный камень. И другие тоже не медлили. Все, кроме Арфоса, который остановился и вгляделся близорукими глазами во тьму.

— Проклятье, Ар... капитан, что ты там высматриваешь, Сокровища Гимли?

— Я пытаюсь разобраться, что за зверь там внизу. Если я буду знать, у меня, возможно, найдется чем его успокоить.

Талуф заставил себя заткнуться. Если Арфос хотел получить разрешение испробовать на змеях сонное зелье, то пусть просит его у капитана Конана. Сержант горячо веровал, что большинство трудностей решает либо холодная сталь, либо быстрота ног, и совсем не веровал, что надо поощрять сумасшедших!

Желудок Конана дошел до точки раздраженного урчания, но, чтобы убавить киммерийцу сил или быстроты, требовалось нечто большее. Поэтому он поднялся с тюфяка и приготовился к любой помощи или угрозе в тот же миг, как услышал за дверью голоса.

Затем он услышал звук, который ни с чем не перепутаешь, — скрежет отмычки в замке.

— Талуф?

— Капитан?

— Здесь.

— Ты прикован?

— Свободен как птица.

— Слава богам.

От этого голоса у Конана прервалось дыхание. Ливия, здесь? Она тоже заключенная или настояла на участии в спа-

сательной операции? Зная Ливию, Конан заподозрил последнее и сомневался, что кто-либо посмел воспротивиться ей.

Лязганье и скрежет умело применяемых отмычек продолжились. Затем они прекратились и сменились проклятиями.

— Этот поганый последний запор, — прорычал Талуф.

— Насколько он велик?

— С палец толщиной.

— У нас мало времени. Отойди. — Конан вздохнул поглубже, нашел на шершавом каменном полу точку опоры для ног, а затем навалился плечом на дверь и толкнул.

Он толкал, пока на лбу и на шее у него не вздулись жилы, а пот полился с него, как вода в мельничном лотке. Но он почувствовал, как что-то поддается, и услышал из-за двери крики.

Он отступил, перевел дух, прислонился спиной к двери и снова толкнул. Металл застонал, затем завизжал, а затем с жутким воплем не выдержал и уступил силе.

Конан ощутил на спине холодок, когда подумал обо всех, кто мог здесь умереть именно с такими воплями на устах. Ни боги, ни жрецы не могли особо помочь с призраками, если человек не мог держаться дальше от мест, где они появлялись.

Дверь со скрежетом открылась. Конан вышел в коридор и увидел, как Ливия откинула с лица капюшон плаща и шагнула вперед. При этом лицо Арфоса скривилось. С глубоким поклоном Конан схватил Ливию за руки, поднял их к губам и поцеловал поочередно.

— Сударыня, рад вернуться к вам на службу.

На лице Арфоса отразилось заметное облегчение. У Ливии был такой вид, словно она готова то ли закричать, то ли заплакать.

Вандар, однако, сохранил соображение воина:

— Твой меч, капитан.

Конан повесил сталь к поясу.

— Кто-нибудь из вас придумал байку для извлечения всех нас отсюда?

Арфос показал пропуск, на котором красовалось больше печатей, чем, по мнению Конана, мог вместить такой маленький кусочек кожи.

— Сомневаюсь, что у меня останется много друзей, когда они узнают, что я сделал с их подарками. Но это уж пусть улаживают боги.

Они повернули и направились обратно тем же путем, каким пришли, с Конаном в арьергарде. Он оглядывался посмотреть, нет ли каких-либо признаков погони, когда услышал, как выругался Талуф.

— Эта свиньячья дверь закрыта, а подъемный мостик поднят!

Так оно и было. Конан посмотрел в темные глубины, и ему ответило долгое шипение. Он посмотрел через провал и счел, что нет никакой надежды силой опустить мост. Даже если б они смогли дотянуться до крючка, то петли, когда дверь закрыли, скорей всего прочно заперлись.

В то же время тот, кто закрыл дверь, должно быть, поджидал за ней, скорей всего с большим числом воинов, чем могла одолеть спасательная группа. На пути к выходу имелись и другие двери, наверняка они тоже охранялись.

В конечном итоге киммерийца и его людей ждали поражение и гибель, а Ливию — поражение и позор. Если они не смогут найти еще один выход...

Конан внимательно глянул за грань провала. Он смутно различал на дне извивающиеся кольца толщиной с человека. И более отчетливо — он увидел вделанные в нишах противоположной стороны провала бронзовые скобы ступенек. Сознывая устремленные на него взгляды женщин, он опоясался мечом поверх набедренной повязки.

— Я намерен посмотреть, нет ли выхода наружу со дна этой ямы. Мне доводилось сражаться и с более крупными змеями, чем лежащий там внизу любимец Воителей, и именно из их шкур сделаны мои щиты.

Ливия открыла было рот, собираясь что-то сказать. Но первым заговорил Арфос:

— Погодите. У меня здесь кое-что есть. — Он неуклюже стащил с плеча сумку, порывшись в ней и достал небольшую бутылочку, сделанную, скорей всего, в Кхитае.

— Что это? — спросила Гизела. — Любовный напиток? Арфос покраснел:

— Сонное зелье. В бутылке достаточно, чтобы уложить без чувств шестерых человек. Наверно, этого хватит для одного змея.

— Змеи — скоты малоподвижные, — указал Конан. — Сталь действует быстрее.

— Да, но если Воители всего лишь найдут змею спящей, то не будут уверены, что путь нашего бегства пролег мимо

нее, — вставила Ливия. — Дай ему попробовать. В худшем случае это может облегчить тебе работу.

Конан начал было резко отвечать, что ему не нужно никакой помощи в любой работе хорошим мечом, а затем вспомнил, что он капитан, отвечающий за шесть-семь человек, из них две женщины, один совсем не воин, и ни один не пригоден для борьбы со змеями, даже будь у них время.

— Дай-ка эту бутылочку мне. Если этот змей подползет достаточно близко, я дам ему хорошую дозу.

— Я сам, — начал было Арфос.

— Нет, Арфос, — прервала его Ливия. — Лестница-то на противоположной стороне. Ты, в отличие от капитана Конана, не прыгун. И поймать тебя он тоже не сможет.

— Во всяком случае без того, чтобы мы оба загремели вниз и стали змеиным кормом, — добавил Конан. — Если ты не думаешь просто прыгнуть вниз и облегчить мне труд, позволив убить змея, пока он питается тобой.

Арфос побледнел, а затем покраснел, когда на его руку легла ладонь Ливии. Считая этот вопрос решенным, Конан подобрался для прыжка, воспарил над провалом и схватился за верхнюю скобу лестницы.

Темнота внизу мгновенно ожила, наполнившись шипением, и теперь он различил поднимающуюся к нему чудовищную длиннозубую голову. И ноздри, и пасть широко разинуты, а поверх рогатой черной морды на него злобно смотрели два красных глаза размером с арбуз.

Конан вытащил из бутылочки пробку, подождал, пока змей не поднялся как мог выше, а затем швырнул бутылочку прямо в разинутую пасть. Шипение сделалось оглушительным, а чешуя заскрежетала и завизжала, скребя о камень, когда змей заматался по яме.

Конан подобрал ноги как можно выше, надеясь, что снадобье Арфоса сработает. То, что он был лучшим змеборцем в их группе, отнюдь не означало, что он занимался этим для собственного развлечения. Кроме того, Ливия была права, рекомендуя оставить поменьше следов их побега.

Конана внезапно осенило, что из Ливии и Арфоса может выйти неплохая пара. По крайней мере, они могли попробовать, если госпожу Дорис можно будет заставить умолкнуть с помощью чего-то меньшего, чем удушение, и если Арфоса не волнует, что жена вдвое умнее его.

Время, казалось, вытянулось к концу света, пока Конан ждал, когда снадобье подействует. Он также обнажил меч, так как змей ударил на расстоянии вытянутой руки от его пяток. Если снадобье не подействует или подействует медленно...

Искры полетели, когда зубы скребанули по камню. Затем змей выпрямился, стоя на хвосте, пока его разинутая пасть не нацелилась прямо вверх. Из его глотки, бурля, выступила зеленая пена, а язык неистово метался. Затем со звуком, похожим на закрывающиеся железные ворота, пасть захлопнулась. Миг спустя огромный змей, казалось, утратил все свои кости. Он повалился в тени и лежал не двигаясь.

Балансируя между поспешностью и осмотрительностью, Конан сосчитал до десяти, а затем отковырнул от стены кусок известнякового раствора и уронил его на голову змея. Он мог с таким же успехом бросить его в колодец.

— Отличная работа, Арфос. Я спущусь убедиться. Талуф, я видел у тебя под туникой веревку?

— Да разве я пошел бы без веревки? Скорее госпожа Ливия — будет гулять без ту...

— Повежливее там!.. — начал было Арфос, прежде чем Ливия сказала что-то, чего Конан не расслышал, но что определенно заставило Арфоса умолкнуть.

Конан спустился по лестнице, приземлившись в черной липкой грязи глубиной по голень, мерзкой на запах и еще более мерзкой на ощупь. Но один быстрый взгляд сказал ему, что усилия были не напрасны. В темноту вел туннель, и туннель этот шел чуть на подъем.

Конан перешагнул через неподвижного змея.

— Талуф, веревку! — Киммериец поднял руки, но, сделав это, бросил последний взгляд в глубину туннеля.

И хорошо, что бросил. От каменных стен отразилось эхо, подобное всем извергающимся одновременно гейзерам Ванахейма. Конан отпрыгнул назад, рубя мечом по устремившейся к нему из туннеля чудовищной чешуйчатой голове.

— Их двое! — заорал Арфос.

— Будто Конан сам этого не знает, — донесся голос Ливии, а затем киммериец стал слишком занят борьбой со своим противником, чтобы слышать, что там происходит наверху. Удивление змея, обнаружившего, что его подруга неподвижна, дало Конану секундный выигрыш во време-

ни, которым он воспользовался сполна. Он перепрыгнул обратно через спящую змею, встал, пригнувшись, с мечом над головой, а затем, ухватившись за рукоять обеими руками, рубанул по открывшейся шее другого чудовища.

Окрашенные в цвета корицы и розы чешуйки размером с ладонь разошлись, и под ними обнаружилось бледное мясо. Но змей не получил смертельных ран, и теперь он знал, что его противником нельзя пренебрегать. Змеи, знал Конан, соображали по большей части медленно, но, не умея драться, они бы не выросли до такой длины.

Человек и змей вступили в смертельный поединок. Провал был слишком узок, чтобы позволить змею обвить Конана своими кольцами. Поэтому он раз за разом бросался на киммерийца — со скоростью, которая оказалась бы смертельной для любого менее сильного противника, — стремясь впиться в него зубами.

Каждый раз, когда он ударял, там оказывалась сталь Конана, рассекавшая чешую и мясо. Иногда бросок проносил его мимо киммерийца, заставляя врезаться в канал с силой тарана. Конан увидел, как под этими ударами из стен начинают сыпаться известковый раствор и даже целые камни. Все это начало походить на своеобразное состязание: что случится раньше — достучается ли змей до потери сознания или обрушит весь провал на них обоих!

С верха провала с грохотом и стуком рухнул камень. Он отскочил от змея, а затем от стены, чуть не ударил по правой руке Конана, а затем зарылся в грязь. Прежде чем киммериец успел выругаться, за ним последовал второй камень.

Этот ударил змея по рогатому носу. Змей распрямился из спирали и устремился прямо вверх, шипя неистовей, чем когда-либо. И тут же открыл Конану свое горло.

Со всей силой своих железных рук и со всей скоростью в ногах киммериец нанес удар. Его меч рассек чешую и мясо, добираясь до жизни змея. Кровь какой-то миг фонтанировала, когда тварь, казалось, взмыла еще выше, а затем, как и его подруга, он, казалось, утратил всякие силы. Конан едва смог отпрыгнуть в сторону, когда змей рухнул на свою спящую подругу.

— Эти камни бросил один из вас? — крикнул он.

Молчание нарушил тихий голосок.

— Да, — призналась Гизела. — Я думала...

— Если ты вот так действуешь, когда думаешь, то не дай мне Кром оказаться рядом, когда ты действуешь не думая! — оборвал ее Конан. — Талуф, давай спускаться и убираться отсюда.

На скользких змеиных телах можно было потерять равновесие и свалиться, но спутники съехали по веревке без каких-либо неприятных происшествий, за исключением Гизелы. Та поскользнулась, зацепилась туникой за один из носовых рогов и приземлилась в грязи в чем мать родила.

Вандар стащил с себя тунику, чтобы одеть на Гизелу, когда она тщетно пыталась стереть грязь с ног и ягодиц.

— Фу! — наморщила нос Ливия. — Чем занимались эти звери... Конан, что ты делаешь?

Конан резал на куски спящую змею. В качестве последней меры он вонзил в один глаз кинжал, проникнув глубоко в мозг. Змея перешла из сна в смерть со всего лишь легким содроганием.

— Следую вашему же совету, сударыня, — отозвался Конан, вытирая меч о чешую и убирая его в ножны. — Если оба будут так порубаны, то все будет выглядеть, надеюсь, так, словно они убили друг друга. А также первый не очнется и не будет гоняться за нами по туннелям.

Ливия содрогнулась и подала одну руку Арфосу, а другую Конану. На мгновение мужчины поддерживали ее, не давая упасть в грязь. Затем Ливия сделала глубокий вдох:

— Давайте-ка убираться отсюда.

— Как пожелаете, сударыня, — молвил Талуф. — Но первым лучше пойти мне. Думаю, я изучил эти туннели все ж таки лучше, чем остальные из вас.

Конан прожег сержанта гневным взглядом:

— Талуф, ты наврал, говоря, будто никогда раньше не бывал в Мессантии?

— Капитан, ты же только спрашивал, известен ли я Воителям. Я сказал — нет, и это было правдой.

— Несомненно, потому что ты проводил все свое время чураясь дневного света, — чуть улыбнулась Ливия.

— Не только воры лучше всего обделывают свои дела в темноте, — ответил Талуф и свернул в туннель.

Вскоре им довелось узнать, чем питались змеи. Из грязи торчали кости, по большей части раздробленные туго сжатыми кольцами и зубами змей, но узнаваемо человеческие.

К счастью, путь на улицы им понадобилось отыскивать немногим дольше, при свежем воздухе и сухом камне под

ногами. Они выбрались наружу в сумерках, и к тому времени, когда они подходили ко дворцу Дамаос, на город опустилась темнота.

Они также решили меж собой один вопрос. Прежде чем они смогут выступить против внешнего врага, надо сорвать планы врага внутреннего. В доме, несомненно, действовал шпион, и если его звали не Реза, то Реза поможет им поймать этого шпиона, или его ждет та же участь.

Глава 14

Реза быстро проснулся от шума в его комнате. На иранистанской границе те, кто не умел быстро просыпаться, недолго служили в кавалерии Хаджара. Если их не выгонял Хаджар, то им рубили головы, а иногда и другие части тела иранистанцы.

Быстро проснувшись, Реза еще быстрее откатился на другую сторону постели, более удаленную от двери. Когда он перекатился, его рука нырнула под подушку. И появилась оттуда, держа короткий меч.

Но когда он скатился с постели, ему опустился плашмя на запястье тяжелый двуручный меч. Пальцы у него разжались, и клинок с лязгом упал на пол. Он увидел перед собой огромную фигуру,двигающуюся со скоростью разящей гадюки, и упавший меч придавила нога в сапоге.

Затем что-то твердое ударило его в висок. Он рухнул ничком на пол, смутно сознавая у своей щеки холодный камень. И не столь смутно он почувствовал, как железные руки связывают его по рукам и ногам. Он хотел выругаться, но у него не нашлось сил.

Видел он, однако, все отчетливо. Из-под кровати получался хороший обзор: просматривалась и дверь, и стоящие в ней люди. Когда Реза заметил их, то стал совершенно уверен, что ему все это снится. Госпожа Ливия здесь, следит за тем, как его вяжут, словно предназначенного на убой кабанчика? И Арфос из Дома Лохри, стоящий так близко к Ливии, что его дыхание могло взъерошить ей волосы, и с туго набитой кожаной сумкой через плечо?

Реза как раз решил, что он, должно быть, ударился головой и лишился рассудка, когда почувствовал, как сила великана поднимает его в сидячее положение. На него пристально

смотрели пронзительные голубые глаза. У гиганта-варвара было темное, словно высеченное из камня, лицо.

— Очнулся, — сообщил Конан.

— Я... — начал было Реза.

— Чем меньше ты сейчас скажешь, тем скорее мы покончим с этим, — посоветовал ему Конан. Голос его казался менее суровым, чем лицо. — Арфос, ты готов?

— Я... хотя я бы предпочел видеть наготове под рукой немного оливкового масла.

— Оливковое масло? — хором переспросили Ливия и Конан.

— Да. Доза травяного настоя, такая крепкая, какая нам понадобится, заставит его через некоторое время изрыгать свои внутренности по всему помещению. А если мы, закончив допрос, скормим ему немного оливкового масла, этого может и не произойти.

Ливия кивнула:

— Гизела, ты можешь передвигаться по дому, вызывая меньше всего вопросов. Кухня на тебе.

— Да, госпожа. — Реза увидел, как горничная выскользнула за дверь, а Арфос поставил сумку и принялся доставать оттуда бутылочки и пузырьки.

— Итак, Реза, — обратилась к нему госпожа Ливия. — Похоже, что в нашем доме есть шпион. Слишком много он выдал наших тайн. Несмотря на твою давнюю службу, у тебя хватает причин быть тем шпионом. Господин Арфос приготовил снадобье, которое заставит тебя сказать правду об этом деле. Если ты откажешься принять его, нам придется считать тебя виновным. Тогда мы должны будем использовать более суровые...

Реза захохотал, да так, что долго не мог остановиться. Он увидел, что другие переглянулись: несомненно, подумали, что парень сошел с ума.

С трудом переведя дыхание, Реза снова улыбнулся:

— Госпожа, простите, что я так долго оставлял вас в сомнениях. Я... причины, которые, как вы подозреваете, у меня есть — достаточно реальные, но я не шпион, не предатель, не разрушитель клятв, которые давал и вашему кровному отцу, и отцу-опекуну. Давайте свои снадобья, и когда я закончу с ними, то покажу вам, где я оставил настоящего шпиона.

Ливия посмотрела на других:

— Он настолько не боится...

Конан покачал головой:

— Возможно, он говорит нам все это, чтобы сделать менее осторожными. Хотя его готовность несколько не вредит.

— Конан, может, ты перестанешь говорить обо мне так, словно я бессловесная скотина? Арфос, можешь давать мне какую хочешь дозу. Но если меня будет рвать, пока я не стану слишком слабым, чтобы сражаться с настоящими врагами Дома Дамаос, то не суйся сюда, пока я не восстановлю силы. Иначе я спущу тебя с лестницы пинком под зад, выброшу за дверь и утоплю в рыбном садке.

Арфос нервно рассмеялся, а затем снова принялся отмерять дозу снадобья. Это дало Резе время понаблюдать за хозяйкой, когда та смотрела на двух своих спутников.

Конан задел ее сердце. Этого нельзя было отрицать. Но он не имел никакой власти над ее рассудком, и не мог сбить ее с пути. Если Ливия не отправит побоку всю мудрость, какую она приобрела за те годы, что ее знал Реза, то киммериец не мог причинить вреда Дому Дамаос.

Теперь оставалось всего лишь убедить киммерийца в том, что он, Реза сын Ширама, столь же невиновен!

Госпожа Дорис из Дома Лохри очнулась и сразу почувствовала боль, не имеющую никакого отношения к неудовлетворенному желанию. Ощущения больше походили на те, которые она помнила с того раза, когда, убегая от напавшего на нее, налетела прямоком на колючую изгородь. Кожа прям-таки горела от странного, болезненного покалывания.

Покачивание и равномерный стук подсказали, что она находится в легкой телеге, быстро едущей по столбовой дороге. Телегу накрывал, столь же непроницаемо, как птичью клетку ночью, тяжелый, как парусина, чехол.

Надежно укрытая от любопытных глаз, она сняла халат, бывший ее единственной одеждой. Боль от укулов была отнюдь не игрой воображения. Все тело Дорис покрывали красные пятнышки, похожие на следы от укусов насекомых.

Миг спустя она почувствовала, что фургон остановился. Когда наступила тишина, она услышала птичье пение, фырканье лошадей, а затем мужские голоса. Она принялась оглядываться в телеге в поисках еды или хотя бы воды и, что важнее и того и другого, ночного горшка!

Она как раз пришла к выводу, что ничего подобного в телеге не имелось, когда у чехла откинули полог. В отверстие сунулось квадратное лицо с остроконечной седой бородой и лысой головой.

Дорис решила не доставлять лысому удовольствия видеть, как она хватается за халат. Она положила одну руку на колени, а другой прикрыла грудь.

— Господин Акимос! Чему я обязана удовольствием этого визита?

— Похоже, сударыня, что это вы решили воспользоваться моим гостеприимством. Я был бы плохим хозяином, если б не подумал о ваших удобствах.

— Мне нужно только одно удобство — объяснение. Если вы не можете предоставить его, то как насчет лошади для возвращения в Мессантию?

— Увы, сударыня. Срочные дела не позволяют мне оказать ни ту ни другую любезность. Но все прочее, что в моей власти, будет вашим в тот же миг.

Дорис подумала об отказе от любых услуг со стороны человека, который явно похитил ее по причинам, о которых она узнает, когда он соизволит уведомить, — если вообще узнает. Эта девочка Ливия определенно сочла бы такое поведение отличным способом продемонстрировать свою смелость.

Дорис-то лучше знала жизнь. Она начинала достаточно бедной, чтобы почти постоянно испытывать холод и голод. Она понимала, что жажда, голод и свиньячья жизнь в собственных испражнениях подорвут те силы и ум, которые ей понадобятся.

— Ночной горшок. Еды и воды. Какую-нибудь приличную одежду. И мазь для моих... следов от укусов насекомых.

— Конечно.

Лицо Акимоса исчезло, и когда она натянула халат, то услышала его голос, подзывающий людей. Откинутый полог показывал треугольник пурпурного сумеречного неба над темными горами. Поближе к ней находилась искривленная олива, а около нее сидел худощавый молодой человек в поношенном за долгие скитания синем балахоне.

С первого же взгляда Дорис ощутила ужас. Этот человек с виду сильно походил на ее сына Арфоса. Неужели он участвовал в этом заговоре, стремясь освободиться от нее ценой рабства у Акимоса?

Затем она увидела, что этот человек гонится Арфосу в отца и в его темных глазах таится глубокое внутреннее знание. Знание того рода, какое, поняла она, будет использовано против нее прежде, чем она вырвется из рук Акимоса.

Сидевший поднял голову и пристально посмотрел на нее. Дорис задрожала, хотя ночь стояла теплая. Эти глаза, казалось, пронзали халат и кожу под ним, стремясь изучить ее кости, внутренние органы и даже душу.

Она поплотнее запахнулась в халат и повернулась к нему спиной. Она больше не гадала, когда же ее освободят. Вопрос теперь стоял так — освободят ли ее вообще?

— Насколько мы близко?

Талуф приложил палец к губам и прошептал:

— Слишком близко для твоего киммерийского рева, капитан.

Реза усмехнулся, но был бледен и вспотел.

— С тобой все ладно? — спросил его Конан.

— Дело не в продолжающемся действии снадобья. Дело во вкусе оливкового масла.

— Если на кухне прогорклое оливковое масло, Реза, то ты сам виноват... — начал Арфос, но рот ему тут же захлопнула могучая длань киммерийца.

Дальше они двигались молча, Конан, Реза, Талуф, Арфос и восемь отборных бойцов — половина из Дома Дамаос, половина из отряда Конана. Четверо бойцов и Талуф переоделись тайными Воителями.

Тайные Воители были не настолько тайными, чтобы Арфос не сумел узнать, как они одевались. Это была группа Воителей, умевших проскальзывать в дома для приобретения улики, которые не удавалось достать другими средствами. По строгим понятиям аргосийского права, они были преступниками, но эти представления уже не один век ничуть не стесняли ни их самих, ни их хозяев.

Услышав об этом, Конан рассмеялся:

— Аргос начинает больше походить на другие места, где я бывал. У него десяток законов там, где у других один, но эти законы по-прежнему таковы, как их толкуют те, кто правит.

— Конан, прежде чем смеяться над этим, подожди, пока сам не будешь править, — посоветовал ему Арфос.

— Так долго может ждать только бог, — снова засмеялся киммериец.

Что бы там ни говорили о них законы, тайные Воители окажутся удобным оружием. Магнатам вроде Акимоса редко приходилось особенно опасаться их, но вот слуги магнатов — другое дело.

Еще через сотню шагов отряд оказался перед узким туннелем, полого идущим вверх. Талуф опустился на четвереньки и полез вперед. Миг спустя Конан услышал змеиное шипение, сообщившее ему, что все хорошо.

Реза и Конан пролезли по туннелю присоединиться к Талуфу. Проход был низким, но широким, так что обоим хватило места ухватиться за перегораживавшую туннель бронзовую решетку. При их объединенной силе в действии не могла устоять даже бронза холоднойковки.

— Один из тех змеев прошел бы сквозь нее, как через пергамент, — заметил Реза, когда они опустили решетку на пол.

— Он едва ли смог бы протиснуться в этот ход, — указал Конан, разминая мускулы. — И готов побиться об заклад, что есть какая-то преграда, которой мы не нашли, чтобы зверьки Воителей не заползали в погреба знати. Слуга-другой, может, и невелика потеря, но если один из них съест оленину для пира у Главного Архонта... — Киммериец притворно содрогнулся от ужаса.

Они с Резой извлекли из своих поясных сумок черные маски и натянули их на головы. Позади них бойцы сделали то же самое.

— Готовы, ребята? — осведомился Реза. Бойцы кивнули.

— Отлично, — заключил Конан и добавил: — Помните, никакого кровопролития, если мы в состоянии избежать его. В худшем случае захватите кого-нибудь в плен, пусть Арфос его попользуется своим снадобьем.

— Я не прихватил ни капли оливкового масла, — грустно посетовал Арфос.

— Мне наплевать, если слуги Акимоса изрыгнут свои кишки по всем его красивым мраморным полам, — бросил Реза. — Просто постарайся остаться в живых, чтобы накормить их снадобьем.

Арфос, похоже, вознегодовал из-за того, что ему запретили участвовать в драке. Но его негодующий взгляд лишь беспомощно скользнул по спинам двух рослых

молодцов, когда они пролезли через отверстие. Перед ними возник обрыв высотой в человеческий рост, но оба прыгнули бесшумно как кошки, подняв только облачко пыли. За ними прыгнули и остальные бойцы в масках.

После Конан сказал, что дальше начнется та часть этого дела, которая беспокоила его больше всего. Некоторое время они бродили по погребу дворца Акимоса, не встречая ничего крупнее крысы. Затем посланный к комнатам слуг разведчик доложил, что и они покинуты всеми, кроме старух и мальчишек.

Конан отказался беспокоить и тех и других. Он начал гадать, а не решил ли Акимос сохранить свои тайны, забрав с собой всех слуг, которые могли их знать. Если так, то налетчикам предстоял невеселый выбор: допрашивать женщин и детей или обыскать дворец от крыши до погреба и молиться, чтобы им удалось найти что-то проливающее свет на случившееся.

Они пробыли во дворце достаточно долго, чтобы поужинать в приличной винной лавке, когда им повезло.

— Я слышу пение, — сказал разведчик.

Конан кивнул. Он тоже услышал его, наряду с барабанным боем. Они поднялись по лестнице из комнат для прислуги и двинулись по коридору к личным покоям Акимоса. Один остался позади — передавать сигналы группе Талуфа.

Гобелены в этом коридоре отличались таким же великолепием, как и висевшие в Доме Лохри — своей обветшалостью, даже тот, который укрывал спавших на полу мужчину и женщину. Более их ничто не прикрывало, а чем они занимались — было столь же очевидно, как и винные пятна на мраморе.

Пение, доносившееся из-за полуоткрытой двери, стало громче, чем раньше. Оно, однако же, не заглушало ни звона чаш, ни бульканья поглощаемого вина, ни глухого стука, возникавшего, когда кто-то поглотивший слишком много вина валился на пол.

Кто-то принялся стучать на барабане или, по крайней мере, на чем-то подобном. Конан кивнул. При таком гаме по коридору могла бы проскакать неслышанной и шайка казаков.

Он выхватил меч, распахнул дверь настежь и ворвался в помещение.

В следующий миг самое большее, чего пришлось опасаться Конану, так это того, что слуги Акимоса перебьют друг друга, пытаясь скрыться от него. Если кто-то из них и был в состоянии держать оружие, то он такого не видел. И было совсем нелегко казаться вором, жаждущим не только добычи, но и крови, да при этом еще в действительности не причинить никакого вреда оступившим от вина слугам Акимоса. Оказалось делом нелегким.

Конан издал гирканийский боевой клич — сигнал Талуфу и его «Воителям» присоединяться к нему. А затем повернулся к одному охраннику, который начисто забыл про меч у него на поясе и замахнулся табуреткой, проявляя больше ярости, чем умения.

Удачный взмах табуреткой столкнулся с мечом Конана. Сталь застряла в дереве. Конан крутанул меч, выдергивая его, и одновременно как можно сильнее пнул по табуретке. Та отлетела назад, врезавшись в живот забывчивому меченосцу. Тот в свою очередь тоже полетел назад и врезался спиной в стол, ломившийся от кувшинов с вином и блюд с разносолами. Стол опрокинулся с грохотом от падающих блюд и бульканьем разливающихся марочных вин.

Несколько слуг, и мужчин и женщин, настолько оупели, что опустились на четвереньки, как собаки, и принялись лакать вино. У Конана так и чесались ноги дать им пинка, как тем же собакам.

Гам перекрыл гирканийский боевой клич.

— Хвала Митре! — пробормотал Конан себе под нос, но вслух язвительно выругался. Затем в помещение вбежал с мечами наголо Талуф и его «Воители».

Спасая свою жизнь, Конан и то сражался с меньшей осторожностью, чем сражался сейчас в этой псевдобитве. Его людям и ребятам Талуфа требовалось выглядеть кровными врагами, по-настоящему не проливая крови — ни своей, ни кого-либо из слуг, пялившихся на происходящее или распростертых на полу. Именно это-то на самом деле и представляло для Конана самую большую трудность — как не поскользнуться в лужах вина и еды или не споткнуться о тела слуг, слишком набравшихся, чтобы уползти из-под топающих сапог дерущихся!

Один за другим люди Конана «теряли мужество» и удирали по лестнице на крышу. Киммериец отступал в арьергарде, фехтуя с Талуфом так бешено, что их мечи высекали искры, задевая о стены. Конан напомнил себе,

что надо будет показать меч кузнецу, прежде чем отправиться по следу госпожи Дорис.

Наконец Конан и его «воры» собрались на крыше. Перед ними стояло две задачи. Одна — послушать, как Талуф будет говорить со слугами, и помочь, в случае если с Талуфом и его ребятами что-то стряется. А другая — помешать слугам ринуться всей толпой на крышу и в отчаянии броситься вниз. Если они не приземлятся на головы, то, может, и не причинят себе серьезного вреда. Но шум, несомненно, выйдет за пределы дворцовых стен. И если он и не приведет к появлению соседей Акимоса, задающих вопросы, на которые Конан совсем не желал отвечать.

План Конана увенчался успехом. Он услышал, как слуги говорят о пещерах Зимгаса, об отборных бойцах и лошадях, приготовленных для долгого путешествия, о крытой дорожной повозке, оборудованной словно для удобства знатной дамы. Он услышал о слугах, расспрашиваемых, знают ли они что-нибудь о Доме Лохри, и многое другое.

Если б услышанное Конаном было веревкой, то ее хватило бы, чтобы повесить Акимоса десять раз кряду. Он дождался, пока Талуф не сказал слугам, что они хорошо служили своему хозяину и что он будет сразу же предупрежден. И добавил, что им следует очистить дом от всяких следов своего пиршества, иначе даже услуга, оказанная ими Воителям, не защитит их от хозяйского гнева.

А затем Конан и его люди убрались, так же украдкой, как и те воры, какими они прикидывались. Когда они добрались до заранее обговоренного места встречи в туннелях, то застали Талуфа уже там, и его ребята несли два сундука.

— В одном — свитки со стола Акимоса, — доложил сержант. — Я сказал, что нам надо изучить их, чтобы узнать побольше о том, что же искали воры.

— А в другом? — спросил Конан, ткнув в сундук носком сапога. Вес его сам по себе кое-что говорил, и он оказался набитым серебряными монетами, с примесью нескольких золотых и цепочек с самоцветами.

— Этот вернется обратно, — распорядился Конан.

— К Акимосу? — Талуф вытаращился, словно те же пьяные слуги.

— Нет, слугам. Назови это наградой за их добрую услугу Воителям.

— Клянусь причиндалом Эрлика! — выругался Талуф. — А я уж чуть не испугался, что ты стал честным человеком, Конан.

— Уж не знаю, каков Конан, — влез в разговор Реза. — Но тебе я, сержант Талуф, так скажу. Если у тебя завелись мысли сделаться вором, то не оглашай их там, где мне слышно.

Госпожа Дорис легла на живот, приподняла края палатки и выглянула наружу. Она, несомненно, смогла бы больше увидеть из входа в палатку, но тогда охранники заметили бы ее и что она не настолько отупела от страха, как притворялась.

Пока что охранников легко удавалась обмануть. Она не воображала, что одурачить Акимоса и Скирона будет столь же легким делом, но по крайней мере охранники были началом. Что угодно было лучше, чем заливаться слезами, пока не превратишься в ком безмозглой плоти.

К тому же эти охранники почти все время были единственными людьми, находившимися в пределах ее досягаемости. Если они не будут с ней настороже... ну, это было не больше чем хрупкой надеждой. Но и самая хрупкая надежда — это больше чем то, что у нее осталось, когда то... создание... появилось в ее покоях.

Выше по склону она увидела красное пламя бивачного костра. Оно, казалось, освещало вход в пещеру. У этого входа в пещеру плясала силуэтом на фоне пламени художавая фигура. Ей подумалось, что это Скирон, и он казался не одетым.

На нее накатила волна страха, заставляя впиться зубами себе в руку, чтобы не заскулить как голодный щенок. Она лгала себе, когда думала, что от обмана охранников будет какая-нибудь польза. Ей не удастся так лихо провести их, чтобы сбежать, прежде чем Скирон снова найдет чары. И даже если удастся сбежать, Скирон может послать следом за ней своих тварей.

Через некоторое время страх достаточно спал, чтобы она снова могла дышать. Теперь она увидела на фоне пламени и другие силуэты. Люди, несущие груз — стеганные одеяла, дрова, кувшины и другие предметы, которые ей не удалось опознать. Похоже, они заносили их в пещеру.

Теперь страх уступил место смеху. Неужели она напугала себя чуть не до истерики из-за того, что Скирон накладывал на припасы Акимоса чары сохранности?

Смех принес ей облегчение, так что она смогла поест колбасы, выпить пива и забыться сном.

«Фрагменту» потребовалось бы несколько дней, чтобы присоединиться к Великому Дракону. Теперь же, в пещерах Зимгаса, «фрагмент» всего за несколько часов окажется рядом со Змеем. Два чудовища подпитывали свои «фрагменты» — подпитывали силой — и прорезали ходы в скалах, которые разделяли их на рассеянные существа.

Дракон и Змей также воскресили древнюю мыслесвязь, как ее называли создавшие чудовищ маги. Сами же Драконы не употребляли названий, не нуждаясь в таких помощниках памяти.

Они ведь, в конце концов, были почти бессмертными. Определенно века минувшие, с тех пор как они ушли в скалы под горами, были для них все равно что дни для человека. Они ничего не забыли из того, что знали тогда. И часть этого знания относилась к тому, как вновь обрести утраченную ими силу.

Питание было частью этого процесса, но живая плоть не могла удовлетворить всего их голода. Для нахождения новой силы требовалось и колдовство.

Поэтому когда изолят явился к чудищам с известием о колдовстве, совершаемом в пещерах Зимгаса, те расценили это как ценное знание. Тем более что колдовство там творилось такое, каким монстры могли питаться.

Если б им было свойственно так вот подражать человечеству, то Драконы обрадовались бы этой новости.

Глава 15

Госпожа Дорис видела сон.

Ей снился любовник более красивый, сильный и цивилизованный, чем Конан. Он обладал великолепной силой киммерийца, но еще и шептал ей на ухо чарующие любовные клятвы, когда они сплетались друг с другом.

Она еще плотнее обвила этого мужчину руками и ногами, вдыхая запах его пота так, словно тот был самым тонким и ароматным фимиамом. Она откинула голову назад и закричала в экстазе, услышала его крик, почувствовала запах его дыхания.

Его дыхания? Его дыхание было таким же душистым, как ее сад в те давно минувшие года, когда за ним ухаживали как положено. Как его дыхание вдруг — между одним вдохом и другим — сделалось зловонным?

Как?..

Она проснулась, и тело, сплетавшееся с ней, придавившее ее к тюфяку, не было ни красивым, ни сильным. А что до цивилизованности господина Акимоса...

Это не имело значения. Он не остановится, и из-за того, что он не остановится, она поняла, как она беспомощна. Желание поднялось в ней как прилив, увлекая ее в пучину, заставляя руки и ноги трепыхаться, лицо кривиться, а рот — кричать.

Крякнув, Акимос кончил и скатился с нее. Госпожа Дорис лежала вытянувшись на тюфяке, облаченная только в спутанные волосы и капающий пот, с бессильно открытым ртом, и рассудок ее пребывал едва ли в лучшем состоянии.

— Разве это было не великолепно, Дорис?

Одно из достоинств Конана, поняла Дорис, заключалось в том, что он не ожидал похвал своей мощи. Конечно, когда женщина после засыпала как убитая, мужчине было трудно усомниться — или спросить, если он все же усомнился. Однако вплоть до этой минуты Дорис не понимала, как она ненавидит мужчин, ожидающих похвалы.

— Уверена, что для человека твоего возраста... — Его ладонь ударила ее прежде, чем она увидела движение его руки. Трижды и сильно. Она почувствовала, что глаза у нее заслезились, но отказывалась моргнуть. Она не позволит этому сыну уличного подметалы считать, будто он может заставить ее плакать. Или считать, будто он может также и запугать ее.

— Мужчина твоего возраста действует отлично, если ему вообще удастся удовлетворить женщину. Я достаточно довольна.

На этот раз оплеухи превратились в удары. Дорис перевернулась на живот. А затем сообразила, к чему это может привести, если Акимоса охватило желание причинить ей

боль. Она снова перевернулась на спину — с помощью двух потных рук, болезненно тянущих ее за волосы.

Акимос снова рухнул на нее, выдавливая воздух из ее тела и заставляя занять ее неисцелившиеся ранки. С болью пришло и желание, которого она никогда раньше не испытывала, несмотря на распространяемые о ней сплетни.

Теперь же оно возникло. Она знала, что если б Акимос принялся грызть ее тело, как волк ягненка, то экстаз поднялся бы и на большую высоту. Душу овеяло ужасом, словно ледяным ветром, но тело ничто не охлаждало. Оно обрело собственную волю и несло теперь по волнам желания, как корабль по штормовым волнам.

Стон проложил себе дорогу в горло Дорис, стал громче и превратился в самый настоящий вопль.

Скирон услышал этот вопль и улыбнулся. А затем покосился на сидевших у бивачного костра, и его улыбка растаяла.

Чары, принуждающие госпожу Дорис стать для Акимоса рабой любви, были и мощными и сложными. Однако, похоже, они действовали не так уж плохо. Еще несколько дней их действия, и госпожа Дорис будет рабой Акимоса в такой же мере, как любой вендиец мог бы стать рабом макового сирота.

В то же время, однако, эти чары напоминали всем другим мужчинам в лагере, что они-то не разделяют удовольствий своего магната. Или же всех этих мужчин заставляли выглядеть кислыми или охваченными похотью, или и теми и другими сразу, всего лишь доносившиеся из палатки крики?

Это не имело значения. Позволить этим мужикам утолить свое желание становилось важным для спокойствия в лагере и успеха магната Акимоса. Если Скирон сможет изобрести способ утолить его и дать слугам знать, чем они ему обязаны, то они будут прислушиваться к нему с большим уважением.

До сих пор ему хватало и непрочной дружбы да развязанного кошелька Акимоса. Однако приближалось время, когда для планов Скирона понадобится больше рук и еще больше друзей. Рабов, превращенных чарами в полных туниц и используемых словно жертвенные животные, будет уже недостаточно.

А если эти друзья придут из рядов людей Акимоса — ну, это накинёт узду на любые мечты избавиться от услуг Скирона, какие могли завестись у этого магната.

Скирон вышел за пределы круга света от костра, а затем и вообще в более глубокую ночь, за пределы лагеря. Вдали он услышал трубный зов оленя-самца.

Еще глубже в лес, всего лишь чуть ниже по склону от лагеря. Скирон знал чары, способные превратить важенок и других самок в то, что сойдет за женщин, по крайней мере в постели и ночью. Это были мощные чары, даже для стран более древних и мудрых по части колдовства, чем Аргос. Никто не посмеет усомниться в величии колдуна, который наведет их.

Но этот колдун еще и утомится, и использует много незаменимых порошков и трав, которые он с таким трудом привез в такую даль. Если ему когда-нибудь позже понадобятся все его силы — нет, должен быть и более легкий способ.

Был такой. Он находился чуть дальше вниз по склону, в виде деревень, мимо которых они проезжали, поднимаясь к пещере. В каждой из тех деревень водились-девушки и молодые жены. Несколько таких, скованных теми же чарами, что и госпожа Дорис, заставят слуг улыбаться весь месяц.

Скирон вернулся к свету костра:

— Партаб!

— Господин Скирон? — Рослый вендиец поднялся, и свет отразился от его лысого черепа и клинка заткнутого за пояс талвара. Он поднялся с небрежной легкостью, словно говоря, что он не проявит открытого неповиновения Скирону, но подчинится ему ничуть не быстрее, чем сочтет нужным.

— Возникло одно дело, связанное со здоровьем слуг.

Партаб медлил следовать за Скироном, однако постарался осмыслить слова колдуна.

— А ты мудрее, чем я смел надеяться, — порадовался Партаб. — Я и впрямь скорбел, если б, к примеру, почуял в себе силу молодого жеребца, а рядом не оказалось ни одной кобылки.

— Это можно исправить, если ты и еще десяток бойцов отплатишь со мной.

— Я тотчас же соберу их.

— Хорошо. Напомни им, что мы должны красться так же незаметно, как ласки при набеге на курятник, когда все

крестьянские псы не спят. Акимос нас не поблагодарит, если мы восстановим против него всю округу, рыщущую в поисках пропавших жен и дочерей.

— Они ничего не найдут, — пообещал Партаб. Выхватив талвар, он взмахнул им так, что воздух засвистел, рассекаемый острым клинком.

— При самой малости осторожности — не найдут, — согласился Скирон. Понадобится больше чем малость осторожности, равно как и несколько мелких заклинаний для потери памяти. Если же у него не найдется времени для этого, то предложенное Партабом решение может оказаться единственным.

Конан сидел на постели, занимаясь смазкой кольчуги-безрукавки, которую наденет завтра под кожанку для верховой езды. Эта кожанка, вместе с остальным его снаряжением от начресленника до меча, лежала на сундуке около постели.

Ливия предложила ему поручить приготовить оружие и одежду какому-нибудь слуге, но он отказался, а Реза объяснил почему:

— Мы поедем налегке и по-быстрому, госпожа. Никаких слуг ни для кого, кроме вас. Некоторые бойцы делают то, что им следует сделать, с прохладцей, если не видят, что капитаны тоже занимаются этим.

Ливия вежливо кивнула. Она слышала в голосе Резы, как и в голосе Конана, намек, что они могли бы ехать быстрее и дальше, не будь с ними ее.

Но Арфос настаивал, и никто не мог отказать ему, да и не стал бы даже пробовать. А коль скоро Арфос присоединился к спасательной группе, Ливия тоже настояла на этом. И Конан, и Реза пытались отказать ей — настолько твердо, насколько позволял их чин. А она проигнорировала их обоих настолько твердо, насколько позволял ее чин.

Конану казалось, что эти двое юнцов вызывали друг друга на состязание — кто проявит больше смелости? Набывавшись того, как такие состязания заканчиваются по большей части тем, что их участники в конечном итоге служат пищей стервятникам, Конан не испытывал душевного спокойствия, видя Арфоса и Ливию втянутыми в подобное же соперничество.

Ну, они были всего года на четыре моложе его, хотя об этом было легко забыть из-за мудрой головы на юных плечах Ливии. Если они не желают слушать возражений и быть осторожными, то им придется ехать и драться. Со всей помощью, какую смогут оказать отборные бойцы да они с Резой, и большей, если возможно.

Конан услышал, как рука прикоснулась снаружи к незапертой двери, прежде чем увидел как дверь начала открываться. Он застыл где сидел, делая дыхание глубоким и ровным и сузив глаза в щелки.

Он стал столь же неподвижным, как валун, и по виду — таким же нечувствительным, когда дверь открылась ровно настолько, чтобы в нее проскользнула Гизела.

Она бросила один взгляд на Конана, кажется, подумала, будто он спит, а затем на цыпочках подошла к постели. Стоя рядом с ней, она сбросила сперва одну сандалию, затем другую. И опустила руки к подолу туники — а Конан швырнул в дверь кувшин с оливковым маслом, заставив ее захлопнуться. Конан одним прыжком очутился у двери, задвигая засов. Еще один прыжок, и он очутился на постели, сгребая Гизелу в свои массивные объятия.

Вместо того чтобы протестовать, та улеглась на спину и покрутила бедрами, не волнуясь о том, что туника соскользнула куда как выше голеней, когда Конан подхватил ее на руки.

Конан рассмеялся, поднял горничную еще выше, а затем бросил на постель. Она трижды подскочила, прежде чем остановиться. К тому времени она так сильно смеялась, что ей пришлось перевести дыхание прежде, чем она смогла сесть и снять наконец тунику.

Теперь на ней осталась только нижняя туника, которая начиналась как раз над грудями и заканчивалась чуть ниже пупка. Вышитые на тонком шелке цветы отнюдь не делали одежду более скромной.

Конан рассмеялся:

— Раз уж я бросил тебя на постель, а не скинул с нее, то надеюсь; ты знаешь, зачем ты здесь.

Она выпрямилась:

— Конан, я вовсе не зеленая девчонка. — В самом деле, семнадцать лет считались в Аргосе возрастом женщины. Как, впрочем, и вадывающиеся под туникой груди — весьма соблазнительными.

— Оно и к лучшему. Те мне не очень-то по вкусу. Но я видел тебя с Вандаром...

Никаких сомнений. При этих словах по лицу ее пробежала тень. Конан нахмурился:

— Вы поссорились?

— Капитан Конан, а это твое дело?

— Да, Кром поberi! — прорычал киммериец. — Если вы поссорились, то я обязан знать. Это касается одного из моих лучших бойцов. Если же вы не в ссоре, то что ты здесь делаешь?

— Сажу на твоей постели.

— Почти голая и, похоже, готовая наброситься на меня, как тигр на козу! Так вот, ты сама себе хозяйка, и, если у тебя есть веская причина быть здесь, я не стану с тобой бороться. Но ты либо скажешь мне об этой веской причине, либо выйдешь отсюда с покрасневшей задницей, а Вандар завтра утром останется здесь.

Гизела побледнела и отвернулась. И когда она заговорила, то ее слова звучали чуть громче шепота:

— Если Реза узнает, что я тебе сказала...

— Я готов поклясться любой клятвой, какую ты выберешь, не говорить Резе. Просто скажи мне, и побыстрее.

— Меня прислал Реза. Он... незачем, чтобы ты думал о госпоже Ливии... как о женщине.

— Тролли поberi Резу и демоны засунь Ливию в навозную кучу! — От рыкания Конана Гизела съежилась в страхе и зарылась лицом в подушку. Голову она подняла, только когда заметила, что нижняя туника выставила теперь ее ягодицы на обозрение, и рассмеялась.

Все оказалось так просто, что ему следовало понять это, не пугая бедную девушку. Это следовало понять любому мужчине, достаточно взрослому, чтобы спать с женщиной! У Резы в голове только одна мысль — охранять репутацию Ливии. Как это сделать? Ну конечно, сыграть роль сводника.

Конан снова рассмеялся. Он надеялся, что в голове у Резы найдется место не только для одной мысли, начиная с завтрашнего дня. Иначе киммерийцу придется думать за них обоих. Если такое произойдет, то он попросит дополнительной оплаты!

— Ливии меня нечего бояться. Я знаю, что она положила глаз на Арфоса.

— Он недостоин ее!

— Не вздумай говорить это при ней, если хочешь сохранить кожу на спине. Я никогда толком не понимал женщин, но одно усвоил твердо: если женщина считает, что мужчина ей подходит, их не разлучат даже боги и демоны, вместе взятые.

— Совершенно верно, — воскликнула Гизела. Она сорвала с себя нижнюю тунику и протянула руки к Конану. Кожа у нее была светлее, чем у Конана, достаточно светлой, чтобы покрыться веснушками, при всем том, что волосы у нее были черными, и она смазала их так, что они, казалось, пылали при свете лампы. Она соскользнула с постели и подошла к нему, груди ее слегка покачивались, пока он не протянул руки и не привлек ее к себе.

После этого прошло не много времени, прежде чем он снял с себя собственные одежды, отнес Гизелу обратно на постель и узнал, что женщина весьма изобретательна в искусстве любви.

Драконы устремились друг к другу, находя проемы в скале там, где те существовали, и продельвая их там, где таковых не было. Продвигаясь, они притягивали к себе последние «фрагменты», поглощали их, впитывая всю их силу и воспоминания, и чуть ли не с каждой минутой становились все больше.

К тому времени, когда два чудовища просунули отростки через последний проем, они были почти одинакового размера. По людскому счету в таких делах, каждый стал размером с полдюжины слонов. Они не могли стоять или бегать, как слоны, но никакое стадо слонов не смогло бы выйти живым из их хватки.

Они соприкоснулись друг с другом, обменялись всем, что узнали со времени Осознания, и принялись отдыхать. Это было нелегко при волнующих их все еще пульсирующих в скале чарах, но древние воспоминания говорили им, что в этом и заключалась мудрость.

В каждом из них хватало материи для создания еще пары Драконов, способных при надлежащем питании быстро вырасти до полного размера. Но им придется отдохнуть и приказать своей собственной субстанции сформироваться в тех монстров, пока они отдыхают. Потом наста-

нет время поискать пищу в горах и даже рискнуть выбраться под открытое небо, к имевшимся там более обильным запасам пищи.

Босая Ливия потихоньку убралась от двери в комнату Конана. Она не боялась, что находившиеся в ней услышат ее. Они были слишком заняты и слишком шумно предавались своим удовольствиям.

Боялась же она встретить Резу. То, что ей пришлось бы сказать ему, могло вдребезги разбить хрупкий мир между ними. При свете дня, без горящих у нее в голове воспоминаний о доносившихся из комнаты звуках, она смогла бы придержать язык. Но сегодня ночью...

Сегодня ночью была особенная ночь. Она будет последней ночью, проведенной ею под собственной крышей, в собственных покоях, окруженной женщинами, умеющими рассказывать сказки. Которые будут рассказывать сказки, если Реза вселит в них страх.

А завтра ночью, и много ночей впредь, она будет спать в постоянных дворах, палатках или в чистом поле. Куда она отправилась, и кто отправился с ней, и что они делали, — это останется ее личной тайной.

Глава 16

Конан услышал женский крик, донесшийся с неба над верхушками деревьев. Он поднял руку, останавливая ехавших по тропе следом за ним:

— Вандар, пойдешь со мной. Реза, мне понадобятся бойцы на флангах.

— Я знаком с этими делами, Конан.

— Так же как и Конан, а командует здесь он, — заявила Ливия.

Если б он командовал, подумалось Конану, то он желал бы иметь возможность скомандовать этой даме помолчать. Ее выпады в адрес Резы потихоньку крошили мир между двумя капитанами. Сомнения в преданности друг друга исчезли, а вот ревность Резы к влиянию киммерийца на его хозяйку осталась.

Конан спешился, с такого коня это был не велик подвиг. Аргос не славился своим коневодством, и большая часть отряда ехала на низкорослых мелких меринах или даже на мулах. Однако они казались достаточно неспотыкающимися и выносливыми, и им не требовалось мчаться в атаку или стремительно нести конных стрелков к вражескому флангу.

— Пошли.

Густой полог из сосновых веток скрывал почти все небо, загораживая здешнюю землю от солнца стволами, толщиной с человека. Благодаря редкому подлеску и пологости склона, киммериец поднимался без труда. Временами ему приходилось притормаживать, позволяя Вандару не отставать от него.

Они вышли из леса на берег горной речки. На противоположном берегу речки поднималась, загораживая собой полнеба, мрачная серая скала. На краю этой скалы стояла женщина с откинутой назад головой и поднятыми руками, и она пронзительно кричала.

Пока Конан изучал скалу, выискивая путь наверх, на вершине появилась вторая женщина. Она, похоже, делала какие-то знаки первой женщине. Но каждый раз, когда новоприбывшая подходила на расстояние в двадцать шагов, первая женщина делала шаг назад.

— Еще десять шагов, и она свалится, — проворчал Конан.

— Наверно, она этого и хочет, — предположил Вандар. — Значит, сегодня мы занимаемся спасением деревенских дурочек? — А затем отшатнулся, увидев выражение в глазах киммерийца.

— Да, — бросил Конан. Он вынул из ножен меч и кинжал, чтобы не намочить их в воде, а затем шагнул в речку. Через три шага вода стала ему по грудь. Вандар сделал глубокий вдох и последовал за ним, вздрагивая от холода.

Когда они наконец вылезли из воды, Вандар стал таким же синим, как глаза Конана. Северянин прошелся вдоль кромки скалы, выискивая путь наверх, и наконец нашел его. На самом-то деле все выглядело так, словно кто-то высек некогда в скале лестницу.

Конан вскарабкался к самым нижним из ветшающих ступенек и встряхнулся, как собака. Вандар последовал за ним, с сомнением поглядывая на дальнейший путь наверх.

— На вид этот подъем годится больше для коз, чем для людей, капитан. А где твоя борода и рога?

Конан легонько постучал по голому подбородку юноши:

— Если уж на то пошло, а где твоя? Вот отрасти ее, а уж потом спорь со своим капитаном. За мной, — и принялся карабкаться наверх, используя руки для балансирования, так же как и для хватания за лозу и кривые деревца, которые каким-то образом росли прямо на голом камне.

К тому времени когда они одолели полпути к вершине скалы, первая женщина перестала кричать. Вторая теперь говорила тихим, настойчивым голосом. Конану не удавалось разобрать ее слов, но он не мог и ошибиться: в ее голосе звучала нота мольбы.

Вандар взобрался к Конану и сделал глубокий вдох:

— Капитан, а что мы все-таки здесь делаем?

— Безумная, бродящая по такой местности, вдали от своей деревни, — для меня это пахнет колдовством.

— Не все безумие происходит от колдовства, капитан.

— Не все, но достаточно. И даже если это не тот случай, мы можем спасти ее. Если спасем, то ее деревня и родные будут нам благодарны. Возможно, они видели нечто, что поможет нам, если они расскажут об этом без утайки.

— Прости, капитан. Мне и самому следовало подумать об этом.

— Когда проживешь с мое своим умом и мечом, будешь думать. Или же не проживешь так долго!

Они продолжили восхождение. При следующей остановке для передышки Конан прислонился спиной к скале и посмотрел за речку. Они теперь поднялись выше уровня деревьев, и ему открылся беспрепятственный обзор горной долины, вплоть до противоположных склонов. Они забрались недостаточно далеко на север, чтобы на пиках лежали в это время года снежные шапки, но все прочее, делающее их труднопреодолимыми, у них наличествовало.

В этой местности могла спрятаться хоть целая армия, и без того, что они узнали в доме Акимоса, поиски торгового магната и его цепного колдуна были бы дурацкой затеей. Они могли снова превратиться в такую затею, если Акимос пронюхает об их приближении. Если односельчане этой женщины не смогут сделать ничего другого, то Конан попросит их держать язык за зубами относительно присутствия в горах его отряда.

Последние несколько десятков шагов вверх по обветшавшей лестнице Конан и Вандар проделали, стараясь быть такими же бесшумными, как мыши, когда охотится кошка. Околдованная она или обезумевшая, та женщина могла слишком легко удариться в панику. И тогда спасатели вызовут тот самый прыжок, который они стремились предотвратить.

Два воина остановились под самым краем скалы. Конан увидел сумасшедшую, стоящую скрестив руки на груди меньше чем в пяти шагах от края пропасти. Хуже того, ее отделило не больше двух шагов от ведущей к краю скалы ложбины. Если она прыгнет или упадет в нее, то заскользит, как мешанка в свином корыте, вниз по склону — и в пропасть.

Конан привлек к себе Вандара и прошептал:

— Последние ступеньки мы одолеем рывком. Беги между ней и краем. Я буду охранять ложбину. Что бы ты ни делал, действуй только голыми руками.

— Отлично. Если она выпарапает мне глаз, колдун Акимоса сможет выкупить свою жизнь, вернув его на место.

Киммериец набрал побольше воздух в легкие, постучал своего спутника по плечу, а затем только что не взлетел на последние несколько ступенек. Вандар отставал от него всего на шаг, но одна нога ступила на непрочный камень, пропущенный киммерийцем. Тот перевернулся под ногой Вандара и заставил его растянуться — по милости богов на ровной почве.

Даже распластавшись на животе, он все равно преграждал женщине путь к краю пропасти. Та завывала, словно волчица, и бросилась к ложбине. Оглядываясь посмотреть, не упал ли Вандар, Конан на какой-то миг опоздал поймать ее.

Но он не опоздал последовать за ней в ложбину, вцепившись железной хваткой в ее лодыжки. Он раздвинул ноги, пытаясь упереться ступнями в стенки ложбины и удержать их обоих. Но ложбина была слишком крутой, и, хотя он использовал кроме ступней еще и локти и колени, он почувствовал, что соскальзывает. Еще десять шагов, и для них обоих не останется ничего, кроме долгого падения к смерти в речке, и, наверно, снасть эту женщину, в конце концов, было-таки дурацкой затеей.

На голень ему упало что-то мягкое. Затем голень плотно обхватили жилистые пальцы. Он услышал сзади и выше голос Вандара, кричавшего: «Да поскорее ты, безмозглая

сука!» А затем вокруг другой его голени обвился еще один кусок ткани.

Он почувствовал, как затянулись узлы. Сперва они не больше чем остановили его скольжение навстречу смерти. Затем он смог выпустить одну лодыжку женщины и использовать свободную руку для толкания назад их обоих. Наконец, он смог сразу использовать и ступни, и колени, и локти, ползя по ровной земле, словно пьяная гусеница, но в безопасности.

Конан сделал глубокий вдох и встал. Женщина потеряла сознание, и, судя по ее виду, оно и к лучшему. Конан увидел свежие ссадины, порезы, то, что походило на следы от кнута, и даже ожоги.

— Капитан, у тебя все в порядке?

Вандар и вторая женщина стояли бок о бок. Оба были голыми по пояс.

— Ты научился думать быстрее, чем я ожидал, — одобрил Конан. — Если б ты сам бросился в ложбину, то в речке могло оказаться три тела вместо двух.

— Я не без труда уговорил Шилку пожертвовать своей туникой, когда понадобилось спасти ее сестру.

— Ее сестру? — начал было переспрашивать Конан. Но тут Вандар указал рукой вперед. Конан тоже разглядел за валунами какое-то движение.

Мужчины мигом распластались на земле. Шилка осталась стоять, а потом сложила руки рупором и крикнула:

— Эй! Если вы из деревни Олений Скок, то эти люди друзья. Они спасли Комару.

— Это ты так говоришь, — отозвался грубый голос. — Но когда по горам гуляет магия, как в последние четыре ночи...

— Магия? — воскликнул Вандар. Конан тоже сложил руки рупором:

— Какая именно магия?

— Тебе лучше знать, ты... — начал еще кто-то.

— погоди, — скомандовал первый голос. — Кто ты?

— Капитан Конан, служу Воителям.

— Я никогда не видел тебя в форту в долине.

— А я никогда и не бывал. Я приехал прямо из Мессантии, возможно по следу той самой магии, которой вы опасаетесь. Расскажите мне о ней.

— Да, расскажите ему, — крикнула Шилка. — И пока ты рассказываешь ему, Орис, остальные позаботятся о моей

сестре. Мы не для того вырвали ее из зубов смерти, чтобы дать ей истечь кровью на камнях.

Стыд или надежда — или и то и другое вместе — заставили четырех селян выйти из-за валунов. Конан заметил, что все четверо держали в руках арбалеты и либо копья, либо короткие мечи. Он подошел к краю скалы, готовый дать сигнал Резе прислать еще бойцов. Селянам он в какой-то мере доверял; и будет доверять им еще больше, когда они узнают, что их превосходят в численности.

Когда Конан добрался до края скалы, в поле зрения попала знакомая светловолосая голова. Конан отступил на шаг и помянул нескольких богов, которых в приличном аргосийском обществе обычно не призывают.

Смех Ливии походил на журчание речки по камням.

— Извините за неожиданное появление, капитан. Но я подумала, что могу понадобиться, чтобы убедить этих горцев, что мы друзья. Горцы могут иногда быть столь же неподатливыми и упрямыми, как скалы в их горах, о чем, уверена, вы и сами знаете.

Прежде чем Конан смог придумать ответ на это, она повернулась к селянам:

— У этой несчастной есть родня?

— У нее есть муж, — ответил тот, кого Шилка назвала Орисом. — Но примет ли он ее назад, после этого...

— После того, как она пострадала от подлой магии, он назовет ее нечистой? — резко бросила Ливия.

Конан услышал в ее голосе треск льда. Так же как и селяне. Они отступили на шаг.

— Ну, — сказал Орис. — Я не стану ни за что ручаться. Сам-то я, разумеется, буду на ее стороне, и...

— Отлично. Сделай все, что в твоих силах. Если их окажется недостаточно, эта женщина получит место в моем доме до тех пор, пока будет нуждаться в нем.

— А кто ты такая, шлюха мессантийская? — зарычал тот селянин, который заговорил вторым.

Конан сделал три быстрых шага вперед и поднял его за пояс и за шиворот туники.

— Она та, кто может выполнить это обещание. А я могу выполнить обещание переломать тебе все кости, если твой язык будет снова болтать, как помело.

— Я — госпожа Ливия из Дома Дамаос, — заявила Ливия. Она, похоже, впервые осознала, что ее одежда для верховой езды насквозь промокла и прилипла к телу. Му-

жеподобный вид, который она приобрела в пути, теперь полностью исчез.

— Она та самая, и не только, — подтвердил Конан. Он опустил селянина на землю и заботливо вытер руки о штаны. — Но если хоть слово об этом дойдет до наших общих врагов...

— Я позабочусь, чтобы этого не случилось, — пообещал Орис. — А теперь, сударыня, капитан Конан, вы одни?

Конан сделал знак Ливии предоставить говорить ему. К некоторому его удивлению, та кивнула.

— А в чем дело?

— Если вы здесь с воинством, то умоляю вас захватить Олений Скок и уберечь нас от умыкателей женщин. А если вы не с воинством, то, пожалуйста, уезжайте. Вы только навлечете гнев этих умыкателей, но не сможете дать им отпор.

Этот человек был явно не столь уверен в честности Конана, как делал вид. Конан решил, что хватание селян за шкирятник и махание ими, словно боевыми знаменами, во второй раз не сработают.

— Сколько деревень пострадало?

— Четыре. Каждую ночь иная.

— Тогда почему б не проводить нас к месту, где мы сможем быстро добраться до всех четырех деревень? Если эти умыкатели женщин заявятся опять, то уйдут с разбитыми носами, и селяне смогут спать спокойно.

— В этом есть мудрость, капитан.

— Тролли побереи мудрость! Есть ли место?

Он решил рискнуть:

— Мы слышали о месте под названием пещеры Зимгаса, в них...

Орис побледнел и выглядел готовым рухнуть на колени, в страхе или мольбе.

— А чем плохи пещеры?

— Они... капитан, вы не знаете, о чем просите.

— Ну так скажи мне! Или в этих горах все говорят загадками?

— В пещерах Зимгаса, капитан, обитают Дра... Драконы. — Орис сглотнул. — Это порождения древней магии. Они созданы много веков назад для охраны границ Аргоса. Когда магия покинула эту страну, они уснули, но говорят, что они не умерли. А если они живы, то действующая магия может пробудить их.

— Значит, тем хуже для колдуна, — заметил Конан. — Пробуждение чужих тварей убило больше колдунов, чем все прочее, кроме доброй стали.

Орис содрогнулся:

— Если вы действительно желаете охранять от чудовищ, то есть замок Теброт. Он недалеко от любой из деревень. Только... вы должны знать...

— Да, я должен знать, или тебе понадобится вернуться в деревню и поискать лекарства для восстановления ума, — проворчал Конан.

— Говорят, что этот замок вырос за одну ночь и его камни подняли на место сами Драконы.

Конан не содрогнулся, но его старая ненависть к колдовству заставила его на миг умолкнуть. Затем он кивнул:

— Орис, сделка. У нас приличный отряд внизу, вместе с едой и лечением для ваших людей и Комары. Проводите нас к замку Теброт и заберите свою долю. А потом отведите домой Комару и предупредите сторожей каждой деревни о нашем присутствии. А потом они могут использовать факелы или вестников, если умыкатели женщин заявятся вновь.

— Я тоже должна отправиться, — заявила Шилка. Она не натянула тунику, и взгляд, который она бросила на Конана, едва ли вызывал сомнения в истолковании. — Моя сестра нуждается в женском уходе.

Ответ Ливии на это заявление безмолвно умер при взгляде на Конана. Но выражение лица у нее было столь же красноречивым, как и у деревенской девушки. Миг спустя девушка снова надела тунику.

Конан от души пожелал, чтоб все женщины находились в каком-нибудь местечке подальше от него, пока это дело с Акимосом и умыкателями женщин не закончится. Затем он посмотрел на Ориса:

— Ну?

— Как пожелаете, капитан.

— Хорошо. — Конан повернулся к остальным спиной, подошел к краю скалы и на этот раз закончил сигналить следившему снизу дозорному Резы.

Конан был вполне готов поверить, что замок Теброт построили в качестве крепости. Он утнезвился высоко на скале, господствующей над узкой долиной. Единственный

путь к нему вел по извилистой тропе, на которой полдюжины лучников могли удерживать целую армию.

Орис рассказывал байки о замке и о том, как Драконы приволокли камни на скалу по всей длине тропы. Когда они приблизились к скале, Конан начал гадать, нет ли в этих байках правды. Многие из камней определенно не уступали размерами небольшим домам. Он не мог себе представить никакой человеческой силы, способной втащить их вверх по склону. Однако ради поддержания смелости у своих воинов он сказал иначе.

— Я поверю в Драконов, когда обнаружу одного из них, стерегущего меня, — сказал он Талуфу. — Камни эти, признаю, большие. Но если хватает рабов, можно затащить что угодно куда угодно.

— Ты когда-нибудь был надсмотрщиком, Конан? — спросила Ливия. Она шла почти достаточно близко, чтобы прижаться к нему бедром, — только потому, что тропа такая узкая, заверила она его.

— Нет, — коротко ответил Конан. — Я был рабом.

Это заставило высокородную даму замолчать, пока они не добрались до ворот замка. Железные части их давно исчезли, но Конан увидел достаточно валявшихся там нескрепленных раствором камней, чтобы хватило на высоченную баррикаду. Оказавшись в замке, они будут хорошо защищены от любого человеческого нападения. Что же касается других видов нападений — Конан предполагал найти колдуна прежде, чем тот найдет их, а потом показать любым монстрам чистую пару пяток.

В замке имелся внутренний двор, немногим больше огорода. Они собрались там, прислушиваясь, как ветер жутковато свистит среди потрепанных ветром и солнцем башен.

— Ты знаешь, где что в этой куче ошибок каменщика? — спросил Конан у Ориса.

— Как немногие люди, — заверил его тот. Он понизил голос: — Будь я на вашем месте...

— Ты не на нем. Пошли. Мне нужен совет, а не аргосийские манеры.

— Я бы посоветовал выставить часовых у входа в погреб, а не только на стенах. — Орис теперь говорил шепотом, почти терявшимся в вое ветра. — Рассказывают, что отсюда прямо через горы проходят туннели к пещерам Зимгаса. Когда Драконы завершили свою работу, их отпраздновали спать в эти туннели.

— Значит, если они проснутся, то могут вернуться сюда и наведаться к нам в гости?

Орис пожал плечами.

— Я б не шутил насчет Драконов, будь я на... прошу прощения. Но я помню, что были отвратительные твари. По туннелю, достаточно большому для такого чудища, могли проехать телега и лошадь. По нему может пройти и добрый отряд воинов.

— Намек уловил. Помещу перед дверью в погреб часовых и кучу камней.

Расстановка часовых и наваливание камней затянулись до темноты. К тому времени когда работу завершили, к удовлетворению Конана и Резы, от дня осталась только легкая красноватость на западной половине неба. Ветер стих до слабого шепота, который Конан понимал ничуть не хуже. Если б ветер стоил так же жутко, как тогда, когда они прибыли, киммериец все равно бы разгуливал, положив руку на эфес меча и время от времени оглядываясь назад.

Рассказы Ориса о Драконах заставляли их казаться чересчур уж фантастическими. И были еще похитители женщин, рыскавшие по деревням, словно бешеные волки, а вот они и их магия были вполне реальными. В этих горах закручивалось что-то покруче, чем простые коварные замыслы торгового магната.

Мысль об умыкателях женщин напомнила Конану о Комаре, лежащей на своем тюфяке в самой теплой комнате, какая нашлась в древнем замке. Он спустился по винтовой лестнице с крыши башни и постучал о дверной косяк ружья кинжала.

— Кто там? — отозвался голос Ливии.

— Капитан Конан.

Войдя, Конан увидел Ливию, стоящую на коленях рядом с тюфяком, проводя по порезам женщины губкой, смоченной в уксусе и в воде из греющего на огне котелка. Реза сидел на подоконнике, с усталым и мрачным видом.

— Где Шилка?

— Я отослала ее немного поспать. Она два дня гонялась за сестрой по долинам и за эти два дня видела мало отдыха и еще меньше пищи.

— Как Комара?

— Думаю чары сходят на нет. Она вскрикивает, как от боли или как при кошмарах. Похоже, она знает, что находится среди друзей.

— Она к тому же находится в пустом замке, который может через несколько дней подвергнуться одним богам известно каким нападениям, — указал Реза. — Я уговаривал госпожу отослать эту женщину на рассвете, вместе с другими селянами.

— Ну, Реза, если уж она тебя не послушается, то я не буду зря терять дыхание, которое мне может понадобится для боя, — решил Конан. — И тебе также лучше вспомнить, что говорила Шилка. В деревне Комара может и не оказаться среди друзей.

— В самом деле, Конан, вполне может, — добавила Ливия. — К тому же Арфос оставил мне кое-что из своих трав и образцов. В деревне не найдется ничего подобного им, и некоторые уже пошли ей на пользу.

— Кстати, а где Арфос?

— Он тоже отправился подыскать тюфяк, — ответила Ливия, но только ли померещилось Конану, будто голос у нее на миг прервался, а лицо зашла краска? — Он сказал, что хочет заступить в караул с полуночи до рассвета, так что теперь он должен уже спать.

— А я и не слышал, что Арфос был солдатом, — проговорил Конан старательно вежливым тоном.

— Он сказал, что для него это будет единственной возможностью научиться данному искусству, — вставил Реза. — Он желает отправиться с нами в пещеры, когда придет время спасать его мать.

В ответ Конан нечленораздельно крикнул и кивнул. Что-либо большее выдало бы его подозрения. Арфос и Шилка ушли вместе, и Ливия беспокоится из-за этого? Она что, ревнует или разыгрывает из себя сваху по своим личным причинам?

Конан сомневался, что когда-нибудь узнает это, учитывая, что женщины были такими, какие есть, а Ливия — и того чище! Определенно ради поисков ответа не стоило терять сон.

Равным образом он сомневался, что из Арфоса когда-либо выйдет приличный боец. Определенно не настолько приличный, чтобы больше помогать людям, спасающим его мать, чем подвергать их опасности, но как уберечь его, если он хотел броситься навстречу опасности? На этот вопрос сегодняшней ночью тоже не найти ответа.

— Спасибо, — поблагодарил Конан. — Если я кому понадоблюсь, то я буду спать на верху восточной башни.

Первым ощущением, проникшим сквозь густую вуаль сна вокруг Конана, было ощущение тепла. Неужели эти одеяла выполнили наконец свой долг или эти горы каким-то образом привели теплый ветер к скале с замком?

Затем пробудился рассудок Конана, в достаточной мере для того, чтобы он понял, что тепло исходило из одного места. Наверно, от жаровни или от очага — но когда он лег спать, с ним на крыше башни не было ни того ни другого.

Он отбросил одеяла и сел, потянувшись одновременно за мечом. И оказался глядящим в два широко раскрытых голубых глаза. В глазах этих таился смех, так же как и в красных губах рта под ними.

— Я не могла уснуть в миазмах тех покоев, там внизу, — объяснила Ливия. — И поэтому поднялась поспать там, где у меня будет безопасность и свежий воздух.

Конан заметил, что плечи у нее над обертывающими ее одеялами голые. Жаровня давала достаточно света, чтобы показать легкую пыльцу веснушек на этих плечах.

— Прежде чем настанет утро, ты можешь обнаружить, что воздух этот посвежее, чем тебе нравится. — Конан потянулся. Если эта деваха намеревалась поболтать, то сна ему какое-то время не видать, так что лучше всего устроиться поудобнее. — Ты случайно не захватила вина?

— Нет, но зато захватила один из горшочков с мазями Арфоса. Я видела, что ты весь в ссадинах и царапинах.

— Едва ли. Когда я влезал на скалу, то лез на нее в кожанке и крагах. Попробуйте как-нибудь полазать по скалам с голой кожей, вот тогда действительно узнаете, что такое ссадины и царапины. Или попробуйте дружеское состязание с борьбе.

— А что такое дружеское состязание?

— Это когда состязаешься с другом, чтобы увидеть, кто лучший борец, или просто тренируешься. Я участвовал в состязаниях, где владельцыставляли друг против друга своих рабов. Проигравшего, конечно, ждала порка или что похуже.

— Ты поучишь меня немного борьбе? — Голос у Ливии снова прервался, но краски у нее на лице он не увидел.

— Зачем?

— У меня есть кинжал, но если на нас нападут и бой затянется...

— Понятно. Вы с Арфосом оба хотите стать солдатами за одну ночь.

— Не оскорбляй нас, Конан. Мы всего лишь хотим научиться чему можем, чтобы помочь разбить магната Акимоса. И мне думается, я годна для обучения борьбе.

Должно быть, Ливия не раз репетировала этот жест, потому что она сбросила все одеяла одним движением. Под ними она была одета именно так, как начал подозревать Конан. В свою собственную кожу, слегка усыпанную веснушками не только на плечах, и больше ни во что.

— Ну, Конан?

— Для серьезных состязаний, Ливия, обычно надевают набедренную повязку.

— Женщины устроены иначе, чем мужчины, о чем ты, уверена, и сам знаешь. Кроме того, я не вижу никакой повязки и на твоих бедрах.

— Да, но я вижу, что жаровня упала и одеяла через минуту загорятся.

Ливия стремительно обернулась, и взгляд Конана приковали к себе плавность линий ее тела и мягкая округлость ее груди. Кровь у него уже бурлила, и только самая строгая команда своим рукам не позволяла им протянуться к ней.

Упало всего несколько углей, и медного горшочка с мазью хватило, чтобы раздавить их. Закончив, Ливия снова повернулась к Конану:

— Если нам не нужны набедренные повязки, то чего же нам еще не хватает?

— Борьбой лучше всего заниматься на чем-то мягком.

— Вроде одеял?

— Да.

Она расстелила свои одеяла, и когда Конан расстелил свои, их руки встретились. Его ладони жили самостоятельной жизнью, взлетев вверх по ее рукам, чтобы схватить ее за плечи и привлечь к себе.

Она сопротивлялась всего миг. А затем полетела вперед так, что Конан упал на спину, опрокинув на себя Ливию. Поскольку все, что они собирались сделать, можно было проделать лежа, то прошло какое-то время, прежде чем они снова поднялись, да и тогда лишь ненадолго.

Они не утомились, пока не взошла луна и не застала их обоих спящими, обвитыми руками друг друга и спутанными одеялами.

— Конан, Конан, проснись!

Проснуться-то Конан проснулся, но был занят тем, что любовался через полужакрытые глаза Ливией. А полюбоваться ею стоило, так как прежде, чем подойти к парапету, она не потрудилась одеться.

— Я проснулся. В чем дело?

— Я вижу четыре десятка человек на пути к замку.

Конан вскочил и тоже поспешил к парапету, не утруждая себя одеванием. Затенив ладонью глаза от восходящего солнца, он изучил приближающихся людей. А затем рассмеялся:

— Там в основном женщины и дети. Я вижу несколько парнишек с луками и дубинами, но больше ничего. Думаю, одна из деревень отправила своих жителей укрыться здесь.

— Извини, что я их не узнала.

— В том, что ты не солдат, ничего плохого нет. У тебя уйма других талантов.

Ливия покраснела, что сделало ее светлую кожу розоватой при еще более розовом свете зари. А затем рассмеялась и изящно наклонилась за одеждой.

Конан поспешно натянул штаны, подхватил оружие и спустился по лестнице вниз. К тому времени и Реза, и Арфос стояли на посту, мечники построились, готовые помочь лучникам, если новоприбывшие окажутся враждебными. Реза казался таким же нерушимо гранитным, как всегда, но у Арфоса был вид человека, прошедшего большую часть ночи в постели, но в основном без сна.

Орис предложил выйти и встретить селян и быстро вернулся с сообщением от них.

— Они взяли с собой еду, воду, спальные принадлежности?

— Я таких не видел.

Конан пожелал троллям побрать деревенских вождей и сделал глубокий вдох:

— Я не буду отсылать их обратно, не могу, так как они, несомненно, всю ночь брели сюда. Но я хочу, чтобы нескольких парнишек разослали по деревням и велели им передать вот что: «Без своей еды и спальных принадлежностей в замок никому не приходить. Воды у нас навалом, но мы не в состоянии укрыть пол-округи».

— А не разумно ли будет попросить их также прислать и нескольких вооруженных мужчин? — вставил Арфос. — Нам ведь придется разделить свои силы, когда мы выступим спасать мою мать от...

— Арфос, помолчи, пока мы не останемся одни, — резко оборвал его Реза. Юноша потерял половину своих лет и стал похож на мальчишку, которого только что пригрозили высечь. Конан вмешался в эту ссору:

— Мы и в самом деле будем отправлять бойцов на вылазки. Но этот форт и десять бойцов удержат против целой армии.

— Верно, будь он совершенно цел, — указал Арфос. — Но я... ночью, когда искал тихое местечко, где можно... поспать, увидел слабые места. К тому же деревенским бойцам не нужно являться в замок. Они могут разбить лагерь в долине, готовые предупредить нас о нападении. А потом они могут подождать и ударить по нападающим сзади, пока мы бьем их спереди.

Конан посмотрел на Арфоса с уважением. Миг спустя, и с неохотой, на него так же посмотрел и Реза.

— Ты мыслишь как солдат, — одобрил мажордом и схватил Арфоса за плечи. — Если это будет продолжаться, то твоя мать, возможно, наконец поблагодарит тебя за изучение того, чему она тебя не учила!

— Реза, если ты так думаешь, то у тебя просто трогательная вера в человеческую доброту, — отозвался Арфос. — Капитан Конан, можно мне показать вам слабые места?

Большинство показанных Арфосом Конану слабых мест ничуть не походили на таковые. Иные из них устроили бы даже специально обученных обезьян, и только два предлагали хоть какую-то надежду, даже для самых ловких скалолазов. Арфос выглядел довольно приунывшим, но Конан его утешил:

— Сударь, я год прослужил капитаном в войсках Турана, прежде чем многое узнал о строительстве крепостей.

— В Туране не очень-то много замков, не так ли?

— Только в горах, где могут перекрыть дороги. В остальном же у Турана слишком много открытых границ, и слишком много врагов. Нет смысла тратить золото на круговую оборону.

— Понимаю. — Арфос отвернулся, глядя на долину, и, казалось, с трудом подыскивал нужные слова.

— Капитан Конан, могу я попросить вас об услуге?

— Отправиться вместе с нами? — Арфос кивнул. — Ваше искусство целителя нам не помешает. Но умеете ли вы совершать длинные переходы и сражаться?

— Всю дорогу от Мессантии я ведь не отставал, не так ли?

— Да, но нам не пришлось драться. Арфос, я не могу выделить четырех воинов на то, чтобы... чтобы...

— Нянчиться с мальчишкой?

— Я бы выразился не совсем так.

— Да, полагаю, не так, и я благодарен вам за доброту. — Арфос положил руку на эфес короткого меча. — Капитан, не провести ли нам несколько заходов, я с этим оружием, а вы с оружием по вашему выбору. Если я покажу что далеко не беспомощен, то мне можно будет отправиться?

— Да.

— Даете слово?

— Клянусь Митрой и Эрликом, покажи, что ты знаешь сталь, и можешь отправляться, куда ни приведет нас это путешествие.

Конан обнажил кинжал, обмотал левую руку плащом и отступил на шаг. Добавление меча к его более длинным, чем у Арфоса, рукам сделало бы это состязание жалко-односторонним. Но при его кинжале против короткого меча Арфоса досягаемость у них будет примерно равной. Итог схватки решат другие качества.

После нескольких глубоких вдохов, принесших спокойствие и отстраненность, столь нужные воину, Конан отметил, что Арфос обладает вполне приличными бойцовскими качествами. Он был пружинист, настолько быстр, насколько нужно, и умел неплохо судить о дырах в защите противника. И самое главное, он передвигался по неровной почве с ловкостью, показывавшей, что его неуклюжесть была не более чем игрой.

У Конана все равно имелось преимущество, но ему приходилось трудиться, чтобы сохранить его. Первый заход закончился, когда Арфос с силой сделал выпад, чиркнув Конана по ребрам, а затем обнаружил, что кинжал Конана сцепился с его мечом и держит его на месте, когда он попытался отдернуть его обратно. Длинная нога

киммерийца ударила словно змей, и Арфос потерял почву под ногами.

Ударился он сильно, но меча не выпустил и направил его в живот Конану прежде, чем киммериец успел отступить. А затем он рассмеялся:

— Похоже, что для занятия фехтованием и борьбой требуется больше тренировки, чем довелось получить мне.

— Так оно и есть. Но хороший боец никогда не забывает про оружие, которое ему дали боги, просто потому, что кузнецы дали ему другое. Еще заход?

— С удовольствием. — Арфос поднялся, отряхнулся и принял стойку.

Они сделали еще четыре захода, и Конан выиграл в каждом из них, но не без труда. Он быстро отказался от мысли позволить Арфосу выиграть. Юноша наверняка понял бы, что произошло, и рассердился бы. К тому же если поддаваться, то он мог нанести киммерийцу ранение, которое сделает его в ближайшие дни не столь быстрым, а Конан знал, что для этой битвы ему понадобятся в полной мере и сила, и скорость, и сообразительность. Акимос и его охранники были отнюдь не слабаки, но и не представляли собой ничего страшного, что нужно для хорошего бойца. А вот цепной колдун Акимоса — другое дело, тем более когда бойцу приходилось беречь не только свою спину, но и целую деревню девок и детей! Можно сказать кое-что хорошее, решил Конан, о прежних временах, когда он был вором в Зингаре. Тогда ему не приходилось отвечать ни перед кем, кроме как временами перед Воровским Братством, и ни за чью шкуру, кроме своей собственной!

Арфос попытался закончить последний круг ближним боем. Он замышлял перейти в него, не предупредив Конана, и в настоящем бою мог бы вскрыть киммерийцу живот прежде, чем умереть.

Конан снова швырнул Арфоса на спину и на этот раз отступил. Глава Дома Лохри перевел дух, а затем принял предложенную Конаном руку.

— Ну, капитан?

— Довольно неплохо. Но все равно я помещу тебя в центр отряда. Не в позор тебе, а потому что твое умение целителя нам будет нужно больше, чем твоя рука с мечом. У меня есть дюжина мечников лучше тебя, но никто из них не отличит слабительное от ночного горшка.

— Как пожелаете, капитан. Лишь бы отправиться с вами. И... если я паду... вы можете позаботиться о том, чтобы Шилка получила то, что я ей обещал?

Конан не сказал, что если Арфос погибнет, то и с остальным отрядом, по всей вероятности, произойдет то же самое. Он пообещал сделать все, что в его силах, и позаботиться, чтобы Ливия тоже помогла.

Конан не терял зря времени на поиски подземного хода к пещерам Зимгаса. Даже если он существовал не только в легенде, на его обнаружение мог уйти целый месяц. К тому же под землей у врага будет то же преимущество, какое имелось у Конана близ замка, — в виде горстки бойцов, способных остановить вдесятеро более сильного противника.

Внезапность даст не столько скрытность, сколько скорость, а внезапность им понадобится. Даже если у Акимоса нет чар, способных отразить их, Акимос едва ли постесняется скорее скинуть госпожу Дорис с ближайшей скалы, чем оставить ее в живых и стать свидетельницей против него.

Поэтому Конан повел сорок отборных бойцов, как охранников, так и селян, в лес по другую сторону хребта и от замка, и от пещер. Они выступили в сумерках, с намерением забраться до рассвета как можно дальше, а затем на дневное время затаиться. После этого переход длиной менее чем в полночи должен привести их к пещерам.

В первую ночь и большую часть следующего дня Ливия была слишком загружена работой, чтобы думать о том, с чем могут столкнуться Конан и Арфос. Требовалось на чем-то уложить спать женщин и детей и разместить враждующие семьи настолько далеко друг от друга, насколько позволял замок. Требовалось не дать очередям у колодца превратиться в толпу дерущихся. Требовалось не дать детям улизнуть, чтобы их матери не поднимали ночью переполох своими воплями из-за пропавших чад.

Благодаря управлению дворцом Дамаос, Ливия знала почти все, что требовалось. Остальное знал Реза. Поэтому Ливия почувствовала, что рассудок и силы покинули ее лишь вечером следующего дня, после выступления отряда спасателей. Она поднялась по лестнице на башню, где от-

дала Конану свою девственность, и села там, где лежали их тюфяки.

Она все еще сидела там, когда солнце ушло за горы и по лестнице поднялся Реза.

— Госпожа, вы здоровы?

— Всего лишь устала, и душой и телом.

— Тут едва ли самое лучшее место для сна.

— Да, но самое спокойное. Думаю, я попрошу у тебя распорядиться принести сюда тюфяк и воду.

Реза поклонился, но нахмурился:

— Госпожа, это будет не очень-то удобное место.

— Ищущие госпожу Дорис будут сегодня ночевать с еще меньшими удобствами. Для некоторых эта ночь может стать последней в их жизни. Следует ли мне в таком случае купаться в роскоши?

— Мне думается, тюфяк в более теплом помещении едва ли можно назвать роскошью, — улыбнулся Реза. — Но я вижу, что у вас душа истинного воина. Поэтому мне не следовало бы удивляться тому, что произошло между вами и капитаном Конаном.

Ливия застыла, словно получив пощечину. А затем погасила первую вспышку гнева при мысли, что Реза слышавшегося, похоже, не одобряет. Более того, если догадался о происшедшем только он, то ее тайне никакое разоблачение не угрожает.

Словно прочтя ее мысли, Реза снова улыбнулся:

— Я никому не говорил и не скажу. Не сомневайтесь, что Конан будет столь же сдержан.

— Так же как и я. Уверена, он знал многих женщин, но не ослабил ни одной, если они сами не обошлись с ним скверно.

— Да. — Реза теперь казался более серьезным. — Госпожа, вы давали друг другу какие-нибудь обещания?

— Насчет брака? — Это казалось совершенно невероятным, но она увидела, что Реза кивнул. Гнев вспыхнул вновь. — Реза, ты ведь не обозвал меня распущенной. Так зачем же обзывать меня дурой?

— А вы были ею?

— Нет. То, что произошло между мной и Конаном, — все это закончено и завершено. Оно определенно не приведет нас к брачному алтарю.

Она не могла ошибиться: плечи у Резы облегченно опустились.

— Хвала богам. Я должен быть уверен. Госпожа, для мужчин использовать превратности битв для избавления от соперника — дело известное. Пообещай вы что-нибудь Конану, у него могло бы возникнуть искушение.

Ногти Ливии остановились в волоске от лица Резы.

— Никогда больше не смей так оскорблять Конана! Его честь так же крепка, как и его мужество! — Лицо Резы осталось непроницаемым, но она почувствовала, как между ними пролегло нечто невысказанное, но смертельное. — Реза, ты сейчас же скажешь мне, что ты сделал, или сегодня же вечером покинешь службу у меня, а утром и замок!

— Я послал двух человек с приказом стеречь Арфоса, как насадки — единственного цыпленка. Они должны сразить Конана, если покажется, что он не дорожит жизнью Арфоса.

Ливия решила, что воплями, плачем или выцарапыванием глаз Резе ничего не добиться, да еще и потеряешь зря время. Она схватилась за кинжал.

— Ты отправишь гонца к этим людям. И передашь им, что, если они хоть пальцем тронут Конана, я лично заживо сдеру с них кожу. Гонец получит приказ тотчас же при мне и покинет замок, прежде чем я покину тебя...

Реза упрямо сжал челюсти.

— Госпожа, никто не успеет добраться до отряда спасателей прежде, чем тот ударит по пещерам. И даже будь это возможно, гонца могут перехватить по дороге слуги Акимоса. И тогда он погибнет. Но не раньше, чем раскроет Акимосу наши тайны. Акимос приготовится к встрече, и тогда погибнут и наши бойцы, и ваша репутация.

Слова и спокойная решимость Резы прорвались сквозь ярость Ливии.

— Полагаю, в твоих словах что-то есть. Отлично. Я попрошу лишь, чтобы ты поговорил с теми двумя по возвращении и тоже предупредил их. Полагаю, до тех пор Конан сможет поберечь свой тыл.

— По крайней мере от моих людей, — сказал Реза. — Что же касается других врагов, с которыми он столкнется, — будем молить богов о милости. И тогда, госпожа, вы бы могли хоть немного поспать. Если вы не выспитесь, то будете утром скверно выглядеть.

Ливия попыталась ответить, но ее слова исчезли в широко, смачном зевке. Она положила руку на его массивные плечи:

— Я спущусь, Реза, если ты мне pomoжешь дойти, как столь часто помогал в прошлом.

— С удовольствием, госпожа.

Скирон больше не поворачивался спиной к господину Акимосу, когда вытирал пот с лица. Да и пот у него вызывала не только жара в пещере.

В последние три раза, когда он наводил чары для удержания в узде Дорис из Дома Лохри, он ощутил то, что назвал бы эхом, если б оно достигло его ушей. Так как он воспринял его средствами, каких никакой колдун людям обыкновенным объяснить не мог, то он держал язык за зубами.

Теперь, однако, Акимос спрашивал у него совета. И если торговый магнат не получит его, то он еще может профукать их победу. А если он победит без советов Скирона, это будет едва ли лучше. Тогда Скирону повезет, если он сможет вернуться к жизни бродячего чародея. Акимос еще мог подумать, а не выдать ли его Воителям, чтобы показать, какие чистые у него руки...

— Господин Скирон! Я задал вопрос. Есть ли опасность, требующая, чтобы все наши люди находились здесь?

Скирон сглотнул. Ответный вопрос по крайней мере позволит выиграть время.

— А куда им еще отправляться?

— Взять лагерь Конана.

— Я не солдат, но...

— Вот на сей раз ты говоришь правду. Продолжай.

— Разве тот замок не неприступен для любых сил, какие мы можем бросить против него?

— Для любых естественных сил — да. Его построили Драконы — так во всяком случае гласят предания. Но я думал, что ты отправишься с нами и посодействуешь нам.

Скирон снова сглотнул. Он надеялся, что Акимос не заметил, как он содрогнулся, возможно, это и не они откликались на его чары, с каждым разом все громче. За минувшие века в этих горах сотворили много чего магического. Могло уцелеть до настоящего времени и еще что-нибудь помимо мифических Драконов.

Он говорил себе это, покуда его язык произносил слова, не имевшие для него ни малейшего смысла, но, казалось, успокоившие Акимоса. Наконец торговый магнат поднялся:

— Отлично. Если ты уверен, что можешь навести отсюда чары против замка ничуть не хуже, чем откуда-нибудь перед его воротами...

— Никакой колдун не может напускать свои наилучшие чары, когда у него над ухом свистят стрелы. К тому же если я не останусь здесь, чтобы возобновить оковы госпожи Дорис, то, вернувшись, вы можете найти ее не столь любезной.

По выражению лица Акимоса Скирон понял, что он попал в точку. Видеть, как Дорис оmyивает слезами его ноги, умоляя его потоптать ее, стало для Акимоса источником немалой гордости. С этим он так легко не расстанется.

Поэтому Скирон останется и сделает для Акимоса все, что сможет. Но еще больше он сделает, стараясь узнать, что же могло проснуться в недрах этих гор и что же все боги, законные или иные, могли позволить ему сделать с этим!

Дорис из Дома Лохри лежала на тюфяке, пропитавшемся потом от ее последней схватки с Акимосом и слез, пролитых ею, когда он ее покинул. Она ненавидела себя за эти слезы, но в каком-то не затронутом Скироном уголке мозга она знала, что стыдиться ей нечего. Скирон заставил ее нуждаться в Акимосе, как нуждается ежедневно в маковом отваре пристрастившийся к нему. Привязанная к нему этой потребностью, она бы с радостью вышла за него замуж, а затем увидела бы, как ее сын женится на Ливии, а после этого увидела бы, как Акимос правит обоими домами. Но доживет ли она до возвышения Акимоса? Одно наверняка: если чары Скирона когда-нибудь дадут сбой, она снова сможет стать хозяйкой собственной воли и собственных рук. И тогда сами боги не смогут помешать ей вонзить кинжал в сердце Акимоса.

При этой мысли ее пронзила мучительная боль, смешанная с желанием. Какое же она чудовище, думать так о человеке, который так нежно ее любил!

Она перевернулась, зарывшись лицом в мокрый тюфяк, чтобы приглушить свои крики. Когда она снова овладела собой, то слышала топот марширующих ног, а затем лязг доспехов и оружия и голос того рослого вендийца Партаба,

ревевшего словно инструктор по строевой подготовке Воителей.

Акимос выступал в поход разделаться с Конаном. С Конаном, который замарал ее тело своим варварским прикосновением! С Конаном, который чуть не сделал ее недостойной любви Акимоса!

— А-а-а-а! — Это был полувоплъ, полустон. На него живо прибежали двое слуг, а за ними и Скирон.

Со скального насеста, подходившего больше для ястребов, чем для людей, Конан изучал спускавшуюся по склону горы колонну вооруженных людей. Даже для его острого зрения она находилась слишком далеко, чтобы узнать людей, не говоря уж о значках, но подсчитать силы он мог достаточно легко.

Когда он насчитал сорок воинов, то понял, что они нашли свою добычу там, где и ожидали. Если б в горы привел такой отряд еще кто-то кроме Акимоса, то селяне наверняка прослышали бы о нем.

Конан наверняка смотрел на воинов торгового магната. Более того, он готов был побиться об заклад, что видит, как они выступают напасть на замок Теброт, оставив пещеры Зимгаса малоохраняемыми.

Киммериец слез обратно к своим и обнаружил, что Талуф и Арфос выставляют часовых.

— На войне, сударь мой, не существует никакого «всегда», — веско сказал Конан. — Это один из тех случаев, когда часовые нам не нужны. — Он описал увиденное им.

— Можем ли мы быть уверены, что Акимос действительно очистил пещеры? — спросил Талуф.

Ответил на это Арфос:

— Не вижу, как он мог заполучить больше пятидесяти-шестидесяти бойцов. Если он не нанял каких-нибудь собственных кондотьеров, а разве он стал бы это делать, если они могут проболтаться?

— Никогда не будь уверен, что враг думает так же, как ты, — посоветовал Конан. А затем добавил, когда Арфос, похоже, надулся: — Но это достаточно похоже на то, как думает Акимос. Выступаем тотчас же.

Идя впереди этих двух к гребню, Конан строил планы. Они спустятся к верхнему концу ущелья. Оттуда лучники смогут господствовать над подходами к пещере. Их задача:

помешать возвращению Акимоса, если тот пренебрегает о нападении.

— Мы также просигналим нашим друзьям из деревень, — добавил Конан. — Если они выставят один-другой крепкий отряд на пути отступления Акимоса, я не поручусь, что мы снова увидим его сегодня ночью.

Остальных своих бойцов киммериец поведет сам — вниз по ущелью, через валуны в его нижнем конце и прямо к пещере. У них будут носилки и лекарства для госпожи Дорис и никакого плана или цели, кроме как по-быстрому утащить ее.

Учитывая численное превосходство и внезапность, защитники пещеры не должны бы мешать Конану. Если в их число не входит господин Скирон, и киммериец знал, что тут ему придется рискнуть. Будь он на месте Акимоса, отправившись в поход на замок Теброт с десятой частью воинов, нужных для его взятия, то прихватил бы с собой все оружие и чары, имеющиеся в его распоряжении.

Но как он только что сказал Арфосу, негоже считать, что враг думает точно так же, как ты.

Глава 18

Бойцы Конана выходили на рубеж атаки медленнее, чем он планировал. Акимос оставил сторожить лишь горстку воинов, но те казались бдительными. К тому же на последнем отрезке горного склона до входа в ущелье укрытий едва ли хватило бы даже кошкам, не говоря уж о вооруженных людях. Поэтому они залегли в кустах и дожидались, когда померкнет последний свет дня.

Талуф немного поворчал из-за этого:

— В темноте мы будем действовать не самым лучшим образом. Я мог бы спуститься сейчас незамеченным и отвлечь часовых.

— Вероломство! — прорычал один из ребят Резы.

Конану пришлось поспешить, чтобы не дать Талуфу пролить на камень кровь рычалы. А затем он сам прорычал на ухо вору:

— А я-то думал, что тебе лучше всего работалось ночью.

— Да, но как насчет остальных ребят? Незачем рисковать их головами.

— Равно как и головой моей матери, — вставил Арфос. — Даже если Талуф отвлечет часовых, их уход может предупредить Скирона и любых оставшихся в пещере.

Конан усмехнулся. Он не ошибся, думая, что Талуф теперь больше капитан, чем вор, и что Арфос быстро обучается военному делу.

— Довольно, — остановил он товарищей. — А то еще часовые услышат, как мы спорим. А я совсем не намерен гоняться по всем этим горам за госпожой Дорис, слыша, как у меня свистят над ухом чары и стрелы.

Великий Дракон отдохнул и поэтому практически восстановил свои силы. Теперь ему требовалась еда — драгоценная небесная пища, которую так легко поймать и которая придавала еще больше сил.

Он уже не нуждался в наводимых людьми чарах. Но когда колдовство все же испускало свои импульсы, да притом еще в верхней пещере, магию вполне можно было использовать в качестве указателя.

Великий Дракон принял форму, которая позволит ему перетекать через трещины в скале, слишком маленькие даже для собаки, а потом начнет свое восхождение к небу.

Конан шепотом указал лучникам цели.

— И если кто-нибудь из вас пустит хоть одну стрелу с недолетом до них, я ему боком вобью колчан в задницу, — добавил киммериец. — Я хочу, чтобы вы представляли опасность для Акимоса, а не для нас.

Лучники кивнули. Задача перед ними стояла нелегкая, но они были отборными стрелками — как из Дома Дамаос, так и из кондотты Конана. И те и другие гордились тем, что им выпало исполнить приказ Конана, так как приказ этот лишь казался невыполнимым и всегда был опаснее для врагов, чем для тех, кто выполнял его.

Конан сел и снял сапоги. В темноте на неровной почве он мог передвигаться быстрее, ведомый своими заглубившимися, как дубленая кожа, подошвами. Затем он убрал меч в ножны, взял поданный ему Талуфом окованный железом посох и начал медленно спускаться в ущелье.

Он как раз добрался до верха груды валунов, когда земля у него под ногами задрожала. Это была всего лишь слабенькая дрожь, как в миске с жидкой кашей, когда по ней слегка постучит пальцем детская ручонка. Но даже в темноте Конан разглядел, что валуны пошевелились.

Вернуться или подождать? Толчок мог быть единственным, но если нет, то от следующего валуны могли с грохотом покатиться по ущелью. Все валуны, и любой перебирающийся через них покатится, предупредив часового. Не успеешь и глазом моргнуть, как тебя окружают солдаты с копьями и алебардами наперевес.

Конан плюнул на осторожность и бесшумность, прыгая с валуна на валун, словно ринувшийся на добычу лев. Он почувствовал под ногами некое перемещение, но сама земля оставалась спокойной.

По крайней мере, она оставалась спокойной до тех пор, пока он не одолел пол-ущелья. Он увидел проворно двигавшиеся факелы часовых, как будто те почуяли опасность, но не ее природу. Затем почва у него под ногами вздыбилась, и все валуны сразу покатились.

Любой, кроме киммерийца, тут же свалился бы и был бы перемолот кувыркающимися валунами в кровавое месиво. Даже у Конана едва хватило ловкости и скорости, чтобы уйти за пределы досягаемости валунов. Будь он десятью шагами дальше от сплошной скалы по одну сторону ущелья, его не спасли бы даже эти дарования.

Сплошная скала все еще дрожала, когда он почувствовал ее у себя под ногами. Прибегая на пересеченных участках к посоху, он проскользнул к краю ущелья, пока почва не начала выравниваться. А затем он рванул бегом. Валуны поднимали такой грохот и столько пыли, что за ними мог бы промаршировать необнаруженным целый отряд Воителей. Вместо того чтобы убить его, землетрясение дало Конану требуемую ему внезапность.

Конан подбежал к обрыву высотой в рост человека и шагнул вниз, не сбиваясь с шага. Он приземлился, покатился, прерывая падение, почувствовал, как камни долбят и даже рвут кожу, но поднялся с посохом в обеих руках. Тот вращался вокруг него, словно ветряная мельница при сильном ветре, отлично разбивая лица и круша черепа.

Конан уложил троих и еще двух обратил в бегство, прежде чем услышал, как по ущелью кто-то подходит. Он

не смел обернуться и посмотреть, кто же это может быть, так как из пещеры высыпало еще с полдюжины охранников. Не смел он также и отступить, даже при соотношении сил шест к одному.

Возможно, два толчка — это еще не все. Третьего могло хватить, чтобы обрушить на госпожу Дорис своды пещеры, если кто-то не окажется достаточно близко, чтобы вовремя вытащить ее.

Ибо теперь Конан был единственным другом. Дюжина крепких товарищей совсем не помешала бы, но этого нельзя было сказать про ожидание, пока они подбегут, если это означало потерю внезапности. Он переложил посох в левую руку, чтобы не только разить, но и парировать, и выхватил меч.

— Подходи, жалкие жабы! — прорычал он не менее громко, чем горный обвал. — Подходи отведать моей стали. А то я стану охотиться на вас, а потом пойду и скажу вашему хозяину, что он просадил свое серебро на трусов!

Уязвленные охранники бросились вперед. Сталь столкнулась со сталью с лязгом, который поднялся в ночи, словно грохот, вызванный усердно трудившимся кузнецом.

Ливия пробудилась от приятного сна о Конане и обнаружила, что ее трясет за плечи Реза. Она откинула голову назад и попыталась отстраниться. Железные руки выпустили ее, и она упала обратно на тюфяк.

Затем на нее, казалось, обрушилось целое небо холодной воды. Она завопила и вскочила на ноги, забыв, что одета она была как обычно, когда спала. Реза поставил ведро и вместо того, чтобы вежливо предложить ей одеяло, бросил ей полотенце и тунику.

— И возьмите кинжал, госпожа, пока он не заржавел, — резко бросил он. — Нас атакуют.

Теперь, когда чувства у нее пробуждались, Ливия увидела пробегающих воинов, услышала доносившийся из-за стены зов трубы и почувствовала запах горячей сосновой смолы. Схватив кинжал, она сбежала по лестнице, сунув подмышку тунику и полотенце.

Ее появление во дворе голой — в чем мать родила, — чуть не обратило вспять ход битвы — не в пользу защитников замка Теброт. К ней было приковано столько взглядов, что мало кто следил за воротами или тропой к ним.

А именно в этот момент воины Акимоса и предприняли попытку штурмом взять ворота.

Конан рассчитал все не так хорошо, как обычно рассчитывал. Бойцов у Акимоса набралось скорее семьдесят, чем сорок, и он бросил их всех вверх по тропе в одной отчаянной атаке. Лучники показали самую лучшую стрельбу, какую могли, но она оказалась недостаточно хороша. У них отсутствовало всякое освещение, за исключением получаемого от немногих брошенных через стены пучков сосновых веток. Даже те стрелы, которые попадали в живые мишени, застревали в доспехах так же часто, как и в телах.

Бойцы Акимоса добрались до ворот, потеряв упавшими с тропы столько же, сколько и от стрел защитников. Они подошли к перегородившей вход в замок баррикаде, имея втрое больше сил, чем у находившихся там защитников, накатили словно волна, угрожая перехлестнуть через нее.

Когда они это сделали, подбежала Ливия, пронзительно выкрикивая слова, знания которых она в себе и не подозревала, и размахивая в одной руке кинжалом, а в другой — туникой. Столкнувшись с тем, что казалось обнаженной богиней войны, атакующие в свою очередь остановились и разинули рты.

Для них это оказалось более роковым, чем для защитников. К тому времени уже не имело большого значения, каким образом госпожа Ливия предпочла одеться для ночного сражения. Значение имело лишь то, что на кон оказались поставлены их жизнь и честь, и они могли вот-вот потерять и то и другое. И — замешательство врагов, для того чтобы сократить неравное соотношение сил на добрый десяток бойцов.

Затем атакующие опомнились и собрались, но еще пять-шесть пало вместе с тремя защитниками. Сама Ливия бросилась к баррикаде, столкнулась с воином, неуверенно державшимся на ногах, и вспомнила кое-что из того, чему ее научил Конан по части настоящей борьбы.

Стройная ножка зацепила бойца за лодыжки и сделала подсечку. Он с грохотом упал, помяв на камнях шлем, а заодно и череп. Корчась, он скатился с баррикады под ноги двум товарищам, пытавшимся забраться на нее. Один упал, а другой перепрыгнул через него, стремясь добраться до Ливии.

Но добрался он до нее, думая только об одном: это та самая женщина, которую господин Акимос хотел взять живой. Поэтому он проигнорировал свою сталь и попытался схватить ее за талию. Делая это, он позабыл, что его горло находится как раз на уровне держащей ножки Ливии.

Вспомнил он это, когда чиркнувший кинжал вскрыл ему горло от уха до уха. Кровь хлынула фонтаном, когда он повалился, казалось целуя последним движением ноги Ливии. Затем Ливия почувствовала себя так, словно она взлетела ввысь, когда Реза сдернул ее с баррикады.

Она поднялась на колени, попыталась встать, а затем сообразила наконец, что находится в гуще боя, а на ней ничего, кроме пота, пыли да крови человека, убитого ее же собственной рукой, нет. Она оставалась на коленях, пока ее желудок бунтовал и выворачивался наизнанку, а затем пошатываясь поднялась на ноги и пошарила в поисках туники, которая, как ей смутно помнилось, была у нее в руке.

Пока она искала, Реза и сержант Киргестес поворачивали ход боя вспять. Стоящего на баррикаде Резу сперва приняли по ошибке за самого Конана. Это до одури напугало тех атакующих, кто уцелел при нападении на Дом Дамаос. И даже когда они сообразили-таки, с кем же им довелось столкнуться, страх не покинул их. Реза, помнили они, был почти таким же грозным противником, как и киммериец.

Еще полдюжины атакующих погибло от рук одного Резы прежде, чем они смогли справиться со своим страхом. И еще столько же пало от рук других защитников. Со стен и башен к схватке подключились женщины и дети, швыряя камни не столько умело, сколько обильно.

Теперь в строю атакующих зазяли местами разрывы. Реза приказал своим бойцам пробиваться через эти разрывы.

— Ударьте им в тыл! — прогремел он. — Ударьте им в тыл!

Тем временем Киргестес собирал вокруг себя лучников. Теперь горело достаточно пучков сосновых веток, чтобы во дворе воняло от их дыма, но также и позволяло лучникам отличить друга от врага. Акимос прислал несколько противоборствующих лучников, и те пали первыми. Затем Киргестес сам застрелил капитана Акимоса,

и его бойцы принялись в хорошем темпе опустошать колчаны.

При контратаке с баррикады и граде стрел сверху у воинов Акимоса, если они желали жить, оставалась только одна дорога. Они бросили атаковать и отступили через ворота. Это было отступление, а не бегство, хотя проделали они его скорее поспешно, чем достойно.

К тому времени когда Ливия оделась, как требовали приличия (в тунику, под которой не было ничего, кроме обмотанного вокруг бедер полотенца), вход в замок уже надежно перекрыли. Она сидела на отвалившемся камне, уткнувшись лицом в ладони, когда подошел Реза.

— Госпожа, на этот раз мы отбили от них.

— Они нападут вновь?

— На это я смогу ответить, когда подсчитаю...

Его прервал торжествующий крик. Затем его подхватил другой, и наконец все в замке кричали в один голос:

— Ливия Дамаос! Ливия Дамаос! Да здравствуют Дом Дамаос и госпожа Ливия!

Глаза Ливии заполнили сдерживаемые ею до сих пор слезы. Ей понадобилось опереться на руку Резы, чтобы встать, и она на мгновение пожелала, чтобы это была рука Конана, а затем повернулась лицом к тем, кого она возглавила.

Крики нарастали, пока не стали отражаться эхом не только от камней замка, но и горного склона. Ливия ухитрилась улыбнуться и помахать рукой; она слишком заливалась слезами, чтобы подыскать какие-то слова.

В следующий миг земля у них под ногами, казалось, пошла волнами, словно беззаботно брошенное на постель шелковое покрывало. Волнение это пришло и ушло на протяжении одного глубокого вдоха, но приветственный крик оно оборвало.

Ливия потрянула головой, смахнула с лица спутанные волосы и обрела наконец голос:

— Благодарю вас, и да благословят и сохранят вас боги. А теперь эти козьи дети могут снова напасть. Так что давайте будем готовы!

Приветственные крики были на сей раз пожиже, но только потому, что приличное число защитников уже приступило к работе, собирая раненых. Ливия снова села, незаметно вытащила из-под туники полотенце и принялась стирать с ног кровь и пыль.

Третье землетрясение даже не заставило Арфоса сбиться с шага. Оно было недостаточно сильным, чтобы поколебать валуны у него под ногами, а все прочее он мог проигнорировать. То есть все прочее, кроме стремления вовремя добраться до капитана Конана.

Когда пыль осела и оставшиеся факелы высветили киммерийца, бьющегося в одиночку с шестью воинами Акимоса, Арфос ожидал общего броска по ущелью. Но вместо этого вперед бросился только Талуф. За ним не последовал никто, даже лучники воздержались от стрельбы.

Конан достаточно обучил Арфоса, чтобы тот понял, что требовалось сделать. То же самое говорила ему и его собственная честь.

— За мной! — закричал Арфос и, выхватив короткий меч, помчался вниз по ущелью. Воины, которые могли бросить на произвол судьбы северянина, не бросят с той же готовностью наследника Дома Лохри, так он во всяком случае надеялся.

Ринувшись вниз по ущелью, Арфос ни разу не оглянулся. Если воины не последуют за ним, его взгляд на них не поможет. Еще меньше этот взгляд поможет, если он споткнется и упадет, вышибив о скатившиеся камни те мозги, в существовании которых у себя он иногда сомневался. Арфос был всего лишь близорук, а не страдал никталопией, но он никогда не пробовал сбегать по валунам в туче пыли, когда внизу дожидались враги.

Каким-то образом простая сила воли и страх сделаться посмешищем помогли ему удержаться на ногах. Он все-таки с облегчением вздохнул, когда добрался до ровной почвы. И снова вздохнул, услышав шум и топот сбегающих следом за ним воинов. Возможно, его искусство фехтовальщика и не подвергнется испытанию сегодня ночью...

Облегчение сделало его неосторожным. Когда он наблюдал за бегством последних противников Конана, его нога погрузилась в трещину в скале. Ногу ему пронзила боль, когда камень содрал ему кожу и надавил на кость голени.

А затем у Арфоса отвисла челюсть, когда один из мертвых воинов Акимоса оказался в конце концов не таким уж и мертвым. Меч-то Арфос выхватил, но никак не ожидал, что столкнется с противником, когда его нога буквально приросла к земле.

Полетели искры, и с Арфоса градом полил пот, когда он парировал кинжал этого воина. По милости богов, воин

этот оказался раненым и окровавленным, более медлительным из-за ран и усталости, а его клинок — не длиннее, чем у Арфоса.

Сражаясь, наследник Дома Лохри почувствовал, что кативший с него пот добрался до голени. Он сделал рывок, и, словно смазанная потом, его нога выскользнула на волю. В последнем отчаянном усилии воин Акимоса сделал выпад, а затем умер, когда клинок Арфоса вошел ему меж ребер, а тяжелый меч Конана — раскроил череп.

Арфос попытался рассмеяться — ухитрился улыбнуться и не потерять сознания.

— Конан, будь этот удар хоть чуть-чуть сильнее, ты бы расколол мне... сзади!

Крик Арфоса отозвался эхом меж скал. Киммериец с нечеловеческой скоростью обернулся. Вместо того чтобы рубить воина, готового ударить его в незащищенную спину, он сильно пнул его между ног, а затем ловко подсек. Воин рухнул, охая и корчась.

Арфос узнал одного из людей Конана, которого звали Дарусом. А один воин из Дома Дамаос, Мехас, выронил меч и смотрел куда угодно, только не на Конана.

— Что, во имя Митры... — начал было Арфос.

— Послушайте его, когда он заговорит, — проворчал Конан, кнув большим пальцем под челюсть Дарусу. Тот стал корчиться еще сильнее, но ничего не сказал.

— Капитан Конан, — едва слышно проговорил Мехас. — Я... я подумал, что следом вы собирались убить Арфоса. Нас предупредили об этом. А потом я увидел, что ошибся. Я попытался остановить Даруса. А потом все, что я мог сделать, это крикнуть.

— Ну, я достаточно благодарен за это, — поблагодарил Конан. — Я буду еще больше благодарен, если ты скажешь мне, кто же это вас предупредил. Может, даже буду достаточно благодарен, чтобы не отделать тебя так, как отдал Даруса.

Мехас уперся взглядом в землю. Арфос прожег его взглядом:

— Если Конан оставит что-нибудь от тебя, я предупрежу госпожу Ливию, что надо закончить. Итак, кто предупредил вас, что Конан, возможно, подумывает убить меня?

— Реза.

Арфос и киммериец дружно выругались.

— Я выхолощу этого свинячьего сына докрасна раскаленным ножом, — прорычал Конан, когда закончил ругаться. — Слишком уж часто он сует свой нос куда не просят. Если он не...

Он оборвал фразу, а Арфос зажмурился при виде зрелища, которого, он не сомневался в этом, никогда не увидят глаза смертного: киммериец казался смущенным. Затем Конан рассмеялся:

— Наверно, он всего лишь думал спасти свою госпожу — скорее от ее собственной глупости, чем от моего честолюбия. Если так, то его может выхолостить она.

Арфос нахмурился. Киммериец больше не казался смущенным, но он говорил загадками, что было едва ли лучше.

— Какой глупости Ливии?

Конан заткнул за пояс большие пальцы рук:

— Ее желание — назовем это выбором — переспать со мной.

Арфос на миг почувствовал себя так, словно его пнули в живот, не говоря уж о том, что отвесили ему оплеуху и отдубасили по спине. Дыхание его стало прерывистым. Затем он вспомнил определенные вещи, не самой незначительной из которых было то, как он провел свою первую ночь в замке Теброт, уютно прикорнув в объятиях Шилки.

И это, сообразил он, несомненно устроила Ливия, чтобы держать его приятно занятым, в то время как она сделала Конану подсечку и набросилась на него! Арфос был уверен, что все произошло именно так, и возникшая у него в голове картина заставила его улыбнуться, а затем рассмеяться.

— Что тут, во имя гордости Эрлика, такого смешного? — нахмурился Конан.

— Мысль, что моя намечаемая жена разве что не похитила тебя, капитан. Я знал, что она обладает огромной силой целеустремленности, но не до такой же степени. Ну, мне придется сказать ей об этом пару ласковых.

Теперь киммериец выглядел почти ошеломленным.

— Так ты не злишься?

Арфос вздохнул:

— Если бы ты пытался скрыть всю эту историю, я б вполне мог заподозрить тебя, как и Реза. А раз ты сказал правду, я с тобой больше не в ссоре. Вот моя мать — другое дело. Она закатит королевский скандал. Но для меня давно прошли времена, когда я позволял ее скандалам сражать меня, как брошенный из верхнего окна ночной

горшок. А вот с Резой хуже... Не думаю, что он может оставаться на службе...

— Если Реза переживет эту ночь, мы сможем тогда разобраться с ним, — вставил Конан. — Пока же мы проводим за болтовней время, которое нам может понадобиться для спасения твоей...

Их прервал вопль, исходивший, казалось, с самого дна бездны демонов. Арфос резко повернулся и посмотрел вверх по склону мимо наваленной у входа в пещеру Зимгаса кучи трупов. Там стояла, обрисованная силуэтом на фоне мерцающего света, женщина. Даже не видя ничего, кроме силуэта, Арфос узнал мать.

— Похоже, что моя мать сама себя спасла, — молвил он. Он бросил меч в ножны и ринулся вверх по склону, туда, где госпожа Дорис упала теперь на колени, с опущенной головой и плечами, трясущимися то ли от рыданий, то ли от истощения сил.

Пока Арфос бежал, то увидел, что свет в пещерах померк, словно между светом и входом что-то произошло.

Из-за снадобий, истощения сил, чар и боли госпожа Дорис мало что помнила о том, что произошло в ночь ее спасения. Она определенно никогда не вспоминала, что обязана своей жизнью господину Скирону.

Но это было правдой. Скирон первым в пещерах почувствовал приближение Великого Дракона. К тому времени, когда он услышал шипение и шорох его приближения, он уже двигался. Его раб уже взвалил на спину сумки с магической аппаратурой, а колдун следовал за ним с посохом и пузырьком для возобновления чар, наложенных на госпожу Дорис.

Когда шипение стало громче, они оба побежали. Они подбежали к тюфяку госпожи Дорис, и раб сорвал занавески, в то время как Скирон силком поднял даму на ноги. Та уставилась на него невидящим, несосредоточенным взглядом, не делая никаких попыток прикрыться.

А затем вырвалась из его рук.

— Я должна остаться здесь. Акимос придет ко мне. Он скоро будет здесь. — Она действительно улыбнулась.

— Акимос снаружи, ждет тебя там. Вы с ним с помпой вернетесь в Мессантию. Но вы должны поторопиться. А теперь, сударыня, идемте, пожалуйста! Идемте к Акимосу!

Уговаривая ее, Скирон слышал, как Дракон в первый раз подал голос, издав глухой низкий вой. Он швырнул в госпожу Дорис пузырек с зельем. Оно могло войти в тело и через кожу, пусть и не так быстро, как через рот.

Дорис провела пальцем по струившемуся у нее между грудей зелью, а затем лизнула его. Она снова улыбнулась:

— Иду. — А затем вскочила на ноги и побежала ко входу в пещеру так быстро, что обогнала даже Скирона.

Конан увидел, как у входа в пещеры Зимгаса появилось с полдюжины людей, как раз когда Арфос добрался до матери. Он выкрикнул предупреждение, но этих людей, похоже, больше занимало бегство, чем нападение. Они пробежали мимо Арфоса, словно зайцы, удирающие от волка, увидели внизу Конана и его воинов и резко свернули в сторону.

— За ними! — проревел Конан. — Если они сбегут, тех, кто упустит их, я изжарю на завтрак! — Он был почти уверен, но не горел желанием произнести это вслух, что одним из беглецов был Скирон. Если в распоряжении у колдуна еще имелись какие-то чары...

Затем мысли о всего лишь человеческих противниках разом вылетели у Конана из головы, когда до входа в пещеры добрался Великий Дракон.

Некоторые увидевшие его воины упали в обморок. Другие же упали на колени — то ли молиться, то ли блевать. Некоторые стояли так, словно и чувства, и конечности у них одинаково онемели. Не многие смогли бы описать увиденное ими иначе, как то, что оно было полупрозрачно-серым, пронизанным расплывчатыми пятнами болезненно малинового и темно-золотого цвета.

Будь Арфос одним из тех, кто начисто лишился ума, они с матерью умерли бы на месте. А так он увидел, что монстр вытягивает вперед щупальце, оканчивающееся клыкастыми челюстями. Он с размаху опустил на эту пасть меч, отрубил кусок, увидел, как тот рассек воздух, а затем приземлился и пополз назад к основному телу.

И все же Дракон казался способным чувствовать боль или по крайней мере чувствовать ставшую у него на пути опасность. Он убрал щупальце, выдвинул четыре покороче, покрытые присосками, но сам не наступал. Это дало Арфосу время полувести, полууволочь, а под конец почти унести мать подальше от опасности.

По крайней мере на мгновение. Чудище немного помедлило, поэтому Конан успел собрать своих бойцов. К тому времени, когда Дракон выполз на открытое пространство, воины были уже по большей части на ногах, подняты и с оружием в руках.

И когда он выполз, то выбросил часть себя далеко вперед и вниз по склону. Масса серой слизи приземлилась на двух воинов, и их вопли быстро замерли, когда она поглотила их. И когда она это сделала, ужаснувшиеся очевидцы увидели, как она делается малиновой от их плоти и крови, и затем выпускает ноги, хвост и голову с большим количеством зубов, чем у целой стаи акул.

Однако прежде, чем чудище смогло двинуться, Конан уже добрался до него. Его меч сверкнул в свете бивачного костра, рубя ударом, который мог бы рассечь гору до самых корней. Полголовы срезало как бритвой и рассекло воздух. Монстр пополз обратно к ногастому «фрагменту», а затем ощутил выше по склону присутствие Змея. Он свернул, не разбирая дороги, и переполз через горячий уголь от разбросанного бивачного костра воинов Акимоса.

И мгновенно уши всем разорвал пронзительный вопль. Конан увидел, как задержался и закрутился «фрагмент», когда из-под него повалил дым. Схватив свободной рукой горящую ветку, он бросился вперед и рубанул «фрагмент» по спине мечом. Это было все равно что рубить по панцирю морской черепахи, но сила киммерийца отвечала этой цели. Твердая кожа на спине гадины разошлась, и Конан вогнал в разрыв ветку.

Заклубился дым, и вопль раздался вновь, поднимаясь до таких высот, пока даже Конану не захотелось заткнуть уши и отгородиться от звуков сходящего с ума мира. «Фрагмент» разбух, пока кожа у него не начала трескаться, а затем лопнул, словно гигантская пустула. На лагерь посыпались зловонная сукровица и дымящиеся обрывки кожи, но воины Конана не обращали на них внимания.

Они увидели, что Дракон не был непобедим и даже то, как именно его можно одолеть. Они побежали хватать горящие ветки. Те, что добрались до бивачных костров слишком поздно, вырывали пригоршни сухой травы и пускали в ход кремь и кресало или искали по палаткам что-нибудь еще способное гореть.

Арфос сложил руки рупором и крикнул:

— Отлично сработано, капитан Конан! Кажется разумным, что должен был существовать какой-то способ уничтожать этих тварей без колдовства!

Конан кивнул. Ему пришлось признать, что создавшие Драконов древние колдуны проявили чуть больше предусмотрительности, чем большинство их собратьев. Определенно побольше, чем Скирон, который разбудил это чудовище со всей осторожностью человека, разводящего костры в сухом, как трут, лесу!

Великий Дракон почувствовал уничтожение «фрагмента», но у него имелись воспоминания об уничтожаемых и прежде «фрагментах», без опасности для него самого. Это была та ситуация, которая требовала больше знаний, прежде чем может быть принято решение либо сражаться, либо отступать. И путь к приобретению этого знания, казалось, находился впереди.

Поэтому Великий Дракон целиком выполз из пещеры на открытый склон. Столкнувшись с его полным ужасом, некоторые бойцы снова утратили власть над собой. Некоторые даже повернулись бежать, но на пути, у них встал Арфос, обнимая одной рукой мать, а в другой держа ксиф.

— Если вы не боитесь бесчестия, то лучше бойтесь меня! — прорычал он, и в этот миг он выглядел таким же свирепым и грозным, как сам Конан. Несостоявшиеся беглецы опомнились и повернули обратно присоединиться к товарищам.

С верхней части склона теперь засвистели пускаемые в Дракона стрелы. Лучники подошли на шум боя и теперь стреляли как можно лучше при плохом свете, пытаясь попасть во все, что выглядело похожим на глаз или рот.

— Огненные стрелы! — проревел Конан столь же громко, как сам Дракон. — Пускайте огненные стрелы, если у вас такие есть! Если этой твари коснется огонь, она сгорает, как стог сена!

Услышали его лучники или нет, у Конана времени учитывать не было. Его крики привлекли внимание монстра, и тот пополз к нему, выпуская, чтобы ускорить движение, двадцать коротких ног, заканчивающихся когтистыми стопами. Благодаря склону Дракон спустился к Конану так быстро, что три клыкастые головы потянулись к нему со всех сторон, прежде чем он успел это сообразить.

Однако его спасла присущая ему быстрота, быстрота и воин Дома Дамаос, подбежавший и вонзивший копьё глубоко в ближайшую шею. Голова остановилась, и воин повернул копьё в ране, прежде чем вытащить его. Затем, когда шея заизвивалась, подбежал второй воин, увернулся от щелкнувших челюстей и вогнал в рану горящую ветку.

Дракон завопил в две глотки, когда третья башка отлетела, извергая дым и выворачивающие желудок ошметки. Усеченная шея заизвивалась неистовей, чем когда-либо, но две другие головы по-прежнему обладали жизнью, волей и острыми зубами. Конан увидел, как одна голова схватила воина, высоко подняла его, а затем вытряхнула из него жизнь и начала его поглощать.

Один из бойцов Конана подбежал ко второй голове, орудуя талваром с силой, почти равной силе киммерийца. Голова полетела в воздух и приземлилась на воине, стоящем у костра, зажигая импровизированный факел. Оба упали в костер. Воин завопил, почувствовав боль от ожогов и зубов, вонзившихся в его тело, а затем голова исчезла в огромном облаке вонючего зеленого дыма. Миг спустя воин шатаясь поднялся на ноги, опаленный и окровавленный, но ругавшийся слишком яростно, чтобы быть смертельно раненным.

Теперь Великий Дракон казался ошеломленным, даже остерегающимся, сбитый с толку энергией своих врагов. Но Конан сомневался, что чудище серьезно ранено. И он хотел изменить это, прежде чем оно найдет какой-то новый метод атаки, менее уязвимый, чем эти клыкастые головы.

К тому времени вернулись воины, рыскавшие в лагере Акимоса, и Конан увидел, что двое из них тащат соломенные тюфяки. Он быстро схватил новую горящую ветку, подозвал носителей тюфяков и собрал пару копеечников. А затем повел всю группу вперед.

Меч Конана свистнул, рассекая воздух, и роговой покров на обрубке одной шеи вскрылся. Двое копеечников подняли тюфяки на остриях копий, и Конан вогнал глубоко в солому горящую ветку. Затем все трое дружно подняли и воткнули тюфяк в рану чудища, как пробку в бутылку.

После Конан говорил, что даже гибель всего мироздания вполне могла наступить тише, чем смерть Великого Дракона. Ни один человек не мог устоять рядом с издыхающей тварью, слушая предсмертные вопли, которые начались шипением, а закончились пронзительным ревом.

Не мог никто вынести дыма и вони, хлынувших, когда взорвался Великий Дракон. Мало кому улыбалось рисковать получить удар острыми как бритва кусками кожи размером с тарелки или быть забрызганным дымящейся сукровицей.

Все как один, Конан и его группа бросились бежать вниз по склону и оставались там, пока у чудовища не погасли последние искры жизни. Конан тыкал в дымящиеся ошметки острием меча, когда увидел поднимающегося к нему Арфоса. Юноша был обнажен, если не считать сапог, набедренной повязки и короткого меча, с которого капала слезь.

— Как дела у госпожи Дорис? — спросил киммериец.

— Неважно, — ответил Арфос. — Я одел ее в свою тунуку и наложил мазь на самые опасные раны. Но ей понадобятся носилки, и, наверно, не только они. Она кричит, зовя Акимоса, как умирающий от жажды кричит, прося воды. — Обоим совсем не требовалось употреблять слово «колдовство».

— Ну тогда давай отправимся искать Акимоса, — предложил Конан, кладя меч в ножны. — Орис говорил, что монстр был не один. Если где-то шляется еще одна гадина, то, наверно, мы сможем скормить ей Акимоса.

— Боги, Конан, неужели ты начисто лишен милосердия? Отправить даже такую тварь, как Дракон...

— Это спасет моих и твоих бойцов, так же как местных селян. — Конан был не в настроении для шуток.

— Тогда, если ты раздобудешь носилки, я посмотрю, кто из ребят способен идти.

Прошло уже некоторое время с тех пор, как Конан отвесил Арфосу официальный аргосийский поклон, но сейчас он это сделал, и не только потому, что того требовал его «чин». Сегодняшняя ночь могла превратить юношу Арфоса в мужчину и хозяина Дома Лохри, не говоря уж о том, что в достойную пару для госпожи Ливии.

Глава 19

Акимос вздрогнул, когда из темноты вырос Партаб.

— Это всего лишь я, господин.

Значит, эта свинья-вендиец знал, что магнат Дома Перам встревожен! Долго ли придется ждать, прежде чем это поймут все воины под замком Теброт?

— Есть какие-нибудь новости от часовых?
— Они слышали шум, который мог быть вызван передвижением деревенщины, диких быков, оленей или многим другим.

— Будь прокляты эти выросшие в городе дураки!

Но если б он вздумал нанимать людей, сведущих в сельской жизни, то его планы живо перестали бы быть тайной. И тогда он, вполне вероятно, не стоял бы теперь в горах перед угрозой неминуемой гибели.

— Проклясть их могут боги, когда сочтут нужным. Нам же я предложил бы усилить караулы.

Акимос нахмурился. В отчаянной битве при входе в замок он потерял почти треть своих сил. Это было бы небольшой ценой в уплату за победу и обладание Ливией. Но вместо того чтобы попасть в плен, эта девка дралась голая с головы до пят и повернула вспять ход боя. Теперь она сидела на своей прекрасной заднице и насмехалась над ним!

Акимос выругался вслух, а затем скомандовал себе прекратить.

— Насколько вероятно нападение со стороны деревенщины? — Ему не нравилось спрашивать совета у подчиненного вроде Партаба, но этот малый был коноводом в набегах на деревни и знал деревни и их жителей лучше любого другого воина Акимоса.

— Если они знают, как мы слабы, — вполне возможно. А если у засевших в замке есть средства отправлять в деревни сообщения, они узнают.

— И насколько вероятны такие сообщения?

— Не думаю, что Реза может сам подумать об этом, так же как и Арфос или госпожа Ливия. Но вот Конан — иное дело.

Конан, как казалось Акимосу, был иным делом с того самого дня, как он появился в Аргосе — и, самое главное, на пути у Акимоса! Он чуть не произнес это вслух.

Но эти слова так и не сорвались с его уст, потому что из замка над ними раздался кошмарный шум. Сперва грохот падающих камней, затем крики и вопли страха и боли и наконец шипение, словно подали голос сразу все змеи в мире.

Змей неожиданно осознал, что связь с Великим Драконом прервалась. Когда это случилось, он был уже почти готов присоединиться к товарищу в поисках небесной пищи.

Он ждал в полости пещер Зимгаса, глубоко под землей, до тех пор, пока не понял, что Великий Дракон больше не обретет сознания. И тогда он быстро пустился в обратный путь через пещеры и дальше через другие туннели — к еще одному выходу в небо.

За тем выходом будет еще больше небесной пищи. Потребность в ней была теперь больше, чем когда-либо, так как вся задача производства на свет новых Драконов легла теперь на Змея.

Но пожирание двуногих тварей, бывших наилучшим источником небесной пищи, удовлетворит также и еще одну потребность. У человека эту потребность называли бы стремлением к мести.

Первыми людьми в замке Теброт, встретившими Змея, оказались часовые у баррикады при входе в погреб. Их там стояло только трое, и все с легкими ранениями. Реза был готов поверить в сказочных чудовищ. Но не был готов поверить, будто что-либо сможет преодолеть эту кучу камней.

Трое часовых заплатили за ошибку Резы своими жизнями. Они услышали слабое шипение, более громкое рокотание и наконец грохот, словно каменщик колот каменный блок. В самом деле, это очень походило на услышанное ими.

Змей преобразил себя в живой стенобитный таран с головой, твердой как броня, и массивными ногами, вгоняющими эту голову в камни. Камни под ударами разлетались во все стороны. Один из них обрушился на часового, насмерть задавив его так, что он даже вскрикнуть не успел.

Двое других часовых успели схватиться за оружие, прежде чем погибли, так и не нанеся удара. Башка чудовища разделилась, и оба рта щелкнули зубами.

Однако, умирая, солдаты издали мучительные вопли, и крики эти предупредили всех, кого еще не разбудил шум, вызванный появлением Змея. И один только взгляд на монстра, когда тот неуклюже выбрался на всеобщее обозрение, убедил защитников, что безопасность могло дать только бегство.

Поэтому некоторые сломя голову выбежали за ворота, не волнуясь о том, кто и что может ждать впереди, лишь бы бежать от того, что надвигалось сзади. Большинство же

бежало по ветшающим лестницам и взлетало по ним на стены, башни или в донжон.

Когда они оставили между собой и Змеем ступенек так тридцать, то задышали поспокойней. В конце концов, такая тварь едва ли могла взбираться по лестницам, не говоря уж о стенах и башнях.

Ливия с ужасом смотрела, как ее люди убеждались в обратном. Змей осел у одной стены и превратился в огромную, твердопанцирную массу, похожую на миндальный орех. Из этой массы вырастала шея, до тех пор пока не достигла уровня верха стены. Затем на этой шее выросла голова с клыкастыми челюстями, словно какой-то ужасный цветок, и начала бродить по стене туда-сюда, срывая вопящих людей, словно мальчишка, очищающий ягодный куст.

Ливия пыталась закрыть уши, чтоб не слышать истощенных воплей погибающих. Она исхитрилась заставить себя молчать, заткнув рот кулаком. Ее бы охватило безумие, если б не оставшаяся еще надежда, что женщины и дети все же могут оказаться в безопасности.

Наконец, Змей приобрел темно-малиновый оттенок и, казалось, стал теперь похож на подушечку для булавок от пускаемых в него копий, стрел и камней. Реза слегка тронул Ливию за плечо:

— Госпожа, существуют предания, что огонь имел какую-то власть над чудовищами.

— У нас есть огненные стрелы?

— Нет, но есть горящие головни.

Ливия ничего не сказала. Для горящих головней понадобятся люди, подносящие их поближе к монстру, и она не видела, как смельчаки сумеют уцелеть — и прежде всего Реза, который наверняка возглавит их. Но другой надежды на спасение нет.

— Отлично. Я спущусь позаботиться о раненых. Если не сработает все прочее, я не дам им умереть в одиночку.

Если не сработает все прочее, она тоже обречена. Но, по крайней мере, смерть придет достаточно быстро. При удаче первым, что она узнает о ней, будут падающие внутрь башни, камни, которые раздавят ее насмерть, прежде чем зверь сожрет ее...

Ее желудок забунтовал, и она прислонилась к стене, пока не прошел спазм. Когда он минул, она готова была поклясться, что уши тоже предают ее.

Она услышала донесшийся издали снизу, под горой, боевой клич Дома Лохри «Вперед, всегда в бой!» и даже «Ливия Дамаос!».

Конан и его бойцы добрались бы до замка одновременно со Змеем, если б не одна несчастливая случайность.

Когда они пробегали рысью последнюю четверть лиги до тылов рати Акимоса, то столкнулись с отрядом селян, двигавшихся к той же цели. И те и другие приняли друг друга за подкрепление для Акимоса. Оба отряда залегли, и их капитаны начали готовить бойцов и к атаке, и к обороне.

Только после того как на все это потеряли некоторое время, Конан узнал крестьянскую одежду, а некоторые из селян узнали знак Дома Дамаос. Затем два отряда двинулись вперед достаточно быстро, но они все еще поднимались на гору, когда Змей нанес удар.

При всем учиненном им в замке погроме, монстр оказался для Конана и селян благословением богов. Акимос и его воины были настолько ошеломлены тем, что могло происходить в замке, что и забыли оглядываться на тылы. Поэтому Конан вывел шестьдесят с лишним следовавших за ним бойцов на рубеж атаки прежде, чем Акимос узнал, что у него гости.

Затем они двинулись вперед, и горный склон растворился в хаосе ночного боя. И сквозь этот хаос неслись подобно буре Конан, с мечом, оставлявшим кровавые ошметки везде, где разил. Боевой клич киммерийца придавал смелости его бойцам и лишал ее врагов. Той ночью северянин один стоил десяти, и для некоторых из бойцов Акимоса не было позором то, что они бросились бежать вверх по склону, крича, что на них напали демоны.

А затем они добрались до ворот и оказались лицом к лицу с настоящим демоном. На них обрушился Змей.

Ливия следила через бойницу в башне, как монстр вырастил ноги и усаженную шипами безглазую голову. Теперь он походил с виду на гигантскую черепаху с восьмью или десятью — нет, теперь с двенадцатью — ногами и с панцирем, гладким как стекло, за исключением мест, где оставили шрамы брошенные головни.

Легенды не лгали. Воткни в тушу монстра огонь, и он будет страдать. Воткни его достаточно глубоко, и, наверно, он умрет раньше, чем полностью очистит замок от людей Ливии.

Головни сыпались на него градом, пока не иссякли, но к тому времени дым со Змея повалил в двенадцати местах. Ливия и все остальные в лазарете чуть не оглохли от криков чудовища.

Затем он умолк и начал свое преобразование. Ливия не знала, собирался ли он атаковать или поискать где-нибудь еще добычу полегче, молилась, чтобы верно оказалось последнее, и знала, что молитвы вряд ли помогут. Поэтому она следила за тем, как Змей отрастил три добавочные пары ног и неуклюже потопал за ворота. Камни повалились в обе стороны, когда чудовище вышибло их, и часть арки ворот с грохотом рухнула. Но каменные блоки размером с человека произвели не больший эффект, чем галька, — они безвредно соскользнули с чудовища.

Затем она отползла от бойницы и вернулась к перевязыванию ран, наложению мази на ожоги и держанию за руки тех, кто получил только душевные раны, а не телесные.

Акимос поощряющее закричал своим людям, когда увидел, что те побежали к замку. Атака сейчас, когда защитников что-то отвлекало, могла оказаться успешной. А затем он обругал их, когда увидел, что они бегут обратно.

Но ругательства застряли у него в горле, когда он увидел, что заставило их бежать. Он преградил бегущим путь, размахивая мечом:

— Соберись, соберись, ребята! Ради чести Дома Перам! Ради победы над проклятыми!

Его заглушили ругательства убегающих. А один из них не ограничился руганью. Он рубанул господина Акимоса ксифом. Удар вышел торопливым и неуклюжим, но случай направил клинок в шею Акимоса.

Тот почувствовал, как кровь брызнула, а затем потекла по плечу и груди. Струя крови стала обильней, и с каждой каплей уходили из тела силы.

Акимос упал на спину. Он еще не потерял сознания от потери крови, когда Змей спустился по тропе и принялся смачно жрать добычу.

Бойцы Конана не дрогнули, когда пред ними появился монстр. Селяне же не обладали ни таким хорошим предводителем, ни знанием, как бороться с чудовищами. Они рассыпались и с воплями обратились в бегство.

Те из воинов Акимоса, какие еще остались в живых, последовали за ними. Некоторые еще подумывали драться, другие же всего-навсего делали то же, что и селяне, — оставляли между собой и чудовищем как можно больше лиг.

Немногие сильные духом слуги Дома Перам попытались и отстаивать свою позицию, и вести бой с воинами Конана. Но их превосходили числом три к одному, даже не считая того, скольких стоил киммериец. Они были перебиты, взяты в плен или бежали, прежде чем Змей закончил поглощать труп Акимоса.

— Конан, нам придется послать людей в замок и вывести Ливию, — воскликнул Арфос.

— Как мы пошлем их в обход этого? — проворчал Конан, показывая мечом на Змея. Тот теперь отрастил три головы, с маленькими беззубыми пастьми, но с огромными горящими глазами. Он казался готовым топтаться на месте, пока искал добычу, но Конан ничуть не сомневался в том, что он сделает, когда найдет ее.

— Мы не можем бросить Ливию! — только что не завопил Арфос.

— Не можем, но она не может бросить своих людей и раненых в замке, — отрезал Конан. — Для нее вопрос будет стоять — все или ничего, она именно такой капитан. А раз всего не может быть, пока мы не убьем это...

— Конан, я пойду один, если...

Конан схватил Арфоса за плечо. Юноша заизвивался, как рыба на крючке, но вырваться не смог.

— Никуда ты не пойдешь. Если ты поднимешься по этой тропе и закончишь свой путь съеденным, Реза возжаждет моей крови, даже если Ливия этого не захочет. Останешься или я должен тебя связать?

— Конан, — вздохнул Арфос. — Бывают минуты, когда ты, по-моему, понимаешь мою невесту лучше, чем я сам.

— Из-за того что женщины такие, какие они есть, подобное уже случалось, — обронил Конан. — Но я знаю не столько эту женщину, сколько этого боевого капитана. — Он хлопнул Арфоса по плечу более дружески: — А теперь давай займемся поисками головешек и огня. Хороший

костерчик у него в зобу — и это чудовище отправится следом за первым!

Арфос кивнул и начал подзывать к себе воинов. Когда юноша отправился на поиски, Талуф подошел и встал рядом с киммерийцем.

— Как, по-вашему, сколько эта тварь собирается нас ждать, капитан? — спросил сержант.

— Одним богам известно, а я с ними в последнее время не разговаривал, — пожал плечами киммериец. — Если гад дочиста сожрал всех в замке, то, возможно, он некоторое время будет двигаться помедленнее, как сытый лев.

Он не добавил того, о чем слыхивал, что сытые чудовища могли разделиться надвое и каждый новый монстр будет обладать всей страшной мощью старого. Это было еще одной причиной того, почему он отказался послать мимо Змея людей спасти тех, кто в замке. Если никто не будет стоять между чудовищем и открытой местностью, а оно тогда разделится, то на воле будут бродить, пожирая все на своем пути, два Змея.

И Конану не потребовался капитан Хаджар, чтобы преподать один важный урок по части войны. Когда враг перед тобой, дерись с ним, если можешь! Не сиди на заднице, пока неприятель не обратится в бегство, а когда обратится — гонись за ним, как старый гончий пес за молодым зайцем.

Конан с Талуфом стояли перед Змеем, когда киммериец заметил одетую в темное фигуру, спускающуюся по склону выше чудовища. Луна на небе давала как раз достаточно света, чтобы можно было разобрать столь маленькую и худенькую фигурку.

Скирон? Неужели колдун приобрел власть над Змеем, превратив его из безмозглого чудища в оружие? Конан наблюдал за тем, как фигура, спотыкаясь, приближалась, прикидывая расстояние. Может, он и сумел бы — нет, точно сумел бы — добраться до колдуна и убить его, но ему никак не проскочить мимо монстра.

Ну, время любого человека раньше или позже придет, в основном раньше для тех, кто жил своим мечом и умом, и для Конана в этом не было ничего удивительного. Он сделал все, что в его силах, и если Кром не сочтет это достаточно хорошим, то это уж дело бога!

Конан двинулся вперед. Он прошел десять шагов, когда сзади его окликнул Талуф:

— Капитан, смотри!

Вдоль спины Змея появлялась трещина. Она достигла головы, а затем потянулась вниз, к шипастым хвостам. Каждый шип был длиннее человеческой руки, каждый молотящий с достаточной силой, чтобы вонзить эти шипы сквозь латы.

Змей разделялся.

Конан не знал, во что это превращало его шансы на спасение. Он знал, что теперь еще важнее зарубить Скирона прежде, чем колдун обретет власть над обоими чудовищами.

Конан сорвался на бег, ревя боевые кличи полудюжины стран и размахивая мечом. Он не видел, как Талуф бросился бежать следом за ним. Его глаза смотрели только на Змея и на темную фигуру, теперь приблизившуюся к нему, поднимающую руки в безошибочном жесте колдуна, собирающегося навести чары.

Скирон не замечал киммерийца, пока тот не начал выкрикивать боевые кличи. И даже тогда он мало думал о нем. И десять варваров, вместе взятых, не чета двум монстрам, каждый из которых будет под властью чар, повелевающих им кормиться и делиться, кормиться и делиться, пока не будут столь же многочисленными, как муравьи, и голодными, как отощавшие тигры.

И тогда они заполонят весь Аргос, пока другие чары не заставят их подчиниться. И человек, который сможет навести эти чары, сможет потребовать любую цену, и сами архонты отдадут достаточно золота, чтобы основать дюжину школ для обучения магии! Акимос, может, и умер, но надежды Скирона — нет.

Он почувствовал, как чары нарастают в нем, и знал, что, делая это, они черпают силы из его же тела. Его немой слуга канул в ночи, наверно в утробе первого Дракона, а с ним и вся аппаратура Скирона. Это не будет иметь значения, если власть над монстрами поможет выиграть время для восстановления сил и аппаратуры.

Поэтому он влил свою силу в чары, не волнуясь о том, окажется ли он в конечном итоге полностью опустошенным или нет. Не волновали его и другие вещи, такие, как подбегающий к чудовищу киммериец. Когда Конан приблизился, две из голов Змея вырастили зубы и метнулись к

нему. Он рубанул их мечом по мордам, а затем отпрыгнул за пределы досягаемости. Скирон лишь различил быстроту рук и ног киммерийца и не поверил увиденному.

А затем он ясно увидел, что киммериец бежит вверх по склону к нему. Третья голова чудовища тоже отрастила зубы и метнулась следом за киммерийцем, но лишь ударилась о камни позади него. Отлетевшие куски камня посыпались вниз по склону, и пыль поднялась, полускрыв своей завесой Змея.

Скирон почувствовал, как на коже у него выступил пот, прокладывая дорожки в облепившей ее пыли. Пока он наращивал чары власти над Змеем, тот утратил свою обычную молниеносность. Не замедляли ли его чары и разделение?

Размышляя над этими вопросами, колдун продолжал наводить чары. То, что отвлекло его наконец от чар, было заметное приближение Конана. Еще несколько шагов, и он окажется в пределах досягаемости меча.

Хватит и простого заклинания для простой угрозы. Руки Скирона заматались, и меч вылетел из руки северянина. Клинок описал высокую дугу, и одна из голов чудовища метнулась к нему, хватая его на лету, как птица, склеывающая насекомое у себя на крыле.

Скирона охватило беспокойство. Это было быстрое движение у Змея — и Конан по-прежнему приближался.

Беспокойство превратилось в страх. Скирон начал пятиться, но с таким же успехом и ягненок мог попытаться, пятясь, уйти от волка.

Конан добрался до колдуна и сцепился с ним голыми руками. Скирон завизжал от ужаса, когда почувствовал себя поднятым над головой киммерийца. А затем страх парализовал ему рот и дыхание, когда киммериец швырнул его в монстра.

Это не ослепило его глаз. Они увидели, как все три головы взметнулись с разинутыми ртами. Они увидели опускающиеся зубы. Они даже увидели, как зубы вонзаются в его тело, прежде чем сперва боль, а затем смерть навеки сделали их слепыми.

Конан выхватил кинжал, стал спиной к скале, когда головы Змея разрывали Скирона на части. Несомненно, чудовище бросится на него достаточно скоро. Колдун-то едва ли больше чем на один зубок, а при разбитых чарах

монстр будет слишком быстр для того, чтобы смог спастись даже киммериец.

По крайней мере он покончил со Скироном и, как он надеялся, уменьшил опасность, что чудовище окажется больше одного. Тех, кто поднимется на гору с огнем и сталью закончить работу, будет ждать облегченная задача, и некоторые из них, возможно, выживут и расскажут Ливии...

Змей содрогнулся, и трещина, вытянувшаяся теперь от головы до хвоста, расширилась. Из нее повалил дым, такой густой и зловонный, что Конан был слишком занят прикрыванием носа и рта, чтобы увидеть то, что находилось под дымом.

Дым этот был тяжелым, как морской туман. Он растекался вокруг Змея, также поднимался к Конану. На мгновение у киммерийца похолодело внутри, когда вонючие серые клубы задели его кожу.

Но в дыме не содержалось никакой магии, только тошнотворный запах, похуже даже того, который дошел до Конана от первого монстра. Он попытался определить, что же происходит с чудовищем за дымовой завесой, но она стояла теперь такой густой, что он с таким же успехом мог попытаться посмотреть сквозь кирпичную стену.

А затем раздался такой звук, словно все гнилые фрукты в Аргосе разом бросили на каменный пол. Глаза Конану опалил голубой свет, пронзая дым, но в то же время ослепляя его. Он прижался лицом к скале, когда вонючий ветер с ревом пронесся мимо него, садня ему кожу камешками и песком и неопикуемыми ошметками Змея.

Наконец голубой свет померк. Конан открыл глаза, смахивая с них песок, и уставился на открывшуюся ему картину. Там, где стоял Змей, образовалась огромная яма из дымящегося голубого стекла, окруженная почерневшим камнем и немногими обугленными ошметками гадины.

Отравил ли там зверюгу Акимос или нет, а пробудивший его от долгого сна своими чарами колдун уж точно отравил. Поглощение его, с чарами и всем прочим, оказалось для Змея слишком большим куском.

Скальный карниз был как раз достаточно широким, чтобы Конан смог присесть на корточки, пока ему снова станет легче дышать. А затем он начал пробираться обратно к тропе без особой спешки. Раз монстр мертв, то будет явной глупостью сломать шею, упав в оставшуюся после него яму!

Конан добрался до тропы примерно к тому времени, когда Арфос привел бойцов с головнями и факелами туда, где стоял на страже Талуф. Сперва они не могли говорить, только таращились на Конана, как на человека, восставшего из мертвых.

Молчание нарушил Арфос:

— Конан, во имя всех богов!..

— Он съел что-то слишком жесткое для него, — объяснил с деланным смехом Конан. — Нашего друга Скирона.

— А, — молвил наследник Лохри. — Я бы рассердился, если бы его чары все еще сковывали мою мать. Но, похоже, они сковывали ее, только пока был жив Акимос. Она пробудилась, сказала, что он умер, поинтересовалась, что я делаю с моими целительными средствами, а потом снова уснула.

— Слава богам за небольшие милости, — отозвался Конан.

— Нам понадобится больше чем небольшая милость, когда она пробудится и попытается править вновь, — с сомнением произнес Арфос.

— Нет, не понадобится, — возразил Конан. Он схватил юношу за плечи: — Тебе нужно всего-навсего сделать две вещи. Первая: попросить у Ливии ее руки. Вторая — быть таким, каким ты был сегодня ночью.

— Даже с матерью?

— Прежде всего с матерью!

У госпожи Дорис хватило любезности проспать почти до следующего вечера: столь многое было достигнуто, пока она спала. Однако прошло не много времени с момента ее пробуждения, прежде чем она вызвала к себе в покои Конана, Арфоса и госпожу Ливию. Сидя на постели, одетая в длиннополую рубашку, сшитую из туник убитых солдат, она по-прежнему сохраняла многое от своей прежней силы. Конан наблюдал как Арфос отказывается встречаться взглядом с матерью, когда та продолжала бессвязно говорить о том, что она слышала о нем, Ливии и Конане.

— Эти люди явно не думали, что я слушаю, так как гоготали как гуси, столь же вонючие, сколь и тупые. Итак, сын, я должна спросить у тебя следующее. Ты предполагаешь жениться на объедках киммерийца? — Похоже, что после пережитого у Дорис сохранился не только прежний

ум, но и решимость либо командовать своим сыном, либо сломать его.

Будь на поясе у Ливии кинжал, Конан бы отнял его у нее. Что бы ни учинила Ливия над госпожой Дорис, кроме убийства, старшая женщина вполне заслужила.

Мир восстановил Арфос, или по крайней мере предотвратил войну.

— Мать, — заявил он тем же командным голосом, какой он при Конане использовал в бою. — Я женюсь на госпоже Ливии из Дома Дамаос, если она захочет выйти за меня замуж. Это все, что я попрошу у нее.

— Ты не смеешь так со мной разговаривать, Арфос. Я должна дать согласие...

— Мама, — перебил Арфос. — Я совершеннолетний. И не нуждаюсь в твоём согласии. Я бы предпочел получить его. Но по закону мне нужно только согласие госпожи Ливии. — Он посмотрел на младшую из женщин.

— Госпожа Ливия, вы согласны выйти за меня замуж по законам Аргоса и богов?

Прошел миг, в течение которого Конан следил одним глазом за госпожой Дорис, которая стремительно приходила в истерическую ярость. А другим глазом он смотрел на Ливию. Он поклялся всеми известными и неизвестными богами, что если она откажет Арфосу, то он разложит ее поперек колен и крепко отшлепает.

Затем Ливия протянула руки и взяла обе руки Арфоса в свои. Выражение ее глаз сказала больше, чем речь, тянущаяся целый день. Конан убрал руку с эфеса меча.

Но госпожа Дорис еще не сдалась:

— Ее согласие должны засвидетельствовать граждане Аргоса. Я откажусь засвидетельствовать ее согласие. А Конан не гражданин. Следовательно...

— Я это помню. Но я помню и то, что если за обетами последовало осуществление брака, то никакие свидетели этим обетам не нужны. Такой брак невозможно аннулировать.

— Осущес... — начала было госпожа Дорис, а затем от ярости лишилась дара речи. Молчание оказалось благословенным, оно позволило всем прочим услышать стук в дверь.

— Госпожа?

— Заходи, Реза, — предложил Арфос. Вошел рослый иранистанец и робко глянул в глаза Конану. Он не спас

свою госпожу и, чтоб еще больше ухудшить дело, доверился человеку, чуть не ставшему убийцей жениха его госпожи.

— Реза, — обратился к нему Арфос. — В основном ты действовал отлично, но не совсем. Я прощу тебе то, что ты действовал не совсем как надо, если ты окажешь мне одну услугу.

— Сударь, я в вашем распоряжении.

— Превосходно. Не выпускай госпожу Дорис Лохри из этих покоев.

Чтобы добиться этого, потребовались усилия и Конана, и Резы, так же как одного из сонных зелий Арфоса. К тому времени когда Конан добрался до покоев Ливии, дверь была закрыта и заперта на замок. Однако кое-какие звуки изнутри все же доносились, ясно давая понять, как забавлялись находящиеся взаперти.

Конан поставил на стол принесенные им кувшин с вином и две чаши и спустился по лестнице. Он думал сам выпить вино, но не возникало никаких сомнений, что Арфосу восстановление сил понадобится больше, чем ему!

Глава 20

Стоило высунуть нос из «Пастушьего покоя», как падешь под заливавший Мессантию дождь. Стол Конана стоял перед дверью на улицу, и поэтому он быстро увидел, как вошел человек, в насквозь промокшем плаще Воителя. Когда вошедший прошел через помещение, за ним потянулся след из воды.

— Талуф!

— Капитан Конан! Я слышал, что ты ищешь меня, но никак не мог столкнуться с тобой. Хвала богам, у нас, Воителей, есть свои средства!

Служанка таверны сердито смотрела на Талуфа из-за капавшей на пол воды.

— Еще вина для меня и этого доблестного Воителя, — распорядился Конан. — А потом поднимаешься ко мне в комнату и спроси у находящейся там женщины шелковый кошель с красной лентой...

— С красной лентой?

— Да. — Конан шлепнул ее одной рукой по заднице, а другой дал ей монету. Она ушла, улыбаясь.

— Это новая личина? — спросил Конан, показывая на плащ и тунику Воителя, открывшуюся теперь, когда Талуф сбросил плащ.

— Нет, клянусь яйцами Эрлика. Я настоящий Воитель, да притом еще и гражданин Аргоса.

Это нельзя было назвать таким уж удивительным. Тех, кто сражался с Акимосом, Скироном и Драконами, наградили щедро, если и негласно. Дом Дамаос и Дом Лохри не поскупились, так же как и архонты (хотя большая часть их щедрости шла за счет наследников господина Акимоса).

— Надеюсь, это не мешает тебе принять серебро, которое я хранил для тебя с тех пор, как мы распустили отряд. Ты последний, кому я что-то должен.

— Нет, нет, — заверил своего прежнего капитана Талуф. — Мне понадобится отложить жалованье. Я положил глаз на дочку одного виноторговца...

— На нее саму или на бочки ее отца?

— Признаю, сложением она довольно похожа на одну из них, но она — одна из двенадцати детей и готовит так, что от ее стряпни не отказались бы и сами боги. Так что если ты снова будешь в этих краях, то, вероятно, застанешь меня толстым многодетным. Я достиг того возраста, когда в пользу этого воистину можно сказать многое.

— Только не мне. — возразил Конан. — Я хотел посмотреть Мессантию, но теперь, когда это сделано, я двинусь дальше.

Талуф помолчал, пока принесшая вино служанка не удалилась за пределы слышимости. А затем шепнул:

— Тогда лучше отправляйся побыстрее. У тебя хватает врагов, и если ты прольешь их кровь даже в порядке самообороны...

— Знаю, знаю. Законы Аргоса обрушатся на меня, как навоз с гигантского быка, и снова похоронят меня в Доме Харофа. Буду осторожен, Талуф. Клянусь в этом.

— Капитан, да в тебе нет ни капельки осторожности. А ты сам не думал поступить в Воители?

— Разве ты не знаешь? Все время, проведенное мной в Аргосе, я был капитаном этих парней.

Талуф с подозрением посмотрел на свою чашу с вином, а затем также на Конана:

— Воитель?

— Похоже, кое за что из сделанного нами мне пришлось бы отвечать перед законом, если б я не прикры-

вался званием Воителя. Поэтому записали, что я был капитаном Воителей, выполнявшим тайное задание. Но за то, что я вышел за рамки закона и своих полномочий, меня уволили и навеки запретили поступать в Воители.

Талуф плюнул было на пол, но затем вспомнил гневный взгляд служанки и вместо этого плюнул в пустую винную чашу и покачал головой:

— Ох уж мне эти законы Аргоса!

— Ты уверен, что хочешь провести остаток своей жизни под их властью, заставляя и других подчиняться? — спросил Конан.

— Лучше уж это, чем холодная постель и скудный паек кондотьера или короткая жизнь вора, — отозвался Талуф. — Но если ты хочешь снова податься в кондотьеры, я могу назвать тебе два десятка ребят, которые с радостью последуют за тобой.

Мысль эта вызывала искушение. Аргос и Аквилония по-прежнему не нуждались в кондотьерах, но Шем и Коф нанимали щедрой рукой. Они боялись, что Морантес II может попытаться укрепить свой шаткий трон внешней войной и они окажутся первыми на пути любого такого конфликта.

Но она была также бесплодной.

— Мне бы понадобилось больше серебра, чем у меня есть, а от спасенных нами больше не получишь. Но Ливия и Арфос усвоили, что для приведения в порядок Дома Лохри мало просто послать туда Резу с дубиной. Им понадобится все их серебро и еще столько же, сколько смогут выудить у архонтов.

Талуф, похоже, готов был недвусмысленно высказать все, что он думает о втюрившихся аргосийских магнатах, когда подошла женщина из номера Конана и подала ему шелковый кошель, завязанный красной лентой. Талуф осторожно взял его, улыбнулся его тяжести, а затем уставился на женщину:

— Шилка!

— Она самая, сержант... Талуф?

— Точно. Как ты оказалась в Мессантии?

— Вместе с сестрой, когда та поступила на службу к госпоже Ливии. Я подумала, что мне следует посмотреть город, прежде чем я отправлюсь домой, и нашла человека, придерживавшегося того же мнения.

— Ну, я не стану спорить ни с кем из вас, — сказал Талуф, поднимая чашу. — Но запомни вот что, капитан. В Аргосе слишком многие желают видеть тебя только со спины, когда ты окажешься на борту отплывающего корабля.

— Запомню, Талуф, — пообещал Конан, наливая из кувшина женщине. — А теперь давай выпьем за старых товарищей и перейдем к более приятным делам!

Три чаши поднялись.

— За старых товарищей! — сказали хором.

— И за новые приключения, — добавил Конан.

СОДЕРЖАНИЕ

НА ЗАПРЕТНОМ БЕРЕГУ (Пер. А. Коломейцева)..... 5

Пролог	7
Глава 1. Восстание	10
Глава 2. Зерити	25
Глава 3. Ночные кошмары	28
Глава 4. Военный совет	45
Глава 5. Отъезд	53
Глава 6. Гадание	64
Глава 7. В походе	67
Глава 8. Асгалун	78
Глава 9. Вверх по течению	86
Глава 10. Нападение	96
Глава 11. Пустыня	107
Глава 12. Джакала	114
Глава 13. Гнев Эрлика	119
Глава 14. Ночные ужасы	130
Глава 15. Из глубин	135
Глава 16. Вдоль белых костей	143
Глава 17. Лес отрубленных голов	151
Глава 18. Идол	157
Глава 19. Серебряный лотос	159
Глава 20. Церемония	166
Глава 21. Город забытых мертвых	170
Глава 22. Сны и явь	183
Глава 23. Возвращение	185
Глава 24. Свет в башне	196
Эпилог	202

ПУТЬ ВОИНА (Пер. В. Правосудова)..... 205

Пролог	207
Глава 1	214
Глава 2	228
Глава 3	241

Глава 4	252
Глава 5	259
Глава 6	272
Глава 7	287
Глава 8	297
Глава 9	306
Глава 10	321
Глава 11	330
Глава 12	338
Глава 13	345
Глава 14	355
Глава 15	365
Глава 16	373
Глава 17	386
Глава 18	396
Глава 19	411
Глава 20	424

Литературно-художественное издание

Леонард Карпентер

ПУТЬ ВОИНА

Перевод с английского

Руководитель проекта Геннадий Белов

Художественный редактор Илья Кучма

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Корректоры Ольга Карпеева,
Татьяна Виноградова, Галина Тимошенко,
Елена Байер

Верстка Веры Романенко

ЛР № 071177 от 05.06.95.

Подписано в печать с оригинал-макета 20.11.96.

Формат издания 84×108^{1/32}. Печать высокая.

Гарнитура Петербург. Тираж 40 000 экз. Усл. печ. л. 22,6.

Изд. № 189. Заказ № 185.

Издательство «Азбука».
196105, Санкт-Петербург, а/я 192.

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор» Комитета РФ по печати.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Издательство «Азбука»
представляет новый проект

САГА О БЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ

Мы рады предложить всем любителям героического фэнтези большой цикл произведений российских и зарубежных авторов, создавших неподражаемые образы могучих, бесстрашных Героев. Каждая книга этой новой серии – стремительный вихрь поединков, погонь, грандиозных сражений и кровавых схваток. Каждый роман – это боевая песнь непобедимых воителей, смысл жизни которых составляет непримиримая битва с порождениями Хаоса и Тьмы.

В каждом томе «Саги» всех истинных поклонников фэнтези ждет выпуск «Вестника Конан-Клуба». На его страницах будут опубликованы письма читателей, статьи о литературе «меча и колдовства» и, конечно же, повести и рассказы самых известных зарубежных фантастов.

В серии «Сага о Бессмертных Героях» вышли:

Лин Картер. «Сказание о Тонгоре»

Том 1. «Черный ястреб»

Том 2. «Царство Теней»

Майкл Резник. «Торир Рыжебородый»

Александр Мазин. «Фаргал. Трон императора»

Карл Эдвард Вагнер. «Кейн. Ветер ночи»

Джон Джейкс. Том 1. «Брэк. Знак демона»

Том 2. «Брэк. Сокровища колдуна»

Готовятся к выходу:

Карл Эдвард Вагнер. «Кейн». Том 2.

Лот № 407. Цена каждой книги с учетом почтовых расходов 18 900 р.

Если вы хотите заказать эти книги, вам необходимо заполнить почтовую открытку, указав в ней номер лота, название книги, имя автора, количество необходимых вам экземпляров, и послать ее по адресу: 109033, г. Москва, а/я 66, «Книжная лавка».

Не забудьте указать свой обратный адрес. Предварительной оплаты не требуется. Книги будут высланы наложенным платежом сразу после получения вашего заказа.

Желающие заказать всю серию должны написать в конце открытки:

«Плюс все книги серии».

**СЕМЬ ДОРОГ В МИР FANTASY
ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ**

«РУССКОЕ FANTASY»

«ЗВЁЗДНЫЕ ВОЙНЫ»

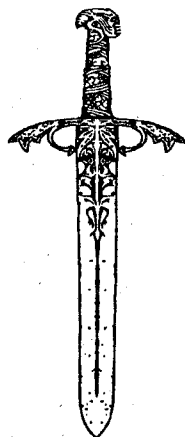
«КОНАН. САГА О ВЕЛИКОМ ВОИТЕЛЕ»

**«КОНАН. САГА О ВЛАГОРОДНОМ
БАРБАРЕ»**

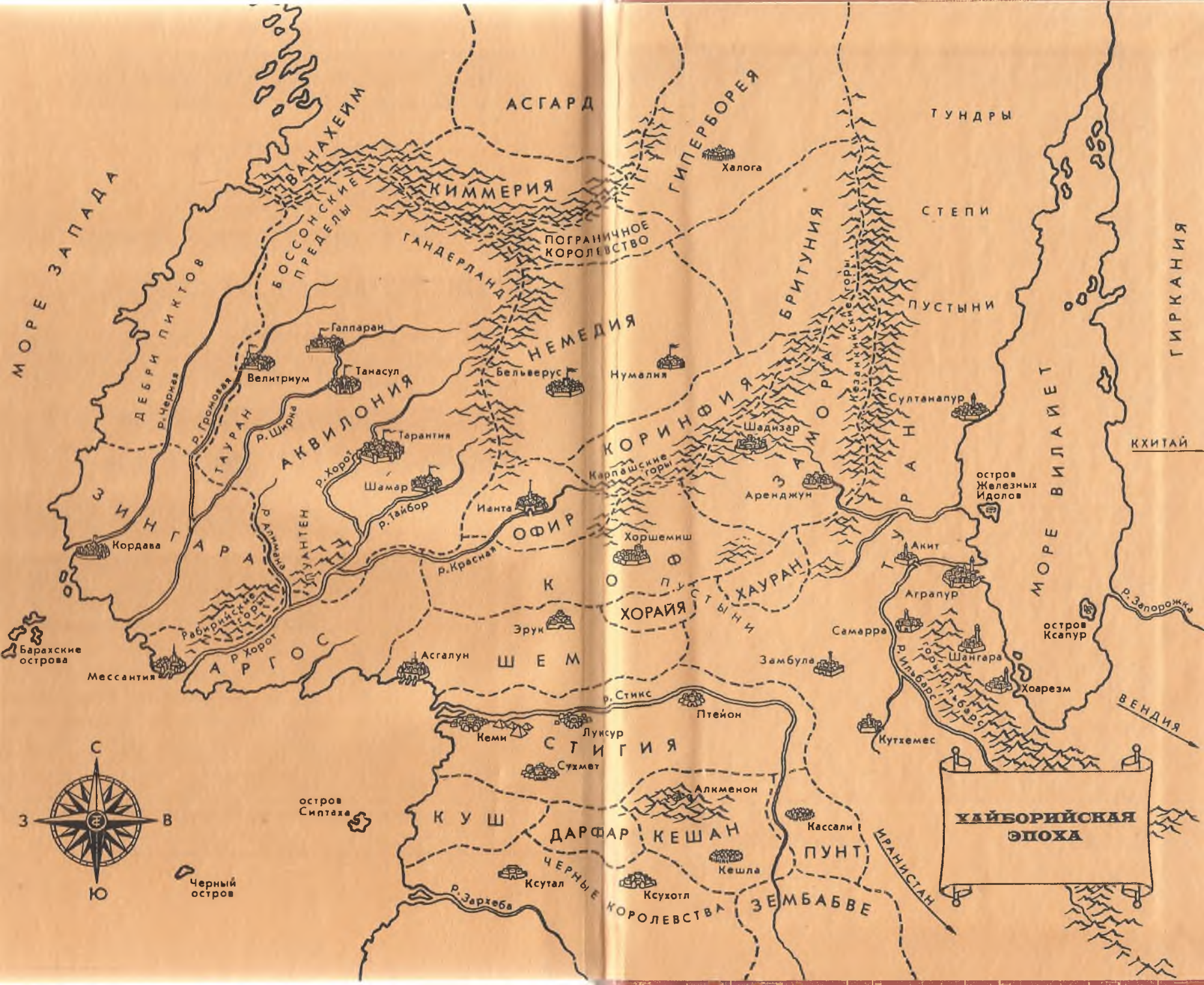
«САГА О КОПЬЕ»

«САГА О НЕВЕДОМЫХ ЗЕМЛЯХ»

«САГА О ВЕССМЕРТНЫХ ГЕРОЯХ»

**Телефоны для оптовых покупателей:
в Москве (095) 273-35-24, в С.-Петербурге (812) 239-63-11**

Книгой Леонарда Карпентера
«Путь война» мы завершаем двенадцатитомную
«Сагу о Великом Воителе».
Двенадцать встреч со знаменитым
варваром-северянином по имени

КОНАН

остались позади.

Но история его жизни,
полной подвигов, на этом не кончается.

Будь готов к приключениям!

ЧИТАЙ

«Сагу о Благородном Варваре».

